РАЗСКАЗЫ

ИЗЪ

РУССКОЙ ИСТОРІИ.

СОЧИНЕНІЕ

ИВАНА БѢЛЯЕВА.

КНИГА ТРЕТІЯ.

МОСКВА.

Въ Сѵнодальной Типографіи.

1867 года.

РАСКАЗЫ.

РАЗСКАЗЫ

ИЗЪ

РУССКОЙ ИСТОРІИ.

СОЧИНЕНІЕ

ИВАНА БѢЛЯЕВА.

КНИГА ТРЕТІЯ.

МОСКВА.

Въ Сѵнодальной Типографіи.

1867 года.

ИСТОРІЯ

ГОРОДА ПСКОВА

И

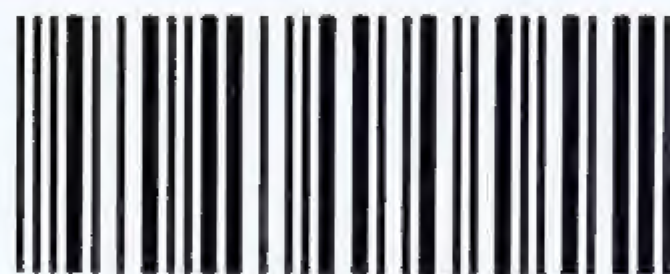
ПСКОВСКОЙ ЗЕМЛИ

МОСКВА.

Въ Сѵнодальной Типографіи на Никольской улицѣ.

1867 года.

2007042949

РАЗСКАЗЪ ПЕРВЫЙ.

Страна.

Историческое значеніе Псковской земли.

Псковъ родина великой княгини Ольги, супруги Рюрикова сына Игоря, былъ однимъ изъ древнѣйшихъ пригородовъ Новгорода великаго. Страна, гдѣ построенъ Псковъ, лежала на межѣ Новгородскихъ владѣній съ землями Чуди, и Летголы. Когда собственно былъ построенъ Псковъ, на это мы не имѣемъ свидѣтельствъ; но что онъ былъ уже при первыхъ Варяго-Русскихъ князьяхъ, на это прямо указываетъ нашъ древнѣйшій лѣтописецъ Несторъ; онъ, говоря о бракѣ Игоря Рюриковича, пишетъ: „и приведоша ему жену отъ Плескова, именемъ Ольгу." И конечно не при Рюрикѣ же былъ построенъ Псковъ, иначе бы лѣтописецъ упомянулъ о его построеніи; да и нельзя предположить, чтобы Новгородцы окраину своихъ владѣній, сосѣднюю съ землями немирныхъ Чуди и Летголы, оставили безъ надежнаго укрѣпленія; такой оплошности опытные въ колонизаціи Новгородцы нелюбили дѣлать, и никогда не оставляли своихъ колоній безъ опорнаго пункта, подъ защиту котораго колонисты могли бы укрываться въ случаѣ нужды. По всему вѣроятію первоначальное построеніе Пскова должно отнести къ тому доисторическому времени, когда Новгородцы подчинили себѣ племя Нарову и стали выдвигать свои колоніи въ земли Чуди и Летголы. Построеніе укрѣпленнаго города, и построеніе

Глава IX.

О порядкѣ постановленія и объявленія приговоровъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Постановленіе вопросовъ при рѣшеніи дѣлъ.

750. По окончаніи судебнаго слѣдствія и заключительныхъ преній, судъ приступаетъ къ постановленію вопросовъ, подлежащихъ разрѣшенію.

751. Основаніемъ вопросовъ по существу дѣла должны служить не только выводы обвинительнаго акта, но также судебное слѣдствіе и заключительныя пренія, въ чемъ они развиваютъ, дополняютъ или измѣняютъ тѣ выводы.

752. О преступномъ дѣяніи, не предусмотрѣнномъ въ обвинительномъ актѣ, но обнаруженномъ при судебномъ слѣдствіи, вопросы не предлагаются, если оно по закону подвергаетъ наказанію болѣе строгому, чѣмъ дѣяніе въ томъ актѣ опредѣленное.

753. Въ случаѣ, указанномъ въ предшедшей статьѣ, дѣло обращается вновь къ предварительному слѣдствію, если это окажется нужнымъ, и къ составленію обвинительнаго акта по всѣмъ преступнымъ дѣйствіямъ подсудимаго.

754. Вопросы о томъ: совершилось-ли событіе преступленія, было-ли оно дѣяніемъ подсудимаго и должно-ли оно быть вмѣнено ему въ вину, соединяются въ одинъ совокупный вопросъ о виновности подсудимаго, когда ни кѣмъ не возбуждено сомнѣнія ни въ томъ, что событіе преступленія, дѣйствительно совершилось, ни въ томъ, что оно должно быть вмѣнено подсудимому въ вину, если признано будетъ его дѣяніемъ. Въ случаѣ какого-либо сомнѣнія по

которому либо изъ сихъ вопросовъ, они должны быть постановлены отдѣльно.

755. За главнымъ вопросомъ: виновенъ-ли подсудимый въ томъ преступномъ дѣяніи, которое составляетъ предметъ обвиненія, постановляются частные вопросы о такихъ обстоятельствахъ, которыя особо увеличиваютъ или уменьшаютъ степень виновности. Объ обстоятельствахъ, имѣющихъ вліяніе на опредѣленіе лишь мѣры наказанія, въ предѣлахъ одной и той же степени, вопросы не предлагаются.

756. Не слѣдуетъ ни въ какомъ случаѣ соединять такіе вопросы, изъ коихъ одинъ можетъ быть разрѣшенъ утвердительно, а другой отрицательно.

757. Если событіе преступленія не вполнѣ совершилось, то постановляется вопросъ о степени приведенія злаго умысла въ дѣйствіе.

758. Если въ преступленіи или проступкѣ участвовало нѣсколько лицъ, то о степени участія каждаго изъ нихъ постановляется отдѣльный вопросъ.

759. О подсудимомъ, имѣвшемъ во время совершенія преступленія менѣе семнадцати лѣтъ, во всякомъ случаѣ постановляется вопросъ: дѣйствовалъ ли онъ съ полнымъ разумѣніемъ.

760. Въ дѣлахъ, рѣшаемыхъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, предлагаемые имъ вопросы, составляются въ общеупотребительныхъ выраженіяхъ, по существеннымъ признакамъ преступленія и виновности подсудимаго, а не въ видѣ принятыхъ въ законѣ опредѣленій.

761. Вопросы о наказаніи подсудимаго и другихъ законныхъ послѣдствіяхъ преступленія постановляются: по дѣламъ, неподлежащимъ суду присяжныхъ засѣдателей, вмѣстѣ съ вопросами о виновности подсудимаго, а по дѣламъ, подлежащимъ ихъ суду, послѣ разрѣшенія ими вопросовъ о виновности и по выслушаніи объясненій сторонъ въ отношеніи къ

первою крѣпостію построенною Новгородцами въ землѣ племени Наровы; въ XIII столѣтіи онъ былъ уже обнесенъ толстою плитяною стѣною, построенною знаменитымъ Псковскимъ княземъ Довмонтомъ. Въ Дѣтинцѣ находилась главная соборная во Псковѣ церковь св. Троицы, имѣвшая для Псковичей тоже значеніе народной святыни, какое для Новгорода имѣла церковь св. Софіи; но по историческимъ обстоятельствамъ Пскова церковь св. Троицы носила на себѣ нѣсколько иный характеръ чѣмъ Новгородская церковь св. Софіи, въ ней главное управленіе было нестолько въ вѣдѣніи духовенства, сколько въ рукахъ мірскихъ людей,-старостъ выбираемыхъ городомъ и состоявшихъ въ зависимости отъ народнаго вѣча. При церкви св. Троицы имѣлась особая палата или притворъ съ городскимъ ларемъ, въ который вносились на храненіе какъ государственные законы, такъ всѣ частные договоры, сдѣлки и крѣпости, для записки которыхъ велись въ Троицкой палатѣ особыя книги, состоявшія въ вѣдѣніи мірскихъ людей ларечныхъ старостъ, избираемыхъ на это вѣчемъ. Печать святые Троицы была собственно государственною печатью и замѣняла собою въ случаѣ нужды княжую печать, какъ это прямо свидѣтельствуетъ судная Псковская грамота, въ которой сказано: „а не запечатаетъ князь, ино у святѣй Троицы запечатать, въ томъ измѣны нѣтъ.“

За Дѣтинцемъ между, Псковой и Великой, слѣдовалъ Кромъ, главный городъ, гдѣ хранились всѣ хлѣбные и другіе общественные запасы и казна, гдѣ собиралось народное вѣче, гдѣ жилъ Псковскій князь или его намѣстникъ, и гдѣ была главная торговая площадь съ

торговыми дворами и лавками. Вѣче собиралось собственно подъ стѣною дѣтинца, у подножія Довмонтовой башни, близь церкви св. Троицы, гдѣ висѣлъ вѣчевый колоколъ и гдѣ устроены были особыя степени для засѣданій вѣча; по крайней мѣрѣ по свидѣтельству лѣтописей здѣсь было обычное мѣсто вѣча съ конца XIII вѣка. Кромъ или Кремъ вскорѣ послѣ Дѣтинца также былъ обведенъ каменною или плитяною стѣною, отъ рѣки Псковы до рѣки Великой.

За Кромомъ слѣдовалъ собственно городъ, гдѣ находились болѣе древніе концы и улицы. Этотъ городъ въ 1309 году былъ укрѣпленъ плитяною стѣною отъ церкви св. апостолъ Петра и Павла до рѣки Великой, построенною посадникомъ Борисомъ. За рѣкою Великою, противъ Дѣтинца и Крома, лежалъ посадъ Завеличье, гдѣ стоялъ нѣмецкій торговый дворъ, и и гдѣ производилась главная торговля съ западными иноземцами. Завеличье въ Псковѣ до нѣкоторой степени напоминало Варяжскую или Варьскую улицу въ Новгородѣ, гдѣ по берегу Волхова лежали иноземныя пристани. Противъ Крома и Города, на лѣвомъ берегу Псковы, лежалъ посадъ Запсковье; а на востокъ и югъ по рѣкѣ Псковѣ, на правомъ берегу, вплоть до рѣки Великой, посадъ Полонище.

Такимъ образомъ изъ шести частей Пскова четыре: Дѣтинецъ, Кромъ, Городъ и Полонище лежали въ углу, образуемомъ рѣками Псковой и Великой, въ мѣстѣ самою природою защищаемомъ означенными рѣками отъ нападенія враговъ съ запада и юга, откуда преимущественно и должно было ждать нападеній; остальныя же двѣ части находились въ зарѣчьи,—на лѣвомъ берегу Великой Завеличье и на лѣвомъ берегу Псковы

Запсковье. Сіи двѣ части Пскова долгое время оставались безъ укрѣпленій, и обыкновенно при нападеніи непріятелей, въ случаѣ нужды, сожигались самими Псковичами. Но за то Кромъ, Дѣтинецъ и Городъ, какъ боевые пункты удобные для защиты, постоянно укрѣплялись каменными стѣнами, которыя время отъ времени подновлялись и увеличивались. Такъ мы уже видѣли, что вокругъ Дѣтинца была устроена толстая плитяная стѣна, построянная еще княземъ Довмонтомъ; потомъ вскорѣ были укрѣплены такими же стѣнами Кромъ и Городъ. Далѣе въ 1373 году Псковичи поставили четвертую плитяную стѣну отъ Псковы до Великой, которая служила общею оборонoю для Дѣтинца, Крома и Города. Эта стѣна была проведена не подалеку отъ старой стѣны. Въ 1394 году выстроена новая стѣна около Крома; въ 1399 году Псковичи выстроили новую стѣну къ старой стѣнѣ, на приступѣ отъ рѣки Великой до Псковы, и по этой стѣнѣ поставили три костра или башни; въ 1401 году заложили новую стѣну къ старой стѣнѣ, каменную подлѣ рѣки Великой; въ 1404 году такая же стѣна была выведена по берегу Псковы, подлѣ старой стѣны, толще и выше. Въ 1452 году была построена новая стѣна на городѣ на Крому отъ великихъ воротъ возлѣ входа до малыхъ воротъ; и въ той же стѣнѣ улажено пять погребовъ, или подземныхъ ходовъ; въ 1458 году ту же стѣну наддѣлали выше. Въ 1465 году посажане Запсковья сами на свой щетъ заложили деревянную стѣну около всего Запсковья, отъ рѣки Великой до Псковы. Эта постоянная забота объ укрѣпленіяхъ и самый выборъ мѣстности для построенія города лучше и нагляднѣе всего указываютъ на

боевое значеніе Пскова, какъ передоваго поста на украйнѣ сосѣдней съ немирными племенами, и рѣзко отличаетъ характеръ Пскова отъ Новгорода Великаго, который сравнительно со Псковомъ почти незаботился о своихъ городскихъ укрѣпленіяхъ и по своему положенію долгое время не нуждался въ нихъ.

Псковъ, раздѣленный на шесть частей, представлявшихъ какъ бы отдѣльные города, выстроенные въ разное время, и какъ слои указывающіе на постепенное распространеніе и усиленіе цѣлаго города, въ то же время дѣлился подобно Новгороду, въ административномъ отношеніи, на концы и улицы. По лѣтописямъ въ 1454 году во Псковѣ считалось шесть концовъ, носившихъ слѣдующія названія: Богоявленскій конецъ въ Запсковьи, Опоцкій конецъ въ Полонищѣ, Торговскій и Боловинскій концы въ Крому, Городецкій конецъ, вѣроятно, въ городѣ, и шестый конецъ Острыя Лавицы. Концы въ Псковѣ, также какъ и въ Новгородѣ, составляли свои отдѣльныя общины, изъ союза которыхъ состоялъ Псковъ; они имѣли свое управленіе, своихъ выборныхъ старостъ; жители ихъ состояли изъ бояръ, купцовъ и черныхъ людей, которые всѣ, подобно Новгородцамъ, принимали дѣятельное участіе въ дѣлахъ всей Псковской земли. Отъ имени концовъ и всего Пскова заключались договоры съ сосѣдними государями, и отъ концовъ посылались бояре на съѣзды: такъ въ 1471 году для переговоровъ съ королемъ Литовскимъ на съѣздъ на Березничи были отправлены четыре посадника и бояре отъ всѣхъ концовъ; или въ 1473 году для переговоровъ съ магистромъ Ливонскимъ Псковъ отправилъ трехъ старыхъ посадниковъ и бояръ отъ кон-

Концы.

цовъ. Но значеніе концовъ во Псковѣ было не совсемъ одинаково съ ихъ значеніемъ въ Новгородѣ; ибо у Псковичей между концами были раздѣлены всѣ Псковскія владѣнія, такъ что каждому концу причислялись тѣ или другіе пригороды Псковской земли, чего въ Новгородѣ вовсе не было. Въ Псковской лѣтописи подъ 1468 годомъ прямо сказано: тою же весною Псковъ подѣлилъ по два пригорода на всѣ концы; къ каждому концу къ старымъ пригородамъ новые жеребьемъ дѣлили, а бралъ жеребьи князь Василій, князя Ѳедора Юрьевича сынъ съ престола". Псковскіе концы во время военныхъ походовъ отряжали отъ себя особыхъ воеводъ, которые предводительствовали какъ кончанскою ратью, такъ и ратью тѣхъ пригородовъ, которые подчинены концу; такъ подъ 1478 годомъ при походѣ Псковичей на Новгородъ, „въ помощь великому князю Московскому, сказано: въ Псковской же рати были отряжены воеводы, семь посадниковъ и иніи сынове посадничьи, и бояре и дѣти боярскіе многіе у Псковской рати воеводами изъ концовъ отряжены." Концы какъ самостоятельныя общины, управлявшіе не только улицами во Псковѣ, которыя имъ принадлежали, но и опредѣленными пригородами въ Псковской землѣ, имѣли каждый свое особенное хозяйство и сборную казну, на которую каждый конецъ, по мѣрѣ надобности, воздвигалъ общественныя зданія, и изъ которыхъ дѣлалъ другія затраты по своимъ общественнымъ нуждамъ. Такъ въ 1466 году, по случаю мора во Псковѣ, каждый конецъ построилъ по скудельницѣ для погребенія своихъ умершихъ; или въ 1471 году для построенія новой стѣны на Полонищѣ всѣ концы дѣлали расклад-

ку или разрубы отдѣльно, каждый конецъ на свою долю стѣны. Каждый конецъ даже имѣлъ свои склады оружія на защиту города, свои пушки и свои погреба съ порохомъ; такъ подъ 1507 годомъ читаемъ въ лѣтописи: „что во время пожара въ Запсковьи зелій пушечныхъ (пороха) сгорѣла бочка, занеже ту зелія всего конца стояли.“

Торговище.

Торговище, или торговые ряды, устроенные въ Крому, и со всею торговою площадью составляли особый конецъ, носившій названіе торговскаго и представлявшій отдѣльное вѣдомство, которое управлялось самостоятельно и независимо и имѣло своихъ купеческихъ старостъ, по каждому ряду своихъ. Такъ по крайней мѣрѣ можно заключить изъ лѣтописнаго извѣстія подъ 1510 годомъ, въ которомъ сказано, что Псковичи послали къ великому князю Василію Ивановичу въ Новгородъ девять посадниковъ и купеческихъ старостъ отъ всѣхъ рядовъ.

Улицы.

Кромѣ концовъ Псковъ еще дѣлился на улицы; сколько было улицъ во Псковѣ и какія изъ нихъ были главныя по лѣтописямъ и по другимъ памятникамъ опредѣлить въ настоящее время мы не можемъ. Но то несомнѣнно, что въ Псковѣ улицы составляли особыя общины съ своимъ мѣстнымъ управленіемъ и старостами, точно такимъ же порядкомъ, какъ это было въ Новгородѣ; члены улицъ, т. е. домо-хозяева у Псковичей назывались сусѣдами, и имѣли общія дѣла цѣлой улицы; такъ въ лѣтописи подъ 1433 годомъ сказано: Петровскіе сусѣди, т. е. уличане Петровской улицы, разбили старый костеръ (башню) и выстроили изъ камня церковь Бориса и Глѣба: или въ 1486 году Запсковскіе сусѣди Богоявленскій конецъ

строили одну треть стѣны, а Козьмодемьянскіе сусѣди двѣ трети стѣны. Какъ въ Новгородѣ каждая улица имѣла свою общину, или мѣсто для управы и суда между уличанами, гдѣ хранилась и общественная казна улицы и разныя книги и списки уличанамъ; такъ точно и во Псковѣ каждая улица имѣла свое мѣсто суда и управы, гдѣ засѣдали при разсужденіи объ общественныхъ дѣлахъ уличане съ своимъ старостою. Эти мѣста уличанской управы во Псковѣ кажется назывались лавицами, какъ и всякое мѣсто управленія и суда, о чемъ намекаетъ слѣдующее извѣстіе Псковской лѣтописи, помѣщенное подъ 1504 г.: „а легла та грамота митрополича предъ посадники Псковскими и священники у лавицы.“ По лѣтописямъ упоминаются слѣдующія лавицы: въ Запсковьи Жабья лавица и Жирковская лавица; въ Боловинскомъ концѣ Боловинская лавица, Боркова лавица; Куклина лавица въ Опоцкомъ концѣ Ропатая лавица; въ Острые лавицы концѣ Острая лавица. Впрочемъ относительно значенія лавицъ во Псковѣ нельзя сказать съ полною достовѣрностію; ибо по нѣкоторымъ указаніямъ лѣтописей можно думать, что лавицами назывались особыя улицы: такъ подъ 1493 годомъ читаемъ въ лѣтописи: „того же лѣта церковь каменну свершиша святаго Георгія на болотѣ, въ Острой лавицы. Вообще значеніе лавицы во Псковѣ по извѣстнымъ въ настоящее время памятникамъ довольно неясно и неопредѣленно.

Ловицы.

За городомъ Псковомъ слѣдовала Псковская земля или земля святыя Троицы, т. е. владѣнія Пскова, находившіяся въ полной власти Псковскаго вѣча и преимущественно населенныя Псковичами. Псковская зем-

Псковская земля.

ля прямо отъ Пскова по теченію рѣчи Великой шла на сѣверъ по восточному берегу Псковскаго и Чудскаго озеръ, можетъ быть, до впаденія рѣки Плюсы въ Нарову. На востокъ Псковская земля граничила съ Новгородскою землею, и рубежъ ея лежалъ по теченію рѣкъ Плюсы и Лютой на Дубровну и съ Дубровны нѣсколько къ западу на рѣку Череху, постепенно склоняясь къ рѣкѣ Великой, захватывая восточные притоки этой рѣки и оканчиваясь у Опочки, крайняго южнаго пригорода Псковской земли. Съ Опочки рубежъ Псковской земли поворачивалъ на западъ и сходился у Вышъгородка съ Полотскою и Литовскою землею, и далѣе шелъ по восточной границѣ Ливонскихъ владѣній до западнаго берега Псковскаго озера, южная половина котораго принадлежала Псковичамъ, а сѣверная Ливонцамъ. Эта западная граница была въ постоянномъ спорѣ у Псковичей сперва съ Летголою и Чудью, а потомъ съ Ливонскими Нѣмцами, а по сему то выдвигалась далѣе на западъ, то отодвигалась назадъ къ востоку, смотря по тому усиливались ли, или ослабѣвали въ этомъ краю Псковичи.

Самое густое населеніе Псковской земли шло по теченію рѣки Великой почти отъ верховьевъ ея до устья. На этой рѣкѣ, кромѣ самаго Пскова, стояли лучшіе Псковскіе пригороды: Опочка, Вороначь и Островъ. Все это пространство вполнѣ принадлежало Пскову, заселено было Псковичами и тянуло своими интересами и всею своею жизнію ко Пскову; здѣсь Псковское вѣче было полнымъ и постояннымъ хозяиномъ, или, иначе сказать, все это пространство сосоставляло одно неразрывное цѣлое со Псковомъ, и въ разное время было застроено Псковскими пригоро-

дами, которые преимущественно были расположены по рѣкѣ Великой, и именно по лѣвому или западному ея берегу, какъ болѣе нуждавшемуся въ укрѣпленіяхъ. По рѣкѣ Великой стояли восемь Псковскихъ пригородовъ; изъ нихъ самый южный, почти въ верховьяхъ Великой, былъ Опочка въ 120 верстахъ отъ Пскова; за Опочкою, внизъ по рѣкѣ Великой, Вороначь; за Вороначемъ на сѣверъ слѣдовалъ Дубокъ; далѣе за Дубкомъ на поворотѣ рѣки Великой къ западу Островъ, упоминаемый въ лѣтописяхъ еще въ XIV столѣтіи и выдержавшій нѣсколько осадъ отъ Нѣмцевъ и Литовцевъ; на сѣверъ за Островомъ на рѣкѣ же Великой стоялъ городъ Котельно, и наконецъ за Псковомъ на сѣверъ почти при впаденіи рѣки Великой въ Псковское озеро былъ построенъ Псковичами пригородъ Володимерецъ. Въ этомъ же краю неподалеку отъ рѣки Великой на ея притокахъ были построены города: Вревъ около Воронача, и Кошкинъ городокъ въ углу, образуемомъ рѣками Великою и Черехою. По южной границѣ, ближе къ Литовско-Полотскому рубежу, стояли Псковскіе пригороды: Вышгородокъ на рѣкѣ Ладѣ впадающей въ рѣку Великую съ лѣвой стороны; Коложе, кажется на рѣкѣ Лжѣ, тоже притокѣ Великой; Красный городокъ во 100 верстахъ отъ Пскова, на рѣкѣ Синей, тоже впадающей въ рѣку Великую съ лѣвой стороны; Заволочье при верховьяхъ рѣки Великой въ 200 верстахъ отъ Пскова, и Ржевъ неподалеку отъ Себежскаго озера. На западной границѣ по рубежу съ Ливонскими Нѣмцами Летголою и Чудью древнѣйшимъ пригородомъ Пскова былъ Изборскъ, упоминаемый еще въ IX столѣтіи при приглашеніи Рюрика въ Новгородъ; онъ лежалъ на юго-

западѣ въ 30 верстахъ отъ Пскова на Славянскихъ ключахъ, и считался главнымъ оплотомъ Псковской земли въ этомъ краѣ, былъ укрѣпленъ плитяною стѣною и большею частію удачно выдерживалъ многочисленныя осады Нѣмцевъ. За Изборскомъ въ этомъ краю слѣдовалъ пригородъ Велья, нѣсколько на сѣверъ отъ Изборска; этотъ пригородъ въ первый разъ упоминается въ XIV столѣтіи; онъ также считался передовымъ бойцомъ Псковской земли противъ Ливонскихъ Нѣмцевъ, и будучи хорошо укрѣпленъ удачно выдерживалъ непріятельскія осады. Далѣе, на западномъ берегу Псковскаго озера на самыхъ границахъ съ Ливонцами, на урочищѣ Желачко, долго бывшемъ въ спорѣ между Ливонскими Нѣмцами и Псковичами, Псковичи въ 1462 году выстроили Новый Городецъ; въ этомъ же краю неподалеку отъ Псковскаго озера на лѣво отъ устья рѣки Великой, стоялъ ближайшій къ Пскову пригородъ Лагозовици, весьма важный для защиты рыболовства на Псковскомъ озерѣ, и посему часто подвергавшійся нападенію Ливонскихъ Нѣмцевъ. На самомъ сѣверѣ Псковской земли у восточныхъ береговъ Чудскаго озера, вѣроятно для обороны отъ Чуди и Нѣмцевъ со стороны Наровы рѣки, стояли два Псковскихъ пригорода: Гдовъ, самый дальній на сѣверъ въ 120 верстахъ отъ Пскова, и ближе къ Пскову въ той же сторонѣ Озолица; и наконецъ тамъ же на рубежѣ съ Новгородскими владѣніями Кобылей. Впрочемъ не было времени, когда бы всѣ Псковскіе пригороды были на лице въ полномъ составѣ, а напротивъ пограничные города подвергаясь частымъ нападеніямъ непріятелей, то разорялись и приходили въ запустѣніе, и на ихъ мѣсто устроивались новые

города, то опять возобновлялись старые; такъ что никогда Псковъ не имѣлъ болѣе двѣнадцати пригородовъ въ одно время; а при паденіи Пскова было только одиннадцать пригородовъ и одно городище.

Значеніе пригородовъ.

Во Псковѣ пригороды далеко не имѣли того значенія, какимъ они пользовались въ Новгородѣ. Псковъ смотрѣлъ на нихъ не какъ на младшіе Псковы, и по этому держалъ ихъ въ полной зависимости отъ Псковскаго вѣча; и хотя они по устройству своему уподоблялись Пскову, но далеко не пользовались тою самостоятельностію, какою пользовались пригороды Новгородскіе. Псковъ по преимуществу придерживавшійся демократическихъ началъ и заботившійся не допускать, чтобы кто усилился передъ Псковскимъ вѣчемъ въ Псковской землѣ, зорко смотрѣлъ за своими пригородами и строго преслѣдовалъ тѣхъ, которые бы рѣшились что-либо сдѣлать самовольно. А посему пригороды въ Псковской землѣ большею частію имѣли только значеніе крѣпостей, какъ на это довольно ясно указываетъ самое размѣщеніе Псковскихъ пригородовъ преимущественно по западной и южной границамъ, бывшимъ во все продолженіе Псковской исторіи не безопасными отъ непріятельскихъ нападеній. Кромѣ того пригородамъ во Псковѣ принадлежало значеніе административныхъ центровъ для управленія приписанными къ нимъ волостями; но это значеніе было второстепенное и не необходимое, ибо во Псковѣ волости могли управляться и на дѣлѣ управлялись нерѣдко сами собою, и прямо относились къ Псковскому вѣчу или посадникамъ безъ посредства пригородовъ, какъ это указываютъ многочисленныя волости на востокъ отъ рѣки Великой, гдѣ почти не было

пригородовъ, какъ въ краю сосѣднемъ съ Новгородскою землею и слѣдовательно безопасномъ отъ непріятельскихъ нашествій.

Самое управленіе въ пригородахъ всегда было подчинено строгому контролю Псковскаго вѣча, которое даже судебные приговоры въ пригородахъ нерѣдко подвергало новому пересмотру и рѣшенію. Пригороды во всѣхъ сколько нибудь значительныхъ дѣлахъ суда и управы должны были просить разрѣшенія во Псковѣ, въ противномъ случаѣ подвергались гнѣву Псковскаго вѣча и тяжелому штрафу; такъ въ 1477 году Псковъ опалился (разгнѣвался) и продалъ Опочанъ (наложилъ штрафъ на Опочку) и взялъ сто рублей за то, что они повѣсили коневаго татя, а безъ Псковскаго повелѣнія. Нѣтъ ни одного указанія въ лѣтописяхъ, изъ котораго бы-можно заключить, что представители пригородовъ приглашались на Псковское вѣче для общихъ разсужденій, какъ это иногда бывало въ Новгородѣ; напротивъ того, всѣ лѣтописныя извѣстія указываютъ на одно,—что пригороды были только безпрекословными исполнителями приговоровъ Псковскаго вѣча. Такъ во время войны пригороды выставляли своихъ воинскихъ людей по участкамъ, которые опредѣлялись Псковскимъ вѣчемъ,—по скольку человѣкъ ратныхъ людей нарядить съ пригорода, и таковые ратные люди назывались рубленые ратные люди, т. е. наряженные по разрубу, по раскладкѣ сдѣланной Псковскимъ вѣчемъ. Напримѣръ подъ 1463 годомъ лѣтопись говоритъ: „и совокупишася Псковичи съ пригорожаны пошли къ Нѣмецкому городку; а иная Псковская сила, нерубленые люди, охочій человѣкъ, въ то же время ходили за Изборскъ вое-

вать Нѣмецкую волость." Или въ 1480 году при нападеніи Нѣмцевъ на Псковъ, пригороды по Псковскому повелѣнію явились съ своими ратьми по раскладкѣ и стояли на бродахъ по рѣкѣ Великой, не пропуская Нѣмцевъ чрезъ рѣку. Или въ 1498 году по Псковскому повелѣнію пригороды съѣхались со всею ратною приправою на рѣку Плюсу къ Иванъ-городу на съѣздъ съ Нѣмцами за тѣмъ только, чтобы удобнѣе вести переговоры о мирѣ. Въ лѣтописяхъ нѣтъ ни одного извѣстія, чтобы какой либо пригородъ ослушался Псковскаго повѣленья или началъ отговариваться и уклоняться отъ исполненія приказа Псковскаго вѣча.

Пригороды, по распоряженію Псковскаго вѣча, должны были принимать не только посадниковъ присылаемыхъ изъ Пскова, но и княжихъ намѣстниковъ, воеводъ и другихъ начальниковъ; и въ этомъ отношеніи пригороды раздѣлялись на два разряда: въ одни посылались княжіе намѣстники, а въ другіе не посылались. Кромѣ того, какъ мы уже частію видѣли, пригороды дѣлились по жребію между концами Пскова, такъ что каждому концу подчинялся тотъ или другой пригородъ. Этотъ раздѣлъ по жеребью прямо показываетъ, что распредѣленіе пригородовъ по концамъ было чисто административное, а не бытовое или жизненное; самъ по себѣ пригородъ не имѣлъ никакой связи съ концомъ; онъ не былъ колоніею конца, а приписывался къ концу только по опредѣленію общаго Псковскаго вѣча, которое руководилось не интересами пригородовъ, а чисто административнымъ соображеніемъ крѣпче связать каждый пригородъ двойнымъ подчиненіемъ и вѣчу конца, и общему вѣчу цѣлаго Пскова.

Псковскіе пригороды вовсе не были младшими братьями или дѣтьми Пскова, и устроивались не столько съ цѣлію мирной колонизаціи края, сколько изъ видовъ обороны Псковской земли отъ нападенія немирныхъ сосѣдей. Это лучше всего свидѣтельствуется самымъ построеніемъ пригородовъ: пригороды во Псковѣ обыкновенно строились или самимъ Псковомъ, по военнымъ соображеніямъ, преимущественно въ замѣнъ стараго какого либо пригорода, уничтоженнаго непріятелемъ, или самими жителями того края, гдѣ строился пригородъ, по ихъ просьбѣ и на ихъ счетъ, только съ разрѣшенія Псковскаго вѣча, и также съ цѣлію обороны отъ враговъ, какъ опорный пунктъ, куда бы жители могли укрываться при непріятельскомъ нашествіи. Такъ въ 1476 году по свидѣтельству лѣтописи: „пріѣхали слобожане изъ Кокшинской волости, и стали бити челомъ князю Ярославу и посадникамъ Псковскимъ и всему Пскову, (т. е. вѣчу), чтобы ихъ пожаловали, освободили имъ на городци у рѣчки у Лодѣ городъ ставити: и Псковъ на вѣчѣ освободилъ и грамоту далъ, что имъ сими часы запасы всякіе запасая, на томъ мѣстѣ класть, гдѣ быть городу, а дана грамота Марта въ 10 день, въ недѣлю“. И въ томъ же году на лѣто послали Псковичи двухъ посадниковъ и бояръ своихъ изо всѣхъ концовъ окладати города городча у рѣчки у Лодѣ въ Кошкинской волости.“ Такимъ образомъ Псковскіе пригороды собственно были, какъ первоначально и самъ Псковъ, только крѣпостями, защищавшими Русскую цивилизацію отъ напора иноземцевъ, враждебно относившихся къ занятію края Русскими. Даже незамѣтно, чтобы Псковскіе пригороды процвѣтали торговлею или

другими какими промыслами, какъ это мы встрѣчаемъ въ иныхъ Новгородскихъ пригородахъ. Хотя нѣтъ сомнѣнія, что Псковская земля относительно промышленной и торговой предпріимчивости не уступала Новгородской; но торговля и всѣ промыслы въ Псковской землѣ производились самими жителями волостей и губъ безъ посредства пригородовъ. Таковому порядку, между прочимъ много способствовало самое расположеніе селеній въ Псковской землѣ, преимущественно по рѣкамъ, которыя самой природою всѣ соединялись съ рѣкою Великою, а Великая шла прямо въ Псковъ и туда же тянула и всю Псковскую землю съ ея произведеніями, и такимъ образомъ торговля всей Псковской земли сосредоточивалась въ самомъ Псковѣ и почти ненуждалась въ мѣстныхъ центрахъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ естественно пригороды почти неимѣли никакого торговаго значенія.

Губы. Губы во Псковѣ значили тоже, что присуды въ Новгородѣ, къ нимъ тянули судомъ и управою приписанныя къ нимъ волости и селенія. Губами завѣдывали губскіе старосты, которые избирались мѣстнымъ населеніемъ изъ своей же среды. О началѣ губъ въ Псковской землѣ мы не имѣемъ никакихъ опредѣленныхъ данныхъ; но едва ли не должно признать, что губы первоначально образовались изъ древнихъ округовъ по уголовнымъ дѣламъ, извѣстныхъ по Русской правдѣ подъ именемъ вервей, или вервинъ; слѣдовательно губы первоначально были учрежденіемъ бытовымъ, относящимся только до разбора дѣлъ по убійствамъ и разбоямъ; въ послѣдствіи же во Псковѣ администрація воспользовалась симъ бытовымъ учрежденіемъ и образовала изъ него мѣстный судъ по всѣмъ

дѣламъ и гражданскимъ и уголовнымъ и даже по дѣламъ мѣстной управы. Во Псковѣ образованіе и развитіе губъ съ такимъ значеніемъ тѣмъ болѣе было необходимо, что пригороды съ характеромъ военныхъ крѣпостей не совсѣмъ удовлетворяли потребностямъ мѣстнаго суда и управленія. Къ тому же Псковское вѣче не любило давать пригородамъ полную власть надъ окружающею ихъ страною, а напротивъ старалось, чтобы власть вездѣ была не единичная. Притомъ же громадная, сравнительно, доля Псковскихъ владѣній,— весь край на востокъ отъ рѣки Великой до границъ Новгородской земли,—почти не имѣла пригородовъ, а между тѣмъ тамошнія волости были хорошо населены, и конечно нуждались въ мѣстномъ судѣ и управѣ; и для этихъ волостей губы были единственными судебными и административными центрами. Здѣсь губы въ административномъ отношеніи замѣняли собою недостатокъ городовъ и сообщали всему краю сплошной сельскій характеръ, не замѣчаемый въ другихъ краяхъ тогдашней Русской земли.

Волость во Псковѣ значила то же, что погостъ въ Новгородѣ, и состояла изъ нѣсколькихъ селъ и деревень, которыя непосредственно управлялись выборными волостными старостами. Какъ погостъ въ Новгородѣ, такъ точно и волость во Псковѣ были первоначально бытовою формою Псковскихъ поселеній; волость въ Псковской землѣ значила то же, что улица въ самомъ городѣ Псковѣ, т. е. бытовую единицу, общину: ибо во Псковѣ, также какъ и въ Новгородѣ деревни и селенія были очень малы для того, чтобы составлять самимъ собою сколько нибудьсамостоятельное цѣлое, и посему спѣшили примыкать къ какому ни- Волость.

будь ближайшему центру, составить общину; и этою общиною у Псковичей была волость, а у Новгородцевъ погостъ. Но Псковская волость, означавшая тоже, что Новгородскій погостъ, съ тѣмъ вмѣстѣ имѣла и высшее значеніе, и пользовалась большею самостоятельностію. У Псковичей волости, какъ уже было замѣчено выше, большею частію зависѣли прямо отъ Псковскаго вѣча безъ посредства пригородовъ, и даже по своимъ соображеніямъ сами, съ разрѣшенія Псковскаго вѣча, строили на своей землѣ пригороды; тогда какъ Новгородскіе погосты селились на землѣ подчиненной пригородамъ, и посему зависѣли отъ своихъ пригородовъ, а не прямо отъ Новгородскаго вѣча. Вообще Псковское вѣче болѣе было расположено въ пользу волостей, немогшихъ представлять серьезнаго сопротивленія приговорамъ вѣча, нежели городовъ, которые имѣли болѣе возможности къ сопротивленію, какъ центры болѣе сильные и сосредоточенные.

Псковскія волости, подобно Новгородскимъ погостамъ, состояли изъ селъ и деревень разныхъ разрядовъ по праву владѣнія землею. Въ одной и той же волости были деревни черныя, принадлежащія общинамъ и несоставлявшія ничьей личной собственности, и деревни владѣльческія, земля которыхъ составляла частную собственность или монастырей и церквей, или бояръ и купцовъ, или принадлежала какой либо улицѣ или концу въ городѣ. Но различіе селъ и деревень, по праву владѣнія землею, не полагало никакого различія относительно суда и управы; судъ и управа по общему порядку принадлежали выборнымъ отъ самаго мѣстнаго общества старостамъ, которымъ въ этомъ

отношеніи подлежали и сами землевладѣльцы наравнѣ съ крестьянами, даже живущими на ихъ земляхъ; патримоніальная юрисдикція, или вотчинный судъ и управа, во Псковѣ кажется вовсе не существовали, развѣ за весьма незначительными изключеніями, по особымъ привиллегіямъ, которыя давались не иначе, какъ по приговору общаго Псковскаго вѣча. Общее же правило въ отношеніяхъ землевладѣльцевъ къ крестьянамъ, живущимъ на ихъ земляхъ, состояло въ томъ, что крестьяне жили на земляхъ владѣльцевъ какъ жильцы по взаимнымъ условіямъ, на основаніи чисто частныхъ гражданскихъ договоровъ, въ которыхъ немогло быть и помину о патримоніальной юрисдикціи. Псковская судная грамота, этотъ основный законъ суда и управы въ Псковскихъ владѣніяхъ, прямо говоритъ, что землевладѣлецъ даже съ виноватымъ крестьяниномъ, или по псковски изорникомъ, не иначе могъ вѣдаться какъ общимъ судомъ, и на оборотъ крестьянинъ имѣлъ право искать на землевладѣльцѣ также общимъ судомъ. Въ грамотѣ сказано: „Ежели крестьянинъ убѣжитъ отъ землевладѣльца и оставитъ имущество, изъ котораго землевладѣльцу слѣдуетъ получить данное крестьянину въ ссуду на обзаведеніе; то владѣлецъ не можетъ этого сдѣлать самовольно, а долженъ взять у князя и у посадника пристава, да позвать губскихъ старостъ и постороннихъ людей и передъ ними продать имущество крестьянина и взять что слѣдуетъ за данную крестьянину ссуду. А ежели имущества оставленнаго крестьяниномъ будетъ недостаточно на уплату ссуды; то владѣлецъ недостающее неиначе можетъ искать, какъ судомъ, когда явится бѣжавшій крестьянинъ. Или въ другой статьѣ та же

грамота говоритъ: „Ежели крестьянинъ умретъ у владѣльца на селѣ, оставивъ у господина запись въ полученной отъ него въ ссудѣ, жена же и дѣти крестьянина не будутъ помянуты въ этой записи; то они не имѣютъ права отговариваться тѣмъ, что не помянуты въ записи, а дожны платить ссуду по записи. А ежели крестьянинъ не давалъ записи въ ссудѣ; то землевладѣлецъ по смерти его можетъ искать на его семействѣ своей ссуды не иначе, какъ судомъ по Псковской пошлинѣ.

Владѣнія Пскова нѣ Псковской земли.

Псковъ въ древности, подобно Новгороду и вмѣстѣ съ нимъ, имѣлъ владѣнія и внѣ Псковской земли, которыя были въ такихъ же отношеніяхъ къ Пскову, какъ Заволочье, Пермь, Печера въ отношеніи къ Новгороду. Владѣнія сіи, состоявшія изъ небольшихъ и рѣдкихъ колоній, находились собственно въ земляхъ Эстонской Чуди, Летголы или Латышей. Весь тамошній край, подобно Заволочью на Сѣверо-востокѣ, былъ поприщемъ для Новгородской и особенно для Псковской колонизаціи, и при первыхъ русскихъ князьяхъ уже платилъ дань Новгороду и Пскову. Нашъ древнѣйшій лѣтописецъ Несторъ еще на первыхъ страницахъ своей лѣтописи говоритъ, что Литва, Чудь, Зимгола, Корсь, Нарова и Ливь платятъ дань Руси. Но полное покореніе всего края, а равно окончательная колонизація его и сообщеніе съ Новгородцами и Псковичами могло быть только въ послѣдствіи, при благопріятныхъ обстоятельствахъ; тамошнія племена Чуди и Летголы были довольно сильны и упорны, чтобы отстаивать свою народность и неслиться скоро съ Новгородцами и Псковичами; у нихъ была уже своя какая-то цивилизація, свои города и

укрѣпленныя мѣста для защиты. Хотя они и платили дань и не могли отдѣлаться отъ славянской колонизаціи; но тѣмъ не менѣе уступали только силѣ и не переставали враждовать противъ своихъ Славянскихъ сосѣдей и далеко не были такъ податливы и уступчивы, какъ на сѣворо-востокѣ заволочьская Чудь, Пермь и Печера; у нихъ должно было отнимать землю силою и колонизировать край понемногу, шагъ за шагомъ. Новгородцы и Псковичи дѣйствительно такъ и поступали, и такимъ образомъ кажется еще до прибытія Варяго-русскихъ князей успѣли ославянить часть тамошняго края по всему теченію Наровы, по восточному берегу Псковскаго и Чудскаго озеръ и частію по западному берегу, гдѣ проникли до рѣки Эмбаха, или Амовжи, на которой Великій Князь Ярославъ Владимировичь въ 1030 году построилъ городъ Юрьевъ, нынѣшній Дерптъ, какъ опорный пунктъ Новгородской и Псковской колонизаціи въ земляхъ Чуди. А сынъ Ярослава Изяславъ, въ началѣ своего княжествованія, по смерти отца, ходилъ для Новгорода и Пскова на западный берегъ Чудскаго озера и взялъ тамъ городъ Осекъ Кедипивъ, принадлежавшій Эстонской Чуди; потомъ въ 1060 году опять водилъ Новгородцевъ и Псковичей въ страну Чуди и принудилъ тамошнее племя Сосолъ платить дань по 2000 гривенъ въ годъ; но по удаленіи его Сосолы избили Новгородскихъ и Псковскихъ даньщиковъ и даже дѣлали набѣгъ на Псковскую землю. Въ XII столѣтіи мы уже имѣемъ свидѣтельство о Новгородскихъ и Псковскихъ колоніяхъ въ землѣ Чуди Эстонской, куда посылали въ заточеніе людей, подвергшихся опалѣ Новгородскаго вѣча. Такъ въ Новгородской лѣтописи

подъ 1141 годомъ читаемъ: „Заточиша Якуна въ Чудь съ братомъ, приковавше имъ руки къ шеѣ.“ Но колонизація Новгородцевъ и Псковичей въ тамошнемъ краю вообще была непрочна и ненадежна; Чудь, Ливь и Летгола враждебно смотрѣли на Славянскія колоніи въ своей землѣ, и хотя временно уступали напору Новгородской и Псковской силы, но при первомъ удобномъ случаѣ старались за набѣги платить набѣгами и раззорять и подчинять себѣ Славянскія колоніи въ своемъ краю. Такъ мы уже видѣли, что въ 1060 году въ слѣдъ за удаленіемъ Изяслава изъ Новгорода, Сосолы выгнали отъ себя Новгородскихъ и Псковскихъ даньщиковъ, напали на Псковскую область, и начиная съ Юрьева дошли даже до самаго Пскова; и Новгородцы и Псковичи должны были защищать отъ нихъ собственныя владѣнія. Потомъ Чудь, соединясь съ Ливью, въ началѣ XII столѣтія захватили Юрьевъ или Дерптъ, который уже только въ 1133 году возвращенъ былъ Княземъ Всеволодомъ Мстиславичемъ, и вскорѣ снова былъ потерянъ; и въ 1191 году Новгородцы и Псковичи предпринимали походъ къ Юрьеву и подъ предводительствомъ князя Новгородскаго Ярослава взяли этотъ городъ и обложили Чудь данью. Впрочемъ не смотря на упорное сопротивленіе Чуди, Ливи и другихъ тамошнихъ племенъ, Новгородцы и Псковичи во все продолженіе XII и большей половины XIII столѣтій не отказывались отъ колонизаціи тамошняго края, предпринимали туда нѣсколько удачныхъ и неудачныхъ походовъ, исходили всю тамошнюю страну изъ края въ край, облагали жителей данью, брали города и опять теряли, а между тѣмъ мирная колонизація шла сама по себѣ; и у Нов-

городцевъ и Псковичей уже образовалось убѣжденіе, что вся тамошняя страна составляетъ владѣніе Новгорода и Пскова; и отъ этого убѣжденія они никогда не отказывались и при всякомъ удобномъ случаѣ на дѣлѣ заявляли свои притязанія на этотъ край и уже имѣли тамъ прочныя связи, по которымъ все тамошнее населеніе скоро ли долго ли должно было подчиниться Новгороду и Пскову и принять ихъ обычаи.

Но въ началѣ XIII столѣтія здѣсь явился новый сильный и предпріимчивый противникъ—Нѣмцы. Они еще въ концѣ XII столѣтія, съ согласія Полотскихъ князей, утвердились въ Низовьяхъ Западной Двины, и чтобы надежнѣе удержаться въ занятомъ краю между враждебнымъ населеніемъ, учредили у себя орденъ меченосцевъ или Ливонскихъ рыцарей, постоянно пополняемый многочисленными пришельцами изъ разныхъ краевъ Германіи, и, постепенно подвигаясь къ востоку, мало по малу подчинили себѣ земли Корси, Ливи и Чуди, насильно обращая жителей въ Латинскую вѣру. Въ слѣдъ за Нѣмцами явились туда Датчане и Шведы тоже съ цѣлію обращать тамошнихъ жителей въ Латинскую вѣру и заводить тамъ свои колоніи. Всѣ сіи новые колонизаторы и съ ногъ до головы вооруженные миссіонеры Латинской вѣры естественно были не по душѣ ни старымъ колонизаторамъ Псковичамъ и Новгородцамъ, ни туземцамъ края—Чуди, Ливи и Летголѣ. Особенно Нѣмцы страшно отягощали туземцевъ, огнемъ и мечемъ обращая ихъ въ Латинскую вѣру, чего никогда не дѣлали ни Новгородцы ни Псковичи, крестившіе только тѣхъ туземцевъ, которые добровольно принимали православную вѣру. Туземцы, выведенные изъ терпѣнія, рѣ-

шились возстать на Нѣмцевъ и обратились за помощью къ Новгородцамъ и Псковичамъ. Это было самое удобное время для Новгорода и Пскова утвердиться окончательно въ земляхъ Чуди и Ливи и они обѣщались дать помощь туземцамъ; но, занятые собственными междоусобіями и ссорами съ князьями, не могли исполнить своего обѣщанія; а между тѣмъ Нѣмцы, пользуясь бездѣйствіемъ Псковичей, страшно наказали возстававшихъ туземцевъ и крѣпче прежняго утвердились въ тамошнемъ краю. Такимъ образомъ удобное время было пропущено; и Псковскія колоніи въ земляхъ Чуди и Летголы годъ отъ года стали терять свое значеніе и подчиняться Нѣмцамъ, и въ 1224 году Нѣмцы успѣли взять приступомъ самое важное укрѣпленное мѣсто, городъ Юрьевъ, служившее опорою всѣмъ Псковскимъ колоніямъ въ тамошнемъ краю, перебили всѣхъ бывшихъ тамъ Русскихъ, назвали городъ Дерптомъ и утвердились въ немъ. Впрочемъ нѣсколько удачныхъ походовъ сдѣланныхъ Новгородцами и Псковичами, на время поправили Псковскія дѣла въ тамошнемъ краѣ, и даже сами Нѣмцы по договору съ Новгородомъ и Псковомъ обязались платить дань съ Юрьева, теперь уже называвшагося Дерптомъ, и съ другихъ тамошнихъ мѣстъ; по этому Псковичи еще нѣсколько времени посылали своихъ даньщиковъ для сбора дани съ Чуди и Летголы, и еще имѣли тамъ свои колоніи. Но по мѣрѣ усиленія Нѣмцевъ въ тамошнемъ краю посылка даньщиковъ съ каждымъ годомъ дѣлалась затруднительнѣе, а Псковскія колоніи постепенно уничтожались или занимались Нѣмцами; и дѣло кончилось тѣмъ, что къ концу XIII столѣтія Псковъ окончательно потерялъ всѣ свои владѣнія внѣ

Псковской земли, и даже свою собственную землю постоянно долженъ былъ защищать отъ Нѣмцевъ и Литовцевъ. Послѣдній разъ о Псковскихъ колоніяхъ въ чужой землѣ упоминается подъ 1283 годомъ, когда были избиты Нѣмцами Псковскіе даньщики въ Алыстѣ (Маріенбургѣ).

РАЗСКАЗЪ ВТОРОЙ.

Люди въ Псковской землѣ.

Общій взглядъ на Псковское общество.

Псковъ, какъ колонія Новгорода, и притомъ такая колонія, которая постоянно находилась въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ своею митрополіею, почти до половины XIV столѣтія, естественно долженъ былъ усвоить всѣ Новгородскіе порядки, и онъ дѣйствительно ихъ усвоилъ: но согласно съ мѣстными условіями общественной жизни далъ имъ свой оттѣнокъ, и такимъ образомъ значительно измѣнилъ ихъ соображаясь съ мѣстными условіями, сообщилъ имъ свой типъ, который при видимомъ сходствѣ далеко не походилъ на типъ Новгородскій. Таковому важному измѣненію прежде всего способствовало то, что Псковъ былъ колонія Новгорода; слѣдовательно многое въ устройствѣ, что въ Новгородѣ складывалось и выдѣлывалось долгимъ опытомъ жизни общества, во Псковъ было принесено готовымъ и, конечно, не совсѣмъ подходящимъ къ мѣстнымъ условіямъ Псковскаго общества, гораздо младшаго сравнительно съ Новгородскимъ обществомъ; и по сему старое готовое устрой-

ство во многомъ должно было измѣнять и прилаживать къ новому и первоначально незначительному обществу. Потомъ, съ другой стороны, Новгородскіе порядки должны были во многомъ видоизмѣняться во Псковѣ, потому, что Псковъ былъ поставленъ въ необходимость постоянно отбиваться отъ немирныхъ сосѣдей, будучи построенъ на самой границѣ; тогда какъ въ этомъ отношеніи Новгородъ былъ по ставленъ со всѣмъ въ другихъ условіяхъ, покрайней мѣрѣ за то время, когда уже появился Псковъ, первоначально же, конечно, были тѣ же условія и въ Новгородѣ.

Все это заставило Псковское общество сложиться иначе нежели Новгородское, хотя оно первоначально заимствовало у Новгорода и людей его, составлявшихъ и самое общественное устройство, и долго находилось въ постоянныхъ и тѣсныхъ сношеніяхъ съ Новгородомъ. Самые элементы Псковскаго общества были тѣ же, которые были и въ Новгородскомъ обществѣ т. е. Ильменскіе Славяне вышедшіе изъ Новгорода и туземныя Финскія племена, жившія по Наровѣ, около Чудскаго озера и по рѣкѣ Великой; даже взаимныя отношенія сихъ двухъ элементовъ, вообще смотря, были тѣ же, какъ и въ Новгородѣ, т. е. отношенія пришельца колониста къ туземцу старожилу. Но за колонистомъ Псковичемъ стоялъ Новгородецъ; отсюда естественно Псковичь дѣйствовалъ смѣлѣе и самонадѣяннѣе, опираясь въ случаѣ нужды на Новгородца, что дѣйствительно почти всегда и бывало, какъ свидѣтельствуютъ памятники; а съ другой стороны и туземный Чудинъ-Эстонецъ, сосѣдъ большаго озера и моря, былъ смѣлѣе и напористѣе, нежели тотъ же Финнъ жившій въ средоземьѣ. Объ Эстонцахъ, какъ мы

уже упоминали, Скандинавскія саги прямо говорятъ, что это племя отличалось воинственностію и страшно было своими морскими разбоями и жестокостію. Слѣдовательно, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, колонизація, доставшаяся на долю Пскова, по необходимости во многомъ разнилась противъ мирной колонизаціи Новгородской. Волей—неволей война была постояннымъ удѣломъ Псковича и Изборянина, и притомъ война мелкая, въ которой каждый поселенецъ былъ въ одно и то же время и земледѣльцемъ или торговцемъ и воиномъ,—сѣвернымъ казакомъ, человѣкомъ самостоятельнымъ, твердымъ, неподатливымъ и тугимъ на покорность. А посему Псковское общество, сложившееся по Новгородскому образцу, хотя и признало у себя тѣ же классы, которые были и въ Новгородѣ, т. е. большихъ людей и меньшихъ,—бояръ, купцовъ и людиновъ, общинниковъ,—тѣмъ не менѣе отношеніе и значеніе сихъ класовъ, по самому характеру людей ихъ составлявшихъ, было совсемъ не таково, какъ въ Новгородѣ.

Первый классъ въ Псковскомъ обществѣ составляли бояре; но замѣчательно, въ Псковскихъ лѣтописяхъ бояръ нигдѣ не называютъ вящшими передними людьми, большими людьми, хотя самое названіе бояръ и сохранилось. Бояре Псковскіе были одни и тѣ же съ Новгородскими боярами. По тѣсной связи Пскова съ Новгородомъ и по отношеніямъ Пскова, какъ пригорода, къ Новгороду какъ къ митрополіи, одни и тѣ же фамиліи были боярами и въ Новгородѣ и въ Псковѣ, и переходили изъ Новгорода въ Псковъ и изъ Пскова въ Новгородъ почти въ продолженіе всего перваго періода Псковской исторіи, т. е. въ продолженіе Бояре.

почти пятисотъ лѣтъ извѣстныхъ исторіи. Такъ напримѣръ Мирославъ Гюрятиничь Новгородскій бояринъ въ 1126 году былъ выбранъ въ Новгородскіе посадники, а въ 1132 году получилъ посадничество въ Псковѣ, и въ 1134 году опять былъ выбранъ посадниковъ въ Новгородъ. Или въ 1176 году Новгородскіе бояре Никита Захарьиничь и Станимиръ Иваниць со многими товарищами участвовали въ войнѣ Псковичей съ Чудью и были убиты въ сраженіи подъ стѣнами Пскова. Или въ 1228 году Новгородскіе бояре Борисъ Негоцевичь, Петръ Водовиковичь и другіе противники князя Ярослава Всеволодовича удалились во Псковъ и оттуда начали войну съ Ярославомъ; и когда Ярославъ сталъ звать Новгородцевъ на эту войну, то Новгородъ на это не согласился, и Ярославъ долженъ былъ воротить свои войска, приведенныя изъ Переяславля. Таковая близкая связь Новгородскихъ и Псковскихъ бояръ естественно должна была сообщить большую силу и значеніе классу Псковскихъ бояръ. И дѣйствительно исторія свидѣтельствуетъ, что бояре во Псковѣ первоначально имѣли большую силу; ихъ связи, вліяніе и богатство дѣлали ихъ могущественными вождями общества; они нерѣдко скопляли около себя значительныя дружины охотниковъ, поступавшихъ на ихъ содержаніе, а иногда увлекали за собою ту или другую часть общества, или по своей волѣ поднимали тотъ или другой пригородъ. Такъ напримѣръ Псковскій бояринъ Иванъ Дорогомиловичь въ 1265 году привелъ свою дружину князю Довмонту въ помощь противу Нѣмцовъ. Или въ 1331 году Псковскіе бояре Филиппъ Ледовичь и Олферій Селковичь подняли Порѣчанъ и условились съ Островичами идти на Лет-

голу; или въ томъ же году бояринъ Карпъ Даниловичь Калека водилъ охочую дружину Псковской молодежи на Нарову противъ Нѣмцевъ; а другой бояринъ Володша Строиловичь поднялъ за собою Псковичей на Нѣмцевъ, воевавшихъ по Пковскому рубежу, и потомъ съ другимъ бояриномъ Ильею Борисовичемъ защищалъ Изборскъ. Или въ 1368 году бояринъ Селило Скертовскій собралъ охотниковъ и ходилъ къ Нѣмецкому городу Кирьпигѣ. Мало этого, Псковскіе бояре, дѣйствуя за одно съ своими сторонниками Новгородскими боярами, преслѣдуя свои фамильные интересы распоряжались силами Псковичей по своему усмотрѣнію, ссорили и мирили Псковъ съ князьями, и употребляли Псковичей для поддержки своихъ пріятелей Новгородскихъ бояръ. Такъ въ 1137 году Псковскіе бояре, по согласію съ одною партіею бояръ Новгородскихъ, подняли весь Псковъ въ пользу князя Всеволода Мстиславича, изгнаннаго Новгородцами, и впутали было Псковичей въ войну съ Новгородцами, вызвали во Псковъ Всеволода; но Всеволодъ въ томъ же году скончался и такимъ образомъ междоусобная война Пскова съ Новгородомъ прекратилась сама собою. Или въ 1228 году Псковскіе бояре, поддерживая партію Новгородскихъ бояръ, недовольныхъ княземъ Новгородскимъ Ярославомъ Всеволодовичемъ, втянули Псковъ въ войну съ Ярославомъ и въ противонародный союзъ съ Ливонскими Нѣмцами, которые при помощи тѣхъ же измѣнниковъ Псковскихъ и Новгородскихъ бояръ даже на время успѣли ввести свой гарнизонъ въ самый Псковъ, и передать власть надъ городомъ своему союзнику новгородскому боярину Твердиславу Иванковичу. Эта послѣдняя продѣлка

Псковскихъ бояръ верховодовъ, дѣйствовавшихъ за одно съ партіею такихъ же верховодовъ Новгородскихъ бояръ, наконецъ образумила Псковичей, и когда въ 1242 году князь Александръ Ярославичь Невскій выгналъ Нѣмцевъ и Новгородскихъ и Псковскихъ бояръ измѣнниковъ, то Псковское вѣче стало иначе смотрѣть на своихъ бояръ, и хотя не лишило ихъ правъ службы господину Пскову, но уже болѣе не признавало ихъ своими безусловными руководителями, а на противъ службу ихъ обществу подвергло строгому своему контролю, и во все послѣдующее время уже стало держать ихъ въ строгой зависимости.

Послѣ 1242 года Псковскіе бояре, какъ лучшіе люди, попрежнему пользовались большимъ уваженіемъ отъ народа и были передовыми людьми Псковскихъ общинъ, представителями своихъ концовъ, улицъ и пригородовъ; и посему избирались во всѣ важныя общественныя должности: въ должности посадниковъ, сотскихъ, судей, губскихъ старостъ, воеводъ и посланниковъ отъ Пскова. Такъ подъ 1426 годомъ лѣтопись говоритъ: и Псковичи послаша къ Витовту своихъ пословъ посадника Ѳедоса Ѳефиловича и посадника Якима Павловича и иныхъ бояръ и взяша миръ съ Витовтомъ. Или подъ 1460 годомъ: „послаша Псковичи пословъ своихъ въ Великій Новгородъ Юрья посадника Тимоѳеевича, Максима Ларивоновича и бояръ изъ всѣхъ концовъ. Или подъ 1463 годомъ и даша на вѣчѣ воеводство Максиму посаднику Ларивоновичу и Алексѣю Васильевицу и Игнатію Логиновичу, и совокупившеся Псковичи съ пригорожаны, и поидоша къ Городку.“ Псковскіе бояре вмѣстѣ съ посадникомъ и другими выборными властями даже имѣли право отмѣнять законы;

такъ подъ 1472 годомъ читаемъ въ лѣтописи: „во Псковѣ посадникъ Псковскій Аѳанасій Юрьевичь и бояре Псковскіе и сотскіе и судьи, тогды же и льняну грамоту подраша, вынемше изъ ларя; и бысть всѣмъ христіаномъ радость велія съ восьми бо годъ она была въ ларѣ, да много христіаномъ истомы и убытковъ въ то время было.“ Все это повидимому нисколько не измѣняло положенія бояръ противъ прежняго времени; повидимому и послѣ 1242 года вся общественная власть находилась въ ихъ рукахъ; но такъ было только повидимому, на дѣлѣ же послѣ 1242 года Псковъ годъ отъ года все болѣе пріобрѣталъ характеръ чисто демократической республики, и первоначальныя аристократическія начала, принесенныя изъ Новгорода, годъ отъ года теряли свое значеніе, и вся власть постепенно сосредоточивалась въ вѣчѣ, на которомъ были равны и бояре и купцы и черные люди.

Псковичи, не менѣе Новгородцевъ предпріимчивые въ торговлѣ и другихъ промыслахъ, но гораздо болѣе Новгородцевъ вышколенные безпрерывною борьбою то съ Чудью, то съ Нѣмцами, то съ Литвою, выработали себѣ характеръ неуступчивый и неподатливый на покорность; а опытъ прежняго времени, когда Псковскіе бояре, дѣйствуя за одно съ одною партіею Новгородскихъ бояръ, чуть не передали Псковъ Нѣмцамъ, такъ врѣзался въ памяти Псковскаго вѣча, что оно въ продолженіе всего послѣдующаго времени строго и постоянно смотрѣло, чтобы какаянибудь власть не затѣяла подчинить своему вліянію власть вѣча. А посему какъ ни велика была повидимому власть Псковскихъ бояръ и послѣ 1242 года, но вся эта власть состояла почти исключительно въ исполненіи приго-

воровъ вѣча, и бояре, повидимому могущественные и всесильные, въ сущности были только покорными слугами вѣча. И чѣмъ болѣе бояре имѣли видимыхъ средствъ подавить остальныхъ гражданъ, и чѣмъ долѣе жилъ Псковъ, тѣмъ осторожнѣе вело себя вѣче и тѣмъ болѣе съ своей стороны принимало средствъ, которыя развивали его власть и стѣсняли значеніе бояръ. И одно изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ въ этомъ дѣлѣ состояло въ томъ, что вѣче, по возможности, старалось уклоняться отъ единичныхъ властей, и функціи той или другой власти дѣлить между нѣсколькими выборными лицами, или окружать ту или другую власть разными помощниками, назначаемыми вѣчемъ; и таковый порядокъ постепенно развивался по мѣрѣ того какъ Псковъ постепенно отдалялся отъ тѣсныхъ связей съ Новгородомъ и заявлялъ свои права на самостоятельность. Такъ единичную власть степеннаго посадника, сперва присылаемаго изъ Новгорода, а потомъ обратившагося въ выборнаго сановника, назначаемаго самимъ Псковскимъ вѣчемъ, Псковичи сперва старались ограничить допущеніемъ старыхъ посадниковъ участвовать въ дѣятельности степеннаго посадника, а потомъ, по мѣрѣ возможности, стали выбирать заразъ по два степенныхъ посадника; впрочемъ эта послѣдняя мѣра относительно посадничей власти употреблялась не постоянно. Но за то всѣ остальныя власти, кромѣ княжеской, съ постепеннымъ развитіемъ самостоятельности Пскова, окончательно перестали быть единичными и дѣлились по-крайней мѣрѣ между двумя лицами; напримѣръ судьи и старосты постоянно выбирались и отправляли свою должность по двое, а сотскихъ постоянно было по

нѣскольку; тысяцкаго же, этой важной единичной власти, вовсе не было въ средѣ сановниковъ, избираемыхъ Псковскимъ вѣчемъ. Потомъ, важнымъ средствомъ къ ослабленію бояръ, избираемыхъ представлять ту или другую власть, служилъ заведенный во Псковѣ порядокъ, по которому важнѣйшія дѣла не иначе могли быть рѣшаемы, какъ при участіи нѣсколькихъ властей, хотя бы и безъ представленія вѣчу. Такъ напримѣръ въ 1472 году, при отмѣнѣ льняной грамоты, участвовали посадникъ, сотскіе, судьи и бояре; также поступали и при изданіи того или другаго закона, напримѣръ въ 1485 году грамота о правахъ смердовъ была написана и положена въ ларь св. Троицы княземъ и всѣми степенными и старыми посадниками. Наконецъ самымъ грознымъ средствомъ противъ своеволія бояръ было право народнаго вѣча отмѣнять всѣ неугодныя ему распоряженія другихъ властей и право вѣча казнить виновниковъ неугодныхъ распоряженій; такъ напримѣръ въ 1458 году вѣче не только отмѣнило введенную прежними посадниками хлѣбную мѣру, невыгодную въ торговлѣ, но и тутъ же на вѣчѣ избило тѣхъ посадниковъ, которые ее ввели. Или въ 1484 г. вѣче не только отмѣнило грамоту о смердахъ, изданную посадниками Степаномъ Максимовичемъ и Леонтіемъ Тимоѳеевичемъ съ товарищи; но и приказано разорить домы сихъ посадниковъ, а на самихъ ихъ, успѣвшихъ убѣжать въ Москву, положило въ ларь свят. Троицы мертвую грамоту, т. е. осудило на смерть и лишило покровительства законовъ. При помощи такихъ средствъ Псковское вѣче, не лишая бояръ правъ первенствующаго сословія и предоставляя имъ всѣ права выборной власти, въ то же время положило этой

власти опредѣленныя границы, въ которыхъ она не только не была опасна вѣчу, но и не могла быть ни чѣмъ инымъ, какъ покорнымъ исполнителемъ велѣній вѣча. И посему бояре, при всемъ ихъ большомъ значеніи въ обществѣ, вполнѣ зависѣли отъ вѣча и несли всѣ общественныя тягости наравнѣ съ другими классами, и въ этомъ отношеніи не пользовались никакими привиллегіями. Такъ наприм. въ 1471 году, при постройкѣ новой стѣны на Полонищѣ въ разрубъ или въ раскладку запасовъ и казны на этотъ предметъ были помѣщены и посадники и великіе бояре наравнѣ съ другими гражданами; лѣтопись прямо говоритъ: „а всѣмъ Псковомъ начаша по всѣмъ концамъ рубитися, изкрѣпка, а посадниковъ и бояръ великихъ на вѣчѣ всѣмъ Псковомъ начаша обрубати доспѣхи и коньми.“ По этому извѣстію въ разрубъ или въ раскладку повинностей были помѣщены или оцѣнены самимъ вѣчемъ не только недвижимыя имѣнія посадниковъ и бояръ, но ихъ оружіе и кони. Ближайшимъ слѣдствіемъ таковыхъ порядковъ было то, что съ 1242 года лѣтописи уже не упоминаютъ ни о какихъ боярскихъ партіяхъ во Псковѣ или о раздѣленіи Псковскаго вѣча происками бояръ верховодовъ; тогда какъ лѣтописи Новгорода переполнены извѣстіями о борьбѣ боярскихъ партій и о разныхъ незаконныхъ вѣчахъ, иногда даже одерживавшихъ верхъ надъ вѣчемъ законнымъ.

Основою значенія и могущества бояръ во Псковѣ, также какъ и въ Новгородѣ, была частная поземельная собственность; она главнымъ образомъ сообщала боярамъ ту силу и могущество, которое ставило ихъ выше другихъ классовъ общества, неимѣвшихъ

частной поземельной собственности, а владѣвшихъ общинною землею; но и здѣсь Псковскіе бояре значительно уступали Новгородскимъ боярамъ. Съ одной стороны, между Псковскими боярами не было такихъ богатыхъ землевладѣльцевъ, каковыми были бояре Новгородскіе, владѣвшіе необозримыми землями въ Заволочьѣ. Еще въ прежнее время, когда Псковъ вмѣстѣ съ Новгородомъ имѣлъ значительныя колоніи въ земляхъ Чуди и Летголы, Псковскіе бояре еще могли тягаться своими поземельными владѣніями съ Новгородскими владѣльцами въ Заволочьѣ; но съ постепеннымъ распространеніемъ владѣній Нѣмецкаго Ливонскаго ордена въ этомъ краю, тамошнія владѣнія Псковскихъ бояръ постепенно стали уменьшаться, и съ послѣднимъ уничтоженіемъ тамъ Псковскихъ колоній въ 1284 году дошли до нуля. И такимъ образомъ частная поземельная собственность Псковскихъ бояръ должна была ограничиться только Псковскою землею, которая была слишкомъ невелика, и притомъ далеко не вся принадлежала боярамъ, а напротивъ, въ большей своей половинѣ была раздѣлена между общинами и мелкими поземельными собственниками, не принадлежавшими къ классу бояръ. Между Псковичами былъ даже обычай утвержденный закономъ, по которому даже люди небогатые составляли между собою компаніи, и подъ именемъ сябровъ или пайщиковъ покупали на общій сборный капиталъ землю, и купивши дѣлили между собою по долямъ въ полную собственность. Въ повѣсти о Псковскомъ Печерскомъ монастырѣ разсказывается слѣдующій случай: жители окрестныхъ селеній близъ Печерской горы сговорились между собою купить гору и лѣсъ около горы, и купивши

раздѣлили между собою купленную землю; и на этомъ дѣлежѣ мѣстность, гдѣ была древняя пещера, по жребію досталась одному изъ нихъ, по имени Ивану Дементьеву, который и поселился тамъ въ подгорьѣ, на рѣчкѣ Пачковкѣ, близь пещеры. Потомъ въ 1473 г. тотъ же Иванъ Дементьевъ пожертвовалъ часть своей доли по ручей Каменецъ на устроеніе церкви и монастыря. Изъ этого разсказа видно, что сельчане купили землю въ складчину въ качествѣ сябровъ и подѣлили ее на доли въ полную собственность; такъ одинъ изъ сябровъ Иванъ Дементьевъ часть своей доли пожертвовалъ на устройство церкви и монастыря, какъ полную собственность, не спрашивая на то согласія у другихъ своихъ сябровъ, что, конечно, онъ не могъ бы сдѣлать, еслибы земля эта составляла общинное владѣніе. Таковая мелкая поземельная собственность, легко пріобрѣтаемая въ складчину, естественно должна была сильно конкуррировать крупной боярской поземельной собственности, а съ тѣмъ вмѣстѣ невыгодно влiять на значеніе бояръ, какъ въ мѣстномъ обществѣ, такъ и во всей Псковской землѣ; ибо мелкіе поземельные собственники изъ черныхъ людей естественно были болѣе свободны и самостоятельны, нежели безземельные крестьяне, живущіе по взаимнымъ условіямъ на земляхъ крупныхъ землевладѣльцевъ бояръ, и, слѣдовательно, болѣе или менѣе зависѣвшихъ отъ нихъ, какъ полныхъ хозяевъ земли; къ тому же Псковскіе законы явно склонялись въ пользу мелкой поземельной собственности противъ крупной, и особенно въ пользу обработки земли, противъ владѣнія землею безъ обработки. По Псковскимъ законамъ кто владѣлъ землею четыре или пять лѣтъ

спокойно и выстроилъ на ней дворъ и распахалъ пашню, на того прежній владѣлецъ той же земли уже не можетъ предъявлять своего земельнаго иска, ежели четверо или пять человѣкъ сосѣдей подтвердятъ, что тотъ владѣетъ землею четыре или пять лѣтъ спокойно. Въ судной Псковской грамотѣ сказано: „А коли будетъ съ кѣмъ судъ о земли о польной или о водѣ; а будетъ на той земли дворъ или нивы розстрадни, а стражетъ и владѣетъ тою землею лѣтъ 4 или 5; а потому исцю слатися на сосѣдъ, человѣкъ на 4 или на 5. А сусѣди ставъ, на кoпхъ шлются, да скажутъ какъ правъ предъ Богомъ, что чистъ; и той человѣкъ который послался, стражетъ и владѣетъ тою землею лѣтъ 4 или 5; а супротивникъ въ тѣ лѣта ни его судилъ, ни на землю наступался, или на воду; ино земля его чиста или вода, и цѣлованья ему нѣтъ. А тако не доискался, кто не судилъ ни наступался въ ты лѣта, а о лѣшей земли будетъ судъ,“ т. е. пятилѣтняя или четырехлѣтняя давность не уничтожала права на землю необработанную. При таковомъ законѣ предпріимчивые мелкіе поземельные собственники легко могли захватывать участки у крупныхъ поземельныхъ владѣльцевъ, ежели они заняты другими дѣлами четыре или пять лѣтъ, и не обращали надлежащаго вниманія на завладѣніе, не начинали исковъ.

Съ другой стороны, самая форма владѣнія землею и отношенія крестьянъ къ владѣльцамъ земли и къ обществу во Псковѣ не давали Псковскимъ боярамъ того высокаго значенія, какимъ пользовались Новгородскіе бояре, по тамошнимъ формамъ владѣнія землею и по отношеніямъ крестьянъ къ владѣльцу земли и обществу. По Псковскимъ порядкамъ бояринъ или самъ

обработывалъ свою землю наемными работниками, наймитами, или самую землю отдавалъ въ наймы охочимъ людямъ, на взаимныхъ условіяхъ, по частному договору, съ записью или безъ записи. Нанимателей земли или жильцовъ Псковскій законъ постоянно старался ставить сколько можно въ болѣе независимое положеніе отъ владѣльцевъ земли, или давать имъ права равныхъ другъ другу договаривающихся сторонъ, и не допускалъ права вотчиннаго суда землевладѣльца надъ жильцами, живущими на его землѣ. Но, конечно, при всемъ стараніи закона не могло быть равенства между бѣднымъ жильцомъ и богатымъ землевладѣльцемъ, и первый почти находился подъ большимъ или меньшимъ вліяніемъ втораго; и посему демократическій Псковъ, чтобы не дать перевѣса на вѣчѣ боярамъ при подачѣ голосовъ смердами или жильцами живущими на ихъ землѣ, и слѣдовательно находящимися подъ ихъ вліяніемъ, постоянно держался того правила, чтобы не допускать смердовъ къ общественнымъ дѣламъ и къ подачѣ голосовъ на вѣчѣ, и за это правило особенно крѣпко держались черные люди, постоянно бывшіе на сторожѣ и опасавшіеся, чтобы бояре какимъ нибудь образомъ не получили большинства на вѣчѣ. При таковыхъ порядкахъ естественно Псковскій бояринъ не могъ вести на вѣчѣ толпу своихъ полузависящихъ кліентовъ, какъ это дѣлалъ нерѣдко бояринъ Новгородскій; и посему на Псковскомъ вѣчѣ бояре всегда оставались въ меньшинствѣ, или по крайней мѣрѣ не могли проводить законовъ въ ущербъ демократическимъ началамъ Псковскаго общества.

Купцы. Купцы во Псковѣ, также какъ и въ Новгородѣ,

составляли отдѣльный классъ общества, занимавшій второе мѣсто послѣ бояръ, и имѣвшій свой судъ и управу и свое отдѣльное самостоятельное устройство. Этотъ классъ принималъ дѣятельное участіе въ общественныхъ дѣлахъ и пользовался большимъ значеніемъ въ обществѣ; ибо Псковъ подобно Новгороду былъ по преимуществу торговымъ городомъ. Общественное устройство купечества во Псковѣ, происшедшаго отъ купечества Новгородскаго, было одинаково съ Новгородскимъ; т. е. купцы составляли общины, и только тотъ считался настоящимъ пошлымъ купцомъ, кто былъ членомъ какой либо купеческой общины, кто вложилъ въ нее извѣстный капиталъ, хотя торговать могъ всякій и невложившійся въ купеческую общину. Сколько было купеческихъ общинъ во Псковѣ мы не знаемъ; по памятникамъ встрѣчаются только нѣкоторыя общины, напримѣръ суконниковъ, кожевниковъ, мясниковъ. Каждая купеческая община имѣла своихъ выборныхъ, по общему Псковскому порядку, не менѣе двухъ, которые судили и рядили членовъ своей общины и завѣдывали общинными капиталами, впрочемъ не иначе какъ съ согласія всѣхъ членовъ своей общины, имѣвшихъ для того свои собранія или сходки. Кромѣ староста по отдѣльнымъ общинамъ еще выбирались по два старосты отъ всего купечества. Такъ въ лѣтописи подъ 1415 годомъ читаемъ: купцы Псковскіе разбили старую церковь св. Софіи и начали дѣлать новую, и въ томъ же году мастеръ Еремѣй совершилъ новую церковь каменную съ благословенія священника Ивана Халиловича и повелѣніемъ купецкихъ старостъ Андрея Тимофеевича, Осея и всѣхъ купцовъ. А ежели были

выборные старосты отъ всего купечества, слѣдовательно были и общія купеческія собранія или вѣча, независимыя отъ вѣча цѣлаго города всѣхъ классовъ, и на этихъ купеческихъ вѣчахъ разбирались и рѣшались дѣла, относящіяся до всего Псковскаго купечества. Таковымъ учрежденіемъ общаго купеческаго собранія или вѣча съ своими старостами Псковское купечество рѣзко отличалось отъ купечества Новгородскаго, неимѣвшаго подобнаго учрежденія, и въ цѣломъ своемъ составѣ поставленнаго въ зависимость отъ тысяцкаго.

Имѣя общее купеческое собраніе или вѣче, Псковское купечество тѣмъ самымъ пользовалось не только большею самостоятельностію противъ Новгородскаго купечества, но и въ самомъ Псковѣ имѣло сильный перевѣсъ надъ боярами и надъ черными людьми; ибо оно являлось на общенародное вѣчѣ, всегда напередъ уговорившись и уладившись на своемъ общемъ купеческомъ вѣчѣ; тогда какъ ни бояре ни черные люди не имѣли такихъ закономъ опредѣленныхъ предварительныхъ собраній, и, слѣдовательно, являлись на общенародное вѣче не столько готовыми какъ купцы. Къ тому же во Псковѣ, какъ преимущественно торговомъ въ городѣ, купцы должны были имѣть и дѣйствительно имѣли гораздо больше вліянія на черныхъ людей, чѣмъ бояре, которыхъ вліянію сильно вредили мелкіе самостоятельные землевладѣльцы и показанныя выше законныя ограниченія крупныхъ землевладѣльцевъ. Все это ставило Псковскихъ купцовъ въ такое положеніе, что они по оффиціальнымъ бумагамъ хотя считались вторымъ классомъ общества, какъ напримѣръ митрополитъ Іона въ своей грамотѣ въ

Псковъ писалъ: „всему священству, боярамъ и купцамъ и житьимъ людямъ"; но въ сущности на дѣлѣ по своему вліянію на Псковское общество купцы были сильнѣйшимъ и первенствующимъ классомъ: они собственно руководили вѣчемъ, бояре же хотя и пользовались большимъ уваженіемъ и имѣли большій вѣсъ въ обществѣ, но были поставлены обстоятельствами въ такое положеніе, что въ сущности были не руководителями вѣча, а только безпрекословными исполнителями его опредѣленій. Лучшимъ доказательствомъ таковаго положенія купцовъ въ Псковѣ служатъ всѣ Псковскіе порядки, направленные исключительно къ тому, чтобы ограничить вліяніе и значеніе бояръ, и утвердить значеніе и силу общенароднаго вѣча, на которомъ передовымъ и лучше организованнымъ классомъ являлись купцы. О томъ же положеніи Псковскихъ купцовъ свидѣтельствуютъ всѣ дошедшія до насъ договорныя грамоты Пскова съ сосѣдними Государями, въ которыхъ постоянно встрѣчаемъ заботу Псковичей о торговыхъ выгодахъ. Такъ въ договорной грамотѣ между Псковомъ и В. К. Казимиромъ Литовскимъ, писанной въ 1440 году, первымъ и главнымъ условіемъ было то, чтобы какъ Литовскимъ посламъ и гостямъ, такъ и Псковскимъ посламъ и гостямъ былъ чистъ путь чрезъ всю Литовскую и Псковскую землю, и свободно торговать безъ пакости по старой пошлинѣ, какъ въ Литовской, такъ и въ Псковской землѣ; и чтобы какъ въ Литвѣ блюсти и охранять Псковитина наравнѣ съ Литвиномъ, такъ и во Псковѣ блюсти и охранять Литвина наравнѣ съ Псковитиномъ. А вчинится пеня гостю въ Литвѣ Псковскому, кончать по великаго князя правдѣ

и по цѣлованію; а вчинится пеня Литвину во Псковѣ, кончати по Псковской правдѣ и по цѣлованію. "Тоже почти повторяется, съ нѣкоторыми прибавленіями, въ перемирной грамотѣ Новгорода и Пскова съ Дерптомъ, писанной въ 1474 году: „А Псковскому послу и гостю по Юрьевской (Дерптской) землѣ путь чистъ, горою и водою, на Юрьевъ и на Ригу, и къ Колывани и на Ругодиво, и на матерую рѣку, и на вси Юрьевскіе городы, и во всю Юрьевскую землю добровольно ѣздити со всякимъ товаромъ, по старинѣ, и всякій товаръ Псковичомъ на розницу продавати добровольно, или вмѣстѣ (оптомъ); на Юрьевѣ Псковичомъ добровольно всякимъ товаромъ торговати съ Рижаны, съ Колыванцы и съ Ругодивцы, со всякимъ гостемъ, по старинѣ, по крестному цѣлованью; и колоду (заставу таможенную) на обѣ стороны отложихомъ, и гостинца (пошлинъ на заставѣ) отъ того не имати. И во Псковѣ Юрьевскому гостю всякимъ товаромъ торговати добровольно по старинѣ, а корчмою пивомъ Нѣмецкому гостю во Псковѣ не торговати; а опрочь корчмы и пива всякій товаръ ко Пскову добровольно возити, по старинѣ, на обѣ стороны". Жалобы или неудовольствія Пскова къ сосѣднимъ государямъ посылались также преимущественно по торговымъ дѣламъ; такъ напримѣръ въ рѣчахъ Псковскаго посольства къ Королю Казимиру (1480 года) сказано: „первое о обидахъ, што наши купцы Микифорко.....заѣхалъ у Луцкой торгомъ, и воевода Луцкій того Микифорка орабилъ, товару много; и ты бы, господине, честный Король, тому дѣлу управу далъ по крестному цѣлованію; а отчина великихъ князей тебѣ, своему господину, посадники Псковскіе,

и степенные и старые посадники, и сынове посадничьи и бояре, и соцкіе, и купцы, и житьи люди, и весь Псковъ челомъ бьетъ. А иное жалуемся тебѣ, своему господину, што по твоей державѣ, по городомъ воеводы и мѣщане нашимъ Псковичамъ купцомъ съ Нѣмцы торговати не дадутъ: инобы, господине честный и великій Король, твои воеводы и намѣстники нашимъ купцамъ по твоимъ городомъ не боронили торговать съ Нѣмцы и со всякимъ гостемъ по мирному докончанью и по крестному цѣлованью." Даже большая часть войнъ Пскова съ сосѣдями начиналась изъ-за обиды Псковскихъ купцовъ. Напримѣръ въ 1323 году, когда Нѣмцы избили Псковскихъ гостей на Чудскомъ озерѣ и ловцовъ на Наровѣ, то за это Псковичи ворвались въ Ливонію и опустошили ее до Колывани. Или когда въ 1403 году великій князь Смоленскій Юрій, при изгнаніи изъ Смоленска Витовтовыхъ намѣстниковъ, захватилъ Псковскихъ гостей, торговавшихъ въ Смоленскѣ; то по этому случаю Псковъ и Новгородъ отправили къ нему своихъ пословъ, которые принудили Юрія отпустить захваченныхъ Псковскихъ гостей. Или въ 1501 году, когда Нѣмцы задержали въ Дерптѣ 25 учановъ съ товаромъ и полтораста человѣкъ Псковскихъ купцовъ, то Псковичи, неполучивъ надлежащаго отъ Нѣмцевъ удовлетворенія чрезъ посольства, начали съ Нѣмцами войну, которая продолжалась нѣсколько лѣтъ.

Черные люди.

Черные люди во Псковѣ были въ иномъ положеніи нежели въ Новгородѣ; они находились въ меньшей зависимости отъ большихъ людей или отъ бояръ, какъ потому что бояре въ Псковѣ не имѣли такихъ огромныхъ поземельныхъ владѣній, какъ бояре Нов-

городскіе, такъ и потому что Псковъ по самому устройству своему былъ не на сторонѣ бояръ крупныхъ землевладѣльцевъ, а напротивъ болѣе покровительствовалъ мелкой поземельной собственности; вслѣдствіе чего черные или меньшіе люди въ Псковѣ пользовались большею независимостію и сомостоятельностью, нежели какую самостоятельность имѣли меньшіе люди въ Новгородѣ. Къ тому же постоянная и упорная борьба съ Чудью, Летголою и Литвою и потомъ съ Нѣмцами, лежавшая одинаково и на большихъ и на меньшихъ людяхъ во Псковѣ, естественно равняла ихъ между собою и дѣлала меньшихъ людей болѣе твердыми и самостоятельными. Конечно, и во Псковѣ какой либо предпріимчивый и храбрый бояринъ могъ скопить около себя охочихъ людей и повести на какое либо военное предпріятіе; но охочіе люди во Псковѣ были далеко не то, что повольники въ Новгородѣ: они не были ротниками своего предводителя, и по самому ходу дѣлъ въ Псковской исторіи скоплялись около большаго человѣка только для воинскихъ набѣговъ на немирныхъ сосѣдей, или для отраженія сосѣдскихъ нападеній, а не для колонизаціи, какъ это было въ Новгородѣ, съ конца XIII столѣтія Псковичамъ нечего было и думать о колонизаціи. Слѣдовательно предводитель охочихъ людей во Псковѣ не могъ имъ дать захваченной земли подъ поселеніе и привлечь ихъ къ себѣ разными ссудами на обзаведеніе хозяйствомъ; они шли за нимъ только для того, чтобы поживиться тѣмъ, что успѣютъ награбить въ непріятельской землѣ. Между тѣмъ купцы, старавшіеся удержать первенство и силу за своимъ классомъ противъ бояръ, первоначально,

какъ мы уже видѣли, дѣйствовавшихъ за одно съ боярами Новгородскими, естественно должны были ближе соединиться съ черными или меньшими людьми и за одно дѣйствовать на общемъ вѣчѣ. Первоначальная тѣсная связь Псковскихъ бояръ съ Новгородскими боярами, передавшая было Псковъ Нѣмцамъ, породила тѣснѣйшую связь купцовъ съ черными людьми и, кажется, болѣе всего способствовала той независимости и самостоятельности, которою пользовались во Псковѣ черные люди; по всему вѣроятію ей обязанъ былъ своимъ существованіемъ и законъ, покровительствующій мелкому землевладѣнію и порядку сябреннаго пріобрѣтенія земель въ полную отдѣльную собственность сябровъ.

Все это поставило черныхъ или меньшихъ людей во Псковѣ въ такое положеніе, что они на вѣчѣ были большими людьми, т. е. всегда оказывались въ большинствѣ передъ большими людьми и не пропускали ни одного закона, который вредилъ бы ихъ значенію, или давалъ перевѣсъ большимъ людямъ. Имѣя главную опору въ общенародномъ вѣчѣ, и чувствуя себя сильными, особенно на вѣчѣ, черные люди естественно интересъ вѣча считали своимъ собственнымъ интересомъ, и поэтому заботились, чтобы права вѣча были неприкосновенными, и чтобы вѣче было дѣйствительною силою въ управленіи Псковомъ, чтобы партіи верховодовъ затѣйщиковъ не нарушали его спокойной и правильной дѣятельности. Дорожа неприкосновенностію правъ вѣча, черные люди за одно съ купцами крѣпко держались разъ принятыхъ порядковъ и не дробились на партіи, зная изъ опыта въ Норгородѣ, что при раздѣленіи на партіи меньшіе люди

болѣе всего терпятъ отъ большихъ людей, дѣлаясь ихъ орудіемъ. Отъ этого исторія Пскова за все время его самостоятельности не представляетъ борьбы партій, тамъ вѣче никогда не дѣлилось и не было незаконныхъ вѣчь. Меньшіе люди, сильные на вѣчѣ, на вѣчѣ же и управлялись съ большими людьми, когда это находили нужнымъ. Такъ подъ 1458 годомъ читаемъ въ лѣтописи: „Псковичи недовольные распоряженіемъ прежнихъ посадниковъ, убавившихъ торговую мѣру, по опредѣленію вѣча прибавили забницы (т. е. увеличили мѣру) и палицу привѣсили къ позобенью, а старыхъ посадниковъ избили на вѣчѣ.“ Конечно, здѣсь подъ именемъ Псковичей главнымъ образомъ должно разумѣть купцовъ и черныхъ людей, до которыхъ преимущественно касалось дѣло о торговой мѣрѣ. Или въ 1483 году также вѣчемъ посѣкли дворы у старыхъ посадниковъ и у нѣкоторыхъ бояръ. Но всего яснѣе высказалась неуступчивость и настойчивость меньшихъ или черныхъ людей на вѣчѣ передъ большими въ дѣлѣ о смердахъ, бывшемъ въ 1485 году. Посадники, вмѣстѣ съ большими людьми и княземъ намѣстникомъ, по всему вѣроятію, желая усилить себя на вѣчѣ противъ меньшихъ людей, придумали дать политическія права смердамъ, и такимъ образомъ провести ихъ въ члены вѣча; съ этою цѣлію они составили новую уставную грамоту о правахъ смердовъ, и для сообщенія ей законодательной силы внесли ее въ ларь св. Троицы и записали въ тамошнія книги или реестры законовъ; и все это сдѣлали недоложа господину Пскову. Черные или меньшіе люди, какъ скоро узнали объ этой новости, затѣянной большими людьми, то на первомъ же вѣчѣ рѣшили—явившихся въ Псковъ смердовъ

засадить въ погребъ за сторожи, посадника Гаврилу убили всѣмъ Псковомъ на вѣчѣ, а на трехъ посадниковъ, бѣжавшихъ въ Москву, написали мертвую грамоту (смертный приговоръ) и положили ее въ ларь святыя Троицы, имѣніе же ихъ опечатали. А такъ какъ въ это дѣло былъ замѣшанъ Псковскій князь Ярославъ, намѣстникъ великаго князя Московскаго Ивана Васильевича, можетъ быть, дѣйствовавшій по приказу сего послѣдняго; то Псковское вѣче силою заставило четырехъ посадниковъ и по боярину отъ концовъ отправиться посольствомъ въ Мокву и просить великаго князя, чтобы держалъ Псковъ по старинѣ и не признавалъ вновь составленной уставной грамоты о смердахъ. И когда великій князь, желая поддержать своего намѣстника и большихъ людей, отвѣчалъ, что „посольство пришло бездѣльно, и что онъ тогда только будетъ жаловать Псковъ попригожу, когда вѣче выйметъ изъ ларя св. Троицы мертвую грамоту на посадниковъ и пришлетъ ее въ Москву, а смердовъ отпуститъ и животы ихъ отпечатаетъ;“ то черные люди, получивъ на вѣчѣ таковый отвѣтъ великаго князя, не повѣрили своему посольству, и снарядили новое посольство изъ большихъ людей. А когда и новое посольство принесло такой же отвѣтъ великаго князя вѣчу; тогда между большими и меньшими людьми началася брань и мятежъ на вѣчѣ, и меньшіе люди, обвинивъ пріѣхавшихъ пословъ въ заговорѣ и понаровкѣ бѣжавшимъ въ Москву посадникамъ, снарядили двухъ пословъ изъ своей братьи изъ молодшихъ людей бить челомъ, чтобы вел. князь сказалъ свою волю о смердахъ и бѣжавшихъ въ Москву посадникахъ. Дѣло о смердахъ тянулось цѣлыхъ два года по

настоянію черныхъ или меньшихъ людей; по этому дѣлу было отправлено въ Москву пять посольствъ и потрачено до тысячи рублей сборныхъ общественныхъ денегъ. И, конечно, черные люди одержали бы въ этомъ важномъ для нихъ дѣлѣ окончательный верхъ надъ боярами, еслибы великій князь Московскій не принялъ подъ свою защиту бояръ. Споръ о смердахъ, по всему вѣроятію, и былъ возбужденъ самимъ великимъ княземъ, который думалъ покончить съ Псковомъ, поддерживая бояръ, какъ онъ покончилъ съ Новгородомъ, поддерживая меньшихъ людей противъ бояръ. И черные люди, очевидно, хорошо понимали значеніе этого важнаго для нихъ спора, и хотя должны были уступить непреклонной волѣ такого государя, какъ великій князь Иванъ Васильевичъ III-й; но тѣмъ неменѣе своею настойчивостію и продолжительностію спора ясно доказали большимъ людямъ, что они могутъ дѣйствовать противъ нихъ только постороннею помощію и постыдною измѣною отечеству.

Самостоятельность и до нѣкоторой степени равенство между большими и меньшими людьми во Псковѣ такъ были велики и очевидны, что у Псковичей даже выработался особый терминъ въ языкѣ при сношеніяхъ большихъ людей съ меньшими, — терминъ, прямо указывающій на равенство тѣхъ и другихъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ. Псковичи, большіе и меньшіе люди, относясь другъ къ другу, называли другъ друга господами; такъ что даже предводители войскъ или воеводы не иначе обращались къ воинамъ какъ техническимъ выраженіемъ, — „господа такіе-то.“ Напримѣръ въ 1408 Вельянскій воевода бояринъ Есифъ Китовичь, обращаясь къ Вороначанамъ, говоритъ: „господа Ворона-

чане! мстите кровь христіанскую.“ Или въ 1426 году Вороначане и ихъ посадники Тимоѳей и Ермола писали къ Псковичамъ: „господа Псковичи! помогайте намъ, и гадайте о насъ.“ Правда, подобный терминъ *господа* или *господо* встрѣчается и въ Новгородѣ; но тамъ съ подобнымъ терминомъ обращаются только равные къ равнымъ, напримѣръ меньшіе люди къ меньшимъ. Большее или меньшее равенство классовъ во Псковѣ, кажется, выработалось довольно рано; еще въ 1265 году князь Довмонтъ обращаясь къ Псковскимъ воинамъ говорилъ: „братья мужи Псковичи, кто старъ той отецъ, а кто младъ той братъ! Слышалъ есмь мужество ваше во всѣхъ странахъ; се же братья намъ предлежитъ животъ и смерть; братья мужи Псковичи, потягнете за святую Троицу, и за святыя церкви, и за свое отечество.“

Черные или меньшіе люди во Псковѣ, также какъ и въ Новгородѣ, несли всѣ государственныя повинности вмѣстѣ съ большими людьми, по раскладкѣ или разрубу, сдѣланному вѣчемъ; они платили съ капиталовъ (кто какимъ владѣлъ) подати, строили укрѣпленія и несли разныя службы. Въ военное время они также съ большими людьми раскладывались по сохамъ и деньгамъ въ ратную службу; такъ въ 1500 году, во время войны Московскаго великаго князя съ Литовскимъ княземъ Александромъ. Псковскіе посадники и бояре и весь Псковъ на вѣчѣ приговорили снарядить въ походъ по разрубу съ десяти сохъ конь, а съ сорока рублей конь и человѣкъ въ доспѣхѣ. Или въ 1501 году, при нападеніи Нѣмцевъ, меньшіе люди пѣшіе по разрубу снаряжали двое третьяго щитомъ и сулицею. Также въ 1495 году на войну съ Нѣмцами

по разрубу со всѣхъ людей снаряжали съ десяти сохъ коннаго ратника. При построеніи городскихъ стѣнъ также наблюдалась раскладка по капиталамъ и съ меньшихъ и съ большихъ людей и даже съ посадниковъ равно. Такъ мы уже видѣли, что въ 1471 году, при постройкѣ новой стѣны на Полонищѣ, въ разрубъ для сбора запасовъ на этотъ предметъ были помѣщены и посадники и бояре; при чемъ оцѣнены самимъ вѣчемъ не только недвижимыя имѣнія и другіе капиталы, но даже оружіе и кони посадниковъ и бояръ. Впрочемъ иногда какія нибудь общественныя постройки производились одною какою либо общиною съ зачетомъ этой траты при будущихъ разрубахъ; такъ напримѣръ въ 1485 году на постройку новаго моста черезъ Пскову платили серебро мясники. Вообще меньшіе или черные люди во Псковѣ въ общественныхъ правахъ и обязаностяхъ болѣе или менѣе были сравнены съ большими людьми; и вся существенная разница состояла въ томъ, что большіе люди, бояре, состояли въ постоянной службѣ у Пскова, а черные люди вмѣстѣ съ купцами не состояли въ постоянной службѣ, и назывались житейскими людьми, а не служилыми.

Черные люди во Псковѣ, подобно какъ въ Новгородѣ, составляли городскія и сельскія общины черныхъ людей съ своими старостами; общинное устройство было однимъ изъ главныхъ основаній силы черныхъ людей: въ общинахъ беззащитная единичная личность бѣдняка находила свое убѣжище и защиту отъ притѣсненія сильныхъ людей. Общинное устройство такъ сильно было развито между черными людьми во Псковѣ, что общинами жили не только люди

владѣющіе общинною землею, но даже мелкіе поземельные собственники составляли общины подъ именемъ сябровъ или шабровъ, и Псковскимъ закономъ былъ признанъ особый видъ мелкой поземельной собственности подъ именемъ сябреннаго владѣнія, который, какъ мы уже видѣли, состоялъ въ томъ, что мелкіе капиталисты, сельскіе или городскіе жители, составляли капиталъ въ складчину, и на этотъ складочный капиталъ покупали землю, и потомъ каждый сябръ или пайщикъ, по количеству сложеннаго капитала, получалъ соотвѣтствующую по цѣнѣ долю изъ купленной земли въ полную собственность съ правомъ отчужденія. По Псковской судной грамотѣ сябренное владѣніе, не нарушая правъ частной собственности, ставило сябровъ до нѣкоторой степени въ такое положеніе, что они, какъ члены одной общины, обязаны были защищать другъ друга и представлять собою нѣчто цѣлое, какъ бы юридическое лицо, даже на судѣ. Въ судной грамотѣ сказано: „А кто съ кимъ ростяжутся о земли или о борти, да положатъ грамоты старые, и купленую (купчую) свою грамоту; и его грамоты зайдутъ многихъ бо сябровъ земли и борти. И сябры всѣ станутъ (должны стать) на суду въ одномъ мѣстѣ отвѣчаючи, ктожъ за свою землю или за борть, да и грамоты предъ господою (судьями) покладутъ, да и межниковъ возмутъ. И той (у кого вышелъ первоначально споръ) отведетъ у стариковъ (старожильцевъ знающихъ межи) по своей купной (купчей) грамотѣ свою часть; ино ему правда дати (присягнуть) на своей части, а цѣлованью быть одному (т. е. прочіе сябры не обязаны присягать). А поцѣлуетъ во всѣхъ сябровъ; ино ему и судница (пра-

вую грамоту) дать на часть, на которой цѣлуетъ.“ Мелкіе поземельные собственники въ себрянномъ ли владѣніи, или въ отдѣльной единичной поземельной собственности, во Псковѣ, кажется, составляли между черными людьми особый классъ, средній между купцами и черными людьми, живущими на общинныхъ земляхъ, извѣстный по Псковскимъ памятникамъ подъименемъ житьихъ людей. По крайней мѣрѣ упоминаемые въ Псковскихъ памятникахъ житьи люди не могутъ быть причислены къ Новгородскимъ житьимъ людямъ. Въ Новгородѣ житьими людьми, какъ мы уже видѣли прежде, были собственно зажиточнѣйшіе, богатѣйшіе, вящшіе купцы какъ писалось по новгородски; и во всѣхъ Новгородскихъ памятникахъ они писались впереди простыхъ купцовъ, въ слѣдъ за боярами, напримѣръ въ извѣстіи подъ 1398 годомъ сказано: „а били челомъ бояре и дѣти боярскіе, и житьи люди и купеческіе дѣти.“ По Псковскимъ же памятникамъ житьи люди вездѣ помѣщаются послѣ купцовъ, слѣдовательно ихъ нельзя причислить къ вящшимъ богатѣйшимъ купцамъ. Напримѣръ въ наказѣ Псковскимъ купцамъ къ королю Казимиру въ 1480 году сказано: „отчина великихъ князей тобѣ, своему господину, честному великому королю, посадники Псковскіе, и степенные и старые посадники, и сынове посадничьи, и бояре, и купцы и житіи люди, и весь Псковъ челомъ бьетъ.“ Или въ Псковской лѣтописи подъ 1510 годомъ сказано: „И князь великій въ недѣлю велѣлъ быти у собя посадникамъ Псковскимъ, и дѣтемъ посадничьимъ и бояромъ, и купцамъ и житьимъ людемъ.“ Потомъ посадники, бояре и купцы были позваны въ гридницу государеву и тамъ арестованы,

а житьимъ людямъ, какъ молодшимъ, остававшимся на крыльцѣ, сказано: „до васъ государю дѣла нѣтъ".

Земцы и Смерды.

Кромѣ полноправныхъ людей, членовъ общинъ, имѣвшихъ право участвовать на вѣчѣ, во Псковѣ были еще два класса служилыхъ людей, неимѣвшихъ права участвовать на вѣчѣ, хотя пользовавшихся всѣми другими правами, предоставленными свободнымъ людямъ въ Псковской землѣ; сіи два класса имѣли общее между собою то, что жили на чужихъ земляхъ съ обязанностію службы. Одинъ изъ сихъ классовъ, извѣстный подъ именемъ земцевъ, служилъ самому Пскову, и жилъ на земляхъ, данныхъ Псковомъ; а другой, подъ общимъ именемъ смердовъ, жилъ на земляхъ частныхъ землевладѣльцевъ и состоялъ въ службѣ у хозяевъ занятой земли.

Земцы составляли постоянное войско Пскова, разселенное по границамъ, и обязанное защищать границы отъ нападенія непріятелей. Когда было учреждено это пограничное войско, памятники не даютъ объ этомъ извѣстій: но по всему вѣроятію учрежденіе класса земцевъ должно отнести къ концу XIV или началу XV столѣтія; по крайней мѣрѣ извѣстія объ нихъ относятся къ этому времени. Земцы получали отъ Пскова на свое содержаніе земли преимущественно на западномъ и особенно сѣверо-западномъ рубежѣ Псковскомъ: земли сіи давались не въ полную собственность, подобно помѣстьямъ въ Москвѣ, хотя въ Псковѣ они назывались вотчинами; сихъ земель земцы не могли ни продавать ни дарить, ни другимъ какимъ образомъ отчуждать; въ противномъ случаѣ обязаны были выкупать ихъ назадъ, и за тѣмъ уже лишались на нихъ права. Въ судной Псковской гра-

мотѣ прямо сказано объ этихъ земляхъ, названныхъ тамъ кормлею: „А которому человѣку будетъ кормля написана въ рукописаньи, и да грамотами владѣть землеными начнетъ, или исадскимъ, и продастъ тую землю, или иное что; а доличатъ того человѣка; ино ему земля та, или исадъ, или иное выкупити, а свою кормлю покралъ.“ Равнымъ образомъ земцы лишались права на сіи земли и тогда, когда не исполняли лежащей на землѣ службы, или когда, самъ Псковъ, по своему усмотрѣнію, находилъ въ данной мѣстности службу земцевъ ненужною и сводилъ ихъ съ данныхъ вотчинъ. Такъ подъ 1511 годомъ читаемъ въ лѣтописи, князь великій ходилъ съ силою и съ нарядомъ подъ Смоленскъ, а со Пскова взялъ 1000 пищальниковъ и Псковскихъ земцевъ; тогда еще не сведены были съ своихъ вотчинъ.“ Кромѣ военной пограничной службы земцы иногда еще платили деньгами на укрѣпленіе границъ; такъ подъ 1431 годомъ лѣтопись говоритъ: князь Псковскій и посадники наяша 300 человѣкъ и заложиша городъ на берегѣ, на рѣкѣ Гдовѣ, а на Гдовскихъ земцахъ, въ кого тамо отчина, взяша триста рублевъ въ камену стѣну.“ Къ этому же разряду служилыхъ людей во Псковѣ принадлежали жолнеры и пищальники, что-то въ родѣ московскихъ стрѣльцовъ, явившихся въ послѣдствіи; этотъ классъ служилыхъ людей явился уже въ послѣднее время самостоятельнаго существованія Пскова.

Смерды, какъ уже сказано выше, жили на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, по взаимнымъ условіямъ съ хозяевами земли. Они раздѣлялись на городскихъ и сельскихъ смердовъ. Городскіе смерды иначе назывались дворными наймитами, и обыкновенно состояли

у своихъ хозяевъ на службѣ, по взаимнымъ условіямъ, на опредѣленные годы, они еще назывались подсусѣдниками. Сельскіе смерды носили названія: изорниковъ, когда занимали землю подъ пашню; огородниками, когда занимали огородную землю; кочетниками или рыболовами, когда брали у владѣльцевъ рыбныя ловли или исады. Сельскіе смерды жили на земляхъ частныхъ владѣльцевъ безсрочно, сколько поживется, или пока будетъ держать хозяинъ земли. По Псковскому закону относительно свободнаго перехода смердовъ поставлено было только одно ограниченіе, состоящее въ томъ, что переходъ допускался только въ одинъ срокъ въ году, именно въ Филипово заговѣнье, т. е. въ шесть недѣль рождественскаго поста. Мимо этого срока ни смердъ не могъ оставить землю хозяина, ни хозяинъ сослать смерда съ своей земли. А ежели смердъ проживетъ на хозяйской землѣ до весны и даже весну; то, въ случаѣ перехода на другую землю, обязанъ былъ заплатить хозяину столько, сколько хозяинъ получитъ дохода съ другой такой же доли земли, не оставленной смердомъ.

Отношенія смерда къ землевладѣльцу опредѣлялись закономъ слѣдующимъ образомъ: 1-е. Смердъ за пользованіе хозяйскою землею платитъ хозяину доходъ, по взаимному между ними условію; въ случаѣ же перехода съ земли, по волѣ ли хозяина, или по волѣ смерда, весь доходъ, полученный съ земли, дѣлится пополамъ,—половину хозяину и половину смерду. „А который изорникъ, сказано въ Псковской судной грамотѣ, отречется у государя села, или государь его отречетъ; и государю взять у него все половину своего изорника, а изорникъ половину.“ 2-е. Старый изор-

никъ, т. е. не вновь поступившій, обязанъ давать землевладѣльцу подводы: „а старому изорнику, сказано въ законѣ, возы вести на государя." 3-е. При переходѣ смерда съ одной земли на другую, по своей ли волѣ, или по волѣ хозяина земли, хозяинъ имѣетъ право требовать съ смерда поименно всего того, что онъ ему далъ на обзаведеніе; въ законѣ сказано: „А государю на изорники, или на огородники, или на кочетники волею и въ закличь своей покруты и сочить серебра и всякой верши по имени, или пшеницы ярой, или озимой, и по отроку государеву или самъ отречется." А ежели смердъ начнетъ запираться отъ хозяйской покруты, а скажетъ, я у тебя на селѣ живалъ, но тебѣ ни чѣмъ не долженъ; то хозяинъ долженъ представить къ судьѣ пять или четыре человѣка стороннихъ людей, которые должны сказать по чистой совѣсти на какихъ условіяхъ сидѣлъ на селѣ смердъ, и потомъ долженъ или самъ поклясться или предоставить это смерду. Ежели же хозяинъ не поставитъ на судъ узаконенныхъ стороннихъ людей, или они не подтвердятъ его показанія, то тѣмъ самымъ теряетъ всякое право на искъ своей покруты. 4-е. Хозяинъ земли ни въ какомъ случаѣ не имѣетъ права искать на своемъ смердѣ ни торговыхъ денегъ, ни поруки, ни отданнаго смерду подъ сохраненіе, ни отданнаго въ долгъ, ни наслѣдства безъимянно; напротивъ того, смердъ имѣлъ право представить на хозяина счетную книгу или доску, и по этой доскѣ давался ему судъ съ хозяиномъ въ деньгахъ, или работахъ, или въ чемъ другомъ, значащемся по доскѣ на хозяинѣ. А ежели смердъ что изъ хозяйскаго имущества будетъ называть своимъ и требовать возвращенія; то хозяинъ обязывался предста-

вить на судъ стороннихъ людей, окольныхъ сосѣдей, которые показали бы что то хозяйское, чего ищетъ смердъ; и тогда смердъ терялъ свой искъ, а въ противномъ случаѣ хозяинъ отдавалъ смерду требуемую вещь. 5-е. Ежели бы смердъ сбѣжалъ отъ хозяина земли, то хозяинъ не иначе можетъ взять оставленное смердомъ имущество за свою покруту, какъ взявши у князя и посадника приставовъ, и пригласивши губскихъ старостъ и стороннихъ людей, и предъ ними продать имущество бѣжавшаго смерда, и взять то, что слѣдуетъ за покруту. Равнымъ образомъ когда смердъ умретъ у хозяина въ селѣ и не оставитъ при себѣ родственниковъ; то хозяинъ также долженъ продать имущество умершаго предъ приставами и сторонними людьми, и взять себѣ что слѣдуетъ за покруту. А ежели бы явились послѣ умершаго смерда братья или другіе родственники и потребовали бы себѣ оставшееся имущество, или даже взяли бы его, то они же обязывались платить хозяину земли покруту; но родственники обязывались къ этому только тогда, когда у хозяина земли имѣлась запись на умершемъ; въ противномъ же случаѣ дѣло рѣшалось судомъ по Псковской пошлинѣ. Сіи опредѣленія Псковскаго закона прямо и ясно свидѣтельствуютъ, что смерды, какъ люди свободные, пользовались всѣми правами, какъ личными такъ и имущественными, что зависимость смерда отъ хозяина земли была добровольная и временная, и ограничивалась только отношеніями смерда къ хозяину по землѣ и покрутѣ, или ссудѣ на хозяйственное обзаведеніе; но тѣмъ не менѣе эта временная и добровольная зависимость лишала смерда правъ политическихъ: смердъ, пока онъ былъ смер-

домъ, не могъ быть членомъ Псковскаго общества и не имѣлъ права участвовать своимъ голосомъ на вѣчѣ. Демократическое устройство Пскова допускало на вѣчѣ только людей вполнѣ свободныхъ, и не иначе какъ членовъ общинъ; а посему Псковскій законъ признавалъ за смердомъ гражданскую личность и даже обязывалъ смердовъ наравнѣ съ черными людьми платить подати и отправлять общественныя повинности, но политическихъ правъ имъ не давалъ, и именно за таковый порядокъ всегда стояли черные люди, т. е. главная масса демократовъ.

Вольные люди.

Подобно какъ въ Новгородѣ, и въ Псковѣ были вольные люди: къ этому классу принадлежали, какъ младшіе члены полноправныхъ семействъ Псковскихъ, такъ пришельцы изъ другихъ краевъ русской земли, и всѣ люди, неимѣющіе ни частной поземельной собственности, ни доли въ общинныхъ земляхъ, и неживущіе на земляхъ частныхъ владѣльцевъ; а состоящіе или на содержаніи своихъ семействъ, или прокармливающіеся своимъ личнымъ трудомъ по найму. Эта огромная масса людей была на такомъ же положеніи во Псковѣ, какъ и въ Новгородѣ, т. е. имѣла за собою право личной свободы и труда, но не причислялась ни къ какой общинѣ и не владѣла ни на какихъ правахъ землею; а посему не имѣла никакихъ общественныхъ или политическихъ правъ и не подлежала никакимъ общественнымъ обязанностямъ. Но добровольно вольные люди могли принимать на себя и общественныя обязанности; и дѣйствительно, подъ названіемъ охочихъ людей часто участвовали въ военныхъ походахъ на защиту Псковской земли. Впрочемъ, по единогласному свидѣтельству памятни-

ковъ, охочіе люди никогда не смѣшивались съ рубленою ратью, т. е. собранною по раскладкѣ, по разрубу общинъ, а составляли особые полки и имѣли своихъ отдѣльныхъ воеводъ, выбранныхъ или самими охочими людьми, или назначенныхъ вѣчемъ; даже походы охочихъ людей всегда производились отдѣльно отъ походовъ Псковской или рубленой рати, хотя бы они назначались самимъ Псковскимъ правительствомъ. Напримѣръ, когда Псковская рубленая рать, въ 1463 году, подъ начальствомъ посадника Максима Ларіоновича и двухъ бояръ была отправлена вѣчемъ противъ Нѣмцевъ къ Городку; то въ то же самое время иная Псковская сила, нерубленіи люди, охочій человѣкъ, ходили за Изборскъ, подъ начальствомъ выборнаго воеводы дьяка Ивашки, и воевали Нѣмецкую землю. Потомъ, когда вторично въ томъ же году Псковская рубленая рать отправилась, подъ начальствомъ велико-княжескаго воеводы, за рѣку Великую къ новому Нѣмецкому городку; то въ то же время нерубленая рать Псковичи охочій человѣкъ и прихожіе люди иноземцы, по приказанію вѣча и подъ начальствомъ назначеннаго вѣчемъ воеводы посадника Дороѳея Олферьевича, была отправлена въ насадахъ воевать Нѣмецкую землю на Коржелу.

Вольные люди во Псковѣ, какъ свои такъ и пришельцы, подобно какъ и въ Новгородѣ, оставались въ своемъ неопредѣленномъ положеніи, не подлежащемъ ни какимъ общественнымъ обязанностямъ, только до тѣхъ поръ, пока не поступали въ члены какой либо общины, или не зачислялись въ смерды за какимъ либо землевладѣльцемъ, чѣмъ почти всегда оканчивалось чисто переходное положеніе вольнаго

совращеніи изъ православія или отступленіи отъ вѣры христіанской начинается не иначе, какъ по требованію духовнаго начальства.

1007. Изъ сего правила изъемлются дѣла какъ о распространителяхъ ересей, признанныхъ особенно вредными (уложенія о наказаніяхъ ст. 217), такъ и о совратившихся въ такія ереси, которыя соединены съ свирѣпымъ изувѣрствомъ и фанатическимъ посягательствомъ на жизнь свою или другихъ, или же съ противонравственными, гнусными дѣйствіями (уложенія о наказаніяхъ ст. 223). По симъ дѣламъ предварительное слѣдствіе начинается и безъ требованія духовнаго начальства.

ст. 217. улож. о наказ. Послѣдователи сектъ, именуемыхъ духоборцами, иконоборцами, малаканами, іудействующими, скопцами, а равно и другіе, принадлежащіе къ ересямъ, которыя, установленнымъ для сего порядкомъ признаны или въ послѣдствіи будутъ признаны особенно вредными, за распространеніе своей ереси и совращеніе въ оную другихъ, по совершенномъ изобличеніи въ семъ преступленіи, подвергаются:

лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ: изъ Европейской Россіи въ Закавказскій край, изъ Ставропольской губерніи и Закавказскаго края въ Сибирь, а по Сибири въ отдаленнѣйшія оной мѣста, для водворенія особо отъ другихъ поселенцевъ и старожиловъ.

Малаканы и прочіе изъ принадлежащихъ къ ересямъ, признаннымъ особенно вредными, дозволяющіе себѣ проповѣдывать свое лжеученіе публично православнымъ, за самое первое сего рода дѣйствіе признаются распространителями расколовъ.

Скопцы же, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, должны быть изъ всѣхъ мѣстъ отправляемы въ отдаленный край Восточной Сибири, съ порученіемъ ихъ строжайшему надзору тамошняго гражданскаго начальства.

223. Тѣ изъ раскольниковъ, хотя и неизобличенные въ совращеніи православныхъ, которые принадлежатъ къ ересямъ, соединеннымъ съ свирѣпымъ изувѣрствомъ, и фанатическимъ посягательствомъ на жизнь свою или другихъ или же съ противонравственными, гнусными дѣй-

ствіями, по совершенномъ ихъ въ томъ изобличеніи, подвергаются:

наказанію выше сего въ статьѣ 217 опредѣленному.

Въ случаѣ, когда по убѣжденіямъ сего фанатизма учинено смертоубійство или покушеніе на убійство, они подвергаются:

наказаніямъ опредѣленнымъ за убійство съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ въ статьѣ 2003 сего уложенія или за покушеніе на оное, на основаніи правилъ, постановленныхъ выше сего, въ статьяхъ 126 и 127.

1008. Судебный слѣдователь не вправѣ отказаться отъ производства, по требованію духовнаго начальства, предварительнаго слѣдствія о совращеніи изъ православія или отступленіи отъ вѣры христіанской.

1009. По дѣламъ о преступленіяхъ противъ православной вѣры, подлежащимъ разсмотрѣнію въ окружныхъ судахъ съ присяжными засѣдателями, сіи послѣдніе должны быть избираемы изъ лицъ православнаго исповѣданія.

1010. Если въ числѣ призванныхъ къ судебнымъ засѣданіямъ тридцати засѣдателей окажутся лица неправославнаго исповѣданія, то, предъ составленіемъ присутствія присяжныхъ по жребію, для разсмотрѣнія дѣла по преступленію противъ вѣры, означенныя лица замѣняются запасными засѣдателями православнаго исповѣданія.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Преступленія, соединенныя съ нарушеніемъ церковныхъ правилъ.

1011. Когда при разсмотрѣніи въ духовномъ вѣдомствѣ дѣлъ, заключающихъ въ себѣ нарушенія церковныхъ правилъ, откроются преступленія, подлежащія суду уголовному, то духовныя правительства сообщаютъ о томъ состоящимъ при окружныхъ су-

вытекало необходимое послѣдствіе, что, по мѣрѣ усиленія Пскова и пріобрѣтенія имъ самостоятельности и полной независимости, Псковская церковь должна была получить иной характеръ, чѣмъ Новгородская церковь, и даже чѣмъ другая какая русская церковь, именно: явиться въ исключительномъ, ей только принадлежавшемъ положеніи. Псковская церковь, сохраняя всѣ догматы православія наравнѣ съ другими Русскими церквами, въ то же время незамѣтно приняла характеръ пресвитеріанской церкви; и пріобрѣла это не пожеланію общества, а именно потому, что Новгородъ и его архіепископъ постоянно старались держать Псковскую церковь на правахъ церкви пригородской, подъ управленіемъ владычня намѣстника, назначаемаго Новгородскимъ архіепископомъ; тогда какъ Псковъ въ политическомъ отношеніи давно уже сдѣлался сомостоятельнымъ, и съ половины XIV. столѣтія даже былъ признанъ таковымъ отъ самаго Новгорода по договору. Новгородцы, потерявши политическую власть надъ Псковомъ, во чтобы то ни стало хотѣли удержать за собою хотя церковное главенство; а Псковичи, наоборотъ, получивши политическую самостоятельность, не хотѣли терпѣть зависимости церковной, и, при упорствѣ Новгородцевъ, считали даже законнымъ Псковскую церковь, неимѣвшую своего самостоятельнаго представителя во Псковѣ, подчинить совершенно своему мірскому обществу, дать мѣстному духовенству всѣ права мірскихъ людей, въ самомъ обширномъ смыслѣ, и съ тѣмъ вмѣстѣ подчинить его мірному суду и власти. А посему Псковская церковь, неотступая отъ православія, общаго всѣмъ Русскимъ церквамъ, невольно мало

помалу пріобрѣтала свой своеобразный складъ и строй, свойственный ей только одной, и при томъ вполнѣ согласный съ демократическимъ настроеніемъ цѣлаго Псковскаго общества. Хотя по ясному свидѣтельству памятниковъ то несомнѣнно, что Псковичи, при всякомъ удобномъ случаѣ, старались получить себѣ самостоятельнаго епископа, и никогда не желали, чтобы ихъ церковь въ чемъ нибудь разнилась отъ другихъ самостоятельныхъ Русскихъ церквей; тѣмъ не менѣе Псковская церковь складывалась своеобразно и мимо ихъ воли.

Положеніе церкви въ первые 318 лѣтъ отъ принятія Христіанства.

Первоначально, въ продолженіе 318 лѣтъ отъ принятія Христіанства, пока были въ мирѣ и въ полномъ согласіи Псковичи съ Новгородцами, и Псковская церковь была въ мирѣ и согласіи съ епископомъ и потомъ архіепископомъ Новгородскими, Новгородскіе владыки управляли ею чрезъ своихъ намѣстниковъ, присылаемыхъ изъ Новгорода, или назначаемыхъ изъ Псковичей, и сами епископы и потомъ архіепископы чрезъ каждые три года пріѣзжали во Псковъ, судили и рядили дѣла, по номоканону и уставамъ русскихъ князей подвѣдомыя суду святительскому, и получали съ Псковскаго духовенства опредѣленные доходы, извѣстные подъ именемъ подъѣзда; посвящали во Псковъ священнослужителей и пользовались значительными угодьями и вотчинами, уступленными Псковскимъ вѣчемъ въ пользу епископской каѳедры. Псковичи во все это время, въ глазахъ Новгородскихъ владыкъ, даже считались усерднѣйшими и послушнѣйшими сынами православной церкви, строили монастыри и церкви, снабжали ихъ обильными вкладами и считали для себя большимъ праздникомъ, когда владыка Новгородскій

посѣщалъ ихъ городъ; подносили ему богатые дары и безпрекословно исполняли всѣ его приказанія. Въ это время были построены знаменитѣйшіе Псковскіе монастыри: Снѣтогорскій — Рождество-Богородицкій, Спасо-Мирожскій, Іоанно-предтечевскій, Старо-Вознесенскій, Городищенскій-Николаевскій близъ Изборска, Пантелеймоновъ, Домантовъ и другіе. Сами владыки Новгородскіе не оставляли Псковъ своимъ вниманіемъ, и на свое иждивеніе строили и украшали Псковскія церкви; такъ напримѣръ епископъ Новгородскій Нифонтъ построилъ каменную церковь Преображенія въ Спасо-Мирожскомъ монастырѣ. Между тѣмъ въ то же время устроился и знаменитый Псковскій соборъ св. Троицы, эта политическая и религіозная святыня Пскова, въ которомъ вмѣстѣ съ старшими священниками, или поповскими старостами, засѣдали и мірскіе церковные старосты, избранные обществомъ, и принимали въ управленіи Псковскою церковію одинаковое участіе съ священниками, такъ что безъ ихъ согласія даже нельзя было построить той или другой церкви; и гдѣ была особая палата съ своими выборными старостами и сотскими, въ которой велись особыя книги для записки всѣхъ гражданскихъ актовъ и сдѣлокъ, имѣющихъ, какъ говорится нынѣ, крѣпостный характеръ; „гдѣ въ особомъ ларѣ хранились всѣ законы и постановленія, какъ церковныя, такъ и гражданскія. А печать присвоенная церкви св. Троицы, была собственно печатью Пскова, и по закону могла замѣнять и замѣняла, когда это было нужно, печать княжескую. Впрочемъ соборъ св. Троицы, несмотря на свой болѣе мірскій чѣмъ церковный характеръ, во все время мира и согласія

Пскова съ Новгородомъ, нисколько не стѣснялъ развитія власти Новгородскаго владыки въ Псковской церкви.

Ссоры съ владыкою Новгородскимъ.

Между тѣмъ у Пскова, уже выросшаго и окрѣпшаго, въ 1307 году послѣдовала первая серьезная ссора съ Новгородомъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ открылось и первое розмирье съ Новгородскимъ владыкою, архіепископомъ Ѳеоктистомъ. Чѣмъ кончилось это первое розмирье, мы не знаемъ; впрочемъ по всему вѣроятію на первый разъ дѣло было улажено какими нибудь взаимными уступками; ибо въ лѣтописяхъ нѣтъ никакихъ извѣстій о послѣдствіяхъ этого розмирья. Но какъ бы то ни было по первому же розмирью Псковичи поняли, что нравственная нить, связующая ихъ съ владыкою Новгородскимъ, порвалась, что имъ уже не приходится терпѣть по доброй волѣ зависимость своей церкви отъ Новгородской; неудовольствія и непріязненныя отношенія очевидно уже непрекращались и довели дѣло до того, что въ 1331 г. пользуясь случаемъ избранія новаго владыки въ Новгородѣ, вслѣдствіе удаленія въ монастырь архіепископа Моисея, Псковичи выбрали себѣ въ отдѣльные, собственно Псковскіе епископы инока Арсенія и отправили въ Волынскую землю, къ митрополиту Ѳеогносту на посвященіе. Но митрополитъ, желая поддержать старый порядокъ, и, конечно, по просьбамъ Новгородцевъ, отказалъ Арсенію въ посвященіи, не смотря на ходатайство великаго князя Литовскаго Гедимина и другихъ тамошнихъ князей. Такимъ образомъ первая попытка Псковичей отдѣлить свою церковь отъ Новгородской не имѣла успѣха, и они по неволѣ должны были покориться высшему суду

главнаго архипастыря всей Русской церкви, и по прежнему признать надъ своею церковію власть ново-поставленнаго Новгородскаго архіепископа Василія. Но невольное признаніе чуждой и неугодной обществу власти естественно не могло быть прочнымъ. На первый разъ въ 1333 году владыка Василій, пріѣзжавшій на свой обычный поѣздъ, былъ принятъ Псковичами съ почетомъ и радушно; за то во второй пріѣздъ, бывшій въ 1337 году, Псковичи не только приняли холодно прибывшаго къ нимъ владыку Василія, но даже не дали ему и закономъ опредѣленнаго суда по церковнымъ дѣламъ; такъ что владыка принужденъ былъ поспѣшить удаленіемъ изъ Пскова, и уѣзжая предалъ Псковичей проклятію за ихъ непокорность, а Псковичи въ отвѣтъ на это, кажется, выгнали его намѣстника и прекратили съ нимъ всѣ сношенія, что и продолжалось десять лѣтъ. А между тѣмъ Псковъ все болѣе и болѣе отдѣлялся отъ Новгорода, въ политическомъ отношеніи, и развивалъ свою самостоятельность; въ отношеніи же къ Новгороду находился въ какомъ-то неясномъ и двусмысленномъ положеніи, ни въ мирномъ, ни во враждебномъ.

Наконецъ Новгородцы, чтобы прекратить всѣ недоумѣнія со Псковомъ, въ явной и прямой помощи котораго они нуждались по случаю войны съ Шведскимъ королемъ, въ 1347 году заключили съ Псковичами формальный договоръ, по которому признали Псковъ младшимъ братомъ, т. е. такимъ же независимымъ и самостоятельнымъ государствомъ, какъ и самый Новгородъ. Относительно же управленія церковными дѣлами, по настоянію Псковичей, Новгородцы въ томъ

же формальномъ договорѣ положили закономъ, чтобы Новгородскій владыка управлялъ Псковскою церковію чрезъ своего намѣстника, непремѣнно выбраннаго изъ Псковичей, а отнюдь не изъ Новгородцевъ, и чтобы ни по какимъ дѣламъ не вызывалъ Псковичей на свой судъ въ Новгородъ. Это новое узаконеніе, принятое за основный законъ, на время удовлетворило Псковичей, примирило ихъ съ Новгородскимъ владыкою, и они обѣщались принимать его попрежнему во время его срочныхъ подъѣздовъ, и давать судъ на цѣлый мѣсяцъ. Кромѣ того, въ дополненіе къ договору, Псковичи выговорили себѣ право, чтобы при владычнемъ намѣстникѣ на судѣ и во всякомъ церковномъ управленіи Пскову держать своего мужа изъ мірскихъ людей; такъ что владыченъ намѣстникъ могъ вести свои дѣла не иначе, какъ по согласію съ мужемъ, назначеннымъ отъ вѣча. Послѣ такихъ важныхъ уступокъ, владыки Новгородскіе опять вошли въ сношенія съ Псковичами, и стали попрежнему посѣщать Псковъ, и въ урочное время на подъѣздъ и судъ, и въ неурочное время, по просьбѣ Псковичей. Такимъ образомъ, повидимому, все было улажено надлежащимъ порядкомъ; но на дѣлѣ и та и другая сторона не были удовлетворены. Псковичи были недовольны тѣмъ, что ихъ церковь все еще оставалась въ зависимости отъ Новгородской; а владыка Новгородскій, конечно, не могъ не скорбѣть, что его архипастырская власть осталась почти при одномъ правѣ—пользоваться опредѣленными доходами.

Новое положеніе Псковской церкви

Законы относительно церковнаго устройства во Псковѣ, утвержденные мирнымъ договоромъ 1347 года, дали новое направленіе всему строю Псковской церкви.

послѣ мира 1347 года. Владыка Новгородскій, по миру 1347 года, почти лишенный всякой власти во Псковѣ, естественно ничего не могъ сдѣлать въ пользу благоустройства Псковской церкви, и волей-не волей долженъ былъ оставлять ее собственной ея судьбѣ. Всѣ его распоряженія, какъ бы они ни были благоразумны и благонамѣренны, почти не имѣли никакой силы; ибо, съ одной стороны, на него самого Псковичи смотрѣли не столько какъ на архипастыря, сколько какъ на откупщика подъѣздныхъ и судныхъ пошлинъ; а съ другой стороны, единственный органъ владыки во Псковѣ, его намѣстникъ, непремѣнно изъ Псковичей, и притомъ подъ надзоромъ мірскаго человѣка, назначеннаго вѣчемъ, не столько зависѣлъ отъ владыки, сколько отъ мірскаго общества. Все это поставило Псковскихъ духовныхъ въ какое-то неопредѣленное и неясное положеніе: духовные, по миру 1347 года, оставаясь безъ надлежащаго надзора и защиты отъ своего отдаленнаго и стѣсненнаго въ своихъ дѣйствіяхъ архипастыря, должны были волей-неволей вполнѣ подчиниться крѣпкому свѣтскому обществу, и почти обратиться изъ пастырей церкви въ свѣтскихъ чиновниковъ, выбранныхъ обществомъ къ церковной службѣ. Въ мірскихъ дѣлахъ это положеніе представляло духовнымъ множество выгодъ. Духовенству Псковскому, послѣ мира 1347 года, открылась дорога ко всѣмъ правамъ: духовные съ того времени получили право голоса на вѣчѣ, такъ что безъ ихъ присутствія не начиналось вѣча: они должны были открывать его своимъ благословеніемъ; безъ благословенія духовныхъ не издавалось основныхъ законовъ; такъ напримѣръ въ извѣстной судной грамотѣ читаемъ: „ся

грамота писана по благословенію отецъ своихъ поповъ всѣхъ пяти соборовъ, и священноиноковъ и діаконовъ и всего Божіяго священства, всѣмъ Псковомъ на вѣчѣ." Съ этого преимущественно времени священники и игумены появляются послами отъ Пскова къ сосѣднимъ государямъ, участниками въ военныхъ походахъ, и даже военными начальниками при защитѣ городовъ, и хранителями общественной казны. Они своимъ участіемъ въ общественныхъ дѣламъ пріобрѣтаютъ уваженіе общества и пользуются значительными выгодами; такъ что даже бояре вступаютъ въ должности діаконовъ и священниковъ, и отнюдь не изъ особаго благочестія, а просто разсчитывая на хорошіе доходы отъ церкви; ибо какъ скоро таковые разсчеты почему либо оказывались невѣрными, то тѣ же самыя лица не задумывались сложить съ себя духовный чинъ и поступить на иную службу; такъ напримѣръ лѣтопись подъ 1477 годомъ упоминаетъ о бояринѣ Андреѣ Ивановѣ, сынѣ поповѣ раздіаконѣ, который, по опредѣленію вѣча, вмѣстѣ съ другимъ бояриномъ Онимахомъ Гладкимъ, правилъ посольство отъ Пскова къ великому князю Московскому.

Но, успѣвая въ дѣлахъ мірскихъ, и превращаясь изъ пастырей церкви въ свѣтскихъ чиновниковъ, Псковское духовенство съ 1347 года начало быстро клониться къ упадку въ дѣлахъ своего церковнаго служенія. Оставаясь безъ надлежащаго надзора и гоняясь за мірскими выгодами, оно безъ всякаго вниманія и кое-какъ занималось своими существенными обязанностями служителей церкви, и довело это важное дѣло до крайнихъ безпорядковъ. Митрополитъ Купріянъ въ своемъ посланіи къ Псковскому духовен-

ству пишетъ: что до него дошло извѣстіе отъ ихъ же попа Харитона и его товарищей, что во Псковѣ нѣтъ ни правильнаго номоканона, ни уставовъ литургіи Іоанна Златоустаго и Василія великаго, ни правильнаго синодика, ни требника,—какъ крестить дѣтей и вѣнчать браки,—что у нихъ крестятъ дѣтей обливая водою, а не погружая; что пріобщаютъ св. таинъ Христовыхъ по окончаніи обѣдни, т. е. по сдѣланіи отпуска, а при освященіи церквей антиминсы рѣжутъ начетверо, и даютъ въ церковь одну четвертую долю." Къ тому же не должно опускать изъ вида, что при слабомъ надзорѣ, при выгодности иныхъ духовныхъ мѣстъ и при почетѣ, которымъ вообще пользовалось духовенство, должности духовныхъ сдѣлались предметомъ искательствъ для людей вовсе къ нимъ неспособныхъ и недостойныхъ, которые стали достигать ихъ посредствомъ подкуповъ и разныхъ неприличныхъ происковъ у мірскихъ людей, что было весьма удобно дѣлать, ибо всѣ духовныя должности зависѣли отъ выбора мірскихъ людей, а владыка только рукополагалъ избраныхъ и не имѣлъ возможности контролировать самый выборъ.

Ересь стригольниковъ.

Все это мало-по-малу установило въ Псковскомъ обществѣ очень невыгодный взглядъ на духовенство относительно его пастырской церковный дѣятельности; такъ что у многихъ мірскихъ людей, и даже у духовныхъ, зародилась мысль,—да нужно ли имѣть духовенство и нельзя ли обойтись и безъ него. Эту мысль, можетъ быть давно уже блуждавшую у многихъ, въ 1471 году развили до ученія и пустили въ ходъ три ересеначальника, — стригольникъ Карпъ, діаконъ Никита и третій, имя и званіе котораго не сохранилось въ па-

мятникахъ. Они, по свидѣтельству посланій патріарховъ Константинопольскихъ Нила и Антонія, подъ видомъ благочестія и желанія сохранить божественныя писанія и священные каноны, всѣхъ святителей, священниковъ и клириковъ, какъ поставляющихъ, такъ и поставляемыхъ, назвали поставленными на мздѣ и еретиками, объявляя только себя правовѣрными. Потомъ, отвегнувши всю церковную іерархію, они начали отрицать уставы церковные и даже таинства, совершаемыя чрезъ священниковъ, напримѣръ: причащеніе тѣлу и крови Господней и покаяніе, повелѣвая каяться къ землѣ, а не къ священникамъ. Таковое дикое и противо-христіанское ученіе естественно должно было поднять противъ себя какъ церковную іерархію, такъ и всѣхъ благомыслящихъ людей во Псковѣ и въ Новгородѣ; и ересеначальники были схвачены въ 1376 году и отвезены въ Новгородъ, гдѣ по суду владыки Алексія, были отлучены отъ церкви, а судомъ народнаго вѣча сброшены съ моста въ Волховъ. Но, разумѣется, казнь ересеначальниковъ не прекратила ереси, глубоко пустившей корни въ приготовленномъ къ тому обществѣ. Ересь взволновала весь Псковъ и слухъ о ней достигъ даже до Константинополя, и оттуда въ 1382 году пріѣхалъ во Псковъ Суздальскій владыка Діонисій, съ благословеніемъ и грамотою патріарха Нила, по порученію Новгородскаго архіепископа Алексѣя началъ учить Псковичей надлежащему понпманію закона Божія, утверждать въ истинной христіанской вѣрѣ, и убѣждать чтобы не слушали злонамѣренныхъ людей и еретиковъ. Потомъ, въ 1384 году, пріѣзжалъ во Псковъ самъ владыка Алексѣй и, кажется, по возможности уладилъ

дѣло о стригольникахъ, такъ называемыхъ по ремеслу своего ересеначальника, хотя конечно слѣды ереси еще оставались, и слѣды довольно замѣтные. Ибо еще въ 1395 году Константинопольскій патріархъ Антоній нашелъ нужнымъ послать грамоту во Псковъ противъ стригольниковъ, да и тогдашній митрополитъ всея Руси Кипріанъ въ томъ же году пріѣзжалъ въ Новгородъ едвали не по дѣлу о стригольникахъ; ибо Псковичи, какъ только услышали о пріѣздѣ митрополита, немедленно отправили къ нему свое посольство для принятія благословенія и представленія поминковъ; а митрополитъ, отъѣзжая изъ Новгорода, немедленно послалъ во Псковъ Полотскаго владыку Ѳеодосія, который отъ митрополита и привезъ грамоту патріарха Антонія.

Положеніе церкви по уничтоженіи ереси стригольниковъ.

Какъ бы то ни было, мѣры, принятыя церковною іерархіею противъ стригольниковъ, имѣли нѣкоторый и даже значительный успѣхъ,—ересь примолкла; но къ сожалѣнію противъ причинъ породившихъ эту ересь, не было принято никакихъ мѣръ, ихъ даже не затрогивали. Псковская церковь осталась въ прежнемъ неудовлетворительномъ положеніи: главное препятствіе ко введенію надлежащаго порядка не было устранено; Псковъ попрежнему остался безъ мѣстнаго святителя, и Новгородскій владыка попрежнему былъ стѣсненъ въ своихъ распоряженіяхъ вмѣшательствомъ Псковскаго вѣча въ церковныя дѣла, а это вмѣшательство годъ отъ года все развивалось болѣе и болѣе. Псковичи хотя и продолжали поддерживать мирныя сношенія съ владыками Новгородскими; но въ то же время строго стояли за свои права, утвержденныя

миромъ 1347 года. Такъ когда въ 1411 году владыка Новгородскій Іоаннъ вздумалъ прислать во Псковъ своего протопопа Тимоѳея—требовать съ священниковъ владычня подъѣзда; то Псковское вѣче, запретило священникамъ давать этотъ подъѣздъ, и велѣло сказать Іоанну: „коли Богъ дастъ будетъ самъ владыка во Псковѣ, то и подъѣздъ его чистъ, какъ пошло изперва по старинѣ.“ Но миръ съ владыками Новгородскими продолжался только до 1419 года; въ этомъ же году владыка Симеонъ въ послѣдній разъ былъ на своемъ подъѣздѣ во Псковѣ и уѣхалъ недовольный, не проживъ урочнаго мѣсяца; и послѣ этого въ продолженіе 16 лѣтъ не было владычня подъѣзда во Псковѣ. Потомъ, когда владыка Евѳимій, много способствовавшій примиренію Псковичей съ Новгородцами, въ 1435 году пріѣхалъ во Псковъ, и видя страшные безпорядки въ церкви, и надѣясь на свои услуги Пскову при заключеніи мира съ Новгородцами, думалъ нѣсколько развить свою власть и сталъ требовать, чтобы для лучшаго надзора ему дозволено было назначить своихъ намѣстника и печатника изъ Новгородцевъ, а не изъ Псковичей; то вѣче наотрѣзъ ему отказало въ этомъ дозволеніи, даже запретило духовенству платить владычень подъѣздъ, и хотя немного спустя послѣ многихъ споровъ и угрозъ и уступило требованію владыки; но какъ скоро владычень намѣстникъ, не изъ Псковичей, сталъ судить не по Псковскимъ обычаямъ; то Псковичи вступили въ бой съ владычными Софьянами, и владыка въ гнѣвѣ, не проживъ и трехъ недѣль, уѣхалъ и даже не принялъ даровъ отъ Псковскаго вѣча. Послѣ этого опять 15 лѣтъ не было

владычня пріѣзда во Псковъ; и только въ 1450 году владыка Евѳимій, много трудившійся на пользу Псковичей при заключеніи мира съ Нѣмцами, вторично посѣтилъ Псковъ. На этотъ разъ владычевъ пріѣздъ былъ угоденъ и для владыки и для Псковичей; священноиноки, священники, діаконы, посадники и бояре вышли встрѣчать владыку къ дальнему Пантелеймову. Владыка въ тотъ же день, какъ пріѣхалъ, служилъ литургію въ церкви св. Троицы, а на третій день соборовалъ, чѣмъ особенно всегда дорожили Псковичи. На этомъ соборованіи торжественно читали синодикъ, прокляли злыхъ, которые хотятъ зла Пскову и Новгороду, пѣли вѣчную память благовѣрнымъ князьямъ, лежащимъ въ дому святыя Софіи и святыя Троицы, а также всѣмъ добрымъ людямъ, положившимъ свои головы и проліявшимъ кровь за домъ Божій и православное христіанство, а живущимъ окрестъ Новгорода и Пскова пѣли многая лѣта. Псковичи, довольные всѣмъ этимъ, отъ всѣхъ концовъ дарили и чтили владыку, и князь Псковскій и посадники проводили его съ большою почестію до рубежа Псковской земли. Въ этотъ пріѣздъ отъ владыки не было и помину ни о подъѣздѣ ни о судѣ, онъ пріѣжалъ только мириться съ Псковомъ и, кажется примирился окончательно; ибо слѣдующіе два владычня пріѣзда, въ 1453 и 1457 годахъ, владыка постоянно былъ принимаемъ Псковичами съ большими почестями, и каждый разъ у нихъ соборовалъ, торжественно челъ синодикъ, и получалъ безпрекословно свой подъѣздъ и судъ; но, конечно, въ сіи пріѣзды уже не было и помину ни о назначеніи намѣстника не изъ Псковичей, ни о другихъ вопросахъ относительно развитія

владычней власти, какъ это ясно показываетъ тогдашнее положеніе Псковской церкви.

Безпорядки въ церкви и упадокъ духовенства.

Ни миръ ни ссоры съ Новгородскими владыками Псковскаго вѣча нисколько не помогали Псковской церкви и не исправляли вопіющихъ безпорядковъ; ибо Псковичи и мирились и ссорились только изъ владычныхъ пошлинъ и власти Псковскаго вѣча; вѣче стояло на одномъ, чтобы статьи мирнаго договора 1347 года, относительно епископской власти во Псковѣ, и чтобы епископская власть отнюдь не развивалась, а скорѣе стѣснялась; каковы же были порядки въ Псковской церкви и удовлетворителенъ ли надзоръ за духовенствомъ, объ этомъ не только не было вопроса, но даже вѣче постоянно отклоняло его, ежели онъ поднимался которымъ владыкою. Между тѣмъ, духовенство въ своемъ церковномъ значеніи, послѣ пораженія ереси стригольниковъ, все падало ниже и ниже, и годъ отъ года все болѣе подчинялось свѣтскому обществу; Псковское вѣче годъ отъ года захватывало болѣе власти надъ духовенствомъ и распоряжалось церковными уставами и судомъ по своему произволу; церковные старосты, не только приходскихъ церквей, но и при монастыряхъ завѣдывали и распоряжались церковными имуществами, безъ всякаго отношенія къ игуменамъ и священникамъ, а замѣщеніе игуменскихъ и священническихъ вакансій обратилось просто въ торговлю: принимали къ церквамъ и монастырямъ игуменовъ и священниковъ безъ ставленыхъ и отпускныхъ грамотъ, только бы кто далъ дороже за мѣсто, или согласился принять должность на болѣе выгодныхъ условіяхъ для старостъ и главныхъ прихожанъ, а каковъ принимаемый, объ этомъ не думали и спрашивать.

При таковомъ безпорядкѣ, какъ свидѣтельствуютъ и лѣтописи и оффиціальные памятники, нерѣдко поступали къ церковнымъ должностямъ люди развратные и зараженные ересію стригольниковъ; встрѣчались въ псковскихъ монастыряхъ іеромонахи, которые смѣялись надъ священничествомъ и никогда не причащались святыхъ тайнъ; а церковныя власти не имѣли никакой силы, ибо своевольница, набираемая старостами, и знать не хотѣла церковнаго суда, напротивъ, надѣясь на своихъ покровителей, церковныхъ старостъ, спѣшила прикрываться мірскимъ судомъ. Уже въ 1395 митрополитъ всея Руси Кипріанъ писалъ къ Псковичамъ; „слышалъ я, что во Псковѣ міряне судятъ и казнятъ поповъ въ церковныхъ вещехъ, и вы бы дѣти мои Псковичи отъ велика до мала не судили ни казнили поповъ, грѣха бы на свою душу не брали ни зарока на весь Псковъ не чинили. Слышалъ еще, что у васъ иные молодые попы, овдовѣвши поженились, не оставивъ поповства; и того вамъ также не годится судить, вѣдаетъ то святитель, онъ поставитъ и извержетъ, и казнитъ и учитъ. А что земли церковныя, или села, купли ли будетъ, или кто далъ умирая которой будетъ церкви; а въ тѣ бы земли не вступалися никто отъ васъ, чтобы церковь Божія не изобижена была, занеже въ томъ великъ грѣхъ отъ Бога.“ Или въ 1416 году Новгородскій владыка Симеонъ въ своемъ посланіи въ Снѣтогорскій монастырь пишетъ: „непослушные чернецы оставляютъ монастырь и поднимаютъ мірскихъ людей и мірскихъ судей на игумена и старцевъ; и тѣ мірскіе судьи и міряне судятъ иноковъ мірскимъ обычаемъ, какъ лѣпо мірянамъ, и присужаютъ игумену и старцамъ

или поединокъ, или роту (клятву)." А митрополитъ Фотій, въ своемъ посланіи въ тотъ же Снѣтогорскій монастырь, отъ 27 іюня 1418 года, пишетъ: „что по доношенію игумена между иноками Снѣтогорскаго монастыря есть такіе, которые отвергаютъ покаяніе и пріобщеніе святымъ тайнамъ Христовымъ тѣлу и крови." Или посланіе Новгородскаго владыки Евфимія къ Псковскому духовенству (1426 года) свидѣтельствуетъ, что во Псковѣ принимаютъ къ церквамъ игуменовъ и священниковъ безъ ставленыхъ и отпускныхъ грамотъ. А митрополитъ Фотій, въ своемъ посланіи къ Псковскимъ посадникамъ и духовенству, отъ 4-го января 1430 года, пишетъ, что въ Псковской землѣ многіе священники живутъ не по священническому чину, къ церквамъ Божіимъ не ходятъ, и людей приходящихъ къ церквамъ соблазняютъ своимъ небреженіемъ, а другіе при мѵропомазаніи употребляютъ мѵро, полученное отъ Латинянъ (т. е. безсмысленно подчиняютъ свою церковь Латинской). И въ томъ же посланіи требуетъ, чтобы прислали къ нему одного изъ священниковъ, человѣка искуснаго, и онъ научитъ его о всѣхъ церковныхъ правилахъ, и о пѣніи церковномъ, и о церковныхъ службахъ, и мѵро святое великое съ нимъ пришлетъ, и что будетъ потребно изъ святаго писанія, велитъ списать и пришлетъ во Псковъ." Слѣдовательно во всемъ этомъ Псковская церковь крайне нуждалась, и духовенство, занятое болѣе мірскими чѣмъ церковными дѣлами, и при недостаткѣ надлежащаго надзора, мало заботилось о церковныхъ порядкахъ, и вообще къ своему существенному дѣлу, къ церковной службѣ, относилось съ крайнею небрежностію и невѣжествомъ. На крайніе

безпорядки въ Псковской церкви, на упадокъ тамошняго духовенства лучше всего указываютъ посланія патріарховъ Константинопольскихъ, митрополитовъ всея Руси и Новгородскихъ архіепископовъ во Псковъ, которыхъ за это непродолжительное время мы имѣемъ уже напечатанныхъ болѣе двадцати.

Мѣры, принимаемыя духовенствомъ къ собственной защитѣ и поддержанію порядка въ церкви.

Самое Псковское духовенство ближе всѣхъ сознавало всю беззащитность своего положенія, какъ пастырей церковныхъ, и всѣ безпорядки какъ въ жизни служителей церкви, такъ и въ самой церковной службѣ; и чтобы какъ нибудь устроить опору въ своей средѣ, думало найдти эту опору въ устройствѣ соборовъ, которые представляли бы собою организованныя общины съ своими ближайшими представителями, судіями, блюстителями и ходатаями. Старѣйшею таковою церковною общиною, и единственною въ продолженіе 200 лѣтъ, былъ соборъ святыя Троицы. Соборъ этотъ первоначально достигъ своей цѣли: духовенство находило въ немъ свою опору, особенно въ тѣ отдаленныя времена, когда Псковъ еще жилъ въ мирѣ и согласіи съ Новгородскими владыками; но въ продолженіе времени соборъ этотъ мало-по-малу обратился въ учрежденіе не столько церковное, сколько въ государственное и общественное, для управленія какъ церковными, такъ и мірскими дѣлами, гдѣ уже мірскія власти получили перевѣсъ надъ поповскими старостами. А между тѣмъ, по мирному договору 1347 года, за стѣсненіемъ епископской власти вѣчемъ, духовенство годъ отъ года стало ощущать большую нужду въ мѣстной ближайшей поддержкѣ, какъ для себя такъ и для наблюденія за церковнымъ порядкомъ. А посему ровно черезъ десять лѣтъ, послѣ мира 1347 года,

духовенство, воспользовавшись постройкою вновь церкви св. мученицъ Софіи, Вѣры, Надежды и Любви, учредило при этой церкви вторый соборъ, чтобы держать вседневную службу, какъ говорили духовные въ своемъ прошеніи къ вѣчу. Но черезъ 60 лѣтъ, т. е вскорѣ послѣ пораженія ереси стригольниковъ, двухъ соборовъ уже оказалось недостаточно; и въ 1417 году священники, не вошедшіе въ общины сихъ соборовъ, и слѣдовательно остававшіеся безъ мѣстной опоры, общимъ челобитьемъ обратились къ Псковскому вѣчу, и выхлопотали себѣ дозволеніе устроить третій соборъ при церкви св. Николы надъ греблею. Потомъ, по мѣрѣ паденія духовенства, соборы стали устраиваться чаще: четвертый соборъ при церкви всемилостиваго Спаса и велико-мученика Димитрія былъ устроенъ въ 1453 году, т. е. черезъ 36 лѣтъ послѣ третьяго собора; въ этомъ году пріѣзжалъ во Псковъ Новгородскій владыка Евѳимій и по просьбѣ священниковъ къ нему обратились тогдашній Псковскій князь и посадники съ челобитьемъ, чтобы благословилъ устроить четвертый соборъ священникамъ, непричисленнымъ ни къ одному изъ прежнихъ соборовъ, на что владыка и изъявилъ свое согласіе. Далѣе, черезъ девять лѣтъ послѣ учрежденія четвертаго собора, духовенство било челомъ Псковскому вѣчу о дозволеніи устроить пятый соборъ; и вѣче приговорило быть пятому собору у Похвалы святыя Богородицы, да у Покрова святыя Богородицы, да у святаго Духа, за Домонтовою стѣною. А еще черезъ девять лѣтъ, въ 1471 году, священники, еще не причисленые ни къ одному изъ прежнихъ соборовъ, били челомъ Псковскому вѣчу, чтобы оно печаловалось

передъ великимъ княземъ и митрополитомъ о дозволеніи устроить шестый соборъ; и митрополитъ благословилъ быть шестому собору при церкви входа въ Іерусалимъ. Это быстрое распостраненіе соборовъ, учреждаемыхъ по просьбѣ самаго духовенства, и притомъ совпадающее съ постепеннымъ ослабленіемъ епископской власти во Псковѣ, лучше всего свидѣтельствуетъ, что Псковское духовенство, по мѣрѣ ослабленія епископской власти, все болѣе и болѣе слагалось въ пресвитеріанскомъ характерѣ, и единственную и ближайшую себѣ защиту находило въ соборахъ, гдѣ у духовныхъ были свои выборные начальники,—соборскіе поповскіе старосты, которые были обязаны стоять за порядокъ церковный и, по мѣрѣ силъ, отдѣлываться отъ притязаній мірской власти и общества.

Попытка Псковичей имѣть своего епископа.

Но очевидно, устройство соборовъ еще далеко не удовлетворяло настоятельнымъ нуждамъ Псковской церкви; и Псковичи всѣмъ Псковомъ на вѣчѣ порѣшили искать себѣ давно желаемаго отдѣльнаго епископа для Псковской земли, и въ 1464 году отправили посольство въ Москву—просить великаго князя Ивана Васильевича, чтобы пожаловалъ свою отчину Псковъ, велѣлъ бы своему отцу-богомольцу, митрополиту Ѳеодосію, поставить владыку во Псковъ а нашего Псковитина." Великій князь на это отвѣчалъ: то есть дѣло великое, хотимъ о томъ съ своимъ отцомъ митрополитомъ гораздо мыслити; и отецъ нашъ пошлетъ по наши богомольцы, а по свои дѣти, архіепископы и епископы, и будетъ ли подобно (прилично) тому быти; а ваши честные послы у насъ будутъ; и мы вамъ откажемъ (дадимъ отвѣтъ), какъ будетъ

пригоже.“ И дѣйствительно, въ томъ же году великій князь, посовѣтовавшись съ митрополитомъ Ѳеодосіемъ, отказалъ (далъ отвѣтъ) съ новымъ Псковскимъ посольствомъ, что немочно быти во Псковѣ владыкѣ, зане искони не бывалъ, а не столъ (каѳедра) во Псковѣ.“ Такимъ образомъ эта новая и послѣдняя для независимаго Пскова попытка—добыть себѣ отдѣльнаго епископа законнымъ порядкомъ не удалась. Псковичи, недовольные отказомъ, но неосмѣливавшіеся идти открыто противъ великаго князя, перенесли свое неудовольствіе на владыку Новгородскаго. Они въ 1465 году отняли у него села и земли, уступленныя вѣчемъ владычней каѳедрѣ въ древнее время; но и въ этомъ они должны были уступить настоятельнымъ требованіямъ великаго князя и митрополита, и въ слѣдующемъ 1466 году цѣловали предъ Новгородскимъ посольствомъ крестъ, что возвращаютъ владыкѣ отнятыя земли и села, и будутъ жить въ мирѣ и братствѣ съ Новгородцами по старинѣ, и соглашаются, чтобы владыка ѣздилъ во Псковъ, по старинѣ, по свою пошлину. И въ томъ же году Новгородскій владыка архіепископъ Іона пріѣзжалъ во Псковъ на свой подъѣздъ, былъ встрѣченъ, по обычаю, всѣмъ священствомъ и множествомъ народа, соборовалъ въ церкви св. Троицы, читалъ синодикъ и пѣлъ благовѣрнымъ князьямъ и всѣмъ православнымъ христіанамъ великія много лѣтъ и злыхъ проклялъ. Псковичи безпрекословно дозволили ему собрать съ Псковскаго духовенства свой обычный подъѣздъ, и съ честію проводили его до своего рубежа.

Духовенство Псковское.

Такимъ образомъ все пошло по старому,—владыки Новгородскіе попрежнему начали получать свои

устроиваетъ пресвитеріанское общество.

подъѣздъ и судъ, и держать во Псковѣ своего намѣстника изъ Псковичей, а Псковская церковь все болѣе и болѣе подчинялась вѣчу. Духовенство же попрежнему все падало ниже и окончательно подчинилось Псковскому обществу; безпорядки въ церковной службѣ и въ жизни духовныхъ увеличивались болѣе и болѣе. Прихожане и церковные старосты, выборные отъ прихода, не только торговали церквами, какъ лавками, не допускали священниковъ и даже игуменовъ по монастырямъ ни къ какому церковному управленію и распоряжались церковными имѣніями и суммами какъ своими собственными; но и самими священниками и игуменами нерѣдко располагали какъ своими наемниками. Защита, которую духовенство думало найдти въ соборахъ, оказывалась очень слабою и ненадежною въ борьбѣ съ требованіями народнаго вѣча, которое распоряжалось церковными дѣлами съ полнымъ произволомъ, не справляясь ни съ какими церковными законами. Въ 1468 году своеволіе вѣча дошло до того, что оно отлучило отъ службы и лишило должностей всѣхъ вдовствующихъ поповъ и діаконовъ, не только не посовѣтовавшись объ этомъ съ владычнымъ намѣстникомъ и Псковскими соборами, но даже не спросившись ни у владыки Новгородскаго, ни у митрополита всея Руси. Эта послѣдняя черезъ-чуръ крутая и своевольная мѣра, и многіе другіе вопіющіе безпорядки и неправды наконецъ подняли долго молчавшее духовенство; и въ 1469 году всѣ священноиноки и священники всего Искова рѣшились на послѣднюю мѣру: образовать изъ себя правильно организованное пресвитеріальное общество съ своими законами, утверж-

деннымп всѣмъ Псковомъ, съ своимъ выборнымъ начальствомъ, которое было бы представителемъ не того или другаго собора, но всего Псковскаго духовенства, и имѣло бы достаточно силы дѣйствовать сколько нибудь независимо отъ прихотей церковныхъ старостъ и своеволія вѣча. Рѣшившись на такую важную мѣру, священноиноки и священники Пскова, всѣ до одного, осенью 1469 года, явились на вѣчѣ, и благословивъ Псковскаго князя Ѳедора Юрьевича и посадниковъ степенныхъ и всѣхъ посадниковъ и весь Псковъ, выразили свое требованіе, съ которымъ пришли, въ слѣдующихъ словахъ: „Таково видите и сами, сынове, что по нашимъ грѣхамъ, такову на насъ Господь свою милость посылаетъ къ намъ, и ожидая, сынове, какъ отъ васъ, такъ и отъ насъ обращенія къ себѣ. А нынѣ, сынове, промежи себя хотимъ, по правиламъ св. отецъ и святыхъ апостолъ, во всемъ священствѣ крѣпость поддержати, а о своемъ управленьи, какъ намъ священникамъ по Номоканону жити; а вы намъ, сынове, поборники будете, за неже здѣсь въ сей земли правителя надъ нами нѣтъ, а намъ о себѣ тоя крѣпости удержати немочно по промежи себя о каковыхъ нибудп духовнымъ вещахъ. А вы ся въ то иное и міромъ вступаете, а чрезъ святыхъ апостолъ и св. отецъ правила; а въ томъ, сынове, и на васъ хотимъ таковую крѣпость духовную поддержати.“ Вѣче, отчаявшееся уже имѣть особаго епископа Пскову, и желая такъ или иначе отдѣлаться отъ владыки Новгородскаго, было радо таковому предложенію духовенства и отвѣчало: „то вѣдаете вы, все Божіе священство; а мы вамъ поборники на всякъ благъ совѣтъ.“ По полученіи

таковаго благопріятнаго отвѣта, духовенство, написавъ грамоту изъ Номоканона о всѣхъ своихъ священническихъ крѣпостяхъ и о церковныхъ вещахъ, положило ее въ ларь св. Троицы, гдѣ хранились и окончательно утверждались всѣ Псковскіе законы, и на вѣчѣ, передъ всѣмъ Псковомъ, выбрало себѣ по грамотѣ правителей надъ всѣми бывшими тогда пятью соборами, и надъ всѣмъ священствомъ, попа Андрея Козу, отъ св. архангела Михаила и другаго съ Завеличья Харитона, попа отъ Успенія Пресвятыя Богородицы. Такимъ образомъ Псковское духовенство, съ согласія всего Пскова, успѣло организовать изъ себя что-то цѣлое, въ чисто Псковской формѣ правленія, при двухъ выборныхъ начальникахъ, съ своими законами, которые обязалось соблюдать и само Псковское вѣче.

Но непродолжительно было существованіе этого новаго устройства, придуманнаго Псковскимъ духовенствомъ; той же осенью, въ Ноябрѣ мѣсяцѣ, одинъ изъ выбранныхъ правителей, попъ Андрей Коза, возбудилъ противъ себя неудовольствіе и бѣжалъ къ владыкѣ въ Новгородъ, а зимою, 22 Января, владыка Новгородскій Іона уже пріѣхалъ въ Псковъ. Посадники, духовенство и народъ встрѣтили владыку у стараго Вознесенія, обыкновеннымъ порядкомъ, со крестами. Проживъ недѣлю, владыка соборовалъ у св. Троицы, причемъ торжественно читали синодикъ, пѣли благовѣрнымъ князьямъ, лежащимъ въ дому св. Троицы, вѣчную память, а всѣмъ православнымъ христіанамъ великія много лѣтъ, а злыхъ предали проклятію. Исправивши это все по порядку, владыка пригласилъ къ себѣ на Пустынскій дворъ (гдѣ обык-

новенно останавливались Новгородскіе владыки, пріѣзжая во Псковъ) посадниковъ и всѣхъ священниковъ, началъ разспрашивать о составленной духовенствомъ уставной грамотѣ, и говорилъ: „кто осмѣлился ее составить и утвердить неспросясь меня, я самъ хочу здѣсь судить и разбирать всѣ духовныя дѣла, а вы выньте ту грамоту и раздерите.“ На это требованіе владыки духовенство, посадники и вѣче отвѣчали ему: „мы, господине, сдѣлали это неотступая отъ мироdокончальной грамоты, на которой крестъ цѣловали; а самъ ты вѣдаешь, что тебѣ здѣсь не само много быти, а того дѣла тебѣ вскорѣ нельзя управить, занеже при семъ послѣднемъ времени о церквахъ Божіихъ смущенно сильно въ церковныхъ вещахъ и священникахъ, немощно намъ тебѣ всего и сказать, тіи сами вѣдаютъ, тако творяще все безстужство; ино о томъ та грамота отъ всего священства изъ Номоканона выписана и въ ларь положена по вашему же слову, какъ еси самъ, господине, преже сего былъ въ дому св. Троицы, и прежніе твоя братья, а велите и благословляете всѣхъ пяти соборовъ съ своимъ намѣстникомъ, а съ нашимъ Псковитяномъ, всякія священническія вещи по Номоканону правити.“ На таковый отвѣтъ владыка смиренно и кротко сказалъ: „мнѣ объ этомъ должно доложить митрополиту Московскому и всея Руси Филиппу, и я васъ увѣдомлю о томъ, какъ онъ повелитъ управить это; ибо я и самъ, сынове, отъ васъ слышу, что это дѣло великое и христіанству очень развратно, а церквамъ Божіимъ мятежно, а иновѣрные радуются, видя христіанъ живущихъ въ такой слабости, и укоряютъ наше небреженіе.“

Покончивши такимъ образомъ переговоры о новой уставной грамотѣ, владыка благословилъ всѣхъ Псковичей, собралъ со священниковъ свой подъѣздъ, и 5 Февраля оставилъ Псковъ, и его съ почетомъ проводили до рубежа. Но тѣмъ дѣло не кончилось. Осенью слѣдующаго года, по челобитью владыки Новгородскаго, пріѣхалъ во Псковъ съ велико-княжескимъ посломъ и посолъ отъ митрополита. Посолъ этотъ, передалъ всему Пскову благословеніе отъ митрополита, подалъ вѣчу митрополичью грамоту, въ которой написано такъ: „чтобы есте тое управленіе, сынове, священническое, какъ священники, такъ и весь Псковъ, положили на своего богомольца архіепископа, занеже тое дѣло изкони передано святителю управляти.“ За тѣмъ, присланный вмѣстѣ съ посольствомъ, владычень человѣкъ Автомонъ, отъ имени архіепископа Новгородскаго, сказалъ: „васъ все священство и весь Псковъ, своихъ сыновей, благословляю; и коли тыя святительскія вещи положите на мнѣ, то и сами увидите, какову о томъ наипаче вашея крѣпости духовную крѣпость о всякомъ церковномъ управленіи и о священникахъ поддержу.“ Посолъ великаго князя отъ его имени также подалъ совѣтъ не противиться требованію митрополита и владыки Новгородскаго. Псковское вѣче и духовенство, не рѣшаясь противорѣчить великому Князю и митрополиту, положили передать все церковное управленіе владыкѣ Новгородскому Іонѣ, на основаніи правилъ Номоканона, но еще два мѣсяца не вынимали уставной грамоты изъ ларя; наконецъ 5 Январа вынули означенную грамоту и подрали, а 7 Января отправили къ владыкѣ Новгородскому посольство

просить его распоряженій о церковныхъ дѣлахъ. Такъ кончилось придуманное Псковскимъ духовенствомъ и утвержденное вѣчемъ новое церковное устройство, имѣвшее силу дѣйствующаго закона только одинъ годъ и два мѣсяца съ половиной, какъ прямо сказано о церковной уставной грамотѣ въ лѣтописи: „А лежала въ лари тая грамота положена годъ да полтретья мѣсяца.

Владыка Новгородскій снова вступаетъ въ свои прежнія права. И новыя неудовольствія и безпорядки.

Съ передачею управленія Псковскою церковію владыкѣ Новгородскому на прежнихъ недостаточныхъ основаніяхъ, попрежнему начались безпорядки и неудовольствія; попрежнему духовенство вступило въ зависимость къ свѣтскому обществу и вѣчу, а на владычне управленіе на первомъ году стали роптать. Лѣтописецъ говоритъ: „Тояже зимы (1470 г.) владыка Іона прислалъ во Псковъ приказаніе, чтобы вдовые священники и діаконы ѣхали къ нему въ Новгородъ на управленіе, и началъ у нихъ мзду имать, у кого по рублю, у кого по полтора рубля, и всѣмъ безъ исключенія началъ давать благословеніе и новыя грамоты за печатьми ради тоя мзды, а не по св. отецъ и святыхъ Апостолъ правиламъ, какъ обѣщалъ Пскову.“ Очевидно, обвиненія лѣтописца въ настоящемъ распоряженіи владыки Новгородскаго едва ли были правильны; ибо въ дѣлѣ о вдовыхъ священникахъ архіепископъ Іона своими распоряженіями только уничтожилъ своевольное и незаконное распоряженіе Псковскаго вѣча, въ 1468 году вмѣшавшагося въ святительскій судъ и отлучившаго вдовыхъ священниковъ отъ службы самовольно, несносясь съ владыкою. Владыка здѣсь только отступилъ отъ порядка, узаконеннаго мирнымъ дого-

воромъ 1347 года, по которому Псковскихъ священниковъ не дозволялось вызывать для суда въ Новгородъ. Это неправильное обвиненіе прямо свидѣтельствуетъ, что во Псковѣ непріязненно смотрѣли на управленіе владыки Новгородскаго Псковскою церковію, и что Псковичи, видимо уступивши настояніямъ великаго князя и митрополита, продолжали свое прежнее самоуправство относительно церковныхъ дѣлъ, и не думали искать управы у владыки Новгородскаго, а напротивъ смотрѣли на владыку какъ на собирателя извѣстныхъ пошлинъ и мздоимнаго притѣснителя духовенства. И дѣйствительно безпорядки и соблазнъ въ Псковской церкви, по уничтоженіи уставной грамоты 1469 года, годъ отъ года увеличивались и подчасъ достигали крайнихъ предѣловъ безобразія, свидѣтельствующихъ о томъ, какъ низко пало Псковское духовенство. Вотъ два случая, рѣзко характеризующіе это плачевное время, записанные въ лѣтописяхъ. Въ 1470 году сгорѣла церковь на Усптвѣ, принадлежащая собору св. Троицы, на другой годъ вздумали построить вмѣсто одной сгорѣвшей двѣ церкви — одну на старомъ мѣстѣ, а другую на новомъ, противъ первой. Но строители на новомъ мѣстѣ подкупомъ подняли чернь и толпою явились на вѣчѣ, и по ихъ требованію посадники послали съ вѣча приставовъ остановить постройку церкви на старомъ мѣстѣ. И въ это же время игуменъ одного монастыря тоже поднялъ чернь, съ толпою пришелъ на вѣче и говорилъ: „вамъ нѣтъ въ томъ никакого грѣха, ожели вы отнимите у святыя Троицы ту землю и воду (гдѣ была старая церковь) и отдадите мнѣ въ монастырь, я это принимаю на себя.“ И посад-

нлки вмѣстѣ съ вѣчемъ, не разбирая дѣла, приняли сторону дерзкаго игумена, отняли означенную землю у церкви св. Троицы и передали въ монастырь. А другой случай еще безобразнѣе: въ 1495 году вѣче положило собрать полкъ въ помощь Московскому государю противъ Нѣмцевъ; и опредѣлило, чтобы съ десяти сохъ снаряжали по одному конному человѣку, неисключая священниковъ и діаконовъ. Священники и діаконы этому воспротивились и явились на вѣчѣ отстаивать свои права; завязался горячій споръ, въ которомъ, послѣ многихъ ругательствъ надъ всемъ духовенствомъ, вѣче опредѣлило высѣчь кнутомъ двухъ Рождественскихъ священниковъ Ивана и Андрея, и несчастные, уже раздѣтые, въ однихъ сорочкахъ стояли передъ народнымъ собраніемъ, и только кстати отысканное одно правило Номоканона, по которому запрещалось собирать военныхъ людей съ церковной земли, спасло отъ кнута спины означенныхъ священниковъ.

Устройство Псковской церкви вообще

Такимъ образомъ Псковъ, въ продолженіе всей своей исторической жизни до самаго присоединенія къ Москвѣ, постоянно тяготившійся зависимостію своей церкви отъ владыки Новгородскаго, не могъ освободить ее отъ этой зависимости; и церковь Псковская постоянно оставалась только извѣстною частію церкви Новгородской, но такою частію, которая имѣла свой, ей только свойственный характеръ, которымъ она рѣзко отличалась какъ отъ Новгородской церкви, такъ и отъ другихъ церквей Русской земли. Новгородскій владыка, съ которымъ Псковская церковь противъ воли была связана, съ первыхъ годовъ XIV столѣтія, уже постоянно считался для

нея чуждымъ, по крайней мѣрѣ во мнѣніи Псковскаго общества. Въ своей церковной іерахіи Псковская церковь считала только игуменовъ, священноиноковъ, священниковъ, діаконовъ и причетниковъ, другихъ церковныхъ чиновъ она не знала; въ ней даже не было архимандритовъ. Стараясь, сколько возможно, менѣе имѣть отношеній къ владыкѣ Новгородскому, церковь Псковская непосредственно управлялась своими выборными поповскими старостами, протопопами, или соборскими старостами; а находясь въ большей зависимости отъ свѣтскаго общества и вѣча, она должна была допустить къ ближайшему участію въ своихъ дѣлахъ и церковныхъ старостъ изъ мірскихъ людей, выборныхъ отъ мѣстнаго общества. Въ Псковской землѣ не только при церквахъ приходскихъ и соборахъ, но и при монастыряхъ всегда было по двое выборныхъ старостъ отъ мѣстнаго общества, которые, какъ представители своихъ избирателей-прихожанъ, имѣли огромное вліяніе на церковныя дѣла, управляли церковными имѣніями и даже распоряжались священнослужителями, могли удалять ихъ и пріискивать новыхъ по своему усмотрѣнію. Псковская церковь особенно отличалась отъ другихъ Русскихъ церквей тѣмъ, что носила характеръ демократическій, и находилась въ большой зависимости отъ мірскаго общества; другою отличительною чертою Псковской церкви было то, что не только монастыри и соборы, но и всѣ приходскія церкви безъ исключенія имѣли за собою значительныя по Псковскимъ размѣрамъ вотчины, какъ прямо объ этомъ писалъ даже въ XVII вѣкѣ митрополитъ Маркеллъ: „здѣсь во Псковѣ всѣ церкви вотчинныя, и по древнему обыкновенію

церквами владѣютъ и тѣми вотчинами корыстуются мужики" (т. е. мірскіе люди).

Церкви во Псковѣ раздѣлялись на городскія и сельскія, и послѣднія постоянно находились въ подчиненіи у первыхъ и управлялись городскими поповскими старостами. Отпаденіе сельскихъ церквей отъ городскихъ послѣдовало уже во время Московскаго владычества, какъ прямо говоритъ лѣтопись подъ 1544 годомъ: „отклонишася отъ городскихъ поповъ, отъ всѣхъ семи соборовъ сельскіе попы и пригородскіе; а владыка Ѳеодосій благословилъ старосту имъ, далъ Ивана попа Георгіевскаго съ болота." Во время же самостоятельности Пскова всѣ церкви городскія, и пригородскія и сельскія, составляли одно цѣлое, и до 1357 года причислялись всѣ къ Троицкому собору, а потомъ, въ продолженіе времени, были распредѣлены во время независимости Пскова на шесть соборовъ; по соборамъ были расписаны не только приходскія церкви, но и монастыри; такъ что въ этомъ отношеніи монастыри не отличались отъ приходскихъ церквей и состояли въ вѣдѣніи того же выборнаго начальства, какъ и сіи послѣднія, т. е. у поповскихъ соборскихъ старостъ, въ которые избирались какъ игумены, такъ и бѣлые священники, напримѣръ въ лѣтописи подъ 1466 годомъ сказано: „Псковичи поставили церковь Св. Варлаама по совѣту всѣхъ пяти соборовъ священноиноковъ, священниковъ и діаконовъ." Здѣсь за урядъ причислены къ пяти соборамъ священноиноки и священники. Монастыри во Псковѣ также имѣли свои приходы и состояли въ такой же зависимости отъ вѣча и подъ управленіемъ приходскихъ старостъ, какъ и другія приходскія церкви.

Общественное значеніе духовенства.

Духовенство во Псковѣ не составляло отдѣльнаго сословія; въ церковную службу тамъ обыкновенно поступали, какъ и во всѣ другія службы, по выбору изъ всѣхъ сословій; а дѣти священно-служителей, ежели не поступали въ церковную службу, то уже не считались въ числѣ духовныхъ, а причислялись или къ тому сословію, къ которому относились по избраннымъ ими занятіямъ, или считались въ томъ сословіи, изъ котораго вышли ихъ отцы. Такъ ежели который священникъ былъ выбранъ къ церковной службѣ изъ бояръ, то его дѣти, непоступившія на церковную службу, причислялись къ боярамъ. А по сему духовенство, какъ чисто выборный классъ служилыхъ людей, во Псковѣ пользовалось всѣми правами полноправныхъ гражданъ, наравнѣ съ мірскими людьми, и участвовало на вѣчѣ, и за то несло всѣ общественныя повинности и тягости наравнѣ съ міряанами: такъ напримѣръ въ 1517 году, при постройкѣ стѣны на Кромѣ, священники по раскладкѣ возили каменья, а Псковичи песокъ. Вообще положеніе духовенства во Псковѣ далеко не походило на положеніе духовенства въ другихъ краяхъ Руси. О Псковскомъ духовенствѣ можно сказать что оно, въ сравненіи съ духовенствомъ въ другихъ краяхъ Руси, по своему положенію въ обществѣ ближе подходило къ мірскимъ людямъ, или, иначе сказать, служба духовенства была церковная, а общественное положеніе и жизнь чисто мірскія, нисколько не напоминающія духовенства въ Новгородѣ, или въ другомъ какомъ краѣ Руси.

РАЗСКАЗЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Власти.

Псковъ, какъ колонія, какъ пригородъ великаго Новгорода, первоначально управлялся такъ же, какъ и всѣ Новгородскіе пригороды, т. е. Новгородскимъ вѣчемъ и собственнымъ своимъ домашнимъ вѣчемъ, которое вполнѣ было подчинено Новгородскому вѣчу и безпрекословно исполняло всѣ его рѣшенія, какъ сказано въ лѣтописи: " на чемъ старшіе сдумаютъ, на томъ и пригороды станутъ." При таковой зависимости Псковскаго вѣча отъ Новгородскаго, естественно правительство во Псковѣ, т. е. всѣ выборныя власти, особенно важнѣйшія, обыкновенно присылались изъ Новгорода, или Новгородскимъ вѣчемъ назначались изъ Псковичей по выбору мѣстнаго вѣча. Равнымъ образомъ смѣна главныхъ въ городѣ властей принадлежала Новгороду: такъ напримѣръ въ 1132 году Новгородцы дали посадничество во Псковѣ Мирославу Гюрятиничу, а въ 1134 году перевели его посадникомъ въ Новгородъ. Или въ 1136 Новгородцы и Псковичи, собранные на Новгородскомъ вѣчѣ, общимъ приговоромъ рѣшили изгнать князя Всеволода Мстиславича и пригласить Святослава Ольговича; а въ слѣдующемъ году, по согласію съ одною Новгородскою партіею, Псковичи пригласили Всеволода къ себѣ и рѣшились драться изъ за него съ Новгородцами; и когда онъ въ скорости умеръ во

Движеніе и виды власти во Псковѣ.

Псковѣ, то объявили своимъ княземъ его брата Святополка, а въ 1138 году смирились съ Новгородцами и ихъ князя Ростислава Юрьевича признали и своимъ княземъ. Впрочемъ таковый порядокъ не былъ постояннымъ. Псковичи то принимали начальниковъ, присланныхъ Новгородскимъ вѣчемъ, то не принимали, а выбирали своихъ; то признавали своимъ княземъ Новгородскаго князя, то принимали особеннаго князя, присланнаго Новгородомъ, то сами приглашали къ себѣ князя со стороны. Вообще порядокъ управленія Псковомъ первоначально зависѣлъ отъ того въ какомъ отношеніи Псковъ находился къ Новгороду, или иначе сказать, — господствующая ли партія Новгородская дѣйствовала во Псковѣ, или партія потерпѣвшая пораженіе въ Новгородѣ. Въ первомъ случаѣ Псковъ совершенно подчинялся Новгородскимъ распоряженіямъ, а въ послѣднемъ онъ вступалъ въ борьбу съ Новгородскими порядками и выказывалъ нѣкоторую самостоятельность въ своемъ внутреннемъ управленіи; такъ что почти до XIV столѣтія продолжалась какая-то неопредѣленность въ устройствѣ Псковскаго управленія. Но по мѣрѣ того какъ Псковъ усиливался и пріобрѣталъ болѣе независимости и самостоятельности, въ немъ выработывался свой своеобразный строй правительства, съ виду очень сходный съ Новгородскимъ, но въ сущности далеко непохожій на него. По этому своеобразному строю правительство Псковское составляли четыре вида властей: 1-й верховная власть вѣча, представляющая собою волю самого Пскова: 2-й власть выборная, — это власть посадниковъ и другихъ начальниковъ изъ Псковичей же, назначаемыхъ вѣчемъ; 3-й власть приглашенная или

принятая со стороны, собственно власть князя; и наконецъ 4-я власть, насильно навязанная, чужая, каковою, какъ мы уже видѣли, была власть владыки Новгородскаго, отъ которой власти Псковъ, во все время своей самостоятельности, старался отдѣлаться, но не успѣлъ въ этомъ.

Власть вѣча, какъ выраженіе воли цѣлаго народа, во Псковѣ, точно такъ же какъ и въ Новгородѣ, была властію верховною и непрерывною, и прекратилась только съ паденіемъ самостоятельности Пскова при великомъ князѣ Московскомъ Василіѣ Ивановичѣ. Эта власть вынесла и отразила на себѣ всѣ судьбы Пскова, такъ что исторія Псковскаго вѣча есть уже въ главныхъ чертахъ исторія самаго Пскова. Первоначально Псковъ былъ незначительнымъ пригородомъ Новгорода, крайнимъ западнымъ постомъ Новгородской колонизаціи въ предѣлахъ чуждыхъ племенъ,—Чуди, Наровы и Летголы, вполнѣ зависѣвшимъ отъ Новгорода, который сбывалъ туда свою неугомонную вольницу и распоряжался ею для своихъ цѣлей, собственно для защиты западной границы своихъ владѣній и для поддержки колонизаціи въ этомъ краю. Во все это время и Псковское вѣче было покорнымъ слугою Новгородскаго вѣча; Псковскимъ вѣчемъ тогда руководили бояре и воеводы, приходившіе изъ Новгорода. Потомъ, когда Псковъ нѣсколько усилился и изъ военнаго поста сдѣлался значительною колоніей, обзавелся торговлею, сталъ имѣть вліяніе на сосѣднихъ иноплеменниковъ, до нѣкоторой степени подчинилъ ихъ себѣ и началъ посылать къ нимъ своихъ даньщиковъ, хотя еще и не разрывалъ своихъ связей съ Новгородомъ и при-

знавалъ себя Новгородскимъ пригородомъ; тогда и Псковское вѣче получило больше самостоятельности и независимости, и подчасъ начало выказывать сопротивленіе распоряженіямъ Новгородскаго вѣча, впрочемъ все еще подъ руководствомъ Новгородскихъ бояръ, по какимъ либо обстоятельствамъ удалявшихся во Псковъ. Въ это-то время Псковское вѣче начало, хотя еще не постоянно, принимать или приглашать во Псковъ особыхъ князей мимо Новгорода. Далѣе, когда Псковъ, не разрывая еще своей родственной связи съ Новгородомъ, настолько усилился и разбогатѣлъ, что уже самъ построилъ нѣсколько пригородовъ, вполнѣ ему подчиненныхъ, и не только въ большей части случаевъ не сталъ нуждаться въ пособіи Новгородцевъ, но уже нерѣдко расходился въ своихъ мѣстныхъ интересахъ съ Новгородскими интересами; тогда и Псковское вѣче пріобрѣло большую самостоятельность, и ежели иногда еще признавало рѣшенія Новгородскаго вѣча, то въ такомъ только случаѣ, когда сіи рѣшенія были согласны съ его собственными видами. Оно уже больше не подчинялось руководству Новгородскихъ бояръ, а напротивъ того, и можетъ быть именно вслѣдствіе того, что въ предшествовавшее время слишкомъ сильно высказалось вліяніе сихъ бояръ, сложилось въ чисто демократическомъ духѣ, и смотрѣло какъ на Новгородскихъ бояръ, еще иногда приходившихъ во Псковъ, такъ и на своихъ, только какъ на слугъ народной воли. Наконецъ, съ половины XIV столѣтія, когда самостоятельность и независимость Пскова была признана самимъ Новгородомъ по мирному докончанію 1347 года; тогда и Псковское

вѣче пріобрѣло вполнѣ самостоятельную верховную власть, уже независящую ни отъ какой другой власти ни во внутреннемъ управленіи, ни въ сношеніяхъ съ сосѣдними владѣтелями. Впрочемъ эта неограниченная власть вѣча во Псковѣ была непродолжительна. Псковъ, окруженный со всѣхъ сторонъ сильными сосѣдями, волей-неволей долженъ былъ избрать себѣ покровителя, на котораго въ случаѣ нужды могъ бы опираться; и таковымъ покровителемъ въ концѣ XIV столѣтія явился князь Московскій, отъ котораго Псковъ началъ получать себѣ князей, а съ тѣмъ вмѣстѣ, разумѣется, и Псковское вѣче до нѣкоторой степени подчинилось Московскому вліянію. Вліяніе это до половины XV вѣка было едва замѣтно и нисколько не стѣсняло самостоятельности Псковскаго вѣча. Самостоятельность Пскова во все это время была нужна для Московскихъ князей по ихъ отношеніямъ къ Новгороду и Литвѣ, а потому они не только не стѣсняли власти Псковскаго вѣча, а напротивъ старались поддерживать ее. Но во второй половинѣ XV вѣка обстоятельства сильно измѣнились не въ пользу самостоятельности Пскова; а посему вліяніе Московскаго государя годъ отъ года стало сильнѣе тяготѣть надъ Псковскимъ вѣчемъ, и кончилось тѣмъ, что когда самостоятельность Пскова болѣе уже не была нужна для Московскаго государя, то великій князь Василій Ивановичъ въ 1510 году объявилъ чрезъ своего дьяка, чтобы во Псковѣ вѣчу не быть и вѣчевый колколъ снять. И 13 Января, по послѣднему опредѣленію, вѣчевый колколъ сняли и отвезли въ Снѣтогорскій монастырь, откуда великокняжескій дьякъ переправилъ его къ великому князю, бывшему тогда въ Новгородѣ

Псковское вѣче, по началу своему одинаковое съ вѣчемъ Новгородскимъ, мало-по-малу съ теченіемъ времени, согласно съ обстоятельствами, въ которыхъ находился Псковъ, выработалось своеобразно и далеко оставило за собою Новгородское вѣче относительно развитія своей власти, которую оно постоянно ревниво старалось охранять, какъ выраженіе воли цѣлаго народа, и строго держало въ полномъ подчиненіи всѣ другія власти.

Составъ вѣча и его права.

1-е. По составу своему Псковское вѣче, повидимому, совершенно было одинаково съ Новгородскимъ вѣчемъ: оно состояло изъ большихъ и меньшихъ людей, или изъ бояръ и людиновъ; но въ сущности на Псковскомъ вѣчѣ не было ни большихъ ни меньшихъ, а всѣ были равны, всѣ были только мужи Псковичи, господинъ Псковъ нераздѣльный, и вѣчевыя грамоты писались не отъ большихъ и меньшихъ, а отъ всего Пскова. Конечно, подъ мужами Псковичами разумѣлись только полноправные граждане, дѣйствительные члены Псковскихъ общинъ, домохозяева, а не бездомный сбродъ. Псковское вѣче тѣмъ преимущественно по своему составу и отличалось отъ Новгородскаго, что ни въ какомъ случаѣ не допускало къ себѣ бездомной вольницы, или насильственнаго незаконнаго вѣча, согнаннаго какою либо партіей бояръ, что иногда еще бывало въ Новгородѣ. Въ лѣтописяхъ и другихъ памятникахъ нѣтъ и помину о шумныхъ незаконныхъ вѣчахъ во Псковѣ; тамъ вѣче всегда отличалось согласіемъ и недопущеніемъ господства партій. Еще отличительною чертой въ составѣ Псковскаго вѣча было то, что на этомъ вѣчѣ непремѣнно участвовало и духовенство, такъ что

вѣчевыя грамоты писались не иначе, какъ по благословенію отцевъ своихъ поповъ всѣхъ соборовъ и священноиноковъ и діаконовъ, и всего Божіяго священства, всѣмъ Псковомъ.

2-е. Псковское вѣче судило и рядило всегда самостоятельно, независимо ни отъ какихъ властей, хотя власти и допускались къ присутствію на вѣчѣ, а иныя даже были обязаны непремѣнно присутствовать; но они могли дѣлать только предложенія вѣчу, рѣшеніе же дѣлъ принадлежало самому вѣчу, какъ прямо сказано въ судной Псковской грамотѣ; „а князю и посаднику на вѣчѣ суда не судить".

3-е. Въ отношеніи къ другимъ Псковскимъ властямъ Псковское вѣче пользовалось такимъ высокимъ значеніемъ, что всѣ власти находились въ полной зависимости отъ вѣча, — ихъ распоряженія не имѣли никакой силы, ежели вѣче находило ихъ неугодными. Псковскій князь, уже посаженный на княжемъ столѣ, въ храмѣ св. Троицы, долженъ былъ идти на вѣче, и тамъ давать присягу ко Пскову на судѣ и на пошлинныхъ грамотахъ, и на всѣхъ старинахъ Псковскихъ; а безъ этого онъ не допускался къ исправленію своихъ обязанностей, и его власть считалась несуществующею, или незаконною и необязательною для Пскова. Другія выборныя власти должны были также присягать на вѣчѣ Пскову, что они будутъ вѣрными его слугами. Только одна власть владыки не давала присяги на вѣчѣ; но она за это всегда считалась чуждою властію, и находилась въ постоянной борьбѣ со Псковомъ и была связана, что называется, по рукамъ и ногамъ, разными условіями и надзоромъ отъ вѣча.

4 е. Всѣ власти, за исключеніемъ власти владычней, избирались и назначались вѣчемъ; безъ выбора и утвержденія вѣча никто не могъ занять никакой общественной должности; князь избирался вѣчемъ; воеводы, судьи, сотскіе и всѣ другіе также избирались вѣчемъ; и власть ихъ до тѣхъ поръ только признавалась дѣйствительною и законною, пока они пользовались довѣріемъ вѣча. Вѣче, передавшее имъ опредѣленныя степени власти, имѣло право не только лишать ихъ данной власти, но судить и наказывать, и тому или другому рѣшенію вѣча никто не смѣлъ противиться. Такъ напримѣръ въ 1484 году вѣче рѣшило написать мертвую грамоту на бѣжавшихъ въ Москву посадниковъ, и на таковое рѣшеніе не было протеста въ цѣломъ Псковѣ; грамота была написана и, какъ законъ, выражающій волю цѣлаго народа, положена въ ларь св. Троицы вмѣстѣ съ другими законами, и тѣмъ самымъ бѣглецы были приговорены къ смерти, лишены покровительства законовъ, а имущество ихъ опечатано въ пользу общественной казны Пскова.

5-е. Верховная власть вѣча, въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова, распространялась на всѣ Псковскія владѣнія, на всѣ пригороды. Псковское вѣче держало пригороды въ полномъ подчиненіи своимъ приговорамъ, и требовало, чтобы они во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ обращались къ нему за разрѣшеніемъ и не распоряжались своевольно, въ противномъ случаѣ налагало на своевольный пригородъ тяжелую пеню. Такъ подъ 1477 годомъ читаемъ въ лѣтописи: „Псковъ (Псковское вѣче) опалился и изпродалъ Опочанъ (разгнѣвался и положилъ пеню на

пригородъ Опочку), а взялъ сто рублей (пени) за то, что они повѣсили татя коневаго, а безъ Псковскаго (вѣча) повелѣнья." Значитъ псковское вѣче точно также хозяйничало въ пригородахъ, какъ и въ самомъ Псковѣ, и строго смотрѣло за тѣмъ, чтобы вездѣ въ Псковской землѣ дѣлалось не иначе, какъ по его повелѣніямъ.

6-е. Вѣче одно издавало законы для всей Псковской земли и утверждало ихъ положеніемъ въ ларь св. Троицы, и строго наказывало того, кто осмѣлился бы издать какой законъ и положить въ ларь св. Троицы не просясь вѣча, хотя бы издавшій дѣйствовалъ по власти данной ему вѣчемъ. Такъ подъ 1484 годомъ въ лѣтописи сказано: „Вѣче изъ заповѣди закликало посадниковъ (лишило покровительства законовъ), что грамоту новую списали и въ ларь вложили на сѣняхъ съ княземъ Ярославомъ, а Псковъ того не вѣдаетъ." Равнымъ образомъ отмѣна законовъ принадлежала только вѣчу, какъ прямо говоритъ Псковская судная грамота: „А которой строкѣ пошлинной грамоты (закона) нѣтъ; и посадникомъ доложити господина Пскова на вѣчѣ, да тоя грамота написать. А которая строка нелюба будетъ господину Пскову; ино та строка вольно выписать вонъ изъ грамотъ."

7-е. Никакое общественное дѣло не могло быть начато безъ разрѣшенія вѣча; построеніе городскихъ стѣнъ, постройка мостовъ, даже церквей, все дѣлалось съ разрѣшенія вѣча и даже нерѣдко подъ надзоромъ назначенныхъ вѣчемъ коммиссаровъ. Такъ напримѣръ въ 1476 году вѣче разрѣшило слобожанамъ Кокшинской волости поставить городъ у рѣки

Лоди, и вслѣдъ за выдачею вѣчевой грамоты на постройку города, послало на мѣсто, гдѣ будутъ ставить городъ, двухъ посадниковъ и бояръ своихъ изо всѣхъ концовъ, которые должны были распоряжаться строеніемъ и донести вѣчу, когда городъ будетъ поставленъ. Отъ вѣча же зависѣли назначеніе мѣръ, вѣсовъ и ходячихъ денегъ. Такъ подъ 1409 годомъ читаемъ въ лѣтописи: „отложиша (всѣ Псковичи, вѣче) во Псковѣ кунами торговати, и начаша торговати пенязи.“ Или подъ 1424 годомъ: „начаша Псковичи деньгами торговати, чистымъ серебромъ.“ самыя клеймы на монетахъ показывали, что монеты чеканились не иначе какъ по повелѣнію всего Пскова или, иначе сказать, вѣча, ибо надпись на клеймахъ состояла только въ томъ, что деньга Псковская. Или относительно перемѣны торговыхъ мѣръ подъ 1438 годомъ сказано: „Того же лѣта прибавиша Псковичи зобницы (увеличили хлѣбную мѣру) и палицу привишили къ зобенью (къ мѣренью хлѣба привѣсили правило, палку, чтобы сравнивать зерны и вообще сыпучій товаръ съ краями мѣры, или чтобы поколачивать мѣру, чтобы плотнѣе улеглось зерно) при посадникѣ степенномъ Алексѣѣ Васильевичѣ, а старыхъ посадниковъ, (которые своевольно уменьшили передъ тѣмъ мѣру) избивъ на вѣчѣ.“ Всѣ распоряженія и правила относительно торговли также утверждались и издавались вѣчемъ или съ его разрѣшенія, а равнымъ образомъ также и отмѣнялись; напримѣръ подъ 1472 годомъ лѣтопись говоритъ: „Посадникъ Псковскій Аѳанасій Юрьевичъ, и бояре Псковскіе, и сотскіе и судьи льняную грамоту подраша, вынемше изъ ларя (конечно по приговору

вѣча, какъ показываетъ продолженіе разсказа), и бысть всѣмъ христіаномъ радость велія, съ осми бо годъ она была въ лари (дѣйствующимъ закономъ по торговлѣ льномъ) да много христіапамъ истомы и убытковъ въ тое время было". Назначеніе разныхъ поборовъ, раскладка податей и повинностей, наряды на службу, пожалованіе земель, или какихъ либо привиллегій по всей Псковской землѣ единственно принадлежало только Псковскому вѣчу, а ни какой другой власти.

8-е. Объявленіе войны отъ Пскова, заключеніе мира, снаряженіе Псковскихъ пословъ къ сосѣднимъ государямъ и пріемъ чужихъ пословъ во Псковѣ,— все принадлежало вѣчу. Вѣче само непосредственно завѣдывало сношеніями съ сосѣдними государствами; каждый Псковскій посланникъ, возвращаясь домой по исполненію возложеннаго на него порученія, долженъ былъ явиться на вѣчѣ и вѣчу представить подробный отчетъ о томъ какъ онъ исполнилъ порученія; всѣ наказы посланникамъ давало только само вѣче; всѣ договорныя грамоты писались не иначе какъ на вѣчѣ и отъ имени вѣча или Пскова; чужестранные послы непремѣнно представлялись вѣчу и и вѣчу излагали требованія своихъ правительствъ. Такъ въ лѣтописи подъ 1460 годомъ сказано: „И слышавше Псковичи великаго князя въ Новгородѣ, и послаша пословъ своихъ въ великій Новгородъ, Юрья посадника Тимоѳеевича, Максима Ларивоновича, и бояръ изо всѣхъ концовъ, и даша Псковичи дарове князю великому 50 рублевъ, и повелѣша имъ бити челомъ господину и государю великому князю Василью Васильевичу о жалованьѣ и о печалованіи

своей отчины, мужей Псковичъ, добровольныхъ людей, что есми пріобижены отъ поганыхъ Нѣмецъ и водою, и землею, и головами, и церкви Божіи пожжены отъ поганыхъ на миру и на крестномъ цѣлованіи.“ Или въ 1463 году послы магистрата Ливонскаго и Рижскаго архіепископа при заключеніи мира цѣловали крестъ, и печати свои къ грамотѣ привѣсили предъ воеводою великаго князя и передъ всемъ Псковомъ на вѣчѣ. Или въ 1464 году Московскій посолъ Давидъ Бибиковъ правилъ посольство отъ великаго князя и говорилъ на вѣчѣ Пскову, что князь великій челобитье Псковское принялъ. Или въ 1471 году Псковскіе послы, возвратившіеся съ посольства къ Литовскому великому князю, отдавали отчетъ о своемъ посольствѣ на вѣчѣ передъ Псковомъ.

9-е. Обычное узаконенное мѣсто сбора Псковскаго вѣча находилось при церкви св. Троицы, гдѣ на паперти, или, какъ говорили во Псковѣ, на сѣняхъ, этой церкви висѣлъ и вѣчевый колоколъ, извѣстный по Псковскимъ лѣтописямъ подъ именемъ *Корсунскаго вѣчника*, и на площади у этой церкви были устроены особыя мѣста, для сидѣнья членамъ вѣча, называвшіяся степенями. Судя по нѣсколькимъ извѣстіямъ Псковской лѣтописи, вѣче во Псковѣ созывалось звономъ вѣчеваго колкола. Такъ подъ 1518 годомъ лѣтопись говоритъ: „тоя же весны прислалъ князь великій къ живоначальной Троицы большой колоколъ, гдѣ вѣчевой былъ, а преже того за немного прислалъ меньшой колоколъ въ Корсунскаго мѣсто, что на сѣняхъ въ него звонили, какъ вѣчье было.“ Или подъ 1510 годомъ въ той же лѣтописи сказано: „свитающу дню недѣльному, позвониша вѣче, вшелъ

Третьякъ въ вѣче, и посадники Псковскіе и Псковичи начаша ему говорити.“ Созывать вѣче во Псковѣ могли или имѣли право только одни степенные посадники, какъ выбранные самимъ вѣчемъ, постоянные земскіе представители вѣча, когда оно не въ сборѣ. Обычнымъ временемъ для сбора вѣча, кажется, было утро, послѣ обѣденъ. Чрезвычайныя же вѣча допускались во всякое время дня и ночи: такъ подъ 1480 годомъ читаемъ въ лѣтописи: „и пригониша гонецъ нощію“: уже господа Псковичи Вышгородъ взяли Нѣмцы, „и посадники Псковскіе вѣчь сзвонили нощію дважды, и поѣхаша посадники и мужи Псковичи той нощи, срубившися съ четырехъ сохъ конь.“ Или о послѣднемъ вѣчѣ 1510 сказано: „свитающу дни недѣльному, позвониша вѣче.“ Во Псковѣ, какъ и въ Новгородѣ вѣче имѣло свою печать, которою утверждались всѣ грамоты, издаваемыя вѣчемъ; на печати этой изображался пардъ (леопардъ), бѣгущій вправо, а вокругъ парда слова: „печать государства Псковскаго“. На висячихъ же печатяхъ Псковскаго вѣча, на одной сторонѣ изображался пардъ, бѣгущій вправо, а на другой—„печать Псковская.“ Псковское вѣче имѣло своихъ дьяковъ, которые записывали опредѣленія вѣча, составляли вѣчевыя грамоты и вообще вели письменныя дѣла вѣча. Члены, по всему вѣроятію, садились на вѣче, уличане съ своими уличанами, кончане съ своими кончанами при своихъ старостахъ; открывали же вѣче посадники, къ которымъ стекались всѣ общественныя дѣла.

10-е. Кромѣ общаго вѣча цѣлаго города, вѣроятно были еще вѣча по концамъ и улицамъ, по призыву кончанскихъ и уличанскихъ старость и сотскихъ; а

также были вѣча по пригородамъ по призыву и подъ руководствомъ пригородскихъ посадниковъ. Но чтобы были когда нибудь во Псковѣ вѣча не законныя, составленныя какою либо партіей, объ этомъ нѣтъ и намековъ въ лѣтописяхъ и другихъ памятникахъ. Псковъ, по своему чисто демократическому устройству, очевидно былъ свободенъ отъ появленія таковыхъ вѣчь; во Псковѣ партіи были такъ слабы, что ничего не значили предъ голосомъ законнаго вѣча. Мало этого, вѣче во Псковѣ обыкновенно вело свои дѣла тихо и чинно; только уже предъ конечнымъ паденіемъ Псковскаго вѣча лѣтопись начинаетъ жаловаться на кричаніе на вѣчахъ, и выставляетъ это кричаніе одною изъ причинъ паденія вѣча.

Посадникъ.

Послѣ вѣча слѣдовали власти, избираемыя самимъ вѣчемъ для постояннаго веденія общественныхъ дѣлъ, когда вѣче не было въ сборѣ. Изъ выборныхъ властей самая важная была власть посадника, въ которой выражалась до нѣкоторой степени власть самаго вѣча, но которая состояла въ полномъ подчиненіи вѣчу. Первоначально, когда Псковъ былъ въ полной зависимости отъ Новгорода, Псковскіе посадники обыкновенно или по преимуществу назначались Новгородскимъ вѣчемъ, и слѣдовательно были представителями власти Новгородскаго, а не Псковскаго вѣча; они были собственно какъ бы намѣстниками Новгородскими во Псковѣ, и потому не пользовались значеніемъ Псковскихъ выборныхъ властей; о нихъ Псковскія лѣтописи даже не упоминаютъ; и такъ продолжалось вплоть до XIV столѣтія. Въ первый разъ Псковская лѣтопись упоминаетъ о Псковскомъ посадникѣ Борисѣ, вѣроятно выборномъ отъ Псковскаго

вѣча, а не присланномъ изъ Новгорода. Лѣтопись подъ 1308 годомъ о немъ говоритъ: Посадникъ Борисъ замыслилъ помостить торговище, и бысть всѣмъ людямъ добро; а въ слѣдующемъ 1309 году тотъ же Борисъ посадникъ вмѣстѣ съ вѣчемъ заложилъ плитяную стѣну отъ церкви святыхъ апостолъ Петра и Павла къ рѣкѣ Великой, и скончался въ 1312 году. Преемникомъ Бориса, по всему вѣроятію, былъ посадникъ Селило Олексиничъ, убитый Нѣмцами подъ Псковомъ въ 1327 году. За Селилой слѣдовалъ посадникъ Селога или Сологa, правившій посольство отъ Пскова къ великому князю Московскому Ивану Даниловичу, стоявшему съ войскомъ у города Опочки. Этотъ же посадникъ, по опредѣленію вѣча, въ 1330 году поставилъ новый городъ Изборскъ на Жеравей горѣ, и въ 1337 году, по опредѣленію вѣча, поправлялъ укрѣпленія Псковскаго дѣтинца и въ томъ же году скончался. Преемникомъ его былъ посадникъ Илья Борисовичъ, вѣроятно сынъ перваго выборнаго Псковскимъ вѣчемъ посадника Бориса. Онъ въ 1341 году водилъ Псковичей противъ Нѣмцевъ на рѣку Амовжу, и въ томъ же году защищалъ противъ Нѣмцевъ Изборскъ; а въ 1348 году водилъ Псковичей къ Орѣшку помогать Новгородцамъ противъ Шведовъ. При этомъ посадникѣ Псковское вѣче въ 1341 году просило у Новгородцевъ помощи и намѣстника. Это извѣстіе прямо говоритъ, что посадникъ Илья былъ уже Псковскимъ выборнымъ посадникомъ, а не присланнымъ изъ Новгорода, иначе не было бы нужды просить еще у Новгородцевъ намѣстника. При этомъ посадникѣ лѣтопись подъ 1343 годомъ упоминаетъ объ одновременномъ ему

посадникѣ Володшѣ, который вмѣстѣ съ князьями Иваномъ и Евстафіемъ водилъ Псковичей и Изборянъ противъ Нѣмцевъ къ городу Медвѣжей головѣ; слѣдовательно въ это уже время Псковъ одновременно имѣлъ двухъ посадниковъ. А подъ 1348 годомъ упоминается еще третій современный Ильѣ посадникъ Иванъ, по опредѣленію вѣча водившій Псковскую рать къ Нѣмецкому городку на Наровѣ. Не былъ ли онъ избранъ на мѣсто посадника Володши, о которомъ уже не упоминается послѣ 1343 года. За тѣмъ въ извѣстіяхъ о посадникахъ послѣ 1348 года лѣтописи представляютъ перерывъ до 1375 года, въ которомъ упоминается посадникъ Григорій Остафьевичъ, но этотъ двадцатисемилѣтній перерывъ вовсе не означаетъ, чтобы во все это время не было посадниковъ во Псковѣ, ибо подъ 1368 годомъ есть слѣдующее извѣстіе: „на борзѣ рать Нѣмецкая пріиде ко Пскову; и по грѣхамъ нашимъ тогда не бысть во градѣ ни князя Александра, ни посадниковъ, но по селамъ въ разъѣздѣ.“ Слѣдовательно во Псковѣ постоянно было по нѣскольку посадниковъ; перерывъ же, замѣчаемый въ лѣтописяхъ, произошелъ по недостатку извѣстій, дошедшихъ до лѣтописцевъ.

Во Псковѣ, такъ же какъ и въ Новгородѣ, въ посадники избирались исключительно изъ боярскихъ фамилій, и даже замѣтно нерѣдко изъ однихъ и тѣхъ же фамилій; такъ мы уже видѣли, что перваго выборнаго посадника Бориса сынъ Илья также былъ посадникомъ. Или подъ 1404 годомъ упоминается о посадникѣ Леонтіѣ, а подъ 1426 годомъ уже встрѣчается въ числѣ посадниковъ сынъ его Сильверстъ Леонтьевичъ. Или въ 1406 году упоминается посадникъ Ларіонъ

Дойниковичъ, а въ 1456 году былъ посадникомъ сынъ его Максимъ Ларіоновичъ, бывшій въ 1444 году воеводою на Наровѣ съ титуломъ сына посаднича. Но очевидно демократическій Псковъ не строго держался правила выбирать посадниковъ изъ однихъ и тѣхъ же боярскихъ фамилій: тамъ не было такихъ сильныхъ боярскихъ домовъ, какъ въ Новгородѣ, а по сему вѣче было совершенно свободно въ своемъ выборѣ и не справлялось съ родословными книгами Псковскихъ бояръ, а придерживалось одного правила, чтобы выбирать людей надежныхъ заручившихъ себя передъ Псковомъ своими способностями и преданностію господину Пскову. Такъ напримѣръ въ 1341 году Володша Строиловичъ сдѣлался замѣтнымъ своею храбростію и распорядительностію при защитѣ Изборска, и вѣче на другой годъ избрало его въ посадники. Посадники во Псковѣ, также какъ и въ Новгородѣ, избирались не на срокъ, по крайней мѣрѣ въ памятникахъ нѣтъ и намековъ на сроки. Избраніе обыкновенно производилось, чтобы избранному оставаться до тѣхъ поръ въ должности, пока будетъ угоденъ вѣчу, или сколько послужитъ; но очевидно во Псковѣ посадники долго не засиживались на своей должности, ибо по лѣтописямъ мы то и дѣло встрѣчаемъ новыхъ посадниковъ. Разъ выбранный въ посадники, хотя бы и былъ смѣщенъ со степени, навсегда удерживалъ званіе стараго посадника, и его дѣти назывались посадничьими дѣтьми. Посадникъ, смѣщенный со степени, чрезъ нѣсколько времени опять могъ быть выбранъ въ степенные посадники. Напримѣръ посадникъ Юрій Тимоѳеевичъ въ 1431 году былъ степеннымъ посадникомъ вмѣстѣ съ Яки-

момъ Павловичемъ, а въ 1432 году они оба, уже въ званіи старыхъ посадниковъ, были отправлены посланиками въ Новгородъ, а въ 1453 году Юрій Тимоѳеевичъ опять былъ степеннымъ посадникомъ. По частой смѣнѣ посадниковъ со степени во Псковѣ всегда было много старыхъ посадниковъ; такъ напримѣръ въ 1471 году на помощь Московскому князю противъ Новгорода было послано Псковичами тринадцать Псковскихъ посадниковъ съ Псковскою силою.

Обязанности и права посадника.

Обязанности и права степеннаго посадника были слѣдующія: 1-е. Степенный посадникъ во Псковѣ, какъ представитель вѣча, такъ же какъ и въ Новгородѣ, былъ необходимымъ посредникомъ между княземъ и народомъ; такъ что князь безъ посадника не имѣлъ права ни судить ни управлять ни во Псковѣ ни въ Псковскихъ пригородахъ; на судѣ князь и посадникъ дѣлились пошлинами пополамъ; въ судной Псковской грамотѣ сказано: „а княжа продажа 19 денегъ; да четыре деньги князю и посаднику". Или подъ 1453 годомъ лѣтопись говоритъ: „попы невкупніи биша челомъ князю Псковскому Василью Васильевичу и посаднику степенному Георгію Тимоѳеевичу и всѣмъ посадникамъ Псковскимъ, чтобы дозволили устроить четвертый соборъ". 2-е. Степенный посадникъ, по опредѣленію вѣча, предводительствовалъ Псковскими войсками и при князѣ и безъ князя; такъ подъ 1463 годомъ лѣтопись говоритъ: „посадникъ степенный Ѳеодоръ Никофоровичъ и посадникъ Тимофей со Псковичами ходили къ Городку на Нѣмцевъ, о чемъ услышавши Нѣмцы бѣжали отъ Городка". Или подъ 1466 годомъ въ лѣтописи сказано: „князь Псковскій

Данило Александровичъ и Ларіонъ посадникъ и весь Псковъ поднемше всю волость идоша воевать къ Полотску. 3-е. Степенный посадникъ вмѣстѣ съ княземъ и безъ князя велъ переговоры съ сосѣдними владѣльцами, и цѣловалъ крестъ при заключеніи договоровъ. Такъ въ 1464 году, при заключеніи мира съ Нѣмцами степенные Псковскіе посадники Максимъ Ларіоновичъ и Игнатій Логиновичъ и сотскіе цѣловали крестъ на вѣчѣ предъ Нѣмецкими послами. Или при заключеніи мира съ Нѣмцами въ 1473 году посадникъ степенный Зиновій Сидоровичъ цѣловалъ крестъ на вѣчѣ за весь Псковъ. Или въ 1397 году князь Григорій и посадники Сысой и Романъ договаривались отъ всего Пскова съ Новгородцами о мирѣ. 4-е. Степенный посадникъ заботился объ укрѣпленіяхъ какъ самаго Пскова, такъ и пригородовъ: напримѣръ въ 1309 году посадникъ Борисъ вмѣстѣ съ вѣчемъ заложилъ плитяную стѣну во Псковѣ. Или въ 1431 году посадникъ Юрьи Тимоѳеевичъ и всѣ псковскіе посадники заложили городъ Выборъ, а другой степенный посадникъ Якимъ, вмѣстѣ съ княземъ Дмитріемъ Александровичемъ и прочими посадниками, заложили городъ Гдовъ. Или въ 1465 году князь Псковскій Иванъ Александровичъ и степенные посадники Леонтій Макарьевичъ и Тимоѳей Васильевичъ и Псковичи заложили деревянную стѣну отъ рѣки Великой до Псковы. 5-е. Грамоты во Псковъ отъ сосѣднихъ государей писались на имя Псковскаго князя, степеннаго посадника, старыхъ посадниковъ и всего Пскова, и Псковскія грамоты также писались отъ князя, степенныхъ посадниковъ и старыхъ посадниковъ, и отъ всего Пскова. Такъ въ 1464 году

посолъ Московскій говорилъ на вѣчѣ именемъ великаго князя: „князь великій Иванъ Васильевичъ всея Руси тобѣ своему намѣстнику Псковскому князю Ивану Александровичу, посаднику степенному Юрію Тимоѳеевичу и старымъ посадникамъ и всему Пскову своей отчинѣ повѣствуетъ. Или въ 1480 году Казимиръ Польскій начинаетъ свою грамоту во Псковъ: „посаднику степенному и старымъ посадникамъ и всему Пскову Казимиръ король Польскій и великій князь Литовскій вказалъ.“ Или въ Казимировой же отвѣтной грамотѣ тогоже года: „што есте говорили намъ отъ посадниковъ степенныхъ и отъ старыхъ посадниковъ и отъ всего Пскова, тоже вразумѣли.“ 6-е. Степенный посадникъ созывалъ вѣче и руководилъ, докладывалъ поступившія къ нему дѣла, подлежащія рѣшенію вѣча. Такъ въ 1480 году, когда пришла во Псковъ вѣсть, что Нѣмцы взяли городокъ, то посадники ночью же, какъ получили вѣсть, дважды сзвонили вѣче и поѣхали съ Псковичами на Нѣмцевъ. Или въ 1495 году, когда на вѣчѣ произошелъ споръ—зачислять ли въ раскладку для сбора на войну священниковъ, то въ лѣтописи сказано: „что бывшіе тогда степенные посадники Яковъ Аѳанасьевичъ Брюхатый и Василій Опимаховичъ учали сильно дѣяти надъ священники, и лазили многажды на сѣни (т. е. справляться въ ларѣ, гдѣ хранились законы) и въ вѣчье.“ Степенный же посадникъ съ старыми посадниками сажалъ вновь избраннаго князя на княженіе; такъ подъ 1496 годомъ читаемъ въ лѣтописи: „прибылъ князь Александръ Володимировичъ Ростовскій на княженіе во Псковъ: и священноиноки и священники, и посадники Псковскіе и Псковичи выидоша противу ему со кресты

къ старому Вознесенью и посадиша его на княженіе.“ 7-е. Посадникъ предлагалъ вѣчу новые законы на утвержденіе, или говорилъ о необходимости отмѣнить устарѣвшіе законы, тягостные для общества, какъ прямо объ этомъ сказано въ судной Псковской грамотѣ. „А которой строкѣ пошлинной грамоты нѣтъ, и посадникамъ доложити господина Пскова, да тая строка написать. А которая строка въ сей грамотѣ нелюба будетъ господину Пскову, ино та строка вольно выписать вонъ изъ грамоты. 8-е. Посадники вмѣстѣ съ другими выборными властями и даже одни посадники имѣли право издавать или отмѣнять законы, даже несозывая для сего вѣча; но ежели изданные ими законы оказывались неугодными Пскову, то за это они отвѣчали передъ вѣчемъ; такъ въ 1458 году были побиты на вѣчѣ старые посадники въ предшествовавшіе годы, убавившіе хлѣбную торговую мѣру. Напротивъ того, когда въ 1479 году степенный посадникъ Аѳанасій Юрьевичъ, по совѣту съ боярами судьями и сотскими, вынулъ изъ ларя св. Троицы и изодралъ грамоту, 8 лѣтъ стѣснявшую торговлю льномъ; то вѣче оказалось довольнымъ таковымъ распоряженіемъ. Точно также въ 1463 году вѣче не сдѣлало никакого замѣчанія степенному посаднику Ѳеодору Никифоровичу, когда онъ отнялъ палицу у хлѣбной мѣры, повѣшенную вѣчемъ въ 1458 году; слѣдовательно признавало за нимъ право такъ распорядиться.

Мѣры къ ограниченію власти посадника.

Но несмотря на такія обширныя, повидимому, права, посадникъ во Псковѣ имѣлъ меньшее значеніе чѣмъ въ Новгородѣ; онъ былъ собственно повѣреннымъ Псковскаго вѣча, правда съ большими полномочіями, но и подъ строгимъ надзоромъ общества съ демо-

кратическимъ направленіемъ, которое на вѣчѣ никогда не лишало себя права сводить со степени посадника, какъ скоро онъ окажется неугоднымъ, и должно сказать пользовалось этимъ правомъ гораздо чаще, чѣмъ Новгородское общество. Во Псковѣ не замѣтно, чтобы какой либо посадникъ сидѣлъ на степени десять лѣтъ (впрочемъ и во Псковѣ бывали, хотя очень немногіе посадники, заживавшіеся на степени года по четыре и лѣтъ по пяти). Псковъ, какъ чисто демократическая республика, всегда зорко и строго смотрѣлъ вообще за всѣми властями, утвержденными вѣчемъ, а посадниковъ, какъ власть представляющую отсутствующее или несобранное вѣче, имѣлъ подъ особеннымъ надзоромъ, и разными средствами старался ее ограничить.

Первое средство къ ограниченію и стѣсненію власти посадника, какъ свидѣтельствуютъ дошедшіе до насъ памятники, состояло въ томъ, что вѣче окружало степеннаго посадника старыми посадниками, число которыхъ годъ отъ года увеличивалось, по мѣрѣ смѣщенія степенныхъ посадниковъ со степени. Старые посадники, всѣ до одного, какіе были на лицо, составляли какъ бы необходимый совѣтъ при степенномъ посадникѣ, такъ что сей послѣдній одинъ почти не могъ распоряжаться; они непремѣнно присутствовали и на вѣчѣ и участвовали въ другихъ общественныхъ дѣлахъ, такъ что рядомъ съ степеннымъ посадникомъ почти всегда встрѣчаемъ въ памятникахъ и старыхъ посадниковъ, и даже нерѣдко ихъ нельзя отличить другъ отъ друга. Напримѣръ подъ 1453 годомъ читаемъ въ лѣтописи: „попы невкуиніи били челомъ Князю Василью Васильевичу и посаднику

степенному Георгію Тимоѳеевичу, и всѣмъ посадникамъ Псковскимъ, чтобы быть четвертому собору". Или подъ 1431 годомъ сказано: Юрьи посадникъ Тимоѳеевичъ, и вси Псковскіе посадники заложили городъ Выборъ. А князь Дмитрій Александровичь, Якимъ посадникъ и вси посадники заложили городъ на рѣкѣ Гдовѣ". Въ послѣднемъ извѣстіи посадники Юрій и Якимъ, очевидно степенные посадники, отличались отъ старыхъ хотя одними именами; въ слѣдующемъ же извѣстіи, относящемся къ 1416 году, степенные посадники отъ старыхъ даже не отличены именами; въ извѣстіи семъ сказано: „построиша церковь св. Софіи при старостѣхъ св. Троицы Андреи Тимошкиничи и Іонѣ, при попѣ Іоаннѣ Хахилевѣ и при посадникахъ Псковскихъ Ларивонѣ Дойниковичѣ, и Романѣ, и Іоанѣ, и Ѳедосеи, и Микулѣ." Или тоже подъ 1441 годомъ: „Князь Александръ и вси посадники послали посадника Тимоѳея ставить городъ Опочку". Высокое значеніе и дѣятельное участіе старыхъ посадниковъ въ правленіи общественными дѣлами было извѣстно и за предѣлами Псковской земли; такъ 1464 г. посолъ Московскаго Князя, обращаясь къ Псковскому вѣчу, именемъ своего Государя говоритъ: „Князь великій Иванъ Васильевичъ всея Русіи тебѣ своему Намѣстнику Князю Псковскому Ивану Александровичу, посаднику степенному старому Юрью Тимоѳеевичу и старымъ посадникомъ и всему Пскову повѣствуетъ." Точно такое же обращеніе къ степенному посаднику и къ старымъ посадникамъ и всему Пскову дѣлаетъ Казимиръ Король Польскій въ своей грамотѣ 1480 года.

Всѣ сіи и многія другія таковыя же свидѣтельства

ясно показываютъ, что во Псковѣ старые посадники были поставлены очень высоко; что степенный посадникъ, что называется, былъ связанъ ими по рукамъ и ногамъ. А старые посадники были въ полной зависимости отъ вѣча, по самому своему положенію; ибо, съ одной стороны, дѣйствуя въ пользу степеннаго посадника и противъ вѣча, они тѣмъ самымъ теряли расположеніе народа и лишались надежды вторично быть избранными въ степенные посадники. А съ другой стороны вѣче часто давало весьма важныя порученія старымъ посадникамъ съ властію совершенно равною власти степеннаго посадника, такъ что въ данномъ порученіи старый посадникъ являлся въ значеніи степеннаго посадника, съ тою только разницей, что онъ таковымъ являлся по непосредственному порученію вѣча, а не по должности, слѣдовательно находился въ совершенной зависимости отъ вѣча, какъ его наказный сановникъ. Порученія, даваемыя вѣчемъ старымъ посадникамъ, были разнообразны, но всѣ имѣли такое высокое значеніе, что по Псковскимъ порядкамъ могли исполняться только посадникомъ, или иначе сказать составляли функцію или прерогативу степеннаго посадника; а поэтому они всегда были лѣстны для старыхъ посадниковъ, и тѣмъ самымъ тянули ихъ къ сторонѣ вѣча, а не степеннаго посадника, и такимъ образомъ не давали развиваться власти сего послѣдняго. Къ таковымъ важнымъ порученіямъ принадлежали: первенство или главный голосъ въ посольствахъ при переговорахъ съ иностранными владѣтелями; такъ напримѣръ въ 1397 году, для заключенія мира съ Новгородомъ, Псковъ послалъ Князя Григорія Евстафьевича и ста-

рыхъ посадниковъ, Сысоя и Романа, которые и цѣловали крестъ къ Новгороду за Псковъ и всѣ пригороды." Или старымъ посадникамъ вѣче поручало командованіе надъ войскомъ во время военныхъ походовъ; такъ что нерѣдко одна Псковская рать отправлялась въ походъ подъ начальствомъ степеннаго посадника, а другая подъ командой стараго посадника, который дѣйствовалъ самостоятельно и отдавалъ отчетъ не степенному посаднику, а вѣчу. Такъ въ 1463 году, когда степенный посадникъ Ѳедоръ Никифоровичъ и посадникъ Тимоѳей, бывшіе подъ Городкомъ противъ Нѣмцевъ, прислали гонца, что Нѣмцы воюютъ исады на Наровѣ, то посадникъ Зиновій и Псковичи поставили вѣче и дали воеводство посаднику Максиму Ларіоновичу, Алексѣю Васильевичу и Игнатью Логиновичу, и совокупившеся Псковичи съ пригорожены и поидоша на Нѣмцевъ.

Но несмотря на таковое стѣсненіе власти степеннаго посадника, Псковскому вѣчу эта власть, находящаяся въ однихъ рукахъ, все еще казалась опасною, и вѣче еще съ половины XIV столѣтія придумало новое ограниченіе: оно стало одновременно выбирать по два степенныхъ посадника, такъ чтобы эта громадная власть дѣлилась между двумя равными лицами. Такъ еще въ 1343 году по лѣтописямъ мы уже встрѣчаемъ двухъ одновременныхъ посадниковъ въ степени: Илью Борисовича и Володшу Строиловича. Или въ 1397 году встрѣчаемъ двухъ степенныхъ посадниковъ Ефрема Картача и Захарья Костроминича. Впрочемъ Псковичи не постоянно держались этого правила, иногда назначали двухъ степенныхъ посадниковъ, иногда одного; такъ по крайней мѣрѣ можно

заключать по дошедшимъ до насъ лѣтописнымъ извѣстіямъ. Такъ въ 1402 году, по смерти Захарьи Костроминича, степеннымъ посадникомъ оставался одинъ Ефремъ Картачъ; а въ 1406 году опять два степенныхъ посадника,—Юрьи Филипповъ, сынъ Казаковичъ и Ларіонъ Дойниковичъ, при которыхъ Ефремъ Картачъ былъ уже старымъ посадникомъ и въ 1407 году убитъ въ бою съ Нѣмцами на Лозоговицкомъ полѣ, гдѣ убиты и еще два старыхъ посадника Леонтій и Панкратъ; или въ 1418 году являются два новыхъ степенныхъ посадника Ѳедосъ Ѳеофиловичъ и Микула Павловичъ, вѣроятно избранный во второй разъ, ибо онъ уже упоминается старымъ посадникомъ въ 1410 году, а въ 1426 году опять упоминается, въ числѣ старыхъ посадниковъ, равнымъ образомъ какъ и посадникъ Ѳедосъ Ѳеофиловичъ. Въ 1431 году степенными посадниками были уже Юрьи Тимофеевичъ и Акимъ Павловичъ. Въ 1441 году встрѣчается одинъ степенный посадникъ Иванъ Сидоровичъ; или въ 1450 году опять одинъ степенный посадникъ Ѳедоръ Патрикѣевичъ, и въ 1453 году опять одинъ степенный посадникъ Георгій Тимофеевичъ, вѣроятно выбранный во второй разъ, ибо онъ былъ уже степеннымъ посадникомъ въ 1442 году. Напротивъ того, въ 1462 въ 1463 и 1464 годахъ встрѣчаемъ по два степенныхъ посадника: въ первомъ году Максима Ларіоновича и Зиновія Михайловича, во второмъ Ѳедора Никифоровича и Зиновія Михайловича, и въ третьемъ Юрья Тимофеевича и Алексѣя Васильевича. Въ 1465 году опять два степенныхъ посадника Леонтій Макарьевичъ и Тимоѳей Васильевичъ; а въ 1466 году одинъ степенный посад-

никъ Тимоѳей Власьевичъ; въ 1468 году два степенныхъ посадника Тимоѳей Власьевичъ и Стефанъ Гахоновичъ, они же были и въ 1469 году.

Съ половины XV столѣтія Псковское вѣче придумало новую мѣру стѣсненія посадничьей власти; оно стало выбирать степенныхъ посадниковъ чуть не каждый годъ, какъ это уже замѣтно въ представленномъ выше перечисленіи степенныхъ посадниковъ по лѣтописнымъ извѣстіямъ. И судя по извѣстію 1462, кажется, можно положить, что въ это время былъ введенъ такой порядокъ, чтобы изъ двухъ степенныхъ посадниковъ одного смѣщать со степени и на его мѣсто выбирать новаго, а одного оставлять въ степени еще на годъ. Оставленный такимъ образомъ въ степени на другій годъ назывался старымъ степеннымъ посадникомъ и считался главнымъ представителемъ вѣча; такъ Московскій посолъ въ этомъ году говоритъ отъ имени своего государя посаднику степенному старому Юрью Тимоѳеевичу и старымъ посадникамъ и всему Пскову; тогда какъ въ томъ же году былъ еще степеннымъ посадникомъ во Псковѣ Алексѣй Васильевичъ. Впрочемъ Псковичи и этого новаго правила держались не строго; все зависѣло отъ воли вѣча. Такъ въ 1468 и 1469 годахъ были одни и тѣ же степенные посадники Тимоѳей Власьевичъ и Стефанъ Гахоновичъ. Но какъ бы то ни было, эта послѣдняя мѣра рѣшительно измѣнила характеръ Псковскихъ посадниковъ и низвела ихъ окончательно на степень чиновныхъ слугъ вѣча, которыя оставались только для того, чтобы докладывать вѣчу, исполнять его порученія и приводить въ исполненіе его приговоры. А посему не удивительно,

что дьякъ великаго князя Василья Ивановича Третьякъ Далматовъ въ 1510 году потребовалъ его именемъ только того, чтобы Псковичи отказались отъ вѣча и сняли вѣчевый колоколъ, о посадникахъ же не упомянулъ ни словомъ; тогда какъ въ 1478 году великій князь Иванъ Васильевичъ требовалъ отъ Новгородцевъ, чтобы не было ни посадниковъ, ни вѣча. Посадники при паденіи Новгорода значили еще многое,—они составляли важную земскую власть; во Псковѣ же, при его паденіи, вся власть заключалась въ вѣчѣ и посадники ничего не значили; потому великій князь Василій Ивановичъ и не удостоилъ упомянуть объ нихъ въ своемъ послѣднемъ требованіи у вольнаго Пскова.

Посадники въ пригородахъ.

Подобно Пскову имѣли посадниковъ и Псковскіе пригороды; такъ напримѣръ подъ 1341 годомъ лѣтопись упоминаетъ о посадникѣ Островскомъ Васильѣ Онисимовичѣ, о которомъ сказано: „тогда ему опять дали посадничество во Островѣ". Или подъ 1426 годомъ упоминаются Вороническіе посадники, въ лѣтописи сказано: „Вороночане и посадники ихъ Тимоѳей и Ермола начаша вѣсти слати ко Пскову: Господа Псковичи! помогайте и гадайте о насъ; намъ нынѣ притужно вельми." Посадники въ пригородахъ имѣли то же положеніе какъ и во Псковѣ. Въ пригородахъ сперва было по одному посаднику; а когда Псковъ сталъ выбирать себѣ по два посадника, тогда и пригороды также стали выбирать себѣ по два посадника, какъ свидѣтельствуетъ приведенное выше извѣстіе лѣтописи подъ 1426 годомъ. Посадники въ пригородахъ избирались мѣстнымъ вѣчемъ, какъ и во Псковѣ. Но такъ какъ пригороды вполнѣ зависѣли отъ Псковскаго вѣча, то и тамошніе посадники были

не болѣе какъ слугами Псковскаго вѣча, и вѣроятно иногда присылались изъ Пскова по назначенію тамошняго вѣча.

За посадниками въ Псковѣ по значенію своему слѣдовали сотскіе; они у Псковичей именно замѣняли тысяцкаго первоначально, потому что Псковъ, какъ пригородъ, тогда былъ только отдѣльною частію Новгорода, слѣдовательно не имѣлъ права держать тысяцкаго. Въ послѣдствіи же, когда Псковъ сдѣлался самостоятельнымъ и независимымъ, очевидно сами Псковичи, устроивши у себя чисто демократическое общество, не нашли нужнымъ выбирать себѣ тысяцкаго, какъ особаго представителя черныхъ людей; ибо, при демократическомъ устройствѣ общества, черные люди господствовали на вѣчѣ, и не только не нуждались въ новомъ представителѣ, но и не любили единичныхъ властей изъ опасенія, чтобы единичная власть усилившись не стѣснила вѣча. Сотскіе.

Сотскіе во Псковѣ въ первыя времена до самаго XIV столѣтія представляли первую и самую важную выборную власть, потому что тогда посадники еще не были выборными, а присылались изъ Новгорода. А по сему главными представителями вѣча были сотскіе; на нихъ лежала обязанность защищать интересы Пскова отъ Новгородскихъ притязаній и отъ другихъ какихъ невыгодъ. На посадниковъ тогда Псковъ смотрѣлъ какъ на чужихъ, каковыми они были и на самомъ дѣлѣ; другія же выборныя власти или еще не существовали или представляли собою тѣ или другія общины Пскова, а не цѣлый Псковъ, и такимъ образомъ сотскіе, какъ представители цѣлаго Пскова, естественно по самой необходимости были въ положеніи первенствующей

выборной власти, заправлявшей всемъ обществомъ. А посему когда въ 1179 году Псковичи возстали на своего князя Бориса; то дядя сего послѣдняго, знаменитый новгородскій князь Мстиславъ Ростиславичъ, захватилъ прежде всего сотскихъ, и народное возстаніе немедленно улеглось, какъ прямо сказано въ лѣтописи: „Мстиславъ князь вниде въ Псковъ и изойма сотскіе про Бориса сыновца своего, зане нехотяхуть сыновца его, и тако утвердивъ съ людьми иде оттуду Новугороду." При таковомъ высокомъ положеніи сотскіе естественно выбирались изъ лучшихъ боярскихъ фамилій во Псковѣ, и это за ними осталось навсегда. Но съ XIV столѣтія положеніе сотскихъ во Псковѣ измѣнилось, они изъ первенствующей власти низошли на степень второй власти, первенствующею же выборною властію сдѣлались посадники, а сотскіе изъ прежнихъ руководителей вѣча превратились въ его покорныхъ слугъ; впрочемъ и при этомъ важномъ измѣненіи за ними осталось еще высокое значеніе, которое приравнивало ихъ до нѣкоторой степени къ новгородскому тысяцкому. Во 1-хъ по самому своему званію сотскихъ, подобно новгородскому тысяцкому они вмѣстѣ съ посадниками утверждали договоры Пскова съ сосѣдями и по договорамъ, если это было нужно, дѣлали исполненіе; такъ подъ 1435 годомъ лѣтопись говоритъ: „Псковскіе посадники Иванъ Сидоровичъ и всѣ посадники псковскіе и сотскіе и добрые люди цѣловали крестъ предъ послы Новгородскими къ Новгороду по старинѣ". Или подъ 1464 годомъ: „посадники псковскіе и сотскіе цѣловали крестъ передъ Нѣмецкими послами, и по договору учинили всю исправу, выдали плѣнни-

ковъ и задержанныхъ нѣмецкихъ гостей.“ Во 2-хъ сотскіе, какъ представители Пскова ближайшіе къ посадникамъ, правили отъ Пскова посольства въ сосѣднія государства; „такъ въ 1510 году Псковъ отправилъ въ Новгородъ къ великому князю Василью Ивановичу Евстафья сотскаго бить челомъ государю со слезами отъ мала до велика, чтобы государь князь великій пожаловалъ свою отчину старинную; а мы сироты твои преже сего и нынѣ не отступны были отъ тебя государя“. Или въ 1471 году Псковичи отправили посломъ въ Новгородъ сотскаго Дмитра Патрикѣевича, вѣроятно брата посаднику Ѳедору Патрикѣевичу. Или подъ 1463 годомъ читаемъ въ лѣтописи: „Нѣмцы Юрьевцы посла Псковскаго Кондрата сотскаго всадиша въ погребъ“. Въ 3-хъ. Сотскіе по своей должности, какъ оберегатели земскихъ интересовъ, участвовали въ изданіи и въ отмѣнѣ законовъ; такъ подъ 1472 годомъ читаемъ въ лѣтописи: „во Псковѣ посадникъ Псковскій Аѳанасій Юрьевичъ и бояре псковскіе, и сотскіе, и судьи тогды льняну грамоту подраша, вынемши изъ ларя“. Въ 4-хъ. Сотскіе участвовали въ судѣ князя и посадника, какъ необходимые члены суда, какъ представители извѣстныхъ интересовъ на судѣ; въ судной Псковской грамотѣ сказано: „а кто на кого будетъ искать боя и грабежа и князю и посадникамъ и сотскихъ обыскать послухами, гдѣ будетъ обѣдалъ или ночевалъ.“ Или въ искахъ о поземельномъ владѣніи судъ также былъ передъ княземъ, посадникомъ и сотскими; въ грамотѣ сказано: „а которому княжему человѣку ѣздити на межу съ сотскими, ино ему такожде цѣловати крестъ... а правому человѣку на ту

землю и судница дати; а подсудничье князю и посадникомъ и съ сотскими всѣмъ взяти десять денегъ". Сіи свидѣтельства судной Псковской грамоты, о судебныхъ правахъ и обязанностяхъ сотскихъ, съ одной стороны указываютъ на высокое значеніе сотскихъ въ дѣлѣ суда, какъ прямыхъ и ближайшихъ представителей земщины, замѣнявшихъ собою тысяцкаго въ другихъ краяхъ Руси; съ другой стороны изъ этихъ же свидѣтельствъ грамоты мы усматриваемъ и важную особенность общественнаго устройства у Псковичей, которые по своему недовѣрчивому демократическому характеру не только старались дробить власти, т. е. не допускать или по возможности избѣгать единичныхъ властей, но и заботились о томъ, чтобы нѣсколько властей принимали участіе въ одномъ и томъ же дѣлѣ, чтобы они взаимно какъ бы контролировали другъ друга; такъ какъ мы уже видѣли въ судѣ уголовномъ и въ судѣ о поземельномъ владѣніи, самыхъ важныхъ отдѣлахъ суда, требовалось непремѣнно участіе и князя и посадника и сотскихъ. Эта же сторона свидѣтельствъ грамоты еще показываетъ намъ, что сотскіе во Псковѣ хотя замѣняли до нѣкоторой степени тысяцкаго въ Новгородѣ; но далеко не вполнѣ, не только потому что тысяцкій въ Новгородѣ былъ одинъ, сотскихъ же во Псковѣ нѣсколько; а что всего важнѣе, тысяцкій въ Новгородѣ имѣлъ свой отдѣльный самостоятельный судъ, несмѣшиваемый съ другими судами; у сотскихъ же во Псковѣ не было своего отдѣльнаго суда; они только участвовали на судѣ князя и посадника, какъ ближайшіе представители земщины. Слѣдовательно судебная власть сотскихъ во Псковѣ, хотя очень важная и ка-

савшаяся высшихъ интересовъ, чѣмъ судебная власть тысяцкаго въ Новгородѣ, тѣмъ не менѣе не равнялась судебной власти тысяцкаго и имѣла своей характеръ. Въ 5-хъ, кромѣ своихъ непосредственныхъ обязанностей, вытекавшихъ изъ самой должности сотскихъ, сотскіе во Псковѣ иногда исправляли разныя порученія вѣча наравнѣ съ другими сановниками; такъ подъ 1474 годомъ есть извѣстіе, что сотскіе вмѣстѣ съ посадниками и боярами отъ концовъ были отряжены вѣчемъ встрѣчать съ хлѣбомъ и медомъ великокняжеское войско, пришедшее помогать Пскову противъ Нѣмцевъ, причемъ сотскіе обязаны были распорядиться отводомъ квартиръ Москвичамъ. Или въ 1472 году сотскіе, по порученію вѣча, вмѣстѣ съ посадникомъ Козмой Андроповичемъ Тилькинымъ провожали до рубежа Псковскаго князя Ѳедора Юрьевича, уѣзжавшаго въ Москву, и отводили ему по дорогѣ станы и доставляли припасы.

Но несмотря на высокое значеніе, оставленное за сотскими съ XIV столѣтія, они не только были въ низшемъ положеніи противъ степенныхъ посадниковъ, но и не равнялись своимъ положеніемъ съ Новгородскими тысяцкими, а напротивъ даже стояли ниже старыхъ посадниковъ. Такъ, напримѣръ, нѣтъ сомнѣнія, что сотскіе были весьма важными участниками вѣча, что Псковское вѣче безъ сотскихъ немыслимо; а между тѣмъ при всѣхъ описаніяхъ Псковскаго вѣча нѣтъ и помину о сотскихъ, какъ и о боярахъ. Всѣ описанія Псковскаго вѣча обыкновенно ограничиваются упоминаніемъ о Князѣ, ежели онъ присутствовалъ на вѣчѣ, о степенномъ посадникѣ, старыхъ посадникахъ и всемъ Псковѣ. Такъ подъ 1407 годомъ

читаемъ въ лѣтописи описаніе Псковскаго вѣча: „Князь Данило Александровичъ посадникъ Юрьи Филипьевичъ и весь Псковъ, подъемше всю свою область, идоша на Нѣмецкую землю.“ Эта старая форма описанія вѣча, гдѣ старые посадники еще не упоминаются, существовавшая кажется до половины XV вѣка; о вѣчѣ же послѣдующаго времени читаемъ въ лѣтописи подъ 1466 годомъ: „въ то же время посадники Псковскіе, степенный Тимофей Власьевичъ, и Алексѣй Васильевичъ и Стефанъ Аѳанасьевичъ и весь Псковъ сдумавше поставиша церковь на Званицы.“ Или подъ 1463 годомъ: „воевода князя великаго Ѳедоръ Юрьевичъ и князь Псковскій Иванъ Александровичъ и посадники Псковскіе и весь Псковъ погадавъ взяша миръ съ Нѣмцами.“ Въ договорныхъ грамотахъ съ сосѣдними государствами сотскіе также не упоминаются, а прописываются только степенные и старые посадники и весь Псковъ. Все это показываетъ, что сотскіе были только слугами вѣча во Псковѣ, хотя и очень важными слугами.

Судьи. Когда во Псковѣ не было еще князей, когда Псковъ управлялся своимъ вѣчемъ съ Новгородскими посадниками; то естественно право суда по всѣмъ дѣламъ принадлежало вѣчу, какъ голосу цѣлаго общества; вѣче же по составу своему изъ всѣхъ хозяевъ не могло быть непрерывнымъ; оно естественно собиралось только на короткіе сроки для суда и управы въ важнѣйшихъ дѣлахъ, или для исправленія какихъ либо общественныхъ нуждъ, требовавшихъ непосредственнаго рѣшенія всего общества. А посему для постояннаго и непрерывнаго веденія суда вѣче естественно должно было избирать представителей

своей судебной власти. По всему вѣроятію въ эти представители судебной власти первоначально избирались сотскіе по всѣмъ дѣламъ; но когда съ появленіемъ во Псковѣ князей судъ по уголовнымъ дѣламъ и землевладѣнію перешелъ въ руки князя или его намѣстника, и къ этому суду вѣчемъ были присоединены посадники и сотскіе, безъ которыхъ князь не имѣлъ права судить; вѣче же нашло неудобнымъ оставить за сотскими другую половину суда по дѣламъ гражданскимъ, какъ это сдѣлали Новгородцы, предоставивши гражданскій судъ тысяцкому; то естественно Псковичи должны были устроить новыхъ представителей судебной власти, которые во Псковѣ получили спеціальное названіе судей. Судьи, какъ представители самаго вѣча, въ одной изъ важнѣйшихъ функцій его власти въ судѣ, естественно избирались самимъ вѣчемъ, и притомъ изъ большихъ боярскихъ фамилій; и по сему имѣли высокое значеніе въ строѣ Псковскаго общества, и въ отправленіи своей должности не зависѣли ни отъ какой другой власти, кромѣ власти вѣча. Да и само вѣче хотя судило и наказывало судей, неоправдавшихъ его довѣрія, тѣмъ не менѣе не вмѣшивалось въ ихъ судъ, и не перерѣшало ихъ судебныхъ приговоровъ, а только требовало, чтобы они при вступленіи въ должность давали присягу, что будутъ судить въ правду. Въ Псковской судной грамотѣ сказано; „Судьямъ Псковскимъ, всѣдъ на судейство, крестъ цѣловать на томъ, что имъ судить право по крестному цѣлованію; а не всудятъ право, ино суди имъ Богъ въ страшный день втораго пришествія Христова.“ Такимъ образомъ судъ Псковскихъ судей былъ рѣши-

тельный, неимѣвшій надъ собою высшаго суда, совершенно свободный и неподчиненный никакому оффиціальному вліянію. Самъ судья, неоправдавшій довѣрія общества, подлежалъ отвѣтственности; но судъ его оставался неприкосновеннымъ. Къ тому же судебная власть Псковскихъ судей обнимала всѣ виды суда, за исключеніемъ дѣлъ уголовныхъ и землевладѣнія, принадлежавшихъ суду князя и посадника съ сотскими, и дѣлъ духовныхъ, подлежавшихъ суду владычня намѣстника. Все это давало Псковскимъ судьямъ громадное значеніе въ псковскомъ обществѣ.

Высокое значеніе, въ которое были поставлены судьи во Псковѣ по своей судебной функціи, распространяло ихъ вліяніе и на дѣла не относящіяся къ ихъ спеціальной обязанности суда. А посему мы имѣемъ нѣсколько указаній, изъ которыхъ видно, что вѣче, принимая во вниманіе высокое значеніе судей, а также свое довѣріе къ нимъ, иногда поручало имъ и другія общественныя дѣла. Такъ напримѣръ подъ 1444 годомъ мы читаемъ въ лѣтописи, что посадникъ Ѳедоръ Патрикѣевичъ и Прокопій судья ѣздили въ Ригу для заключенія мира съ Нѣмцами; или въ 1445 тотъ же Прокопій судья былъ посланникомъ отъ Пскова къ Шведскому королю Карлу въ Выборгъ для выкупа плѣнныхъ; или въ 1501 году судья Олекса былъ посыланъ въ Юрьевъ (Дерптъ) съ требованіемъ, чтобы Нѣмцы отпустили захваченныхъ Псковскихъ гостей. Или въ 1263 году судья Оданья Сидоръ былъ предводителемъ войска на Наровѣ и, храбро защищая порученный ему край, палъ въ жестокой битвѣ съ Нѣмцами. Кромѣ того судьи, какъ представители земскаго суда, по самому своему

званію иногда вмѣстѣ съ сотскими участвовали при заключеніи мирныхъ договоровъ и цѣловали крестъ въ соблюденіи мирныхъ условій; такъ подъ 1461 годомъ въ лѣтописи сказано, что при заключеніи перемирія съ Нѣмцами, Псковскіе судьи и сотскіе передъ Нѣмецкими послами цѣловали крестъ: „что на перемирьи написаны грамоты и печати приложены, что тое перемирье держати крѣпко.“ Здѣсь, по всему вѣроятію, Псковскіе сотскіе и судьи своимъ крестнымъ цѣлованіемъ подтверждали нѣмецкимъ посламъ, что согласно съ условіями договора (какъ видно изъ самой грамоты) Нѣмецкіе гости не будутъ изобижены во Псковѣ ни судомъ ни управою Псковской земщины. Очевидно, въ качествѣ же представителей земскаго суда и управы, и знатоковъ псковскаго права, судьи и сотскіе участвовали въ изданіи и отмѣнѣ законовъ; такъ подъ 1472 годомъ, вмѣстѣ съ степеннымъ посадникомъ и боярами, Псковскіе судьи и сотскіе „подрали льняную грамоту (т. е. уставъ о торговлѣ льномъ) вынемши изъ ларя“. Такимъ образомъ и по отрывочнымъ дошедшимъ до насъ извѣстіямъ судьи, по своему высокому положенію, участвовали почти во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ, и конечно они были и непремѣнными и очень важными членами вѣча, хотя объ этомъ мы не имѣемъ свидѣтельствъ; ибо въ лѣтописяхъ, по Псковскому обычаю, при описаніи вѣча упоминались только князь, посадники и всѣ Псковичи.

На срокъ или безсрочно избирались судьи во Псковѣ, объ этомъ мы не имѣемъ никакихъ указаній въ дошедшихъ до насъ памятникахъ; а скорѣе, судя по строю псковскаго общества, можно допустить, что

судьи избирались безсрочно, подобно другимъ выборнымъ властямъ. По крайней мѣрѣ мы имѣемъ прямое указаніе въ лѣписи, что судьи избирались не на одинъ годъ; ибо судья Прокопій упоминается на своей должности подъ двумя годами сряду, подъ 1444 и подъ 1445. Сколько было судей, намъ также неизвѣстно, извѣстно только что не одинъ; ибо Псковъ, по своему демократическому характеру, не любилъ единичныхъ властей; да и самыя лѣтописи и другіе памятники упоминаютъ о судьяхъ, а не о судьѣ. Такъ напримѣръ Псковская судная грамота говоритъ: „а судьямъ всѣдъ на судейство крестъ цѣловать;“ или подъ 1461 годомъ въ лѣтописи сказано: псковскіе судьи и сотскіе цѣловали крестъ передъ Нѣмецкими послами. Судьи, какъ представители судебной власти вѣча, очевидно были не только во Псковѣ, но и по пригородамъ и волостямъ, можетъ быть одинъ судья на нѣсколько волостей; а въ пригородахъ можетъ быть и по нѣскольку судей, какъ напримѣръ мы заподлинно знаемъ, что въ пригородахъ было по два посадника, слѣдовательно по всему вѣроятію и по два судьи. А что судьи были въ волостахъ, на это мы имѣемъ прямое свидѣтельство лѣтописи, въ извѣстіи о Наровскомъ судьѣ Оданьѣ Сидорѣ, убитомъ въ бою съ Нѣмцами. Но кажется судьи и по пригородамъ и волостямъ избирались Псковскимъ вѣчемъ, а не мѣстныхъ обществомъ; ибо они были представители судебной власти Псковскаго вѣча, а не пригородскаго, да и въ Судной Псковской грамотѣ названы псковскими судьями, тогда какъ посадники по грамотѣ были и псковскіе и пригородскіе.

Старосты во Псковѣ, такъ же какъ и въ Новгородѣ, были самыми древними выборными властями и составляли нѣсколько степеней: таковы были старосты кончанскіе и уличанскіе въ городѣ Псковѣ, старосты въ пригородахъ, старосты въ волостяхъ, губахъ, въ церковныхъ приходахъ, у духовенства, у купцовъ и во всякихъ городскихъ и сельскихъ общинахъ. Каждый староста былъ представителемъ только той общины, которая его избрала, и въ своей власти выражалъ постоянную власть избравшей его общины. Каждая община избирала себѣ старосту изъ своихъ лучшихъ большихъ людей; а посему въ общинахъ смѣшанныхъ, въ которыхъ членами были и бояре и купцы и черные люди, старосты обыкновенно были изъ бояръ: таковы были кончанскіе, уличанскіе и частію приходскіе или церковные старосты и также волостные и губскіе старосты; напротивъ, общины не смѣшанныя, состоящія изъ одного класса жителей, избирали себѣ въ старосты лучшихъ людей изъ своего класса; такъ напримѣръ купеческія общины купеческихъ старостъ, духовенство поповскихъ старостъ, черныя общины изъ черныхъ людей, сельчане изъ сельчанъ и подоб. Старосты.

Главная обязанность каждаго старосты состояла въ томъ, чтобы заботиться объ интересахъ избравшей его общины; община, избравшая себѣ старосту, такъ сказать, поручала ему свои общественные интересы и съ тѣмъ вмѣстѣ передавала ему свою власть, но съ правомъ требовать отчетности передъ собраніемъ общины. Такъ въ Судной Псковской грамотѣ сказано; „а за церковную землю на судъ помочью сусѣди (прихожане) не ходятъ; идти на судъ

старостамъ за церковную землю". По указанію этой статьи можно заключать, что и старосты прочихъ общинъ, подобно старостамъ церковнымъ, обязаны были охранять на судѣ интересы своей общины; ибо по закону и по естественному порядку цѣлой общинѣ нельзя было явиться на судъ. Кромѣ охраненія интересовъ общины, община своему избранному старостѣ передавала свою судебную власть надъ членами общины; ибо охраненіе правъ между членами или правосудіе составляло главный интересъ каждой общины. А чтобы судъ старостъ былъ надеженъ и проченъ, для этого, по общему порядку во Псковѣ, суду старосты предоставлялась полная самостоятельность и независимость. Для сего, при вступленіи старосты въ должность, община брала съ него присягу, что онъ будетъ судить по праву, какъ сказано въ Псковской Судной грамотѣ: „а старостамъ пригородскимъ крестъ цѣловать на томъ, что имъ судить право по крестному цѣлованью; а не судятъ право, ино имъ суди Богъ въ страшный день втораго пришествія Христова". А какъ судебная власть передавалась общиною своему старостѣ, то о всякой своей обидѣ члены общины прежде всего должны заявлять старостамъ, какъ представителямъ общины или ближайшимъ членамъ общины. Въ Судной Псковской грамотѣ прямо сказано: „а у котораго Псковитина у какого учинится татьба во Псковѣ или на пригородѣ, или въ селѣ на волости; ино явити старостамъ или окольнымъ сусѣдомъ, или инымъ стороннимъ людемъ". Или въ другой статьѣ той же грамоты: „а который изорникъ (пахарь) съ села сбѣжитъ, а изорничь животъ (имущество) на селѣ останется, а государю

(хозяину земли) покрута (ссуда на обзаведеніе изорника) имать на изорникѣ; ино государю у князя и у посадниковъ приставомъ взяти, да и староостъ губскихъ позвати и стороннихъ людей, да тотъ животъ изорничь предъ приставы и предъ сторонними людьми продати, да поимати за свою покруту." Какъ представители своихъ общинъ, старосты были посредниками между своими общинами и главнымъ Псковскимъ вѣчемъ, или другими высшими Псковскими властями, и исполнителями приказаній высшей власти, поколику исполненіе таковыхъ распоряженій соглашалось съ границами власти, предоставленной старостѣ общиною. А посему высшія власти относились не прямо къ общинѣ, а къ ея старостѣ, и сама община относилась къ высшимъ властямъ черезъ старосту. Такъ подъ 1477 годомъ мы читаемъ въ лѣтописи, что когда Псковскій князь Ярославъ уѣзжалъ въ Москву, то Псковское вѣче обратилось не прямо къ лежащимъ по дорогѣ общинамъ, а къ губскимъ старостамъ, чтобы они провожали князя, готовили подводы и снабжали князя и его свиту съѣстными припасами. Старосты, какъ выборныя власти, по всему вѣроятію, водили во Псковѣ свои общины на главное вѣче, а въ своихъ общинахъ открывали народныя собранія и дѣлали собраніямъ доклады и получали отъ нихъ приказанія или порученія. Но, по общему строю Псковскаго общества, значеніе старостъ во Псковѣ было много ниже, нежели ихъ значеніе въ Новгородѣ и въ Новгородской землѣ; демократическое направленіе Псковичей вообще не давало простора выборнымъ властямъ. А посему лѣтописи рѣдко говорятъ о Псковскихъ старостахъ и упоминаютъ объ нихъ

только вскользь, случайно. Собственно политическое значеніе старостъ, какъ большихъ людей, внѣ круга очерченнаго ихъ обязанностями, вовсе незамѣтно; ихъ слушали и исполняли ихъ приказанія только тогда, когда они не выходили изъ круга предоставленнаго ихъ власти закономъ; руководителями же общества они кажется не были, по крайней мѣрѣ со времени отдѣленія Пскова отъ Новгорода.

По общему порядку, заведенному во Псковѣ, старосты, какъ и прочія власти, выбирались по двое, по крайней мѣрѣ мы имѣемъ прямыя свидѣтельства лѣтописей, что церковныхъ и поповскихъ старостъ всегда было по двое въ каждомъ приходѣ; на основаніи этихъ свидѣтельствъ, и имѣя въ виду общій порядокъ во Псковѣ, мы не можемъ отрицать, что и прочія Псковскія общины, каждая выбирала себѣ по два старосты. Срочно или безсрочно выбирались старосты, мы не имѣемъ прямыхъ свидѣтельствъ, и только имѣя въ виду общій порядокъ выборовъ во Псковѣ, можемъ допустить, что и старосты выбирались безсрочно, сколько послужитъ, или пока будетъ угоденъ избравшему обществу.

Подвойскіе и дьяки.

Во Псковѣ, такъ же какъ и въ Новгородѣ, были подвойскіе и дьяки; они, такъ же какъ и прочія власти, избирались вѣчемъ, и имѣли одинаковыя права и обязанности, какъ въ Новгородѣ, такъ и во Псковѣ. Это была собственно исполнительная земская власть, или скорѣе слуги вѣча, приводящія въ исполненіе его приговоры и приказанія другихъ высшихъ властей. Такъ напримѣръ подвойскій Сава въ 1471 году былъ посыланъ вѣчемъ въ Новгородъ съ розметными

грамотами или съ объявленіемъ войны; или въ 1472 году подвойскіе вмѣстѣ съ сотскими провожали Псковскаго князя, отъѣзжавшаго въ Москву, и готовили ему по дорогѣ станы, лошадей и съѣстные припасы; или, по свидѣтельству Псковской Судной грамоты, подвойскіе вмѣстѣ съ княжими приставами вызывали въ судъ, даже имѣли право сковывать вызываемаго, ежели онъ сопротивлялся. Немногія извѣстія дошедшихъ до насъ памятниковъ о подвойскихъ указываютъ на ихъ раздѣленіе на подвойскихъ при вѣчѣ и на подвойскихъ при судѣ. Но подвойскіе во Псковѣ, по самому закону, были поставлены въ болѣе стѣснительное положеніе нежели въ Новгородѣ: по Судной Псковской грамотѣ, ежели подвойскій не захочетъ принять на себя вызова въ судъ за установленную плату съ десяти верстъ деньга, то истецъ имѣлъ право поручить вызовъ изъ той же платы кому угодно. Дьяки, по свидѣтельству Судной Псковской грамоты, были княжіе и городскіе; княжіе, конечно, были чиновниками князя, городскіе же избирались вѣчемъ; въ грамотѣ сказано: „а коли имутъ тягаться о земли или о водѣ, а положатъ двои грамоты: ино одни грамоты чести дьяку княжему, а другія грамоты чести дьяку городскому. А коли пріидетъ грамота съ пригорода, а ты грамоты чести дьяку городскому“. Это свидѣтельство указываетъ на дьяковъ при судѣ, гдѣ они были дѣлопроизводителями, составителями судебныхъ приговоровъ и докладчиками на судѣ. Но, конечно, дьяки были при посадникахъ и при другихъ высшихъ властяхъ и при вѣчѣ; на нихъ лежала вся письменная часть, они составляли опредѣленія вѣча и вѣчевыя грамоты, и

вели отчеты по своему вѣдомству. Были еще дьяки въ сѣняхъ св. Троицы, при ларѣ, въ которомъ хранились крѣпостные акты и законы. Это былъ одинъ изъ важнѣйшихъ разрядовъ между дьяками: у нихъ были начальниками ларечные старосты; они составляли крѣпостные акты, хранили въ ларѣ св. Троицы копіи съ сихъ актовъ и записывали ихъ въ книги; они же записывали въ книги всѣ законы и постановленія, вносимые въ ларь св. Троицы; у нихъ же со старостами хранилась печать св. Троицы, замѣнявшая княжую печать. По важности обязанностей, лежавшихъ на дьякахъ св. Троицы, очевидно въ эту должность избирались люди, пользовавшіеся полнымъ довѣріемъ вѣча, и вообще уважаемые въ Псковскомъ обществѣ. Въ лѣтописи подъ 1473 годомъ есть извѣстіе, что какой-то дьякъ Ивашко былъ воеводою охочихъ людей, воевалъ съ ними Нѣмецкую волость за Изборскомъ и возвратился съ многимъ полономъ. Но былъ ли этотъ дьякъ назначенъ воеводою отъ Псковскаго вѣча, или избранъ самими охочими людьми, изъ лѣтописи этого не видно. Какъ бы то ни было, это извѣстіе показываетъ, что иные дьяки во Псковѣ пользовались довольнымъ значеніемъ въ обществѣ, и вѣроятно избирались изъ боярскихъ фамилій.

Князья. Князь во Псковѣ, такъ же какъ и въ Новгородѣ, былъ властію приглашенною со стороны, слѣдовательно также выборною властію; но характеръ этой власти во Псковѣ далеко не походилъ на характеръ ея въ Новгородѣ, и значеніе ея въ разное время измѣнялось, во Псковѣ гораздо рѣзче чѣмъ въ Новгородѣ, такъ что Псковскіе князья одного времени по значенію своему вовсе не походили на Псковскихъ же кня-

зей другаго времени; а по сему Псковскіе князья, по характеру своей княжеской власти, по ея значенію въ государственномъ строѣ Пскова и по отношенію князей къ Псковскому обществу, раздѣляются на пять рядовъ, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ, по мѣрѣ развитія самостоятельности Пскова.

Первый рядъ Псковскихъ князей составляли собственно Новгородскіе князья, только временно приходявшіе во Псковъ, или намѣстники Новгородскихъ князей, но отнюдь не Псковскіе князья съ своимъ особымъ характеромъ. Псковъ, какъ колонія Новгорода, не имѣлъ своихъ отдѣльныхъ князей до 1137 года. Въ этомъ году является первый Псковскій князь Всеволодъ Мстиславичъ, княжившій передъ тѣмъ въ Новгородѣ; онъ, будучи изгнанъ изъ Новгорода, при помощи своей партіи Новгородцевъ, заправлявшихъ въ это время Псковскимъ вѣчемъ, прибылъ во Псковъ, и по проискамъ своей партіи былъ признанъ Псковскимъ вѣчемъ, какъ отдѣльный князь Пскова. Но въ сущности онъ не былъ Псковскимъ княземъ, а лишь изъ Пскова добывалъ себѣ Новгородъ; и только нечаянная кончина его, послѣдовавшая въ томъ же 1137 году, закрѣпила за нимъ званіе Псковскаго князя; только мощи его, почивающія въ Псковскомъ храмѣ св. Троицы, дали Псковичамъ поводъ называть его Псковскимъ княземъ и неземнымъ защитникомъ и покровителемъ Пскова. По смерти Всеволода Псковское вѣче, руководимое Новгородцами, сторонниками покойнаго, выбрало въ князья Пскову Всеволодова брата Святополка Мстиславича; но и Святополкъ не былъ собственно Псковскимъ княземъ, на Псковъ онъ кажется вовсе

не обращалъ вниманія, и при первомъ удобномъ случаѣ, въ 1142 году, перешелъ въ Новгородъ со всѣми своими сторонниками Новгородцами, заправлявшими Псковскимъ вѣчемъ; и Псковъ по прежнему остался безъ князя въ полной зависимости отъ Новгорода. Послѣ удаленія Святополка Мстиславича, въ продолженіе 36 лѣтъ, нѣтъ и помину о Псковскихъ князьяхъ; Псковъ, какъ пригородъ, продолжалъ быть въ тѣсныхъ связяхъ съ Новгородомъ и признавать Новгородскихъ князей своими князьями. Въ 1178 году опять появляется отдѣльный Псковскій князь Борисъ Игоревичъ, племянникъ Новгородскаго князя Мстислава Ростиславича; онъ очевидно былъ посаженникомъ Новгородскаго вѣча и держался только по требованію Мстислава, который въ 1179 году самъ пріѣжалъ во Псковъ и захватилъ тамошнихъ сотскихъ, возбуждавшихъ Псковичей противъ Бориса. По смерти Мстислава Псковичи немедленно выгнали Бориса и около двацати пяти лѣтъ жили подъ однимъ княземъ съ Новгородомъ. Но когда Новгородскій князь Ярославъ Владимировичъ былъ выведенъ изъ Новгорода Суздальскимъ княземъ Всеволодомъ, и Суздальщинская партія, восторжествовавъ на Новгородскомъ вѣчѣ, начала тѣснить противную партію; то утѣсненные Новгородцы бѣжали во Псковъ и по своимъ связямъ съ Псковскими боярами успѣли настроить Псковское вѣче — выбрать отдѣльнаго князя Пскову, которое и выбрало въ князья сосѣдняго Торопецкаго князя Владиміра Мстиславича. Съ этого времени Псковичи, еще неразрывая своего союза съ Новгородцами, уже болѣе постоянно стали выбирать себѣ отдѣльныхъ князей, но все еще подъ вліяніемъ

Новгородскихъ партій. Такъ когда Новгородскій князь Мстиславъ Мстиславовичъ Удалый, братъ Владиміра, перевелъ его изъ Пскова на Великія Луки; то Псковичи, кажется, на другой же годъ перевели его опять во Псковъ. А когда поссорившись съ нимъ въ 1213 году, за его тайныя сношенія съ Литовцами, выгнали его отъ себя; то у нихъ въ томъ же году явился новый князь Всеволодъ Борисовичъ, вѣроятно сынъ прежняго ихъ князя Бориса Игоревича, который въ 1214 году, по требованію Новгорода, вмѣстѣ съ Мстиславомъ Новгородскимъ и Давыдомъ Торопецкимъ, водилъ Псковичей на Чудь Ереву. А въ 1216 году опять прибылъ во Псковъ княземъ Владиміръ Мстиславичъ и пробылъ тамъ до 1222 года. По удаленіи Владиміра Мстиславича, въ 1222 году, Псковичи не имѣли особаго князя и жили подъ управленіемъ одного князя съ Новгородомъ, что и продолжалось до 1228 года. Въ этомъ году противники Суздальщинцевъ, торжествовавшихъ тогда въ Новгородѣ, удалились во Псковъ, чтобы оттуда дѣйствовать на Новгородскихъ Суздальщинцевъ и на ихъ князя Ярослава Всеволодовича. Ярославъ, чтобы выжить своихъ недоброхотовъ, отправился на Псковъ; а Псковичи, руководимые недоброхотами Ярослава, заперлись и заключили союзъ съ Ливонскими Нѣмцами, что и продолжалось до 1232 года, и во все это время Псковичи жили безъ князя. Когда же въ 1232 году они заключили миръ съ Ярославомъ и признали его власть; то онъ прислалъ къ нимъ въ князья своего шурина Юрія Мстиславича, сына Мстислава Удалаго. Этотъ Юрій въ 1240 году принужденъ былъ удалиться изъ Пскова, когда партія Новгородскихъ

недовольныхъ, предводимая Твердилою Иванковичемъ, обманувъ Псковское вѣче, передала Псковъ Нѣмцамъ.

Юріемъ Мстиславичемъ окончился рядъ князей, навязываемыхъ Пскову разными Новгородскими партіями, съ цѣлію дѣйствовать изъ Пскова на Новгородъ для достиженія своихъ интересовъ, а не Псковскихъ. Общій характеръ князей этого разряда тотъ, что они были собственно или Новгородскіе князья, на время сидѣвшіе во Псковѣ, или посаженники, почти намѣстники Новгородскихъ князей, но отнюдь не Псковскіе князья съ своимъ особымъ характеромъ. Въ принятіи сихъ князей Псковское вѣче было какъ бы въ сторонѣ, или дѣйствовало рѣшительно подъ чужимъ вліяніемъ, и какъ бы состояло на службѣ у Новгорода, или вѣрнѣе у одной Новгородской партіи которая или сама удалялась во Псковъ, въ случаѣ пораженія въ Новгородѣ, или во время своего торжества на Новгородскомъ вѣчѣ старалась удержать Псковъ своими людьми и подъ своимъ руководствомъ. Во все это время еще незамѣтно самостоятельности Псковскаго вѣча; ежели оно и дѣйствовало иногда какъ бы помимо Новгорода, и какъ бы противъ Новгорода, то не иначе, какъ по чужой указкѣ, и непремѣнно поданной партіею Новгородцевъ, состоящихъ не въ ладу съ тамошнимъ вѣчемъ. Таковый порядокъ продолжался слишкомъ сто лѣтъ, отъ перваго Псковскаго князя изъ Новгорода Всеволода Мстиславича, до послѣдняго, также присланнаго изъ Новгорода Юрія Мстиславича. Въ эти сто лѣтъ Псковичи, очевидно, еще не чувствовали серьезной надобности имѣть своего отдѣльнаго князя; такъ напримѣръ по удаленіи Святополка Мстиславича, въ

продолженіе 36 лѣтъ, во Псковѣ не было отдѣльнаго князя, или по изгнаніи Бориса Игоревича Псковичи около двадцати пяти лѣтъ не имѣли своего князя, или признавали своимъ княземъ князя Новгородскаго; потомъ, по удаленіи Владиміра Мстиславича въ 1222 году, во Псковѣ былъ перерывъ князей еще на десять лѣтъ. Такимъ образомъ изъ ста лѣтъ настоящаго періода Псковичи оставались безъ особаго отдѣльнаго князя для Пскова слишкомъ семдесятъ лѣтъ. Между тѣмъ Псковское вѣче, какъ мы уже видѣли, успѣло сложиться въ это время довольно крѣпко и въ чисто демократическомъ тонѣ съ своимъ особымъ взглядомъ на бояръ и князей. А дорого стоившій опытъ—играть въ самостоятельность по чужой указкѣ, передавшій было Псковичей и ихъ городъ во власть Нѣмцамъ, наконецъ научилъ Псковичей, что казаться самостоятельными и въ то же время плясать по чужой дудкѣ есть дѣло очень дурное и невыгодное; и они, освобожденные отъ Нѣмцевъ княземъ Новгородскимъ Александромъ Ярославичемъ Невскимъ, признали надъ собою власть Новгородскаго князя и окончательно отказались отъ своего прежняго порядка дѣйствовать по указаніямъ какой либо Новгородской партіи. Съ этого времени начинается новый рядъ князей во Псковѣ съ своимъ чисто Псковскимъ характеромъ.

Второй рядъ Псковскихъ князей составляютъ князья, искавшіе убѣжища и защиты во Псковѣ, или имѣвшіе въ виду на всякій случай найдти поддержку у Псковичей. Псковъ, освобожденный въ 1242 году отъ Нѣмцевъ, хотя и призналъ власть княжившаго тогда въ Новгородѣ Александра Невскаго; но от-

казался отъ жалкой роли быть орудіемъ какой либо боярской Новгородской партіи, и укоротилъ значеніе и вліяніе на общественныя дѣла и своихъ бояръ. Псковичи, заведши у себя такой порядокъ, тѣмъ самымъ поставили себя въ такое положеніе, что, не разрывая своихъ связей съ Новгородомъ, они въ то же время сдѣлались болѣе или менѣе самостоятельными и независимыми въ своихъ дѣйствіяхъ, и тѣмъ самымъ пріобрѣли уваженіе, какъ отъ самыхъ Новгородцевъ, такъ и отъ другихъ сосѣднихъ владѣтелей. Это былъ самый блестящій періодъ самостоятельной дѣятельности Пскова, продолжавшійся слишкомъ сто лѣтъ и кончившійся тѣмъ, что самъ Новгородъ, по договору 1348 года, призналъ независимость и самостоятельность Пскова. Въ это-то время сложился типъ настоящихъ Псковскихъ князей, избранниковъ народа, а не чужихъ посаженниковъ,— князей, дѣйствовавшихъ въ духѣ Псковскаго вѣча и въ интересахъ Пскова и защищавшихъ независимость Псковской земли. Этотъ новый рядъ князей начинается Тверскимъ княземъ Ярославомъ Ярославичемъ, который въ 1253 году съ своимъ семействомъ и дружиною явился во Псковъ изгнанникомъ изъ низовой земли. Находясь въ крайности—или вступить въ службу къ какому либо князю и съ тѣмъ вмѣстѣ утратить права владѣтельнаго князя и сдѣлаться на вѣки служилымъ княземъ со всѣмъ своимъ потомствомъ, или принять княжеское достоинство отъ Псковскаго вѣча, хотя на самыхъ тяжелыхъ условіяхъ, но безъ потери правъ владѣтельнаго князя, и не попадая въ оскорбительный разрядъ служилыхъ князей, — изгнанникъ князь Ярославъ Ярославичъ,

естественно, чтобы прокормить свою семью долженъ былъ безпрекословно согласиться на всѣ тѣ условія, которыя ему предложило Псковское вѣче, пропитанное демократическими началами и ревнивое къ своей власти. Какія были эти условія, мы не знаемъ, объ этомъ до насъ не дошло свидѣтельствъ; но довольно и того, что до насъ дошло свидѣтельство, что условія предписывалъ не князь, а Псковское вѣче; что не князь давалъ жалованную грамоту Пскову на разныя льготы, а Псковское вѣче давало нѣкоторыя владѣтельныя права князю и уступало ему соединенные съ сими правами доходы, какъ объ этомъ говорится въ лѣтописи подъ 1475 годомъ. Когда по требованію Московскаго великаго князя Ивана Васильевича должно было прислать въ Москву пошлинныя грамоты прежнихъ великихъ князей, по которымъ опредѣляются отношенія князя къ Пскову; то Псковское вѣче могло прислать въ Москву только свои приговоры, опредѣляющіе княжескую власть во Псковѣ; и великій князь Московскій, пересмотря грамоты, присланныя изъ Пскова, и найдя въ нихъ не то, чего искалъ, т. е. не грамоты князя Пскову, а грамоты Пскова князю, отвѣчалъ Псковскимъ посламъ, привезшимъ грамоты, „что-де и то граматы не самихъ великихъ князей.“ Изъ этого свидѣтельства ясно, что княжихъ жалованныхъ грамотъ во Псковѣ не было, а по ходу дѣлъ и быть не могло, ибо жаловалъ не князь, а Псковское вѣче. Князю изгнаннику, прибѣгшему подъ покровительство Пскова, естественно не чѣмъ было жаловать, онъ самъ искалъ жалованья отъ вѣча. А по сему со всѣмъ вѣроятіемъ должно принять, что прототипъ княже-

скихъ правъ, опредѣленный Псковскимъ вѣчемъ при Ярославѣ Ярославичѣ Тверскомъ, былъ очень незавиденъ, невыгоднѣе даже правъ предоставленныхъ князю въ Новгородѣ; князь Псковскій очевидно имѣлъ только ту выгоду, что не обращался въ служилаго князя, и получалъ опредѣленные доходы, разумѣется, до тѣхъ поръ пока былъ въ согласіи съ Псковскимъ вѣчемъ, которое всегда предоставляло себѣ право отказать ему въ случаѣ неудовольствія. Самъ князь Ярославъ Ярославичъ яснѣе всего высказалъ невыгодность княжескаго положенія во Псковѣ: онъ черезъ полтора года поспѣшилъ перебраться въ Новгородъ, и на его мѣсто прибѣжалъ во Псковъ князь Василій Александровичъ, сынъ Невскаго, поссорившійся съ отцемъ. Впрочемъ Ярославъ Ярославичъ не хотѣлъ разрывать своихъ связей со Псковомъ, и, сдѣлавшись по смерти Невскаго великимъ Княземъ Владимирскимъ, прислалъ въ 1264 году сына своего Святослава, который вѣроятно былъ принятъ Псковскимъ вѣчемъ на тѣхъ же условіяхъ, на которыхъ сидѣлъ во Псковѣ Ярославъ. Но въ 1266 году прибѣжалъ во Псковъ съ своею дружиною новый изгнанникъ, Литовскій князь Довмонтъ, спасавшій только свою голову, которой искали его сильные враги на родинѣ. Этотъ князь, изгнанникъ самый безпріютный и слѣдовательно самый сговорчивый, естественно для Псковичей былъ выгоднѣе великокняжескаго сына Святослава Ярославича, имѣвшаго въ случаѣ нужды опору въ отцѣ; а посему Псковичи отказали Святославу, а безпріютнаго Довмонта окрестили и посадили у себя княземъ. На какихъ условіяхъ Псковичи посадили у себя на княженіе Довмонта, мы не знаемъ, но оче-

видно на условіяхъ самыхъ выгодныхъ для Псковскаго вѣча; ибо Псковичи прожили въ любви и согласіи съ Довмонтомъ цѣлыхъ тридцать три года, и онъ былъ самымъ любимымъ княземъ во Псковѣ изъ всѣхъ князей, когда либо тамъ княжившихъ. По смерти Довмонта Псковское вѣче, можетъ быть изъ признательности къ памяти покойнаго, признало своимъ княземъ Довмонтова сына Давыда, вѣроятно на прежнихъ условіяхъ, или, какъ говорилось во Псковѣ, по пошлинѣ или по старинѣ, которой обыкновенно старались держаться и Новгородъ и Псковъ. Князь Давыдъ Довмонтовичъ хотя не отказывался отъ Псковскаго княжества, но почти не жилъ во Псковѣ, а больше проживалъ въ Полотскѣ, у своихъ родственниковъ, во Псковъ же пріѣзжалъ изрѣдка и держалъ тамъ своихъ намѣстниковъ. Впрочемъ Псковичи этимъ нисколько не обижались, а напротивъ кажется были довольны, и съ этого времени устроили у себя выборныхъ посадниковъ, при которыхъ вѣче легко могло оставаться и безъ князя; тѣмъ не менѣе поведеніе Давыда ясно показываетъ, что князья рѣшались жить во Псковѣ только въ крайней нуждѣ, и что ихъ власть и положеніе были уже черезъ-чуръ стѣснены Псковскимъ вѣчемъ. Но на Руси еще не переводились князья, которые рады были и Псковскому житью, разумѣется на время: такъ въ 1323 году еще при Давыдѣ прибѣжалъ во Псковъ князь Московскій Юрій Даниловичъ, который впрочемъ и не былъ собственно Псковскимъ княземъ и скоро уѣхалъ въ Новгородъ. За тѣмъ въ 1327 году явился во Псковъ еще бѣглецъ, князь Тверскій Александръ Михаиловичъ, преслѣдуемый Татарскимъ ханомъ и

Московскимъ Княземъ Иваномъ Даниловичемъ. Въ лѣтописи сказано: „и Псковичи пріяша его честно, и крестъ къ нему цѣловаша, и посадиша его на княженіе“. Князь Александръ Михайловичъ, постоянно находясь въ крайности и несмѣя воротиться на родину, цѣлые десять лѣтъ прокняжилъ во Псковѣ, и Псковичи были довольны имъ; слѣдовательно условія, на которыхъ онъ княжилъ во Псковѣ, были вполнѣ согласны съ желаніями вѣча, и не отступали отъ тѣхъ условій, на которыхъ княжилъ во Псковѣ дѣдъ Александровъ Ярославъ Ярославичъ. Какъ бы то ни было любовь Псковичей къ Александру не удержала его во Псковѣ, и лишь открылась самая слабая надежда воротиться на родину, Александръ не задумался оставить Псковъ; значитъ княжее житье въ Псковѣ было слишкомъ не привлекательно. Впрочемъ и Псковичи не остались безъ князя; лишь только уѣхалъ князь Александръ Михайловичъ, какъ явился во Псковъ новый Князь Александръ Всеволодовичъ. По всему вѣроятію этотъ князь, первоначально безпріютный, безпрекословно согласный на всѣ условія, предложенныя Псковскимъ вѣчемъ, сначала усердно занялся дѣлами Пскова и началъ войну съ Ливонскими Нѣмцами; но, тяготясь стѣсненіемъ своей власти, скоро оставилъ Псковъ, и удалился въ Новгородъ, въ самый разгаръ войны съ Нѣмцами. Псковичи были въ крайности; имъ очень нужна была помощь князя, и они усердно просили Александра воротиться къ нимъ, даже посылали въ Новгородъ просить намѣстниковъ и помощнаго войска, но все напрасно: ни Александръ ни Новгородцы не думали исполнить ихъ просьбы. Тогда Псковичи обратились

въ Литву, къ одному изъ тамошнихъ Князей, Ольгерду Гедиминовичу. Ольгердъ не замедлилъ исполнить просьбу Псковичей, и въ 1341 году явился самъ съ помощнымъ войскомъ, и привезъ съ собою своего сына Андрея, котораго Псковичи окрестили и посадили у себя княземъ. Несмотря на крайнюю нужду въ помощи, Псковичи, сажая Андрея на княженіе во Псковѣ, кажется, не измѣнили прежнихъ условій власти Псковскаго князя; они и Андрея прежде всего окрестили такъ же какъ окрестили безпріютнаго бѣглеца Довмонта, и посадили его на княженіе едва ли не на тѣхъ же условіяхъ, на которыхъ въ свое время былъ посаженъ Довмонтъ. По крайней мѣрѣ Андрей, прокняжившій во Псковѣ до 1348 года, все это время не ладилъ съ Псковичами и большею частію жилъ у отца своего въ Литвѣ, во Псковѣ же держалъ своего намѣстника и воеводу князя Юрья Витовтовича. Псковичи, съ своей стороны, не думали уступать Андрею, и ежели терпѣли его почти въ продолженіе 8 лѣтъ, то только потому что любили его намѣстника, Князя Юрія Витовтовича, храбраго воителя, постоянно и счастливо воевавшаго съ Нѣмцами. Но когда въ 1348 году князь Юрій палъ въ битвѣ съ Нѣмцами подъ Изборскомъ, а между тѣмъ Псковъ, по мирному договору, отъ самаго Новгорода добился признанія своей независимости и самостоятельности; то въ слѣдъ за тѣмъ Псковское вѣче послало къ Андрею съ отказомъ и велѣло сказать ему такъ: „тобѣ было, княже, сидѣти во Псковѣ на княженіи, а намѣстники тебѣ Пскова недержати; а нынѣ тебѣ еже неугодно сѣсти у насъ, инде собѣ княжишь, а Псковъ повергль, то уже самъ еси лишалъ Пскова;

а намѣстниковъ твоихъ нехотимъ." И тѣмъ на сей разъ покончили свои отношенія къ Андрею и стали жить безъ Князя, и такъ жили въ продолженіе девяти лѣтъ.

Третій рядъ Псковскихъ князей составляли князья, болѣе или менѣе носившіе служебный характеръ, и большею частію неизвѣстные по происхожденію. Отказавши въ 1348 году князю Андрею Ольгердовичу, Псковичи цѣлыя девять лѣтъ оставались безъ князя, управляясь вѣчемъ и посадниками, и для постоянной войны съ Нѣмцами и Литвою содержали у себя на службѣ храбраго но беземельнаго князя Евстафія, называвшагося княземъ Изборскимъ, конечно потому что Псковское вѣче посадило его въ Изборскъ для защиты границъ. Наконецъ въ 1357 году пріѣхалъ на княженіе во Псковѣ какой-то князь Будиволна; откуда былъ этотъ князь и долго ли пробылъ во Псковѣ, на это мы не имѣемъ никакихъ извѣстій, а равно не знаемъ на какихъ условіяхъ былъ принятъ; въ лѣтописи только упомянуто: „пріѣхаше князь Василій Будиволна на княженіе во Псковъ." За тѣмъ черезъ десять лѣтъ, именно въ 1367 году, во Псковъ является новый князь Александръ, также неизвѣстный по происхожденію. 1375 года упоминается въ лѣтописяхъ князь Матвей, неизвѣстно откуда прибывшій во Псковъ, но очевидно признанный отъ вѣча за Псковскаго князя; въ лѣтописи о немъ сказано: „при великомъ князѣ Димитріѣ и при Псковскомъ князѣ Матвеѣ, и при посадникѣ Григорьѣ Остафьевичѣ, Псковичи заложиша четвертую стѣну плитяну отъ Псковы рѣки до Великой рѣки." Въ 1377 пріѣхалъ бѣглецомъ изъ Литвы прежній Псковскій князь Андрей Ольгердовичъ, и былъ опять посаженъ

Псковичами на княженіе во Псковѣ; но очевидно онъ по прежнему или вовсе не жилъ во Псковѣ, или сидѣлъ тамъ не долго, а обдѣлывалъ свои дѣла въ Литвѣ, гдѣ въ 1387 году былъ схваченъ своимъ братомъ Свидригайломъ въ Полотскѣ и засаженъ въ тюрму, откуда бѣжалъ въ 1394 году, опять принятъ Псковичами, но кажется оставался во Псковѣ не долго и оставилъ тамъ сына своего Ивана, ибо подъ 1397 годомъ лѣтопись упоминаетъ о князьяхъ Иванѣ Андреевичѣ и Григорьѣ Остафьевичѣ (сынъ Евстафія Изборскаго), что они вмѣстѣ съ посадникомъ Захаріею и Псковскимъ вѣчемъ поставили три костра на приступной стѣнѣ. Наконецъ подъ 1399 годомъ сказано въ лѣтописи: „Князь Иванъ Андреевъ сынъ выѣхалъ изъ Пскова и цѣлованье сложилъ.“ Княземъ Иваномъ Андреевичемъ заканчивается третій рядъ Псковскихъ князей. На какихъ условіяхъ княжили князья этого ряда, мы не имѣемъ прямыхъ и подробныхъ указаній; тѣмъ не менѣе по нѣкоторымъ отрывочнымъ даннымъ, разсыпаннымъ въ лѣтописяхъ, должно признать, что положеніе этого ряда князей было гораздо стѣсненнѣе положенія двухъ прежнихъ рядовъ князей. Третьяго ряда князья, какъ мы уже видѣли, большею частію неизвѣстные по происхожденію, и очевидно неимѣвшіе владѣній, по крайней мѣрѣ въ то время какъ пріѣзжали въ Псковъ, и вообще находившіеся въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, носили на себѣ почти характеръ князей состоящихъ на службѣ у Псковскаго вѣча, а не князей владѣтельныхъ; они даже при вступленіи въ званіе Псковскаго князя должны были давать присягу Псковскому вѣчу, и лѣтописи о нихъ упоминаютъ какъ о сановникахъ, а

не какъ о государяхъ. Служба сихъ князей состояла, во 1-хъ, въ предводительствованіи войскомъ, по опредѣленію вѣча, вмѣстѣ съ посадникомъ или безъ посадника; такъ подъ 1368 годомъ читаемъ: „Псковичи ѣхавше съ княземъ Александромъ къ Новугородку воевать Чудской земли.“ 2-е, князья сіи вмѣстѣ съ посадниками разъѣзжали по волостямъ и селамъ творить судъ и расправу по дѣламъ подвѣдомымъ ихъ суду; такъ подъ 1368 годомъ вторая Псковская лѣтопись говоритъ: „по грѣхомъ нашимъ тогда не бысть князя Александра, ни посадниковъ, но по селамъ въ разъѣздѣ.“ 3-е, князья сіи вмѣстѣ съ посадниками и вѣчемъ наблюдали за поддержаніемъ городскихъ укрѣпленій: такъ подъ 1397 годомъ говорится: „князь Иванъ Андреевичъ и князь Григорій Остафьевичъ, и посадникъ Захарій Костроминичъ, и Псковичи поставиша три костры на приступной стѣнѣ.“ 4-е, князя по порученію вѣча правили посольства въ сосѣднія владѣнія; такъ подъ тѣмъ же 1397 годомъ читаемъ: „послаша Псковичи князя Григорія Остафьевича Сысоя посадника и Романа посадника въ Новгородъ и взяша миръ вѣчный съ Новымъ городомъ.“ Такимъ образомъ князья третьяго ряда были чисто въ качествѣ сановниковъ вѣча, состоящихъ на службѣ у Пскова, и отличались отъ прочихъ выборныхъ властей во Псковѣ преимущественно только тѣмъ, что имѣли при себѣ небольшія дружины вооруженныхъ слугъ, которыя, конечно, были очень нелишними для Псковичей, состоявшихъ почти въ постоянной войнѣ съ сосѣдями; но очевидно Псковъ въ отношеніи къ своему внутреннему управленію едвали нуждался въ князьяхъ, и только подъ часъ дорожилъ

ихъ небольшими дружинами; это отчасти видно уже и изъ того, что на пятьдесятъ лѣтъ настоящаго періода едва ли можно насчитать десять лѣтъ, когда князья жили во Псковѣ; остальные же сорокъ лѣтъ Псковичи оставались безъ пришлыхъ князей, довольствуясь двумя служилыми князьями, Евстафіемъ Изборскимъ и его сыномъ Григоріемъ, которые не назывались Псковскими князьями. Ясно что князья, получавшіе титулъ Псковскихъ князей въ настоящемъ періодѣ, были только временными князьями, и самъ Псковъ принималъ ихъ только на время, чтобы воспользоваться ихъ дружинами.

Четвертый рядъ Псковскихъ князей составляютъ князья посаженники великаго князя Московскаго, по выбору и по просьбѣ самихъ Псковичей; рядъ сихъ князей продолжался сорокъ два года, съ 1400 по 1442 годъ; въ продолженіе этого времени бывали иногда во Псковѣ князья изъ Литвы, и даже безъ согласія съ Московскимъ великимъ княземъ. Псковичи, по отъѣздѣ князя Ивана Андреевича, обратились къ Московскому великому князю Василію Дмитріевичу съ просьбою, чтобы прислалъ къ нимъ князя изъ своей руки, очевидно убѣдясь опытомъ, что безпріютные князья, доселѣ бывавшіе во Псковѣ, мало приносятъ имъ помощи, а между тѣмъ война съ Литовскимъ княземъ Витовтомъ Кестутьевичемъ годъ отъ года дѣлалась опаснѣе и затруднительнѣе, и разсчитывая что больше помощи можно получить отъ Московскаго князя, когда во Псковѣ будетъ сидѣть князь его посаженникъ. Московскій великій князь Василій Дмитріевичъ благосклонно принялъ просьбу Псковичей и послалъ къ нимъ въ князья,

по ихъ желанію, Ивана Всеволодовича изъ Холмскихъ Тверскихъ князей, который приходился роднымъ внукомъ памятному во Псковѣ князю Александру Михайловичу Тверскому; но князю Ивану Всеволодовичу въ томъ же году открылся престолъ въ родномъ Тверскомъ княженіи; и онъ, не проживши во Псковѣ и трехъ мѣсяцевъ, уѣхалъ въ Тверь. На мѣсто уѣхавшаго Ивана Всеволодовича Московскій князь прислалъ во Псковъ князя Даніила Александровича изъ Ростовскихъ князей; неизвѣстно по выбору ли Псковичей былъ присланъ этотъ князь, или по назначенію Московскаго князя, только въ лѣтописи онъ названъ намѣстникомъ князя Василія Дмитріевича. Можетъ быть Московскій князь и дѣйствительно прислалъ его въ качествѣ своего намѣстника; но Псковичи смотрѣли на него по своему, какъ на Псковскаго князя, а не какъ на намѣстника Московскаго, и когда въ 1407 году онъ оказался имъ неугоденъ, то, неспросясь великаго князя, отказали ему и послали просить себѣ роднаго брата великому князю Константина Дмитріевича; и Московскій князь, видя что намѣстники неугодны Пскову, не высказавъ никакого неудовольствія на Псковичей за ихъ самовольство, прислалъ къ нимъ своего брата Константина, еще малолѣтнаго, а въ помощь ему придалъ князя Константина Бѣлозерскаго. Но оба Константины черезъ годъ уѣхали въ Москву, и Псковичи опять приняли съ честію прежняго князя Даніила Александровича, явившагося во Псковъ, но уже съ именемъ намѣстника Московскаго. По смерти Даніила, скончавшагося на другой годъ во Псковѣ и оплаканнаго Псковичами, слѣдовали одинъ за другимъ Ростовскіе князья Алек-

сандръ Өедоровичъ, Андрей Александровичъ и Өедоръ Александровичъ, по просьбѣ и выбору Псковичей присланные отъ Московскаго князя. Затѣмъ слѣдовали другъ за другомъ, также по просьбѣ Псковичей и по ихъ выбору, присланные Московскимъ великимъ княземъ, — князь Өедоръ Патрикѣевичъ изъ Литовскихъ князей, за нимъ Өедоръ Александровичъ въ третій разъ, потомъ зять его Владиміръ Даниловичъ, пріѣхавшій изъ Литвы безъ отношенія къ Московскому князю, по желанію только Псковскаго вѣча. Наконецъ въ 1439 году пріѣхалъ во Псковъ изъ Твери правнукъ Ольгердовъ, князь Александръ Ивановичъ; Псковичи приняли его съ честію и посадили у себя на княженіе, не сносясь съ Московскимъ княземъ, а князя Владимира Даниловича выгнали. Князь Александръ Ивановичъ скончался во Псковѣ въ 1442 году.

Князья четвертаго ряда хотя большею частію посаженники великаго князя Московскаго, тѣмъ не менѣе были въ качествѣ вольныхъ князей, а не служилыхъ, и Псковичами еще не признавались за Московскихъ намѣстниковъ; ихъ выбирали сами Псковичи и сами же изгоняли ихъ, когда они оказывались неугодными; слѣдовательно они вполнѣ зависѣли отъ Псковскаго вѣча, а не отъ Московскаго князя, который только отпускалъ ихъ на Псковское княженіе. Псковичи, принимая князей изъ Москвы, вовсе еще не думали поступать въ зависимость къ Московскому князю, а только разсчитывали, что изъ Москвы скорѣе имъ будетъ подана помощь, ежели въ Псковѣ будетъ сидѣть Князь Московскій посаженникъ, и даже иногда брали еще Князей изъ Литвы, не спрашиваясь Московскаго князя,

когда не нуждались въ его помощи. Отношеніе сихъ князей къ Псковскому вѣчу было почти такое же, какъ и прежнихъ безпріютныхъ князей изгнанниковъ. Князь, вступая на престолъ, долженъ былъ цѣловать крестъ ко Пскову на вѣчѣ; такъ подъ 1416 годомъ читаемъ въ лѣтописи: „и пріѣхаша князь Александръ отъ Великаго Князя во Псковъ, и пріяше его Псковичи честно, и на княженіе его посадиша, и крестъ цѣлова ко Пскову.“ Князь ни чѣмъ не могъ распоряжаться во Псковѣ безъ согласія посадниковъ и вѣча; такъ подъ 1406 годомъ въ лѣтописи сказано: „Князь Данило Александровичъ и Ларіонъ посадникъ Дойниковичъ и весь Псковъ (вѣче), поднемше всю свою волость идоша къ Полотску.“ Или подъ 1407 годомъ: „Князь Константинъ великій посла слугу своего князя Константина на добро Пскову въ Новгородъ, а Псковичи приставиша съ нимъ Ивана посадника Сидоровича, помощи просити на Нѣмцы.“ Или подъ 1434 годомъ: „Князь Александръ Ѳеодоровичъ и Юрьи посадникъ Тимоѳеевичъ и вси посадники Псковскіи заложили городъ новый Выборъ.“ Или подъ 1441 годомъ: „князь Александръ и посадники Псковскіе Иванъ Сидоровичъ, и вси посадники Псковскіе, князя Великаго слова не ослушалися, отслаша къ Великому Новгороду грамоту мирную и цѣлованье отказаша.“ Псковичи еще по прежнему не нуждались въ княжеской власти для внутренняго управленія и приглашали князей преимущественно въ чаяніи отъ нихъ помощи въ войнахъ съ сосѣдями. Псковъ и въ настоящемъ періодѣ не выбиралъ себѣ князя иногда по нѣскольку лѣтъ; такъ князь Ѳеодоръ Патрикѣевичъ, уѣхалъ изъ Пскова и сложилъ крестное цѣлованіе въ 1425 году,

а на его мѣсто князь Александръ Θедоровичъ былъ избранъ только въ 1429 году. Впрочемъ князья настоящаго ряда далеко не были въ качествѣ служилыхъ князей Пскова; за весь настоящій періодъ нѣтъ ни одного извѣстія, чтобы князей, посаженныхъ Московскимъ великимъ княземъ, Псковское вѣче посылало съ какими либо порученіями.

Пятый рядъ Псковскихъ князей составляли князья намѣстники Великаго князя Московскаго; этотъ рядъ продолжался почти семдесятъ лѣтъ, до самаго паденія независимости Пскова. Въ продолженіе этого времени присланы были изъ Москвы во Псковъ одинъ за другимъ пятнадцать князей; главное и общее отличіе ихъ отъ прежнихъ князей состояло въ томъ, что они должны были цѣловать крестъ, какъ къ Пскову, такъ и къ великому князю. По смерти князя Александра Ивановича, правнука Ольгердова, княжившаго во Псковѣ по выбору вѣча, безъ сношенія съ Московскимъ княземъ, великій князь, не желая чтобы повторялись подобныя своевольства Псковскаго вѣча, прямо отъ себя, кажется безъ сношенія съ Псковомъ, прислалъ во Псковъ намѣстникомъ князя Александра Васильевича Черторизскаго, которому поручилъ княженіе Псковское велико-княжескій посолъ, по великаго князя слову, а Псковичи только посадили его на престолъ въ церкви святыя Троицы; при чемъ князь Александръ цѣловалъ крестъ къ Великому князю Василью Васильевичу и ко всему Пскову, на всей Псковской пошлинѣ. Проживши четыре года во Псковѣ, князь Александръ уѣхалъ въ Новгородъ, несмотря на то что Псковичи уговаривали его остаться. Пользуясь замѣшательствами, бывшими въ то время въ

Москвѣ, Псковичи приняли себѣ въ князья пріѣхавшаго къ нимъ изъ Новгорода князя Василья Васильевича изъ Суздальскихъ князей, и онъ цѣловалъ крестъ къ Псковичамъ по всей Псковской пошлинѣ, не сносясь съ Москвою, гдѣ было не до Пскова. Въ 1455 году князь Василій Васильевичъ Суздальскій уѣхалъ въ Новгородъ, и Псковичи послали опять къ князю Александру Васильевичу, проживавшему въ Русѣ, который въ 1456 году и прибылъ во Псковъ; Псковичи приняли его съ большою почестію, и дали ему всю княжую пошлину, а онъ цѣловалъ крестъ ко Пскову, по всей Псковской пошлинѣ. Между тѣмъ дѣла Московскаго князя Василья Васильевича поправились: онъ отдѣлался отъ всѣхъ своихъ враговъ и даже смирилъ Новгородъ Великій, и когда въ 1460 году Псковичи прислали къ нему просить о помощи противъ Нѣмцевъ и объ утвержденіи своимъ намѣстникомъ во Псковѣ князя Александра Васильевича Черторизскаго, то отвѣчалъ Псковскому посольству: „а что мнѣ повѣствуете о князѣ Александрѣ Черторизскомъ, и о томъ васъ свою отчину жалую: аже только поцѣлуетъ животворящій крестъ князь Александръ ко мнѣ къ великому князю и къ моимъ дѣтямъ великимъ княземъ, что ему зла на насъ не хотѣти ни мыслити; ино буди вамъ князь, а отъ мене намѣстникъ.“ Получивъ таковое повелѣніе, князь Черторизскій оставилъ Псковъ, а великій князь Московскій прислалъ туда своего сына Юрія съ боярами, который, по просьбѣ Псковичей и по повелѣнію отца, далъ имъ въ князья намѣстники князя Ивана Васильевича Стригу Оболенскаго; и Оболенскій, посаженный на Псковское княженіе, цѣловалъ крестъ ко Пскову, на

всей Псковской пошлинѣ; но на другой годъ выѣхалъ изъ Пскова, и на его мѣсто великій князь Василій Васильевичъ прислалъ во Псковъ князя Владиміра Андреевича, а не по Псковскому прошенію и не по старинѣ; Псковичи, какъ сказано въ лѣтописи, пріяша его съ честію и посадиша его на княженіе во Псковѣ." Но очевидно посадили только изъ страха передъ Московскимъ княземъ; когда же въ 1462 году скончался князь Московскій Василій Васильевичъ, то въ слѣдъ затѣмъ былъ изгнанъ изъ Пскова и князь Владимиръ Андреевичъ. Потомъ Псковичи отправили посольство въ Москву, къ новому Московскому великому князю Ивану Васильевичу: „просить себѣ князя во Псковъ по старинѣ, который князь Пскову любъ." Московскій князь, чтобы выразить свое неудовольствіе за изгнаніе князя Владимира Андреевича, три дни не принималъ Псковскаго посольства, потомъ на пріемѣ сказалъ послу: „объяви Пскову, котораго князя Псковичи восхотятъ, и я вамъ того дамъ, и вы, написавъ грамоту, да пришлите ко мнѣ съ бояриномъ своимъ." По этому отвѣту, Псковское вѣче написало грамоту, въ которой просило прислать во Псковъ княземъ князя Ивана Александровича Звенигородскаго. По этой грамотѣ князь Иванъ Александровичъ пріѣхалъ во Псковъ, посаженъ Псковичами на княженіе и цѣловалъ крестъ ко Пскову на всей Псковской пошлинѣ, и дѣйствительно прожилъ во Псковѣ цѣлые три года по старинѣ въ мирѣ и согласіи съ Псковичами, ни въ чемъ не отступая отъ условій, на которыхъ былъ принятъ, и управляя Псковомъ не иначе, какъ по согласію съ посадниками и вѣчемъ. Потомъ, осенью 1466 года, поклонившись Пскову за все добро Псков-

ское, уѣхалъ въ Москву, хотя Псковичи усердно просили его остаться.

Въ 1467 году отпущенъ съ Москвы во Псковъ по просьбѣ Псковичей князь Ѳедоръ Юрьевичъ Шуйскій; но этотъ князь, при самомъ вступленіи на престолъ, отступилъ отъ старины и, конечно, по приказу изъ Москвы потребовалъ, чтобы ему дозволено было держать своихъ намѣстниковъ на всѣхъ двѣнадцати пригородахъ Псковскихъ и предоставить имъ судъ во всѣхъ дѣлахъ, тогда какъ при прежнихъ князьяхъ изкони княжіе намѣстники были только на семи пригородахъ Псковскихъ. Онъ до тѣхъ поръ не цѣловалъ креста ко Пскову, пока посадники не согласились на его требованіе, и далѣе такъ повелъ дѣла противъ Псковской старины, что Псковское вѣче въ 1472 году снарядило посольство въ Москву съ жалобою на него и съ просьбою прислать другаго князя. Узнавъ объ этомъ, князь Ѳедоръ Юрьевичъ немедленно сложилъ цѣлованіе ко Псвову и уѣхалъ въ Москву. Въ 1473 году, по просьбѣ и выбору Псковичей, былъ присланъ изъ Москвы намѣстникомъ и княземъ Псковскимъ князь Ярославъ Васильевичъ Стрига Оболенскій. Онъ сначала цѣловалъ крестъ ко Пскову на суду и на пошлинныхъ грамотахъ, и на всѣхъ старинахъ Псковскихъ; но старина и пошлина были только на словахъ, а на дѣлѣ необычныя для Пскова новости, противъ которыхъ Псковичи стали упираться, такъ что князь Ярославъ долженъ былъ, для разрѣшенія споровъ съ Псковскимъ вѣчемъ, ѣхать въ Москву; за нимъ и вѣче отправило своихъ пословъ съ дарами къ великому князю, который отвѣчалъ посламъ, что для разрѣшенія споровъ ему нужно видѣть грамоты,

на которыхъ вѣче основываетъ свои права, и съ тѣмъ отпустилъ пословъ. А между тѣмъ князь Ярославъ, воротившись изъ Москвы, сталъ требовать у Пскова судъ держать не по Псковской пошлинѣ,—на ссылку вдвое ѣзды имати, и по пригородамъ его намѣстникамъ княжая продажа имати отъ боя, также и намѣстничьи деньги. На сіи требованія вѣче отвѣчало посольствомъ въ Москву съ жалобою къ великому князю; а великій князь отправилъ въ отвѣтъ своего посла во Псковъ, который объявилъ Псковичамъ, чтобы они просили прощенія у Ярослава, разрѣшили сбирать ему намѣстничью деньгу и ѣзды вдвое, и по пригородамъ княжимъ намѣстникамъ сбирать продажи княжія, и судить по старинѣ суды о земляхъ, о межахъ полевыхъ и дворныхъ и о коневой валицѣ; а не учините такъ, сказалъ посолъ, ино вѣдаетъ Государь князь великій. Послѣ таковаго грознаго приказа Псковскіе посадники заплатили князю Ярославу 130 рублей на вѣчѣ и обѣщались исправить ему и его намѣстникамъ все то, что онъ требовалъ. Но споры не прекращались: Псковичи отправляли въ Москву два посольства съ просьбою перемѣнить князя намѣстника; у Ярослава и его слугъ даже была драка съ Псковичами на торговой площади. Наконецъ въ 1477 году пришло къ нему повелѣніе отъ великаго князя ѣхать въ Москву съ княгинею и со всѣмъ своимъ дворомъ; тѣмъ и кончилось бурное четырехлѣтнее намѣстничество князя Ярослава во Псковѣ. На мѣсто Ярослава въ 1478 году, по просьбѣ Псковичей, былъ присланъ изъ Москвы князь Василій Васильевичъ Шуйскій Нѣмой; Псковичи, по обычаю, приняли его съ честію и по-

садили на княженіе въ церкви св. Троицы, и князь на вѣчѣ цѣловалъ крестъ къ Пскову на всѣхъ Псковскихъ пошлинахъ и старинахъ. Но перемѣна князя не перемѣнила дѣла. Шуйскій оказался также грубымъ передъ Псковомъ, преданнымъ пьянству и грабленію и неспособнымъ къ войнѣ; и вѣроятно за сіе послѣднее въ 1481 году былъ смѣненъ и на его мѣсто присланъ опять князь Ярославъ Васильевичъ. Сей князь теперь умѣлъ поладить съ Псковскимъ вѣчемъ и даже самъ ѣздилъ въ Москву ходатайствовать за Псковъ, чтобы великій князь держалъ свою отчину въ старинѣ. Ярославъ скончался во Псковѣ въ 1487 году и погребенъ въ церкви св. Троицы. За Ярославомъ слѣдовалъ на Псковскомъ княжествѣ князь Семенъ Романовичъ, присланный изъ Москвы въ 1489 году; потомъ князь Василій Ѳедоровичъ, присланный на смѣну Семену, вызванному въ Москву въ 1491 году. Князь Василій Ѳедоровичъ былъ вѣрный исполнитель воли великаго князя, впрочемъ не ссорился съ Псковичами, и скончался во Псковѣ въ 1496 году. На мѣсто его былъ присланъ князь Александръ Владимировичъ Ростовскій, а когда онъ уѣхалъ въ Москву въ 1501 году, то на его мѣсто присланъ по просьбѣ Псковичей князь Иванъ Ивановичъ Горбатый-Суздальскій, человѣкъ строгій, но распорядительный и усердно оберегавшій Псковъ отъ Нѣмцевъ. На его мѣсто въ 1508 году присланъ изъ Москвы князь Дмитрій Владимировичъ Ростовскій; а его смѣнилъ въ 1507 году князь Петръ Васильевичъ Великій Шуйскій, котораго въ 1509 году великій князь Василій Ивановичъ отозвалъ въ Москву, а на его мѣсто прислалъ князя Ивана Михайловича

Рѣпнина Оболенскаго, который своими ссорами съ Псковскимъ вѣчемъ довелъ дѣло до того, что въ 1510 году была уничтожена самостоятельность Пскова.

Положеніе Псковскихъ князей, намѣстниковъ великаго князя Московскаго, какъ мы уже частію видѣли, постепенно измѣнялось, смотря потому, какъ постепенно развивалась власть великаго князя Московскаго надъ всѣми Русскими областями. Такъ князья, присылаемые изъ Москвы во Псковъ, иногда были довольно самостоятельны и заодно съ Псковскимъ вѣчемъ дѣйствовали почти независимо; иногда же на оборотъ они являлись прямыми намѣстниками Московскаго князя, очевидно дѣйствовавшими по наказамъ изъ Москвы и въ явное нарушеніе изконныхъ правъ Псковскаго вѣча. И эта послѣдняя форма дѣятельности князей намѣстниковъ годъ отъ года усиливалась; Москва постепенно старалась объ усиленіи споровъ между намѣстниками и вѣчемъ, и какъ скоро какой намѣстникъ не заводилъ споровъ и жилъ въ согласіи съ вѣчемъ, то его Московскій Государь скоро смѣнялъ другимъ, даже не сносясь съ Псковскимъ вѣчемъ; и напротивъ князь намѣстникъ задорный, заводившій споры съ Псковичами, всегда поддерживался Московскимъ правительствомъ, постоянно оправдывавшимъ таковаго намѣстника и обвинявшимъ Псковичей. Такъ миролюбивый намѣстникъ князь Семенъ Романовичъ, непрожившии и двухъ лѣтъ во Псковѣ, былъ смѣненъ по повелѣнію Московскаго Государя княземъ Васильемъ Ѳедоровичемъ, который въ 1491 году пріѣхалъ во Псковъ и именемъ Государя приказалъ Семену Романовичу выѣхать изъ Пскова. Напротивъ того, Псковичи въ продолженіе четырехъ

лѣтъ насилу могли выжить задорнаго и неуступчиваго князя Ярослава Васильевича Стригу Оболенскаго.

Первоначальная форма принятія князей намѣстниковъ состояла въ томъ, что Псковское вѣче отправляло въ Москву посольство съ просьбою отпустить во Псковъ такого-то князя, и когда отпущенный пріѣзжалъ во Псковъ, то его принимали съ большими почестями и сажали на престолъ въ церкви Св. Троицы; но эта форма не нравилась въ Москвѣ, ея старались избѣгать при всякомъ удобномъ случаѣ, имѣя въ виду отучить Псковичей отъ понятія объ отдѣльномъ самостоятельномъ владѣніи или княжествѣ, чѣмъ естественно раздражили Псковское вѣче, которое старалось держаться за старинную форму, какъ утопающій за соломенку. Псковское вѣче, по прежнему обычаю, иногда еще прогоняло князя намѣстника, неугоднаго народу; такъ напримѣръ въ 1462 году Псковичи выгнали съ безчестіемъ князя Владимира Андреевича; въ лѣтописи сказано: „выгнали Псковичи князя Володимира Андреевича изъ Пскова, а иные люди на вѣчѣ съ степени спѣхнули его; и онъ поѣхалъ на Москву съ безчестіемъ къ великому князю, жаловаться на Псковъ.“ Но это уже рѣдко удавалось Псковичамъ; напротивъ, великій князь Московскій положилъ за правило, которое часто напоминалъ Псковичамъ: „кой будетъ вамъ намѣстникъ, отъ меня вамъ князь, надобѣ; и азъ вамъ нестою, а того бы есте не безчествовали, который у васъ будетъ начнетъ творити сильно, то азъ вѣдаю, а васъ мою отчину жалую.“ Такимъ образомъ въ сущности по этому правилу Псковичи лишились права изгонять князей намѣстниковъ, и Московскій государь уже считалъ таковое изгнаніе безче-

стіемъ для себя; онъ предоставлялъ Псковичамъ только право жалобы на намѣстника дѣлающаго притѣсненія Пскову и поступающаго не по пошлинѣ. Дѣйствительно, право изгнанія было уже неумѣстно, когда Псковичи сами поставили себя въ такое положеніе, что не могли имѣть у себя никого другаго, кромѣ того кого пришлетъ Государь Московскій, какъ своего намѣстника; а по сему своевольное изгнаніе князя намѣстника уже считалось противозаконнымъ. Между тѣмъ Московскій Государь постепенно развивалъ свое право мѣнять Псковскихъ князей намѣстниковъ по своему усмотрѣнію, не справляясь съ желаніями Псковскаго вѣча; такъ что къ концу настоящаго періода это право Московскаго Государя мало-по-малу обращается въ законъ для Псковскаго вѣча; по крайней мѣрѣ вѣче уже не дѣлаетъ противъ этого гласныхъ протестовъ, и ни разу не рѣшается отказать или непринять присланнаго такимъ образомъ изъ Москвы князя намѣстника. Такъ что наконецъ послѣдній князь намѣстникъ, князь Иванъ Михайловичъ Рѣпня Оболенскій, нашелъ возможнымъ обойтись безъ тѣхъ церемоній, съ которыми обыкновенно принимали въ Псковѣ новаго князя.

Отношенія князей пятаго ряда къ Псковскому вѣчу, а равно ихъ права и обязанности съ одной стороны опредѣлялись изконными обычаями Пскова; ибо князь намѣстникъ былъ Псковскимъ княземъ, слѣдовательно и долженъ былъ имѣть характеръ Псковскаго князя; а съ другой стороны онъ былъ намѣстникъ великаго князя Московскаго, и по сему долженъ былъ выражать волю того, чьимъ онъ былъ намѣстникомъ. Вслѣдствіе таковаго двухсторонняго положенія отно-

шеній Псковскаго князя намѣстника къ Псковскому вѣчу, и его права и обязанности, какъ Псковскаго князя, должны были оставаться постоянно неизмѣнными, какъ они разъ утверждены Псковскимъ обычаемъ, и этого постоянно требовало Псковское вѣче, ревнивое къ охраненію своихъ изконныхъ правъ старины. И князья намѣстники, вступая на Псковскій престолъ, почти всегда давали клятву или цѣловали крестъ на вѣчѣ ко Пскову на судѣ и на всѣхъ пошлинныхъ грамотахъ, и на всѣхъ старинахъ Псковскихъ. Но въ то же время или прежде, отправляясь изъ Москвы, они, какъ намѣстники, должны были цѣловать крестъ къ великому князю Московскому, что будутъ вѣрно охранять его интересы и не допустятъ умаленія его власти и чести; а интересы Московскаго Государя и развитіе его власти въ отношеніи ко Пскову постоянно измѣнялись и шли впередъ; слѣдовательно и отношенія князя намѣстника ко Пскову должны были постоянно измѣняться, права его развиваться къ ущербу изконныхъ правъ Псковскаго вѣча, и онъ долженъ былъ дѣйствовать по наказамъ изъ Москвы. И на дѣлѣ дѣйствительно такъ и было: почти каждый князь намѣстникъ начиналъ крестнымъ цѣлованіемъ не нарушать старины и пошлины Псковской, и не нарушалъ ее пока это можно было по отношеніямъ его къ Государю Московскому, пока Псковскіе интересы не сталкивались съ интересами Московскими; но когда требованія изъ Москвы были противны изконнымъ Псковскимъ обычаямъ, то намѣстникъ становился на сторону сихъ требованій, и покончивалъ тѣмъ, что вводилъ новости, противорѣчащія старинамъ Псковскимъ, явно противъ требованій вѣча.

Такъ интересы Пскова и Московскаго Государя постоянно согласовались въ томъ, чтобы ревностно охранять Псковскую землю отъ всѣхъ притязаній со стороны сосѣдей, чтобы интересы Псковскаго общества не терпѣли ущерба отъ насилій сосѣднихъ владѣтелей; въ этомъ важномъ дѣлѣ князь намѣстникъ всегда дѣйствовалъ заодно съ Псковскимъ вѣчемъ и старался ни въ чемъ не нарушать старинъ Псковскихъ. По изконнымъ Псковскимъ обычаямъ князь обязанъ былъ предводительствовать войскомъ и отправляться въ военные походы не иначе какъ по опредѣленію вѣча, и вмѣстѣ съ посадниками и другими воеводами, назначенными вѣчемъ. И князья намѣстники постоянно строго соблюдали это изконное правило Пскова, и въ лѣтописяхъ нѣтъ ни одного извѣстія, гдѣ бы вѣче жаловалось на нарушеніе этого правила княземъ намѣстникомъ: всѣ военные походы, бывшіе въ продолженіе настоящаго періода, совершались непремѣнно по опредѣленію вѣча; ни одинъ князь намѣстникъ не предпринималъ военнаго похода самовольно, безъ согласія съ вѣчемъ. Даже походы, предписываемые Московскимъ Государемъ, напередъ представлялись на разрѣшеніе вѣча и предпринимались только по опредѣленію вѣча. Такъ въ 1471 году, когда Московскій Государь прислалъ во Псковъ боярина, съ требованіемъ, чтобы Псковичи шли ратью на Новгородскую землю; то Псковское вѣче съ своимъ княземъ намѣстникомъ хотя не отказывалось исполнить волю Государя, но отвѣчало посланному боярину: „дондеже услышимъ въ Новгородской землѣ великаго князя, тогда на конь всядемъ за своего Государя.“ И не смотря на требованія Московскаго боярина, Псковичи

не двинулись до тѣхъ поръ, пока не получили вѣстей, что Московскія войска уже сожгли Русу. Получивши же эту вѣсть, какъ сказано въ лѣтописи: „весь Псковъ въ тыя часы, собравъ пригороды и волости, князя Псковскаго Ѳедора Юрьевича сынъ Василій и Тимофей Васильевичъ посадники Псковскіе и съ ними тринадцать посадниковъ Псковскихъ и вся сила Псковская поидоша на Новгородскую землю.“ 2-е. Для интересовъ Пскова и интересовъ Московскаго государя нужно было, чтобы мирные договоры съ сосѣдями были не въ ущербъ Псковской землѣ. И здѣсь князь намѣстникъ дѣйствовалъ не отступая отъ Псковской старины, согласно съ вѣчемъ; разсуждалъ съ вѣчемъ объ условіяхъ договоровъ съ сосѣдями, принималъ вмѣстѣ съ вѣчемъ пословъ, приходившихъ во Псковъ изъ сосѣднихъ владѣній; даже по опредѣленію вѣча самъ ѣздилъ съ Псковскимъ посольствомъ для переговоровъ съ сосѣдними владѣтелями и вмѣстѣ съ посадниками заключалъ договоры по тѣмъ наказамъ, которые давались вѣчемъ; такъ подъ 1460 годомъ читаемъ въ лѣтописи: „по челобитію Нѣмецкому и по ихъ сроку князь Александръ Васильевичъ и посадники Псковскіе и бояре изъ всѣхъ концевъ поѣхаша на Озолицу и на Желачко, на обидное мѣсто, и досмотриша того обиднаго мѣста, а тое земля и вода Свят. Троицы.“ Или подъ 1471 годомъ. „Отрядивъ Псковъ Тимофея Васильевича и Ивана Гахоновича, да къ нимъ изо всѣхъ концевъ бояръ по сроку на съѣздъ съ Литовскими послами, да съ ними ѣздилъ и самъ князь Ѳедоръ Юрьевичъ и съ сыномъ съ княземъ Васильемъ.“ Въ то же время Псковское вѣче, вмѣстѣ съ посадниками, по старому

обычаю продолжало и само безъ князя принимать чужестранныхъ пословъ и отвѣчать имъ, и посылать своихъ пословъ къ сосѣднимъ владѣтелямъ. Такъ въ 1471 году посадники Псковскіе и вѣче дали отвѣтъ Ливонскому послу безъ участія Псковскаго князя; или въ томъ же году Псковское вѣче отрядило своихъ пословъ къ Литовскому королю, также безъ участія своего князя. Но грамоты во Псковъ отъ сосѣднихъ владѣтелей продолжали присылаться по прежнему порядку на имя Псковскаго князя и вѣча. 3-е. Для интересовъ Пскова и для интересовъ Московскаго Государя нужно было чтобы Псковъ и Псковскіе пригороды были хорошо укрѣплены; и князь намѣстникъ всегда принималъ дѣятельное участіе въ постройкѣ укрѣпленій и дѣйствовалъ въ согласіи съ вѣчемъ. Такъ подъ 1465 годомъ читаемъ въ лѣтописи: „Князь Псковскій Иванъ Александровичъ и посадники степенные Леонтій Михайловичъ и Тимоѳей Васильевичъ и Псковичи съ посажаны, своихъ хоромовъ блюдучи (въ ожиданіи нападенія Новгородцевъ), заложиша стѣну древяну отъ рѣки Великой да и до Псковы рѣки.“

Но князья намѣстники, дѣйствуя въ согласіи съ Псковскимъ вѣчемъ, и подчиняясь безпрекословно стариннымъ Псковскимъ порядкамъ, при защитѣ Псковской земли отъ непріятелей и въ охраненіи интересовъ Пскова, при сношеніяхъ съ сосѣдними владѣніями, далеко не такъ поступали въ дѣлахъ внутренняго управленія. Здѣсь, очевидно, интересы Пскова и интересы Московскаго государя не сходились другъ съ другомъ, и князья намѣстники становились уже на сторону Московскаго великаго князя, а не Пскова и,

вмѣсто строгаго соблюденія старины, старались о введеніи новостей, неугодныхъ Псковскому вѣчу, очевидно дѣйствуя по наказамъ изъ Москвы. И такъ дѣйствовать во внутреннемъ управленіи для нихъ было тѣмъ удобнѣе, что они вѣрно исполняли свою главную обязанность,—защиту Псковской земли отъ непріятелей, за чѣмъ преимущественно и приглашались Псковичами.

Тверже всѣхъ держалась первая и главная обязанность князя намѣстника, цѣловать крестъ ко Пскову на всѣхъ старинахъ Псковскихъ при вступленіи на Псковскій престолъ; ее въ точности соблюдали почти всѣ князья намѣстники и безпрекословно приходили цѣловать крестъ въ присутствіи вѣча. Изъ всѣхъ Псковскихъ князей намѣстниковъ лѣтопись только о троихъ не упоминаетъ, чтобы они цѣловали крестъ Пскову на вѣчѣ: о князѣ Васильѣ Ѳедоровичѣ въ 1491 году, о князѣ Дмитріѣ Владиміровичѣ Ростовскомъ въ 1503 году и о князѣ Иванѣ Михайловичѣ Рѣпнѣ Оболенскомъ.

Второю важною обязанностію князя намѣстника, строже и продолжительнѣе другихъ соблюдавшеюся, было присутствіе князя на вѣчѣ, гдѣ для него была особая степень, или можетъ быть одна съ степенью степенныхъ посадниковъ; такъ о князѣ Владимірѣ Андреевичѣ подъ 1462 годомъ сказано: а иные люди на вѣчѣ спѣхнули его съ степени.“ Князь намѣстникъ, присутствуя на вѣчѣ, не былъ предсѣдателемъ вѣча, а находился въ томъ же положеніи, какъ и прочія выборныя власти, присутствовавшія на вѣчѣ, т. е. имѣлъ такой же голосъ, какъ и всѣ прочіе члены вѣча, не приказывалъ, а раз-

суждалъ и подавалъ свои мнѣнія. Такъ подъ 1499 годомъ въ лѣтописи сказано: „и пріѣхавъ бояринъ Московскій во Псковъ, пословаше посольство на вѣчѣ князю Псковскому Александру Владиміровичу и посадникомъ Псковскимъ.“ Или подъ 1501 годомъ: „князь Псковскій сдумавши съ посадники и съ бояры и со Псковичи на вѣчѣ, да послали три гонца къ воеводамъ великаго князя Московскаго, что Нѣмцы жгутъ и грабятъ и головы сѣкутъ.“

Изъ правъ князя намѣстника въ настоящемъ періодѣ получили важное расширеніе—право держать своихъ намѣстниковъ на Псковскихъ пригородахъ, и право суда, какъ самого князя, такъ и его намѣстниковъ. По изконнымъ порядкамъ Псковскаго вѣча Псковскій князь имѣлъ право держать своихъ намѣстниковъ только на семи пригородахъ Псковскихъ, и этотъ старый порядокъ держался неприкосновеннымъ до шестаго князя намѣстника Өедора Юрьевича Шуйскаго, который, пріѣхавши во Псковъ въ 1467 году, при самомъ вступленіи на престолъ и при цѣлованіи креста на Псковской пошлинѣ, потребовалъ, чтобы ему разрѣшено было держать своихъ намѣстниковъ на всѣхъ двѣнадцати пригородахъ Псковскихъ; этому требованію Псковскіе посадники должны были уступить, и съ 1467 года князья намѣстники получили право держать своихъ намѣстниковъ на всѣхъ двѣнадцати пригородахъ Псковскихъ. Но когда князь Өедоръ Юрьевичъ сталъ заводить другія новости въ нарушеніе Псковскихъ пошлинъ, то вѣче отправило въ Москву посольство просить о присылкѣ другаго князя, и государь Московскій исполнилъ просьбу Псковичей, вѣроятно довольный мирнымъ дозволеніемъ

держать намѣстниковъ на всѣхъ пригородахъ и нежелая до времени раздражать Псковичей другими новостями. Но въ 1475 году дошла очередь до расширенія княжескихъ правъ и на судѣ. По древнему Псковскому порядку, какъ свидѣтельствуетъ судная Псковская грамота, княжему суду принадлежали только извѣстныя, закономъ опредѣленныя дѣла, съ опредѣленными доходами или пошлинами отъ суда. По Псковской судной грамотѣ князю во 1-хъ принадлежали дѣла уголовныя; „Ожъ клеть покрадутъ за замкомъ, или сани подъ полостью, или возъ подъ тигою, или ладью подъ лубы или въ ямѣ, или скота украдаютъ, или сѣно сверху стога, имать то все судъ княжой, а продаже девять денегъ; а разбой, находъ, грабежъ 70 гривенъ, а княжа продажа 19 денегъ, да 4 денеги князю и посаднику. А князь и посадникъ на вѣчи суду не судить, судити имъ у князя на сѣняхъ.“ Княжіе посадники по судной грамотѣ также имѣли право суда въ пригородахъ: „А которому княжему человѣку ѣхать на пригородъ намѣстникомъ, ино цѣловати ему на томъ крестъ, что ему хотѣть добра Пскову, и судить прямо по крестному цѣлованію.“ Во вторыхъ, по судной грамотѣ суду князя или скорѣе къ судебнымъ княжескимъ доходамъ принадлежали пошлины отъ судебныхъ поединковъ. „А которому человѣку поле (поединокъ) будетъ съ суда; а ставъ на поли истецъ поможетъ своего истца . . . а виноватому (побѣжденному) платити и княжа продажа и приставное двѣма приставомъ по шести денегъ.“ И въ третьихъ суду князя принадлежали по судной грамотѣ иски въ поземельномъ владѣніи и въ бѣглыхъ крестьянахъ: „а княжій пи-

сецъ иметъ писати судницу о земли; ино ему отъ судницы взять пять денегъ . . . А только княжій писецъ захочетъ не по силѣ (т. е. лишнихъ пошлинъ), ино индѣ вольно написати (судницу), а князю запечатать. А не запечатаетъ князь, ино у св. Троицы запечать.“ За сіи старыя границы суда и судныхъ пошлинъ упорно стояло Псковское вѣче и успѣло отстоять ихъ при князѣ Өедорѣ Юрьевичѣ, который замышлялъ было тоже сдѣлать съ правомъ княжаго суда, въ чемъ успѣлъ относительно права посылать своихъ намѣстниковъ по пригородамъ. Вѣче также уперлось и въ 1475 году, когда князь Ярославъ Васильевичъ Стрига Оболенскій, побывавъ въ Москвѣ, „началъ просити у Пскова судъ держати не по Псковской пошлинѣ, на ссылку вдвое ѣзды имать (т. е. за вызовъ свидѣтелей) и по пригородамъ его намѣстникомъ княжая продажа имати отъ боя, такоже и деньги намѣстничи.“ И споръ съ Ярославомъ изъ-за этой новости продолжался цѣлый годъ, пока наконецъ Ярославъ самъ не съѣздилъ въ Москву и не привезъ съ собою посла велико-княжескаго, который именемъ Московскаго государя объявилъ Псковичамъ на вѣчѣ: „чтобы въ чемъ вы преступили передъ княземъ Ярославомъ, и въ томъ бы вы добили ему челомъ, также бы есте князю Ярославу деньгу намѣстничу освободили (т. е. разрѣшили намѣстникамъ, кромѣ княжей продажи, собирать отъ судныхъ дѣлъ намѣстничью деньгу), и ѣзды вдвое и продажи по пригородамъ намѣстникомъ имати княжія, нивніи судове (въ земляномъ дѣлѣ судъ) судити всякая копная, и изгородное прясло, и коневая валица. А не учините тако, ино вѣдаетъ госу-

дарь нашъ великій князь; а насъ прислалъ къ вамъ съ княземъ Ярославомъ, въ пять дней отъ васъ и сѣмо и тамо съѣздити.“ На такое строгое и недопускающее отсрочки повелѣніе великаго князя для Псковскаго вѣча былъ одинъ отвѣтъ, — покориться Ярославу и уступить ему во всѣхъ требованіяхъ, что вѣче дѣйствительно и исполнило, заплативши Ярославу 130 рублей за то, что безчестили его своимъ упорствомъ, и обѣщавшись великому князю исполнить все по его требованію, т. е. безспорно платить впередъ всѣ судебныя пошлины Псковскому князю и его намѣстникамъ по новому распрдѣленеію.

Такимъ образомъ Псковскій князь, прошедши пять степеней или рядовъ, отмѣренныхъ ему исторіею, постепенно отъ вольнаго князя Новгородскаго, каковымъ былъ князь Всеволодъ Мстиславичъ и его преемники князья перваго ряда, дошелъ до послѣдней степени Псковскаго князя, намѣстника великаго князя Московскаго, и наконецъ обратился совершенно въ Московскаго намѣстника, каковымъ былъ послѣдній Псковскій князь Иванъ Михайловичъ Репня-Оболенскій, котораго Псковичи прозвали Найденомъ. „А потому его назвали найденомъ, сказано въ лѣтописи, что онъ не пошлиною пріѣхалъ; нашли его Псковичи на загородскомъ дворѣ, а священники противъ него со кресты не ходили; а пѣли молебенъ на торгу, да шли ко св. Троицы, да посадили на княженіе у святѣй Троицы; и бысть той князь лютъ до людей.“ Это свидѣтельство лѣтописи указываетъ, что князь Рѣпня-Оболенскій уже не считалъ себя княземъ Псковскимъ, и, какъ чистый намѣстникъ Московскій, поступалъ съ Псковичами, не только не справляясь съ

Псковскою стариной и пошлиной, но и самихъ Псковичей ставилъ въ такое положеніе, чтобы они отказались отъ своей старины и пошлины.

Князь во Псковѣ только по формѣ вступленія на престолъ походилъ на князя Новгородскаго; во всемъ же другомъ княжеская власть во Псковѣ всегда имѣла свой характеръ, выражавшійся въ томъ, что Псковскій князь собственно былъ первый сановникъ, выбранный вѣчемъ и отличающійся отъ другихъ сановниковъ только тѣмъ, что онъ былъ не Псковитяниномъ, а пришлымъ человѣкомъ, и что у него была собственная дружина, пришедшая съ нимъ, чего прочіе сановники не могли имѣть. Княжеская власть, по Псковскому устройству общества, даже не считалась необходимостію для Пскова. Псковичи могли жить и управляться безъ князя, не чувствуя никакой остановки или безпорядка въ общественныхъ дѣлахъ, и, какъ мы уже видѣли, Псковъ дѣйствительно не разъ управлялся безъ князя, даже по нѣскольку десятковъ лѣтъ; тогда какъ въ Новгородѣ считалось дивомъ, когда Новгородцы въ 1167 году около восьми мѣсяцевъ прожили безъ князя за посадникомъ Якуномъ. Псковичи приглашали къ себѣ князя не потому, чтобы они не могли безъ него управляться, чтобы отсутствіе князя составляло ничѣмъ незамѣнимый пробѣлъ въ Псковскомъ управленіи; а потому что князь всегда приводилъ съ собою боевую дружину, въ лишнихъ же боевыхъ людяхъ Псковъ всегда нуждался, находясь почти постоянно въ войнѣ то съ Ливонскими Нѣмцами, то съ Чудью, то съ Литвою, то съ другими сосѣдями. Правда, Псковскій князь, подобно Новгородскому, имѣлъ право суда въ извѣ-

стныхъ границахъ, и вмѣстѣ съ вѣчемъ и посадниками участвовалъ и во внутреннемъ управленіи, даже посылалъ своихъ намѣстниковъ по пригородамъ; но право суда и посылки намѣстниковъ по пригородамъ давалось князю только для пользованія опредѣленными доходами, какъ жалованіе на содержаніе дружины, пригороды же управлялись и безъ княжихъ намѣстниковъ, а для суда у Пскова были судьи, князь же не могъ судить одинъ безъ посадниковъ и сотскихъ; слѣдовательно Псковъ не нуждался въ княжескомъ судѣ, а судъ скорѣе нуженъ былъ князю для полученія дохода. Что же касается до участія князя во внутреннемъ управленіи, то онъ здѣсь участвовалъ не болѣе другихъ выборныхъ властей, и только съ согласія вѣча; а на вѣчѣ онъ не былъ ни предсѣдателемъ, ни руководителемъ, и даже не имѣлъ права созывать вѣче, и вѣче по преимуществу собиралось и рѣшало дѣла безъ участія князя, князь же безъ участія вѣча или другихъ властей, назначенныхъ вѣчемъ, не могъ рѣшать никакого общественнаго дѣла. Вѣче не нуждалось въ участіи князя ни при изданіи законовъ, ни при наложеніи податей, ни въ объявленіи войны и мира, ни въ другихъ общественныхъ распоряженіяхъ. Даже въ дѣлахъ военныхъ вѣче само назначало воеводъ для предводительствованія войсками, хотя князь и былъ главнымъ военнымъ начальникомъ, и для военныхъ дѣлъ приглашался Псковомъ; но онъ былъ безотчетнымъ предводителемъ только всей дружины, Псковскія же войска поступали къ нему подъ команду не иначе, какъ по распоряженію вѣча. Изъ судной Псковской грамоты, повидимому, можно заключить, что князь былъ

главною властію въ законодательствѣ; ибо въ началѣ грамоты сказано: „сія грамота выписана изъ великаго князя Александровы грамоты, и изъ княжъ Константиновы грамоты, и изо всѣхъ приписокъ Псковскихъ пошлинъ." Но уже самое начало грамоты говоритъ, что князь не былъ единственнымъ или главнымъ источникомъ законодательства во Псковѣ; ибо здѣсь рядомъ съ княжими грамотами стоятъ, какъ законы, и приписки Псковскихъ пошлинъ; а въ концѣ грамоты прямо сказано: „а которой строкѣ пошлинной грамоты нѣтъ; и посадникамъ доложити господина Пскова на вѣчѣ, да тая строка написать." Слѣдовательно по прямому смыслу грамоты главнымъ и единственнымъ источникомъ законодательства во Псковѣ было вѣче. Князь же не только не имѣлъ права издавать ихъ собственною властію, но даже право предлагать вѣчу объ изданіи закона принадлежало посадникамъ, а не князю. Въ началѣ же грамоты говорится о договорныхъ грамотахъ вѣча съ князьями Александромъ и Константиномъ, относительно размѣра судебныхъ пошлинъ, сбираемыхъ въ пользу князя, и о томъ какія дѣла должны принадлежать суду князя; а не о подлинныхъ грамотахъ, данныхъ князьями Александромъ и Константиномъ; ибо еще въ 1471 году великій князь Московскій Иванъ Васильевичъ сказалъ, что самихъ великихъ князей грамотъ во Псковѣ не имѣется. Иныхъ князей уважали и любили во Псковѣ не меньше чѣмъ въ другихъ русскихъ владѣніяхъ, но только какъ храбрыхъ и счастливыхъ предводителей войска, усердно страдавшихъ за Псковскую землю; но князь тѣмъ болѣе пріобрѣталъ любви и уваженія у Псковичей, чѣмъ

менѣе вмѣшивался въ дѣла правленія и поперечилъ вѣчу. Государемъ и правителемъ Пскова былъ самъ господинъ Псковъ, его вѣче, а не князь, господинъ своей дружины. У князя во Псковѣ, кажется, даже не было данной ему вѣчемъ земли; по крайней мѣрѣ по дошедшимъ до насъ извѣстіямъ мы имѣемъ только указаніе на княжій дворъ на торгу во Псковѣ, и на загородный княжій дворъ. А посему и дружину свою князь не могъ помѣщать на помѣстныхъ земляхъ, которыхъ самъ не имѣлъ, а держалъ дружинниковъ или при своемъ дворѣ, или по пригородамъ, въ качествѣ намѣстниковъ, и дружина его обыкновенно называлась дворомъ; такъ лѣтопись, подъ 1460 годомъ разсказывая объ отъѣздѣ князя Александра Черторизскаго, говоритъ: „а двора его кованой рати боевыхъ людей 300 человѣкъ, опричь кошовыхъ.“ И конечно князю при такой обстановкѣ мудрено было имѣть во Псковѣ другое значеніе, кромѣ значенія предводителя войска.

РАЗСКАЗЪ ПЯТЫЙ.

Псковъ пригородъ Новгорода Великаго.

Первыя извѣстія о Псковѣ.

Когда былъ построенъ Псковъ, объ этомъ нѣтъ извѣстій въ дошедшихъ до насъ памятникахъ; ибо древніе памятники, большею частію немногорѣчивые, рѣдко сообщаютъ какія либо подробности о построеніи городовъ, особенно первоначально незначительныхъ; тѣмъ не менѣе съ большимъ вѣроятіемъ и даже съ убѣжденіемъ можно сказать, что Псковъ былъ однимъ изъ древнѣйшихъ пригородовъ Великаго Нов-

города. Нашъ отецъ Русскихъ лѣтописей, преподобный Несторъ, упоминаетъ о Псковѣ уже подъ 903 годомъ христіанскаго лѣтосчисленія; онъ пишетъ: „Игореви взрастьшу, и хожаше по Ользѣ и слушаше его; и приведоша ему жену отъ Плескова * именемъ Ольгу.“ Судя по этому древнему извѣстію, Псковъ уже существовалъ при Олегѣ и даже при Рюрикѣ, первомъ князѣ Русскомъ, а построенъ, конечно, гораздо раньше. Но многорѣчивый и на три почти вѣка младшій передъ Несторомъ составитель Степенной книги, записалъ какое-то темное преданіе, которому и самъ не вѣрилъ, о нечаянной встрѣчѣ Игоря съ Ольгою во время охоты на берегахъ пустынной поросшей лѣсомъ рѣки Псковы: въ этомъ преданіи сказано, что Псковъ тогда еще не былъ построенъ, и что Ольга была поселянка изъ села Выбутскаго, и въ послѣдствіи сдѣлавшись женою Игоря, и по смерти его принявши крещеніе, отправилась на свою родину, и тамъ, по одному видѣнію, замѣченному на пустынныхъ берегахъ Псковы, предрекла, что тутъ въ послѣдствіи будетъ построенъ богатый городъ, а въ другую поѣздку, въ ту же сторону, построила деревянную церковь св. Троицы, на томъ самомъ мѣстѣ гдѣ видѣла чудное видѣніе, и что эта церковь въ послѣдствіи была знаменитымъ Псковскимъ соборомъ св. Троицы. И это темное преданіе, исполненное чудесъ и неожиданностей, обычное у всѣхъ младен-

* Что здѣсь подъ именемъ Плескова должно разумѣть Псковъ, этому лучшимъ свидѣтельствомъ служитъ Псковская лѣтопись, которая до 1284 года нерѣдко называетъ Псковъ Плесковымъ, и Псковичей Плесковичами.

ствующихъ народовъ, когда они хотятъ увѣковѣчить память своихъ великихъ людей, но отнюдь не историческое достовѣрное сказаніе, преданіе, которому боялся вѣрить даже поздній составитель Степенной книги, въ наше время принято многими учеными историками, какъ историческая истина, и они при помощи его думаютъ замять и затемнить прямое и ясное свидѣтельство древняго и достовѣрнаго лѣтописца Нестора, о существованіи Пскова уже въ 903 году, и голословно утверждаютъ, что Псковъ построенъ уже въ позднѣйшее время, даже послѣ Ольги. Но во 1-хъ, ежели бы Псковъ былъ построенъ послѣ Ольги, слѣдовательно передъ смертію Святослава, или при Владимирѣ, т. е. въ концѣ X столѣтія; то конечно бы Несторъ, писавшій въ концѣ XI столѣтія, непремѣнно зналъ бы когда и кѣмъ построенъ этотъ городъ, и не преминулъ бы сказать объ этомъ въ лѣтописи; ибо при Несторѣ Псковъ уже былъ значительнымъ городомъ, значительнѣе многихъ позднѣйшихъ городовъ, о построеніи которыхъ упоминаетъ Несторъ: упомянулъ же онъ о построеніи Юрьева Ярославомъ, а Юрьевъ передъ Псковомъ тогда былъ городомъ очень незначительнымъ. А во вторыхъ, Новгородъ Великій, устроившій свои колоніи по Наровѣ и около Чудскаго и Псковскаго озеръ и на югозападъ отъ нихъ, не могъ же оставить свои колоніи безъ укрѣпленнаго города, среди немирныхъ Чуди, Ливи и Летголы, а указанныя колоніи были заведены Новгородцами еще до прибытія Варяго-Русскихъ князей; слѣдовательно самыя обстоятельства требовали, чтобы на югъ отъ Псковскаго озера, по рѣкѣ Великой, былъ построенъ Новгородскій пригородъ. Но скажутъ, у

Новгорода въ томъ краю былъ уже пригородъ Изборскъ, который, по свидѣтельству Нестора, Новгородцы уступили одному изъ приглашенныхъ Русскихъ князей Трувору; слѣдовательно новаго пригорода Пскова не было нужды строить: да вѣдь Псковъ былъ же построенъ, этого отвергать нельзя, слѣдовательно и была нужда построить; и дѣйствительно нужда была настоятельная, сосѣди тамошнихъ Новгородскихъ колоній были очень воинственны и находились въ постоянной борьбѣ съ Новгородскими колонистами; здѣсь даже понадобилось строить новый городъ Юрьевъ при Ярославѣ, да и позднѣе здѣсь была постоянная нужда въ постройкѣ новыхъ городовъ, и ихъ много было выстроено и по смерти Ярослава. При томъ, ежели принять, что Изборскъ былъ построенъ Новгородцами; то его нельзя было строить, непостроивши прежде Пскова; ибо Новгородскія колоніи прежде должны были укрѣпиться на рѣкѣ Великой, этомъ спорномъ пунктѣ Новгородскихъ колоній въ тамошнемъ краю, а потомъ уже идти къ Славянскимъ ключамъ, или къ Жеравей горѣ, и строить тамъ Изборскъ. Изборскъ, по своему географическому положенію, могъ быть, и дѣйствительно былъ, только передовою крѣпостью Пскова. Какъ бы то ни было, темное и позднее преданіе, несогласное ни съ древнѣйшими свидѣтельствами, ни съ обстоятельствами дѣла, не можетъ отвергнуть доисторическаго построенія Пскова, какъ одной изъ древнѣйшихъ Новгородскихъ колоній на западной окраинѣ Новгородской земли.

Псковъ, одинъ изъ древнѣйшихъ Новгородскихъ пригородовъ, построенный еще въ доисторическія времена тамошняго края, и на самомъ боевомъ

мѣстѣ, на границѣ Новгродскихъ колоній съ землями Чуди, Ливи, Летголы и Литвы, упорно противившихся Новгородской колонизаціи, привычныхъ къ войнѣ и дѣлавшихъ частые набѣги на тамошнія Новгородскія колоніи, естественно долженъ былъ находиться въ самыхъ тѣсныхъ связяхъ съ своею метрополіею Новгородомъ, чтобы постоянно имѣть поддержку въ борьбѣ съ немирными сосѣдями; и таковыя тѣсныя связи даже въ историческое время продолжались, начиная съ 903 года, въ который въ первые о Псковѣ упоминаетъ лѣтопись, въ теченіе болѣе трехъ сотъ лѣтъ. Во все это долгое время Псковъ жилъ одною жизнію съ Новгородомъ, такъ что сама Псковская лѣтопись за все это долгое время почти не отдѣляетъ исторіи Пскова отъ исторіи Новгорода. По прямымъ свидѣтельствамъ лѣтописи и другихъ памятниковъ одни боярскія фамиліи заправляли дѣлами и во Псковѣ и въ Новгородѣ; такъ что Новгородскіе посадники переводились во Псковъ, и на оборотъ Псковскіе посадники въ Новгородъ. И вообще перемѣны властей въ Новгородѣ отражались перемѣнами властей во Псковѣ; событія Новгородскія были въ то же время и событіями Псковскими; войны Новгородскія были вмѣстѣ и войнами Пскова; князья Новгородскіе—князьями Псковскими; партіи Новгородскія были партіями и Псковскими; смятенія и нестроенія въ Новгородѣ отражались смятеніями и нестроеніями во Псковѣ; иныя знаменитыя боярскія фамиліи во Псковѣ въ иное время переходили въ Новгородъ, и наоборотъ иныя Новгородскія фамиліи во Псковъ, такъ что почти можно сказать, что боярскія фамиліи и въ Новгородѣ и Псковѣ были болѣе или менѣе

однп и тѣ же; перемѣны въ общественномъ строѣ въ Новгородѣ производили тѣ же перемѣны и во Псковѣ, такъ что Псковъ былъ существенною частію Новгорода, только перенесенною съ береговъ Волхова на берега Великой и Псковы. Главная и существенная разница между Новгородомъ и Псковомъ состояла въ томъ, что Псковъ былъ колонія Новгорода, а Новгородъ метрополія Пскова, и что Псковъ стоялъ на окраинѣ Новгородской земли, прямо лицомъ къ немирнымъ и воинственнымъ иноплеменникамъ, а Новгородъ лежалъ внутри Новгородскихъ владѣній среди племенъ мирныхъ и покорныхъ. И эта-то послѣдняя разница мало-по-малу незамѣтно сообщила Пскову свой особый характеръ, по которому онъ въ послѣдствіи необходимо долженъ былъ отдѣлиться отъ Новгорода и устроить свою жизнь своеобразно, не по-новгородски.

Одинъ Псковскій лѣтописецъ такъ начинаетъ исторію своего города: „О Псковѣ же градѣ отъ лѣтописанья не обрѣтается воспомянути, отъ кого созданъ бысть и которыми людьми, токмо увѣдѣхомъ, яко былъ уже въ то время, какъ наѣхали князи Рюрикъ съ братіею отъ Варягъ въ Славяни княжити; понеже повѣдаетъ, яко Игорь Рюриковичъ поятъ себѣ жену Ольгу отъ Плескова.“ Это свидѣтельство, съ одной стороны говоритъ о доисторической древности Пскова, а съ другой стороны, согласно со всею исторіею Пскова, указываетъ на тѣсную связь его съ Новгородомъ и на единство его боярскихъ фамилій съ Новгородскими боярскими фамиліями. Князь Игорь точно также взялъ себѣ жену изъ Пскова, какъ послѣдующіе Русскіе князья его потомки иногда брали себѣ женъ изъ Новго-

родскихъ боярскихъ фамилій. Русскимъ князьямъ, утвердившимся въ Приднѣпровьѣ по переходѣ изъ Новгорода, чтобы не разрывать своихъ связей съ Новгородомъ и для поддержанія своей власти между Новгородцами, естественно нужно было вступать въ родственные союзы съ знаменитѣйшими боярскими фамиліями. И первый опытъ таковаго родственнаго союза показалъ Игорь, еще при первомъ русскомъ князѣ въ Приднѣпровьѣ, женившись на Псковитянкѣ Ольгѣ, по всему вѣроятію происходившей изъ богатой Новгородской боярской фамиліи, проживавшей во Псковѣ и имѣвшей тамъ свои вотчины. *) Это предположеніе вполнѣ подтверждается свидѣтельствомъ Нестора, помѣщеннымъ подъ 947 годомъ, гдѣ сказано: „иди Вольга Новгороду и устави по Мстѣ погосты и дани, и по Лузѣ оброки и дани; ловища ея суть по всей земли знамѣнія и мѣста и погосты, и сани ея стоятъ во Псковѣ до сего дня.“ По этому свидѣтельству Ольга распространила непосредственную княжескую власть на Новгородскія земли по Мстѣ и по Лугѣ, и назначила разныя мѣста для княжескихъ ловищь, которыя частію оставались за князьями даже въ XIV столѣтіи, очевидно потому что она удобнѣе могла дѣйствовать на вѣче при помощи вліянія Новгородскихъ бояръ,

*) Темное преданіе, записанное составителемъ Степенной книги, что будто бы Ольга была бѣдная поселянка изъ села Выбутова, занимавшаяся перевозомъ черезъ рѣку и плѣнившая князя Игоря своею скромною и умною рѣчью, какъ я уже замѣтилъ выше, не можетъ быть признано за историческую истину; но въ немъ есть и доля исторической истины,—имя Ольги, связанное съ селомъ Выбутовскимъ, очевидно указываетъ, что Ольга родилась въ этомъ селѣ, что село Выбутовское было вотчиною ея родителей.

своихъ родственниковъ. А когда Ольга, по происхожденію Псковитянка, по свидѣтельству лѣтописи, удачно дѣйствовала на Новгородское вѣче, при помощи своихъ родственниковъ бояръ, значитъ во Псковѣ и въ Новгородѣ были одни и тѣ же боярскія фамиліи; и слѣдовательно Псковъ въ то время составлялъ одно цѣлое съ Новгородомъ, былъ съ нимъ въ самыхъ тѣсныхъ связяхъ и жилъ одною жизнію.

Тѣсную связь Пскова съ Новгородомъ и значеніе Пскова, какъ передоваго бойца за Новгородскую землю на западныхъ ея окраинахъ, сознавали вполнѣ Русскіе князья, потомки Ольги. Правнукъ Ольгинъ и князь Ярославъ Владиміровичъ, чтобы укрѣпить западныя границы Новгородскихъ владѣній у Чудскаго и Псковскаго озеръ, въ 1030 году ходилъ съ Новгородцами и Псковичами на Чудь, и поставилъ тамъ на рѣкѣ Амовжѣ городъ Юрьевъ, какъ передовой постъ Новгорода и Пскова въ этомъ краю, и какъ опорный пунктъ для Новгородскихъ и Псковскихъ колоній въ Чудской землѣ. Потомъ, въ 1036 году, Ярославъ отправилъ во Псковъ своего брата Судислава и приказалъ засадить его тамъ въ порубъ; а конечно, опасаясь своего брата Судислава, онъ не сдѣлалъ бы этого, ежели бы не былъ увѣренъ, что вполнѣ надежные ему Новгородцы, находятся въ самыхъ тѣсныхъ связяхъ съ Псковичами. Преемники Ярослава дѣйствовали въ томъ же духѣ въ отношеніи къ Новгороду и Пскову. Такъ князь Кіевскій и Новгородскій Изяславъ Ярославичъ, въ первые же годы своего княжествованія, имѣя въ виду укрѣпленіе Новгородскихъ и Псковскихъ границъ у Чудскаго

озера, самъ водилъ Новгородцевъ и Псковичей на Чудь, и взялъ тамъ Чудскій городъ Осекъ-Кидипивъ; потомъ, въ 1060 году, снова водилъ Новгородцевъ и Псковичей на Чудь, и принудилъ одно Чудское племя Сосолъ признать власть Новгорода и платить дань по двѣ тысячи гривенъ на годъ. Но этотъ успѣшный походъ не смирилъ еще воинственной Чуди; тѣ же Сосолы выгнали отъ себя пришедшихъ къ нимъ Новгородскихъ даньщиковъ, и весною того же года съ большими силами напали на Юрьевъ, и хотя укрѣпленнаго города не могли взять, тѣмъ не менѣе пограбили и пожгли всѣ окрестности, гдѣ были Новгородскія и Псковскія колоніи, даже доходили до Пскова; и Новгородцы съ Псковичами должны были снова предпринять походъ въ Чудскую землю, и хотя побили Сосолъ, но и сами потеряли до тысячи человѣкъ своихъ ратниковъ. Это дѣло съ Сосолами лучше всего показываетъ, въ какихъ отношеніяхъ находились Новгородскія и Псковскія колоніи въ Чудской землѣ, и какъ неспокоенъ былъ этотъ край. Новгородцамъ и Псковичамъ нельзя было остановиться въ распространеніи своихъ колоній, ибо это значило бы отдать уже устроенныя колоніи на разореніе воинственной Чуди, шагъ за шагомъ отступать назадъ и даже отказаться отъ рѣки Великой и снести самый Псковъ; а чтобы идти впередъ и постепенно вводить свои колоніи въ глубь Чудской земли, нужно было вести постоянную мелкую войну, отражать набѣги Чуди и разорять Чудскія селенія. Новгородъ, и въ особенности Псковъ, какъ передовый постъ, находились въ такомъ же отношеніи къ Чудской землѣ, какъ и теперь иные Американскіе штаты къ сосѣд-

нимъ Индійскимъ племенамъ; или какъ еще недавно Россія была въ отношеніи къ Кавказскимъ горцамъ.

Послѣ похода Новгородцевъ и Псковичей на Чудское племя Сосолъ, въ продолженіе пятидесяти лѣтъ, лѣтописи не упоминаютъ о походахъ въ Чудскую землю; но это еще не значитъ, чтобы Новгородцы и Псковичи жили спокойно на границахъ Чуди, Ливи и Летголы, чтобы не было мелкихъ набѣговъ то съ той, то съ другой стороны; а напротивъ это молчаніе лѣтописей свидѣтельствуетъ, что взаимные мелкіе набѣги были такъ часты и обычны, что лѣтописцы не считали нужнымъ упоминать о нихъ. Новгородцы и Псковичи по необходимости продолжали распространять свою колонизацію въ этомъ краю и по возможности собирать дань съ тамошнихъ мелкихъ племенъ, чтобы показать имъ свое превосходство и тѣмъ нѣсколько смирить ихъ; а Чудь, Ливь и Летгола съ своей стороны не переставали противиться распространенію Новгородской и Псковской колонизаціи въ своей землѣ, и при всякомъ удобномъ случаѣ нападать на Новгородскія и Псковскія колоніи и прогонять присылаемыхъ къ нимъ Новгородскихъ даньщиковъ. И конечно Юрьеву и Пскову, какъ передовымъ постамъ, здѣсь доставалось болѣе всѣхъ; они должны были быть непрестанно на сторожѣ, и въ томъ же положеніи конечно былъ и Изборскъ, долженствовавшій отбиваться отъ Летголы.

Наконецъ, чтобы прекратить мелкіе набѣги и пооблегчить Новгородскую колонизацію въ здѣшнемъ краю, Новгородцы и Псковичи, въ началѣ XII столѣтія, подъ предводительствомъ знаменитаго и любимаго Новгородцами князя, Мстислава Владиміровича, открыли

рядъ походовъ въ Чудскую землю. Въ 1111 году они съ Мстиславомъ напали на Чудь Очелу, жившую въ предѣлахъ нынѣшней Эстляндіи, на сѣверо-западъ отъ Чудскаго озера, и успѣли отодвинуть это племя ближе къ берегамъ Балтійскаго моря. Этотъ походъ, по всему вѣроятію, далъ Псковичамъ возможность укрѣпиться на Наровѣ и завести тамъ нѣсколько поселеній; ибо въ послѣдствіи мы здѣсь находимъ у Псковичей много рыболовныхъ слободъ или исадовъ. Въ 1113 году Новгородцы съ Мстиславомъ снова ходили въ землю Чуди и разбили Чудь на Бору; а въ 1116 году Мстиславъ повелъ Новгородцевъ на юго-западъ отъ Юрьева, къ границамъ племени Ливи, именно въ тотъ край, который назывался Унганіей, и взялъ съ бою тамошній большой городъ Медвѣжью голову, или на языкѣ туземцевъ Одемпе. Конечно всѣ сіи походы были вызваны ни чѣмъ инымъ, какъ постоянными набѣгами Чуди и Ливи на Новгородскія и Псковскія колоніи въ тамошнемъ краю. Ежели бы со стороны Чуди и Ливи не было постояннаго сопротивленія мирному распространенію Новгородской и Псковской колонизаціи, то не за чѣмъ было бы предпринимать и походовъ въ тамошнія земли; ибо, какъ показываютъ и самые походы, Новгородцы и Псковичи не дѣлали тамъ завоеваній, а только старались смирить дикихъ сосѣдей или оттѣснить ихъ дальше отъ своихъ поселеній; даже лѣтопись не упоминаетъ, чтобы въ эти походы наложена была какая либо новая дань.

Но походы Мстислава, не смотря на свой успѣхъ, не только не успокоили Псковскихъ границъ, но кажется еще болѣе раздражили противниковъ. Мстиславъ оставилъ Новгородъ въ 1117 году,

и Чудь и Ливь вскорѣ снова поднялись и даже успѣли завладѣть Русскимъ городомъ въ тамошнемъ краю, знаменитымъ Юрьевомъ Ливонскимъ, служившимъ передовымъ постомъ и опорою тамошней Русской колонизаціи. Чтобы поправить дѣла, Новгородцы и Псковичи, черезъ 14 лѣтъ послѣ послѣдняго Мстиславова похода, нашлись вынужденными предпринять новое нападеніе на упорныхъ противниковъ, и подъ предводительствомъ своего новаго князя Всеволода Мстиславича, въ 1130 году, открыли походъ на Чудь зимою, страшно опустошили тамошнюю страну, селенія пожгли, взрослыхъ людей перебили, а женъ и дѣтей забрали въ плѣнъ; но кажется тѣмъ только и ограничился успѣхъ этого похода, даже не было взято ни одного города. И на другой годъ нужно было предпринять новый походъ, тоже зимою, который былъ рѣшительно неудаченъ для Новгородцевъ и Псковичей; Чудь успѣла собраться съ силами, и, пользуясь своимъ знаніемъ мѣстности, нанесла сильное пораженіе Новгородцамъ и Псковичамъ, такъ что они должны были удалиться, потерявъ множество добрыхъ ратниковъ. Это пораженіе естественно должно было невыгодно отразиться на Новгородскія и Псковскія дѣла въ тамошнемъ краю; а посему, чтобы какъ нибудь поправиться, Новгородцы и Псковичи въ 1133 году открыли новый походъ и опять зимою. Этотъ послѣдній походъ увѣнчался значительнымъ успѣхомъ: Новгородцы и Псковичи, предводимые тѣмъ же Всеволодомъ Мстиславичемъ, не только побили Чудь и Ливь,—но что всего важнѣе,—успѣли возвратить важный для Новгородской и Псковской колонизаціи въ томъ краю городъ Юрьевъ. Возвращеніе Юрьева

значительно поправило дѣла колонизаціи; оно возвратило опору и защиту тамошнимъ Новгородскимъ и Псковскимъ колонистамъ.

Ежели бы Новгородцы и Псковичи продолжали дѣйствовать съ большею настойчивостію, или по крайней мѣрѣ такъ, какъ дѣйствовали при Мстиславѣ и Всеволодѣ, то по всему вѣроятію Ливи, Чуди и Летголѣ пришлось бы оставить безполезное сопротивленіе и дать свободный ходъ развитію Новгородской колонизаціи въ ихъ краю. Но съ 1137 года у Новгородцевъ началась рознь, которая вскорѣ перешла и во Псковъ. Новгородцы раздѣлились на двѣ партіи,—одна противъ князя Всеволода, а другая за Всеволода, и первая одержала верхъ и успѣла выгнать Всеволода, а вторая потерпѣла пораженіе и удалилась во Псковъ, куда скоро пригласила и Всеволода. Псковичи, руководимые укрывшимися у нихъ Новгородскими боярами, и довольные недавними походами Всеволода въ Чудскую землю, которые особенно были выгодны для Пскова, охотно приняли сторону этого князя и рѣшились защищать его во чтобы то ни стало; засѣкли всѣ пути и приняли такое твердое положеніе, что торжествующая Новгородская партія, уже выступившая въ походъ съ тѣмъ чтобы выгнать Всеволода изъ Пскова, должна была воротиться назадъ съ Дубровны. Чѣмъ бы кончилось это междоусобіе, неизвѣстно; ибо Всеволодъ той же зимою скончался во Псковѣ. Тѣмъ не менѣе Псковичи, поддерживаемые и руководимые удалившеюся къ нимъ партіей Новгородскихъ бояръ, не хотѣли уступить партіи распоряжавшейся въ Новгородѣ, и объявили своимъ княземъ бывшаго у нихъ на то время Всеволодова

брата Святополка Мстиславича, и стали въ такое грозное положеніе, что одинъ разъ Новгородцы ожидали ихъ нападенія на самый Новгородъ. Между тѣмъ, въ поддержаніе Святополка и Псковичей, всѣ князья родственники Всеволода вооружились на Новгородцевъ, загородили всѣ пути, по которымъ проходили обозы съ хлѣбомъ, и стали морить Новгородъ голодомъ; такъ что Новгородцы принуждены были отказаться отъ выбраннаго ими князя Святослава Ольговича, и принять себѣ князя отъ Юрія Суздальскаго, его сына Ростислава; и въ слѣдъ за тѣмъ Псковичи примирились съ Новгородомъ, оставивъ впрочемъ у себя отдѣльнаго князя Святополка Мстиславича. Въ слѣдъ за примиреніемъ воротились въ Новгородъ и милостинцы Всеволода, досѣлѣ укрывавшіеся во Псковѣ; они, дѣйствуя за одно съ Псковичами, скоро побѣдили противную партію, отказали Ростиславу и привели Святополка въ Новгородъ въ 1142 году, и такимъ образомъ Псковичи съ Новгородцами опять соединились подъ однимъ княземъ. Это скорое примиреніе и соединеніе ясно показываетъ, что Псковичи во время сихъ споровъ дѣйствовали не самостоятельно, а подъ вліяніемъ Новгородской же партіи бояръ милостинцевъ Всеволода. И какъ скоро эта партія ввела своего князя въ Новгородъ; то и Псковъ замолчалъ и даже не заикнулся объ отдѣленіи отъ Новгорода. Отсюда ясно, что собственно Псковскихъ интересовъ, отдѣльныхъ отъ Новгородскихъ, тогда еще не было, или по крайней мѣрѣ они скрывались на заднемъ планѣ; и Псковичи были еще такъ тѣсно связаны съ Новгородомъ, какъ своею метрополіею, и на столько не сложились въ отдѣльное независимое

цѣлое, что не могли или не рѣшались дѣйствовать иначе, какъ подъ руководствомъ и при поддержкѣ хотя какой либо партіи изъ Новгорода.

Ближайшимъ слѣдствіемъ таковаго порядка дѣлъ было то, что Псковичи рѣшительно запутались въ раздоры Новгородскихъ партій и въ споры ихъ съ князьями, и сдѣлались орудіемъ Новгородской партіи противниковъ Суздальскимъ князьямъ, такъ что эта партія, можно сказать, свила себѣ гнѣздо во Псковѣ и заправляла всѣми Псковскими дѣлами, разумѣется преслѣдуя свои, а не Псковскіе интересы. Когда торжествовала Псковитянская партія въ Новгородѣ, то съ тѣмъ вмѣстѣ и дѣла Пскова поправлялись; и на оборотъ, когда торжествовали противники ея Суздальщинцы, то и дѣла Пскова запутывались. И такъ продолжалось слишкомъ сорокъ лѣтъ послѣ послѣдняго Всеволодова похода на Чудь, въ которомъ Новгородцамъ и Псковичамъ удалось возвратить Юрьевъ Ливонскій. Во все это время упоминается только объ одномъ походѣ Новгородцевъ и Псковичей въ Чудскую землю въ 1171 году, да и то не въ Новгородскихъ или Псковскихъ лѣтописяхъ, а у позднято Московскаго лѣтописца. Между тѣмъ, конечно, по прежнему продолжались взаимные набѣги Чуди на колонистовъ, и колонистовъ на Чудь, въ которыхъ можетъ быть принимали участіе и Псковичи. Но что всего важнѣе, Чудь, Ливь и другія племена тамошняго края среди малыхъ набѣговъ такъ усилились, что снова успѣли отнять у Новгородцевъ и Псковичей Юрьевъ и другіе тамошніе Русскіе города, и на столько стѣснили Новгородскую и Псковскую колонизацію въ своей землѣ, что зимою 1176 года общи-

ми силами, сдѣлали нападеніе на самый Псковъ. Конечно Псковъ, достаточно укрѣпленный и обороняемый воинственными гражданами, выдержалъ это нападеніе, и Чудь и Ливь были отбиты съ значительнымъ урономъ; тѣмъ не менѣе другія Псковскія поселенія, не столько укрѣпленныя, должны были пострадать, и границы Новгородскихъ и Псковскихъ владѣній въ этомъ краю были нѣсколько отодвинуты назадъ; такъ что Псковитянская партія, торжествовавшая въ это время въ Новгородѣ и успѣвшая посадить на Новгородскомъ престолѣ знаменитаго воителя Мстислава Ростиславича, изъ Смоленскихъ князей, чтобы вовсе не потерять Новгородскаго вліянія въ Чудской землѣ, рѣшилась предпринять большой походъ въ этотъ безпокойный край. И зимою 1179 года, подъ знаменами Мстислава, собралось до 20000 ратниковъ, которыхъ онъ повелъ на Чудь Очелу и страшно пожегъ и опустошилъ земли этой Чуди почти до береговъ моря; но тѣмъ дѣло и кончилось, на другой годъ Мстиславъ скончался. Въ Новгородѣ снова началась борьба партій, въ которой, разумѣется, приняли участіе и Псковичи, какъ орудіе одной изъ Новгородскихъ партій, и дѣла Пскова отдвинулись на задній планъ. Новгородцы, по смерти Мстислава, выбравшіе себѣ въ князья Владиміра, сына Святослава Черниговскаго, вступили въ продолжительную борьбу съ Всеволодомъ, княземъ Суздальскимъ, и интересы Пскова были принесены въ жертву сей упорной борьбѣ.

Пользуясь такими благопріятными обстоятельствами, Литовцы, очевидно, по указанію Полотскихъ князей, враждовавшихъ съ Новгородомъ, въ 1183 году напали на Псковскія владѣнія и нанесли сильное

пораженіе Псковичамъ; такъ что Новгородцы, чтобы защитить Псковъ отъ Литовскихъ или скорѣе Полотскихъ нападеній, въ слѣдующемъ году обратились къ Смоленскому князю Давыду Ростиславичу, и приняли отъ него себѣ въ князья его сына Мстислава, и Давыдъ въ 1185 году повелъ Новгородцевъ и Смольнянъ на Полотскъ, принудилъ Полотскихъ князей примириться съ Новгородцами, и такимъ образомъ остановилъ набѣги Литвы на Псковскія владѣнія. Но нѣсколько успокоенные со стороны Литвы, Псковичи не были обезпечены со стороны Чуди. Поморская Чудь, вѣроятно уже вытѣснившая Псковскія колоніи изъ своего края, въ 1190 году двинулась на самыя Псковскія владѣнія, и на семи шнекахъ уже проникла въ Псковское озеро, очевидно желая войдти въ рѣку Великую и рѣкою идти къ Пскову. Впрочемъ Псковичамъ удалось укрѣпиться на порогѣ, при выходѣ изъ озера въ рѣку Великую, разбить на голову дерзкихъ непріятелей и захватить всѣ ихъ шнеки, которыя и были приведены съ торжествомъ во Псковъ. Наконецъ Новгородскій князь Ярославъ Владиміровичъ, еще въ 1187 году пришедшій изъ Суздальской земли на мѣсто изгнаннаго Новгородцами Мстислава Давыдовича, по настоянію Псковитянской партіи въ Новгородѣ, зимою 1191 года, собравъ подъ свои знамена Новгородскіе и Псковскіе полки, вступилъ въ землю Чуди и Ливи, опустошилъ тамошній край, пожегъ селенія, вывелъ множество плѣнниковъ и возвратилъ, долго бывшій въ чужомъ владѣніи, Юрьевъ Ливонскій. Потомъ въ 1192 году, на Петровъ день, Ярославъ снова пришелъ во Псковъ, и послалъ свою дружину съ Псковскими полками опять въ земли Чуди.

На этотъ разъ Псковичи съ дружиною Ярослава прошли за Юрьевъ, взяли городъ Медвѣжью голову, сожгли его и опустошили пройденный край. Между тѣмъ Литовцы, руководимые Полочанами, время отъ времени не переставали дѣлать нападенія на южныя Новгородскія и Псковскія границы. Нападенія сіи наконецъ обратили на себя вниманіе, и зимою 1188 года Новгородцы и Псковичи со всею своею областію, подъ предводительствомъ князя Ярослава, поднялись на Полочанъ: но тѣ, не допустивъ Новгородской рати до Полоцка, вышли на встрѣчу съ поклономъ къ озеру Касплѣ и заключили миръ съ Новгородомъ. Въ 1200 году Новгородцы, подъ предводительствомъ Нѣздилы Пхинича, небольшимъ отрядомъ изъ Лукъ ходили на юго-западныхъ сосѣдей Пскова Летголу и воротились домой съ множествомъ плѣнниковъ, женщинъ и дѣтей. Все это время Псковъ былъ въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Новгородомъ и даже иногда получалъ по указанію одной Новгородской партіи особыхъ князей. Таковы были въ 1178 году князь Борисъ Игоревичъ, племянникъ Новгородскаго князя Мстислава Ростиславича, противъ котораго во Псковѣ даже была партія, усмиренная Мстиславомъ, который для этого самъ приходилъ во Псковъ; потомъ князь Владиміръ Мстиславичъ братъ Мстислава удалаго, посаженный во Псковѣ Новгородскими боярами, противниками Суздальскихъ князей, въ то время какъ ихъ партія, по удаленіи изъ Новгорода князя Ярослава Владиміровича, должна была удалиться во Псковъ.

Но всѣ исчисленные выше походы на Чудскую землю, предпринимавшіеся Новгородцами и Псковичами

чами, по своей отрывочности не много приносили пользы Пскову, и только слабо поддерживали Новгородскую и Псковскую колонизацію тамошняго края; объ окончательномъ же подчиненіи Чудской земли кажется не было и мысли. Новгородцы, слишкомъ занятые своими партіями и борьбою съ Суздальскими князьями, разраставшеюся годъ отъ года, такъ сказать, урывками обращали вниманіе на дѣла Пскова и на состояніе колонизаціи въ Чудской землѣ. А Чудскія племена, поражаемыя временно, но не покоряемыя Новгородскими походами, оправившись сколько нибудь послѣ каждаго пораженія, опять укрѣплялись и снова нападали на Псковскія и Новгородскія колоніи въ своей землѣ, снова отстраивали свои города и селенія, разоренныя и сожженныя Новгородцами и Псковичами, и даже нападали на Псковскія волости и села, а иногда и на самый Псковъ. Псковичи, въ большей части случаевъ, отражали такія нападенія; но только отражали, а сами, затянутые въ борьбу Новгородскихъ партій, не могли или не рѣшались предпринять значительныхъ походовъ, и ждали помощи отъ Новгорода, когда ему бывало досужно обратить вниманіе на этотъ край, а это, какъ мы уже видѣли, бывало не часто. Такимъ образомъ на границахъ Пскова съ Чудскою, Латышскою и Литовскою землями все было случайно, неопредѣленно и неясно,—нынѣ хорошо, завтра худо, а больше худо. Такъ послѣ Ярославова похода, въ 1196 году, Новгородцы съ Псковичами только черезъ шестнадцать лѣтъ успѣли предпринять новый походъ, подъ предводительствомъ Новгородскаго князя Мстислава Мстиславича Удалаго. Походъ этотъ, бывшій

въ 1212 году, имѣлъ значительный успѣхъ. Мстиславъ сперва повелъ собранные полки на Чудь-Торму, жившую на сѣверъ отъ Юрьева, опустошилъ эту страну и вывелъ оттуда множество плѣнниковъ; потомъ, въ томъ же году, зимою ходилъ на юго-западъ отъ Юрьева къ Медвѣжей Головѣ, взялъ съ этого города значительную дань, говорятъ въ 700 гривенъ, и опустошилъ селенія тамошняго края. По возвращеніи изъ сего похода Псковичи поссорились съ своимъ княземъ Владиміромъ Мстиславичемъ, братомъ Новгородскаго князя, и на слѣдующій годъ изгнали его отъ себя и, не ожидая нападеній со стороны пораженной Чуди, спокойно занялись рыболовствомъ на Чудскомъ озерѣ. А между тѣмъ Литовцы напали на самый Псковъ, и, пользуясь отсутствіемъ большей части гражданъ, отправившихся на озеро ловить рыбу, пожгли Псковскіе посады и, награбившись до сыта, удалились. Разумѣется этотъ набѣгъ Литвы не имѣлъ другихъ послѣдствій кромѣ грабежа, и важенъ только какъ свидѣтельство того, на какомъ боевомъ мѣстѣ стоялъ Псковъ, и чего постоянно должны были ждать Псковичи отъ своихъ западныхъ и юго-западныхъ сосѣдей. Въ слѣдующемъ 1214 году Псковичи, подъ предводительствомъ своего новаго князя Всеволода Борисовича, соединясь съ Новгородцами, предводительствуемыми Мстиславомъ удалымъ, и съ Торопецкимъ княземъ Давыдомъ, предприняли новый походъ въ Чудскую землю. Этотъ походъ, по распоряженію главнаго предводителя Мстислава Мстиславича Удалаго, былъ направленъ прямо на западъ отъ Юрьева на Чудь-Ереву, жившую по нынѣшней рѣки Перновѣ, ближе къ морю.

Новгородцы и Псковичи въ этотъ походъ проникли въ Чудскую землю глубже всѣхъ прежнихъ походовъ, и до того устрашили жителей тамошняго края, что они вышли изъ своего города Воробьина на встрѣчу къ Мстиславу съ поклономъ и принуждены были заплатить тяжелую дань.

Между тѣмъ какъ Новгородцы и Псковичи медленно колонозировали Чудскую землю и дѣлали отрывочные походы въ этотъ край, на западъ отъ Чуди въ земляхъ Ливи, при устьѣ западной Двины поселились Нѣмцы и мало-по-малу утвердились въ тамошнемъ краѣ. Первое появленіе Нѣмцевъ въ Ливоніи относятъ къ 1158 году; въ этомъ году, по свидѣтельству Нѣмецкихъ лѣтописей, Бременскіе купцы были занесены бурею въ устьѣ западной Двины, и вступивши въ торговыя сношенія съ тамошними племенами Ливи, и съ дозволенія одного Полотскаго князя (которому тамошнія племена платили дань), построили на берегу Двины купеческую факторію и стали пріѣзжать туда каждый годъ. По обычаю тогдашнихъ торговцевъ, Бременцы въ своей факторіи, чрезъ нѣсколько времени, построили себѣ церковь и, для отправленія церковныхъ требъ, привезли съ собою одного священника, Августинскаго монаха Мейнгарда. Этотъ монахъ, познакомившись съ жившими около Нѣмецкой факторіи Ливами, задумалъ обратить ихъ въ христіанскую вѣру, и выпросилъ дозволеніе у Полотскаго князя проповѣдывать Евангеліе Ливонскимъ язычникамъ. Проповѣдь его имѣла нѣкоторый успѣхъ, и архіепископъ Бременскій назначилъ, около 1186 года, Мейнгарда епископомъ Ливоніи; это назначеніе побудило его къ усерднѣйшему проповѣда-

нію; но Ливонцы не охотно принимали крещеніе, и многіе крестившись опять обращались къ своему старому язычеству, и такъ прошло десять лѣтъ. Въ 1196 году Мейнгардъ скончался въ Ливоніи, и на его мѣсто былъ назначенъ въ епископы, Цистерціанскій аббатъ Бертольдъ. Этотъ новый епископъ, видя малоуспѣшность проповѣди своего предшественника, и прослышавши что язычники хотятъ его сжечь, немедленно по пріѣздѣ своемъ въ Ливонію опять уѣхалъ въ Германію, и задумалъ нести проповѣдь Евангелія къ Ливонцамъ съ крестомъ въ одной рукѣ и съ мечемъ въ другой, и упросилъ папу объявить крестовый походъ на Ливонскихъ язычниковъ; папа согласился на это прошеніе, и Бердольдъ, собравши рать крестоносцевъ, прибылъ вторично въ Ливонію и былъ убитъ въ первомъ же сраженіи съ Ливонскими язычниками. Въ преемники Бертольду былъ назначенъ въ 1198 году Бременскій каноникъ Албертъ. Онъ цѣлый годъ собиралъ войско, и въ 1199 году прибылъ къ устью западной Двины на 23 корабляхъ. Албертъ былъ епископомъ Ливоніи двадцать восемь лѣтъ; на третьемъ году своего епископства онъ построилъ городъ Ригу, сдѣлавшійся средоточіемъ Нѣмецкой власти въ краѣ, а на четвертомъ году, съ разрѣшенія папы Иннокентія III-го, учредилъ для защиты Рижской церкви Богоматери орденъ меченосцевъ, которымъ папа далъ уставъ рыцарей храма.

Съ прибытіемъ Алберта дѣла Нѣмцевъ и Латинской церкви въ Ливоніи принимаютъ совсѣмъ иной видъ: при прежнихъ двухъ епископахъ Нѣмцы и латинская вѣра ими проповѣдуемая едва держались въ двухъ городкахъ по Двинѣ, въ Ускулѣ

и Гоимѣ; при Албертѣ же владѣнія Нѣмцевъ и успѣхи Латинской церкви охватили не только всю Ливонію, но и проникли въ Эстонію или землю Чуди. Албертъ съ разу понялъ, что мало надежды на быстрый успѣхъ въ обращеніи Ливонскихъ язычниковъ въ латинство,—будутъ ли для этого употреблены крестъ и мечь, какъ думалъ папа, приказавши меченосцамъ нашить на одежду изображеніе меча и креста,—или одинъ только крестъ, какъ воображалъ покойный Мейнгардъ, и понявши составилъ себѣ такой планъ дѣятельности, по которому прежде всего должно заняться распространеніемъ Нѣмецкихъ владѣній въ Ливонскомъ краѣ, покореніемъ тамошнихъ племенъ, а потомъ уже крестить покоренныхъ. Для приведенія въ исполненіе этого плана Албертъ, какъ мы уже видѣли, привезъ съ собою Нѣмецкихъ ратниковъ, на двадцати трехъ корабляхъ, и, на четвертомъ году своего епископства, учредилъ орденъ меченосцевъ; потомъ самъ девять разъ ѣздилъ въ Германію и Италію, и каждый разъ проживалъ тамъ по году и больше, собирая деньги и ратниковъ для поддержанія своего громаднаго предпріятія. Неусыпные труды Алберта, направленные къ одной цѣли, увѣнчались изумительнымъ успѣхомъ. На девятомъ году его епископства, посредствомъ безпрерывныхъ войнъ и союзовъ, была покорена вся Ливонія на имя церкви Рижской Богоматери. Русскіе, т. е. Полотскіе удѣльные князья, имѣвшіе тамъ свои владѣнія, почти всѣ или были изгнаны, или поступили въ вассальныя отношенія къ епископу Алберту, а Ливонцы насильно окрещены въ Латинскую вѣру; такъ что епископъ въ томъ же году раздѣлилъ

Ливонію на три равныя части: одну часть взялъ себѣ, другую отдалъ ордену меченосцевъ и третью городу Ригѣ, а въ слѣдующемъ году (1207) уже началъ войну съ Эстонцами или Чудью. Война съ Чудью или Эстонцами, въ продолженіе восьми лѣтъ, шла съ страшнымъ ожесточеніемъ; воинственная Чудь много терпѣла пораженій отъ Нѣмцевъ и насылаемыхъ Нѣмцами Ливонцевъ и Летголовъ или Латышей; но и Нѣмцамъ и ихъ союзникамъ, или скорѣе данникамъ, не легко доставалось отъ Чуди; разъ какъ-то Эстонцы или Чудь успѣли заключить миръ съ Ливью и отдѣлили Ливь отъ Нѣмцевъ (1210 г.); но Албертъ не унывалъ, и при помощи почти каждый годъ высылаемыхъ изъ Германіи ратниковъ достигъ того, что устроилъ и въ Эстоніи особое епископство, и на девятомъ году Эстонской войны могъ уже раздѣлить полупокоренную землю Чуди на три равныя части: между собой, орденомъ меченосцевъ и Эстонскимъ епископомъ (1215 г.).

Такимъ образомъ пока Новгородцы и Псковичи, занятые спорами своихъ партій и борьбою съ Суздальскими князьями, вяло и не постоянно дѣйствовали противъ враждебныхъ себѣ племенъ Чуди, Ливи и Летголы и плохо поддерживали тамъ свою колонизацію; въ этомъ краю успѣлъ утвердиться новый врагъ Пскову и Новгороду, врагъ несравненно опаснѣйшій полудикихъ Ливи, Чуди и Летголы, врагъ поддерживаемый строго организованнымъ военнорелигіознымъ братствомъ подъ именемъ рыцарей меча, или ордена меченосцевъ, и при томъ такой врагъ, который постоянно подкрѣплялъ и пополнялъ убыль своихъ воиновъ и колонистовъ наплывомъ пришель-

цевъ изъ разныхъ краевъ Германіи, которые толпами шли въ Ливонію по зову папы крестить язычниковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ получать отпущеніе своихъ грѣховъ. Съ этимъ новымъ врагомъ Новгородцы и Псковичи въ первый разъ встрѣтились на полѣ битвы въ 1217 году (а по Ливонской хроникѣ въ 1215 году), во время своего похода на Чудь Очелу (по Ливонской хроникѣ Унганійцевъ). Новгородцы и Псковичи, подъ предводительствомъ Псковскаго князя Владиміра и посадника Твердислава, осадили принадлежащій Чуди городъ Медвѣжью голову (Одемпе), уже нѣсколько разъ сожигаемый и разоряемый Новгородцами. Осажденная въ городѣ Чудь и бывшіе тамъ Нѣмцы начали предлагать осаждающимъ разныя обѣщанія о покорности, и вступили въ продолжительные переговоры, а между тѣмъ сами послали гонцовъ къ Нѣмцамъ, чтобы спѣшили на выручку. Такъ описывается это дѣло въ Новгородскихъ лѣтописяхъ, по Ливонской же старѣйшей хроникѣ князь Владиміръ, въ продолженіе семнадцати дней, дѣлалъ нѣсколько приступовъ къ городу и постоянно былъ отражаемъ бывшими въ городѣ рыцарями ордена меченосцевъ и стрѣлками епископа; но Новгородцевъ и Псковичей вмѣстѣ съ приставшими къ нимъ Чудью было 20 тысячъ, и гарнизонъ города, сильно ослабленный битвами, находился въ крайности. О чемъ когда узнали Рижскій и Эстонскій епископы и братья ордена Меченосцевъ, немедленно отправили на выручку къ городу 3000 ратниковъ, подъ предводительствомъ орденскаго магистра Волквина, Венденскаго начальника Бертольда и епископскаго брата Өеодорика, которые, будучи подведены однимъ

отрокомъ, напали на лагерь осаждающихъ рано утромъ, но были отражены и потеряли трехъ знаменитыхъ рыцарей. Новгородская же лѣтопись продолжаетъ свой разсказъ такъ: Новгородцы и Псковичи составили вѣче и занялись разсужденіемъ о мирныхъ предложеніяхъ осажденной Чуди, а въ это время Нѣмцы нечаянно напали на оплошно охраняемый Новгородскій лагерь, и стали его грабить, но занявшись грабежемъ сами оплошали. Новгородцы и Псковичи, узнавши о нападеніи, прямо съ вѣча бросились на новыхъ нежданныхъ непріятелей и произвели въ ихъ рядахъ большое опустошеніе, убили у нихъ двухъ воеводъ, третьяго взяли руками и, захвативши въ добычу 760 коней, возвратились домой благополучно. Ливонская же хроника конецъ событія описываетъ слѣдующимъ образомъ: Тевтонцы, подавленные множествомъ враговъ, отступили къ своему лагерю. Между тѣмъ и въ Тевтонскомъ и въ Русскомъ лагеряхъ оказался недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, такъ что голодныя лошади обглодали другъ у друга хвосты; по сему на третій день послѣ битвы обѣ стороны вступили въ переговоры и заключили міръ, по которому Тевтонцамъ (Нѣмцамъ) дозволено выйдти изъ лагеря и возвратиться въ Ливонію, и Нѣмцы съ Ливонцами и Латышами свободно между Русскими и Чудью прошли домой. Такимъ образомъ оба описанія хотя и разногласятъ между собою во многомъ, но въ главномъ сходятся, т. е. и то и другое описаніе говоритъ, что Новгородцы и Псковичи при первой встрѣчѣ одержали верхъ надъ Нѣмцами и заставили ихъ удалиться въ Ливонію.

Между тѣмъ южный край Чудской земли былъ уже покоренъ Нѣмцами, и только сѣверная Чудь, ближайшая къ морю, еще мужественно отстаивала свою свободу; но и ей приходилось туго, —Нѣмцы съ Ливонцами и Латышами напирали на нее съ юга. Не надѣясь одни справиться съ страшными врагами, шесть сѣверныхъ племенъ Чуди отправили посольство и подарки въ Новгородъ, просить помощи на Нѣмцевъ. Новгородцы и Псковичи дали слово помогать, и въ 1219 году, подъ предводительствомъ своего князя Всеволода Мстиславича, снарядили походъ къ Пертуеву (Пернову), чтобы, занявши этотъ пограничный Ливонскій городъ, загородить дорогу Нѣмцамъ въ сѣверную Эстонію. Но Нѣмцы вмѣстѣ съ Ливонцами и Латышами или Летголою успѣли войдти въ землю Чуди, и подъ Феллиномъ разбили Чудь прежде, нежели Новгородцы съ Псковичами могли придти туда. Такъ что Новгородцы, на пути къ Пернову, вмѣсто союзниковъ наткнулись на непріятелей, и только пробившись сквозь заставу Нѣмцевъ, Ливи и Летголы, могли подступить къ городу. Пробиться имъ удалось, и они стояли подъ Перновымъ двѣ недѣли, но узнавши что союниковъ уже нечего ждать, воротились домой, и Нѣмцы очевидно ихъ не преслѣдовали.

Походъ къ Пернову открылъ глаза Новгородцамъ и Псковичамъ; они наконецъ увидали, что земля Чуди уходитъ изъ ихъ рукъ, что пора внимательнѣе заняться этимъ краемъ, иначе Нѣмцы сядутъ на голову. А посему въ 1222 году Новгородцы съ Псковичами снарядили новый походъ, выпросили себѣ помощь у Владимирскаго великаго князя Юрья Всеволодовича, заключили союзъ съ Литовцами, обѣщав-

шими прислать свою помощь, и, приготовившись такимъ образомъ, отправились подъ предводительствомъ Юрьева брата Святослава, вступили въ землю Ливи. Нѣмцы съ Латышами и Ливью хотѣли было загородить имъ дорогу, и дали битву при переходѣ черезъ рѣку Гойву (нынѣшняя Аа); битва была жестокая и возобновлялась нѣсколько разъ, тѣмъ не менѣе Русскіе перешли рѣку, проникли въ приморскія области Ливоніи и произвели тамъ страшныя опустошенія: мущинъ перебили, а женщинъ и дѣтей побрали въ плѣнъ, хлѣбъ же и другіе запасы пожгли; затѣмъ перешли опять рѣку Гойву и осадили городъ Кеси (Венденъ), гдѣ засѣли рыцари меча. Подъ Кесью соединилась съ Русскими и Чудь; но слухъ что Летгола опустошаетъ Псковскія области, и что Нѣмцы и Ливь со всѣми своими силами идутъ на выручку Кеси, и вѣрная вѣсть что магистръ ордена Вольквинъ успѣлъ уже пробраться въ городъ, заставили Новгородцевъ и Псковичей поспѣшно отступить отъ Кеси и воротиться домой.

Ближайшимъ слѣдствіемъ этого опустошительнаго похода было то, что Нѣмцы принялись укрѣпляться и строить замки, запасать оружіе и спѣшить окончательнымъ покореніемъ земель Чуди; вызвали новыхъ ратниковъ изъ Германіи и вступили въ союзъ съ Датскимъ королемъ Валдемаромъ и Славянскимъ Поморскимъ княземъ Венцеславомъ, которые также явились опустошать несчастную землю воинственной Чуди. А между тѣмъ Летгола и Ливь, озлобленные опустошеніемъ своей земли въ послѣдній походъ Новгородцевъ и Псковичей, принялись по указанію Нѣмцевъ дѣлать мелкіе набѣги на пограничныя Псков-

скія владѣнія. Особенно Летгола или Латыши рѣшительно оставили свои опустошенныя жилища и перебрались въ лѣса, находившіеся на Псковскихъ границахъ, и постоянно грабили всѣхъ проѣзжающихъ и проходящихъ, избивали мущинъ и уводили женщинъ и домашній скотъ изъ пограничныхъ Псковскихъ поселеній. Въ отвѣтъ на это, Псковичи осенью того же года сами сдѣлали довольно сильный набѣгъ на земли Летголы, и, засѣвши на границахъ Мелюке Варигриббе, произвели такое страшное опустошеніе въ томъ краю, что магистръ ордена, сидѣвшій въ Венденѣ (Кеси), долженъ былъ поднять всю Летголу, чтобы выгнать Псковичей изъ этого края. Затѣмъ Нѣмцы отвѣчали Псковичамъ набѣгомъ Ливи и Летголы, которые успѣли обойдти Псковъ незамѣченными, сжечь его предмѣстія и ограбить нѣсколько сосѣднихъ деревень, и даже утащили изъ одной церкви иконы и колокола.

Между тѣмъ Датскій король Валдемаръ II-й захватилъ почти все побережье Чудской земли на Сѣверѣ и основалъ тамъ городъ Колывань или Ревель, гдѣ оставилъ сильный гарнизонъ и епископовъ для обращенія Чуди въ Латинство. Вслѣдъ за Датчанами появились туда и Шведы, чтобы обращать Чудь въ Латинство и порабощать себѣ. Шведы утвердились на югъ отъ Ревеля, тоже на морскомъ берегу. Всѣ сіи пришельцы, Нѣмцы, Датчане и Шведы, враждовали другъ противъ друга, и въ то же время всѣ опустошали землю несчастной Чуди. Таковое положеніе дѣлъ наконецъ вывело Чудь изъ терпѣнія, и всѣ племена ея дружно поднялись на пришельцевъ, жившихъ у нихъ по городамъ, перебили ихъ или

заковали въ цѣпи, торжественно отреклись отъ навязаннаго имъ Латинскаго христіанства, уничтожили латинскія церкви, перерѣзали священниковъ, возвратили своихъ женъ, которыя были отпущены по христіанскому закону, и даже вырыли изъ могилъ своихъ покойниковъ, погребенныхъ по христіанскому обряду, и сожгли ихъ по обычаямъ своей языческой религіи; мало этого, чтобы и не пахло христіанствомъ, вымыли водою и вымели вѣниками свои домы и другія жилища, и послали сказать въ Ригу, что они возвратились къ древней своей вѣрѣ и не примутъ христіанства пока въ ихъ землѣ останется хотя одинъ однолѣтній или лежащій въ постелѣ ребенокъ. А чтобы имѣть себѣ опору противъ озлобленныхъ возстаніемъ враговъ-повелителей, всѣ племена Чуди обратились съ покорностію къ Новгородцамъ и Псковичамъ и пригласили ихъ въ свои города, а къ Новгородскому князю послали дары, моля его о защитѣ отъ пришельцевъ. Тогдашній Новгородскій князь Ярославъ Всеволодовичъ, желая воспользоваться удобнымъ случаемъ, и исполняя просьбы Чуди, въ 1223 году собралъ рать въ 20 тысячъ человѣкъ, съ тѣмъ чтобы идти на Ригу—главное гнѣздо Нѣмцевъ. Племена Чуди по дорогѣ вездѣ встрѣчали его съ радостію, сдавали свои города и выдавали ему находившихся у нихъ Нѣмцевъ съ ихъ имуществомъ и оружіемъ. Ярославъ уже прошелъ всю Эстонію или Чудскую землю и занялъ своими гарнизонами города Тарбиту и Медвѣжью голову. Потомъ вмѣстѣ съ Чудью Очелою вступилъ въ земли Ляви и дошелъ до Пацдисы. Здѣсь нагнали Ярослава послы поморской Чуди Озиліанъ, и просили его что-

бы прежде Риги шелъ на Ревель противъ Датчанъ, и уже побѣдивши Датчанъ, съ помощію всей Чудской земли отправлялся въ Ливонію, теперь же въ Ригѣ много пришлыхъ Нѣмцевъ и всѣ готовы вступить съ нимъ въ бой. Ярославъ, послушавъ посольской рѣчи, съ Пнидисы поворотилъ на сѣверъ, въ землю Чудскаго племени Сакколъ или Сосолъ, и нашедъ эту страну занятою Нѣмцами, и узнавши что въ Феллинскомъ замкѣ повѣсили Русскихъ, присланныхъ туда на помощь къ Сакколамъ, страшно разсердился и сильно опустошилъ эту страну; затѣмъ вступилъ съ своимъ войскомъ въ землю Чудскаго племени Еревы или Гервы, и соединясь тамъ съ сосѣдними Чудскими племенами Вирцевъ, Варбаловъ и Осиліевъ, осадилъ Колывань или Ревель. Цѣлыхъ четыре недѣли продолжалась осада этого города, было нѣсколько схватокъ съ Датчанами, но успѣха не было; Ярославъ нашелся вынужденнымъ отступить, не взявши города, и возвратился домой съ богатою добычей. Новгородцы и Псковичи, выходя вмѣстѣ съ Ярославомъ изъ Чудской земли, естественно должны были озаботиться найдти такого воителя, которому можно бы поручить защиту этого только-что взятаго края, и нашли таковымъ одного изъ Полотскихъ князей Вячко или Вячеслава, который былъ уже извѣстенъ своимъ мужествомъ и хорошо зналъ Нѣмцевъ, и поручили этому князю городъ Юрьевъ и всю тамошнюю страну.

Неблагопріятны были для Псковичей и Новгородцевъ послѣдствія похода подъ Кеси или Венденъ; но походъ Ярослава подъ Колывань, такъ много обѣщавшій въ началѣ, имѣлъ послѣдствія еще худшія. Походъ подъ Кеси заставилъ Нѣмцевъ сильнѣе укрѣ-

виться въ землѣ Чуди; а походъ подъ Колывань, грозившій Нѣмцамъ совершеннымъ изгнаніемъ, побудилъ ихъ поспѣшить совершеннымъ изгнаніемъ Русскихъ даже изъ тѣхъ краевъ Чудской земли, гдѣ они уже довольно укрѣпились и имѣли свои колоніи, чтобы отбить у Новгородцевъ и Псковичей всякую охоту къ вмѣшательству въ Нѣмецкія дѣла въ земляхъ Чуди, а чтобы Чудь и не думала искать себѣ защиты въ Новгородѣ или Псковѣ. Какъ только Ярославъ ушелъ изъ-подъ Колывани, Нѣмецкіе рыцари прямо отправились къ Русскому городу Юрьеву, простояли подъ нимъ пять дней, но не надѣясь взять отступили, повернули къ сѣверу и принялись смирять Чудь Ереву или Гервенцевъ, жившихъ въ сосѣдствѣ съ Колыванскою областію и помогавшихъ Ярославу, и нанесли имъ такое пораженіе, что это племя Чуди, доселѣ бывшее въ постоянной войнѣ съ Нѣмцами, признало ихъ власть надъ собою и дало клятву въ вѣчной вѣрности. Затѣмъ Нѣмцы, забравши съ собою и Ливь и Летголу, вступили съ огромнымъ войскомъ въ землю Чуди Гарровъ, взяли и пожгли тамошніе города, и съ богатою добычей отступили въ землю Чуди Еревы; Чудь Ерева и сосѣдніе съ ними Чудь Вируяны встрѣтили ихъ съ мольбою о мирѣ и съ обѣщаніемъ принять Латинскую вѣру. Нѣмцы дали имъ миръ, приняли въ свое покровительство, и, взявши заложниковъ, благополучно съ богатѣйшею добычей возвратились въ Ливонію.

Но пока Нѣмцы такъ удачно дѣйствовали на сѣверѣ, по сосѣдству съ Колыванью, въ то же время также довольно счастливо велъ свои дѣла присланный Новгородцами и Псковичами въ Юрьевъ воинственный князь Вяч-

ко; онъ такъ воодушевилъ Юрьевцевъ, и такой навелъ страхъ на всѣхъ сосѣдей, что ему стали платить дань всѣ сосѣднія племена, а которыя не хотѣли платить, на тѣхъ онъ ходилъ войною и страшно вредилъ Нѣмцамъ; его набѣги и опустошенія простирались отъ восточныхъ береговъ Чудскаго озера въ земли Вируянъ, Чуди Еревы и Саккаловъ, или Сасоловъ, только-что подчинившихся Нѣмецкой власти; всѣ недовольные Нѣмцами, всѣ озлобленные спѣшили въ Юрьевъ и находили тамъ покровительство. Нѣмцы пытались было уговорить князя Вячко, чтобъ онъ не принималъ бѣглецовъ и выдалъ тѣхъ, которые уже приняты, но онъ отказалъ имъ на отрѣзъ. Все это страшно тревожило Нѣмцевъ; они уже кричали что Эстонія погибаетъ, что церковь Эстонская, съ такимъ трудомъ и страданіями распространяющаяся, то и дѣло теряетъ чадъ своихъ, пожираемыхъ этимъ дракономъ Вячко. Такіе крики принесли скоро тотъ плодъ, какого желалось хитрому старику, Рижскому епископу Алберту, главному руководителю Нѣмцевъ.

На другой годъ, послѣ отступленія Ярослава отъ Колывани, собралось громадное войско, вся Нѣмецкая сила въ Ливоніи и полки Ливи и Летголы, и подъ предводительствомъ самого епископа Алберта и двухъ герцоговъ, прибывшихъ съ помощными дружинами изъ Германіи, 15-го Августа, въ день Успенія Божіей Матери, 1224 года, осадили городъ Юрьевъ, и опасаясь чтобы не подошло Новгородское войско на выручку Юрьевцамъ, спѣшили осадою, день и ночь работали и бились, обвели городъ своимъ валомъ, построили башни; князь Вячко съ Юрьевцами также день и ночь работалъ, бился съ Нѣмцами на

приступахъ, разрушалъ и сожигалъ ихъ строенія, отразилъ нѣсколько Нѣмецкихъ приступовъ, наконецъ, подавленный множествомъ непріятелей, погибъ при отраженіи послѣдняго приступа. Юрьевцы и по смерти его продолжали еще обороняться, и Нѣмцы ворвались въ городъ только тогда, когда уже не кому было защищать его. Ворвавшись въ городъ, Нѣмцы перебили всѣхъ жителей его, неразбирая пола и возраста, и только пощадили одного Суздальскаго боярина, которому дали коня, чтобы ѣхалъ въ Новгородъ и объявилъ тамъ о паденіи Юрьева. Между тѣмъ Новгородская рать, спѣшившая на выручку къ Юрьевцамъ, уже пришла во Псковъ. Нѣмцы, услыхавши о приближеніи Новгородской рати, поспѣшили сжечь укрѣпленія Юрьева и удалились въ Ливонію, и въ томъ же году заключили съ Новгородцами и Псковичами миръ и дали слово, что всѣ дани, которыя получались Новгородомъ съ земли Толвва, будутъ выплачиваться по прежнему.

Новгородцы, въ это время занятые опасною для нихъ войною съ княземъ Суздальскимъ Юрьемъ Всеволодовичемъ, уже вступившимъ съ большимъ войскомъ въ Тверь, были довольны миромъ, который имъ дали Нѣмцы. Но миръ этотъ не успокоилъ Псковичей. Съ потерею Юрьева, переименованнаго Нѣмцами въ Дерптъ, Псковъ потерялъ опорный пунктъ для защиты своихъ границъ, и границы Псковскихъ владѣній съ этой стороны сдѣлались открытыми для Нѣмцевъ и всѣхъ другихъ непріятелей; и Псковичамъ пришлось продолжать еще мелкую войну и терпѣть набѣги на свои пограничныя области. Нѣмцы, пока еще уклоняясь отъ войны съ самимъ Новгородомъ, плохо соблюдали условія мира къ сво-

ему ближайшему сосѣду Пскову, и все что приходилось уступать Новгородцамъ, они вымещали на Псковичахъ.

Между тѣмъ князь Новгородскій Ярославъ Всеволодовичъ, преслѣдуя Новгородскую партію бояръ, противную Суздальщинцамъ, свившую себѣ гнѣздо во Псковѣ и оттуда тайно дѣйствовавшую на Новгородъ, въ 1228 году, съ своими приверженцами, посадникомъ Иванкомъ и тысяцкимъ Вячеславомъ, отправился во Псковъ, желая настигнуть своихъ противниковъ въ самомъ гнѣздѣ ихъ. Но замыселъ князя не укрылся отъ тѣхъ, до кого онъ больше всего касался; во Псковъ пришли вѣсти, что князь везетъ оковы, чтобы заковать вящшихъ мужей. Князь едва только дошелъ до Дубровны, пограничнаго Новгородскаго города съ Псковскою областію, какъ Псковичи затворили свой городъ и послали сказать князю, что они его не примутъ. Ярославъ, получивъ такую вѣсть изъ Пскова, воротился въ Новгородъ, и, собравъ вѣче на владычнемъ дворѣ, принесъ Новгородцамъ жалобу, что Псковичи его обезчестили, что онъ не мыслилъ противъ нихъ никакого зла, и везъ въ коробьяхъ не оковы, а дары Псковичамъ. Но эта жалоба не принесла Ярославу никакой пользы, а только показала, что въ Новгородѣ партія, сочувствующая Псковской партіи, довольно еще сильна. А посему онъ, чтобы покончить за одинъ разъ съ Псковичами, явно ставшими противъ него, и не откладывать дѣла въ дальній ящикъ, вызвалъ свои полки изъ Переяславля, и объявилъ Новгородцамъ, что идетъ на Нѣмцевъ къ Ригѣ.

Псковичи, получивши вѣсти о сборахъ Ярослава, и вѣроятно также предувѣдомленные, что дѣ-

ло идетъ не о Ригѣ, а о Псковѣ, или по крайней мѣрѣ о партіи Новгородскихъ бояръ, руководившихъ Псковскимъ вѣчемъ, заключили съ Нѣмцами миръ на такихъ условіяхъ, чтобы Нѣмцы прислали помощь, ежели Ярославъ пойдетъ на Псковъ, и въ соблюденіи этого мира дали Нѣмцамъ сорокъ мужей въ заложники. И когда Ярославъ отправилъ своего гонца во Псковъ съ требованіемъ, чтобы Псковичи готовились къ походу на Нѣмцевъ, и выдали тѣхъ, которые оклеветали его передъ Псковомъ, то Псковичи прислали въ Новгородъ своего посла Гречина съ такимъ отвѣтомъ: „кланяемся тебѣ, князь, и братьи нашей Новгородцамъ, но въ походъ нейдемъ и братьи своей не выдаемъ, а съ Рижанами мы взяли миръ, и изъ-за васъ его не нарушимъ. Вы уже не разъ выдавали насъ: ходили къ Колывани и взяли съ Колывани серебро, и сами ушли не взявши города, и непомирившись путемъ съ Колыванцами; были также у Кеси и Медвѣжей головы, много воевали и пограбили и ушли домой съ богатою добычей, не сотворивши мира; а нашу братью побили за то на озерѣ, а иныхъ увели въ плѣнъ; вы же задравши ушли прочь и оставили насъ однихъ. Или вы что задумали на насъ? то мы противъ васъ со святою Богородицею и съ поклономъ, уже лучше вы изсѣките насъ и возьмите нашихъ женъ и дѣтей, а не выдавайте поганымъ, въ томъ вамъ кланяемся.“ Такой отвѣтъ, высказавшій горькую правду Новгородцамъ за ихъ своекорыстныя отношенія къ интересамъ Пскова, произвелъ надлежащее дѣйствіе на Новгородское вѣчѣ и оно прямо отвѣчало Ярославу: „нейдемъ на Ригу безъ своей братьи Псковичей, а тебѣ, князь, кланяемся.“ А Яро-

славъ въ отвѣтъ на это отослалъ Переяславскіе полки домой, а въ слѣдъ за ними и самъ съ своею женой и со всею семьей ушелъ въ Переяславль, оставивъ въ Новгородѣ двухъ своихъ сыновей Ѳедора и Александра.

Такимъ образомъ Новгородцы отказомъ идти на Ригу безъ своей братьи Псковичей, удержали Псковъ въ прежней тѣсной связи съ Новгородомъ, не смотря на то, что Нѣмцы, имѣя въ виду окончательно отдѣлить Псковъ отъ Новгорода, по первому же зову Псковичей, для отраженія ожидаемаго Ярославова похода, явились къ нимъ сами съ своими войсками, и подняли на защиту Пскова Чудь, Летголу и Ливь. Псковичи, получивъ благопріятный отвѣтъ Новгородскаго вѣча, освобождавшій ихъ отъ войны, немедленно отпустили своихъ союзниковъ, и выгнавъ отъ себя Ярославовыхъ приверженцевъ, по прежнему остались вѣрными союзниками Новгородской партіи противниковъ Суздальщинцамъ, и признали надъ собою власть вновь приглашеннаго въ Новгородъ князя Михаила Всеволодовича Черниговскаго; такъ продолжалось почти четыре года. Но когда въ 1232 году Суздальщинцы одолѣли своихъ противниковъ на Новгородскомъ вѣчѣ и снова пригласили Ярослава; то предводители партіи Новгородскихъ бояръ, враждебной Суздальщинцамъ, по прежнему скопились въ обычномъ своемъ гнѣздѣ, во Псковѣ, заковали въ цѣпи бывшаго тамъ вѣроятно посадникомъ Ярославова приверженца Вячеслава, и пользуясь отсутствіемъ Ярослава, бывшаго тогда въ Переяславлѣ, произвели мятежъ въ самомъ Новгородѣ. Но когда воротившійся въ Новгородъ Ярославъ усмирилъ мятежъ, и,

перехватавши присланныхъ изъ Пскова возмутителей, послалъ во Псковъ съ требованіемъ отпустить Вячеслава и выгнать отъ себя предводителей противной партіи Бориса и Михаила Нѣгоцевичей, Петра Водовиковича, Глѣба Семенова брата и Мишу; то Псковичи опять объявили себя отдѣльными отъ Новгорода и отвѣчали Новгородцамъ: „пришлите семейства и имущество тѣхъ мужей, и мы отпустимъ Вячеслава, или вы себѣ, а мы себѣ,“ и цѣлое лѣто не хотѣли признать надъ собою Ярославовой власти; и только уже на зиму, обезпокоиваемые остановкою торговли съ Новгородомъ, прислали къ Ярославу просить, чтобъ онъ отправилъ къ нимъ котораго либо изъ своихъ сыновей, и согласились принять отъ него его шурина, князя Юрія Мстиславича, а противникамъ Ярослава, по его требованію, показали путь, которые и ушли къ Нѣмцамъ, въ Медвѣжью голову. На этотъ разъ соединеніе Пскова съ Новгородомъ было прочнѣе предшествовавшаго. Здѣсь Псковичи дѣйствовали самостоятельно, а не подъ руководствомъ Новгородской партіи противниковъ Ярослава, и были особенно довольны тѣмъ, что Ярославъ по ихъ просьбѣ далъ имъ отдѣльнаго князя, что въ скорости доказали и на дѣлѣ.

Когда Нѣмцы, крайне недовольные тѣмъ что Псковъ вступилъ въ прежнія родственныя отношенія къ Новгороду и принялъ себѣ князя изъ рукъ Новгородскаго князя, ласково приняли въ Медвѣжьей головѣ Псковскихъ изгнанниковъ Бориса Нѣгоцевича и его товарищей, и, помогая имъ, захватили Изборскъ и отдали его проживавшему у нихъ прежнему Псковскому князю Ярославу Владимировичу: то Псковичи,

подъ предводительствомъ своего князя Юрія Мстиславича, вышли противъ Нѣмцевъ, отняли у нихъ Изборскъ, и захваченнаго тамъ князя Ярослава Владимировича отослали къ Ярославу Новгородскому, который и отправилъ его закованнаго въ Переяславль въ заточеніе. Ярославъ Всеволодовичъ, довольный покорностію и усердіемъ Псковичей, а также вѣроятно желая предупредить нападеніе Нѣмцевъ на Псковъ, въ слѣдующемъ 1234 году, собравъ большое войско изо всей Новгородской области, и, вызвавъ свои Переяславскіе полки, отправился въ походъ на Нѣмцевъ къ Юрьеву. Нѣмцы Юрьевцы, соединясь съ Нѣмцами Медвѣжьей головы, не допустили Ярослава до города и дали сраженіе на берегахъ рѣки Амовжи (Эмбаха) и сначала сильно потѣснили передовые полки Новгородскіе и Переяславскіе; но потомъ сами были разбиты на голову, и прижатые къ рѣкѣ, многіе проломились на льду, а немногіе раненые спаслись бѣгствомъ въ Юрьевъ и въ Медвѣжью голову и поспѣшили заключить миръ на всѣхъ условіяхъ, предложенныхъ Ярославомъ, разумѣется включивши въ этотъ миръ и Псковичей.

Ливонскіе Нѣмцы, состоявшіе изъ всякаго сброда и внезапно разбогатѣвшіе отъ недавнихъ успѣховъ въ войнѣ съ Чудью и сдѣлавшіеся безотчетными и полновластными повелителями о коренного народа, по смерти главнаго своего руководителя и истиннаго творца всѣхъ ихъ успѣховъ въ Ливоніи и Эстоніи, епископа Алберта, быстро пришли въ крайнее разстройство; а послѣдній походъ Ярослава къ Юрьеву привелъ ихъ на край гибели, такъ что ясно сдѣлалось для всѣхъ сколько нибудь

понимавшихъ положеніе дѣлъ въ Ливоніи, что Нѣмцамъ, занявшимъ ее, своими средствами нельзя удержаться въ этомъ краю. А по сему въ 1237 году Ливонскіе Нѣмцы, чтобы поддержать себя, поступили въ подчиненіе Нѣмецкому ордену въ Пруссіи и тѣмъ спасли себя отъ неминуемой гибели и закрѣпили за собой Ливонію, Эстонію или землю Чуди и землю Летголы. Такимъ образомъ походъ Ярослава къ Юрьеву, крайне разстроившій Нѣмцевъ, на время далъ отдохнуть Псковичамъ и обезпечилъ ихъ отъ набѣговъ со стороны сихъ безпокойныхъ сосѣдей. Нѣмцы, въ крайности, чтобы не раздражать Пскова и Новгорода, строго соблюдали всѣ условія Ярославовы и старались быть мирными и покорными сосѣдями; такъ что Псковичи въ 1237 году по договору посылали Нѣмцамъ 200 человѣкъ хорошо вооруженныхъ воиновъ въ помощь противъ Литвы. Но миръ съ Нѣмцами не могъ быть продолжителенъ, съ одной стороны еще остававшіяся въ тамошнемъ краю Псковскія колоніи и обязанность по послѣднему договору съ Ярославомъ платить дань съ Юрьевской области были тягостны для Нѣмцевъ; а съ другой стороны бѣглецы Новгородскіе, у нихъ проживавшіе, не переставали подстрекать ихъ къ войнѣ, обѣщая легкій успѣхъ при помощи своихъ пріятелей, остававшихся въ Новгородѣ и Псковѣ.

Лишь только Ливонскіе Нѣмцы меченосцы поустроили свои дѣла, поступивши въ подчиненіе къ Прусскому Нѣмецкому ордену, и немного пооправились отъ потерпѣнныхъ пораженій отъ Ярослава въ 1234 году и отъ Литвы въ 1237 году, какъ и стали замышлять о войнѣ со Псковомъ; война эта

началась нечаяннымъ занятіемъ Изборска. Лѣтопись говоритъ, что Нѣмцы Юрьевцы, Медвѣжане (изъ Медвѣжьей головы) и Вельядцы (изъ Феллина) съ Русскимъ измѣнникомъ, у нихъ проживавшимъ, съ княземъ Ярославомъ Владиміровичемъ, въ 1240 году нечаянно среди мира захватили Изборскъ. Псковичи, получивши вѣсть о паденіи Изборска, немедленно отправились съ воеводою Гаврилою Гориславичемъ выручать захваченный городъ, но были встрѣчены Нѣмцами, вѣроятно уже извѣщенными о ихъ походѣ, и въ жестокой битвѣ потерпѣли пораженіе, потеряли своего воеводу и обратились въ бѣгство. А Нѣмцы пустились преслѣдовать бѣгущихъ и, на погони побивши и захвативши многихъ въ плѣнъ, подошли къ самому Пскову, зажгли посадъ, опустошили ближайшія къ городу села и, не дѣлая приступа, держали городъ въ осадѣ цѣлую недѣлю; потомъ, не входя въ городъ, взяли заложниковъ и, не заключивъ мира, какъ бы удалились; а между тѣмъ тайно вели переговоры съ сидѣвшими во Псковѣ Новгородскими измѣнниками и ихъ предводителемъ Твердилою Иванковичемъ, которые, улучивши удобное время, отворили городскіе ворота и впустили Нѣмцевъ. Псковичи, захваченные въ расплохъ и видя измѣну между своими, не могли сопротивляться, и одни съ княземъ Юріемъ Мстиславичемъ бѣжали въ Новгородъ, а другіе покорились приведшему Нѣмцевъ князю Ярославу Владиміровичу и Нѣмцамъ. Ярославъ и Нѣмцы назначили Твердилу Иванковича своимъ намѣстникомъ и посажали своихъ тіуновъ; а чтобы Псковичи не возмутились, взяли въ заложники дѣтей изъ знатнѣйшихъ семействъ. Такимъ образомъ Новгородская

партія бояръ, доселѣ руководившая Псковомъ, изъ вражды къ Новгороду передала Псковъ Нѣмцамъ, и изъ Пскова повела Нѣмцевъ на Новгородскія владѣнія, такъ что послѣдніе подъ ея руководствомъ разорили всѣ Новгородскія волости въ Водьской землѣ, построили городъ въ Копорскомъ погостѣ, вѣроятно думая тутъ утвердиться такъ же какъ и въ земляхъ Чуди; обложили данью жившее тамъ племя Водь, взяли Тесовъ и только тридцати верстъ не доходили до Новгорода. Затѣмъ, нѣсколько спустя, явились новыя толпы Нѣмцевъ вмѣстѣ съ Литвою и Чудью на Лугѣ; но очевидно только для грабежа, они пограбивши кони и скотъ удалились.

Но дѣло партіи измѣнниковъ не могло имѣть прочнаго успѣха, хотя первоначально и шло удачно. Новгородъ былъ очень силенъ, чтобы поступить съ нимъ такъ, какъ думали Нѣмцы и ихъ руководители Новгородскіе измѣнники; у Новгородцевъ много еще было честности и любви къ отечеству, чтобы изъ-за раздора партій продавать врагамъ родную землю; и Нѣмцы не могли удержаться и двухъ лѣтъ въ своихъ постыдною измѣною пріобрѣтенныхъ завоеваніяхъ. Князь Новгородскій Александръ Ярославичъ Невскій, уже прославившійся страшнымъ пораженіемъ Шведовъ на Невѣ, и во время взятія Пскова Нѣмцами бывшій у отца своего Ярослава въ Суздальской землѣ, въ 1241 году, по усердной просьбѣ Новгородцевъ прибылъ въ Новгородъ и немедленно поднялъ всю Новгородскую землю, и Ладожанъ, и Корѣлянъ и Ижерянъ, и повелъ ихъ прямо къ Копорью, чтобы скорѣе смыть пятно чужаго владѣнія въ Новгородской землѣ, послѣ упорнаго боя взялъ го-

родъ, и сидѣвшихъ тамъ Нѣмцевъ частію привелъ плѣнниками въ Новгородъ, частію отпустилъ, захваченныхъ же тамъ измѣнниковъ изъ Чуди и Вожанъ перевѣшалъ. Потомъ, на другой годъ, вызвавши полки изъ Низовой земли подъ предводительствомъ своего брата Андрея, вмѣстѣ съ ними и съ Новгородцами отправился въ Чудскую землю на Нѣмцевъ, и, чтобы до Нѣмцевъ не дошло вѣсти о его походѣ, перехватилъ всѣ дороги къ Пскову, за тѣмъ неожиданно изгономъ захватилъ Псковъ и бывшихъ тамъ Нѣмцевъ и Чудь и, заковавъ въ цѣпи, отослалъ въ Новгородъ. Покончивши съ Нѣмцами во Псковѣ, Александръ съ своими полками пошелъ прямо въ Чудскую землю, и перешедши Псковскія границы, распустилъ часть войска для грабежа и развѣдокъ, подъ предводительствомъ Новгородскихъ бояръ Домаша Твердиславича и Кербета. Войско сіе, при переходѣ черезъ одну рѣку, наткнулось на Нѣмцевъ и Чудь, стоявшихъ у моста, и послѣ упорнаго боя было разбито, при чемъ палъ самъ предводитель его Домашъ Твердиславичъ, и съ нимъ много храбрыхъ воиновъ, а иные попались въ плѣнъ, другіе же успѣли убѣжать къ главному войску, шедшему позади, и извѣстили князя о своемъ пораженіи. Получивши такую вѣсть, князь Александръ отступилъ на Чудское озеро, и когда Нѣмцы, ободренные первою битвой, погнались за нимъ, то онъ поставилъ свои полки на льду Чудскаго озера на Узмени у Воронея камени. Нѣмцы, построившись клиномъ, или, какъ сказано въ лѣтописи, свиньею, врѣзались въ полки Александровы, думая прорвать ихъ, но вмѣсто того сами были сдавлены со всѣхъ сторонъ; и страшная сѣча кончи-

лась тѣмъ, что почти всѣ Нѣмецкіе рыцари пали, и только немногимъ вмѣстѣ съ Чудью удалось спастись бѣгствомъ. Этою битвой, извѣстною у лѣтописцевъ подъ именемъ Ледоваго боя, Александръ такой навелъ страхъ на Нѣмцевъ, что они уже ждали Новгородцевъ къ стѣнамъ Риги и просили помощи у Датскаго Короля; но, довольные побѣдою, Новгородцы не пошли далѣе, и Александръ съ торжествомъ вступилъ въ Псковъ, ведя за собою плѣнныхъ Нѣмецкихъ рыцарей, какъ говорятъ, босикомъ. За тѣмъ Нѣмцы поспѣшили отправить свое посольство въ Новгородъ съ поклономъ и съ дарами и моленіемъ о мирѣ, который и былъ заключенъ еще до возвращенія Александра въ Новгородъ. По этому миру Нѣмцы отступились отъ всѣхъ своихъ недавнихъ завоеваній, возвратили безъ выкупа всѣхъ захваченныхъ ими плѣнниковъ и отпустили Псковскихъ заложниковъ. Такимъ образомъ Псковъ освободился отъ владычества Нѣмцевъ, и окончательно раздѣлался съ тою Новгородскою партіей, которая до сего времени руководила дѣлами Пскова и, преслѣдуя свои частные интересы, измѣннически передала было Псковъ Нѣмцамъ.

РАЗСКАЗЪ ШЕСТЫЙ.

Псковъ пріобрѣтаетъ значительную самостоятельность, хотя и продолжаетъ быть Новгородскимъ пригородомъ.

Тяжелы были для Псковичей послѣдніе десять лѣтъ передъ Ледовымъ побоищемъ Нѣмцевъ, и очень до-

рого стоили имъ, Псковъ чуть не сдѣлался Нѣмецкою провинціею; но и не даромъ Псковичи перенесли этотъ тяжелый опытъ, они ясно увидали, что жить такъ, какъ они жили до сей поры, негодится; что отъ такого житья проку мало, что надо начинать иную жизнь, и что прежняя жизнь прямо ведетъ къ порабощенію, а не къ свободѣ и самостоятельности. Убѣдившись во всемъ этомъ на опытѣ, Псковичи начали съ того, что не только окончательно раздѣлались съ руководившею ихъ доселѣ Новгородскою партіей бояръ, но и на своихъ Псковскихъ бояръ стали смотрѣть не такъ, какъ смотрѣли на нихъ прежде. Измѣнническая передача Пскова Нѣмцамъ въ 1240 году совершенно измѣнила отношенія вѣча къ боярамъ и выборнымъ, или присылаемымъ изъ Новгорода властямъ. Большіе люди или бояре, большею частію друзья и родственники Новгородской партіи, сдавшей Псковъ Нѣмцамъ и сами, замѣшанныя въ этой сдачѣ, естественно лишились того довѣрія, которымъ такъ долго и своекорыстно пользовались у Псковскаго вѣча; выборныя, или присланныя изъ Новгорода власти, не умѣвшія или не хотѣвшія открыть измѣну и тѣмъ спасти Псковъ отъ Нѣмцевъ, подверглись той же участи какъ и бояре. Псковское вѣче, не вступая въ борьбу ни съ тѣми, ни съ другими, и даже не преслѣдуя тѣхъ, участіе которыхъ въ измѣнѣ было извѣстно, сдѣлало только то, что перестало признавать ихъ своими руководителями и голоса ихъ сравняло съ голосами меньшихъ людей; такъ что преобладаніе на вѣчѣ стало мало-по-малу переходить на сторону послѣднихъ, и въ скорости Псковъ обратился въ чисто демократи-

ческую республику, хотя и не уничтожилъ у себя аристократіи и ей преимущественно предоставилъ важное право выборной службы. Псковичамъ тѣмъ удобнѣе было это сдѣлать, что Псковская аристократія въ прежнее время держалась преимущественно Новгородскою боярскою партіей, и, по пораженіи этой партіи, потеряла эту главнѣйшую свою опору.

Въ первые годы по освобожденіи отъ Нѣмцевъ, преобразовавшійся въ своемъ внутреннемъ устройствѣ Псковъ строго держался тѣснаго родственнаго союза съ Новгородомъ; новопроизведенная реформа относилась собственно къ внутреннему устройству Пскова и нисколько не касалась его отношеній къ Новгороду; вмѣстѣ съ внутреннею реформой Псковское вѣче даже стало въ лучшія отношенія къ Новгородскому вѣчу, чѣмъ въ какихъ было до реформы, ибо прежде между тѣмъ и другимъ вѣчемъ стояла боярская Новгородская партія, преслѣдовавшая свои частные интересы, нерѣдко противные интересамъ Новгородскаго вѣча; съ паденіемъ же сей партіи это посредничество прекратилось, и Псковское и Новгородское вѣче стали относиться другъ къ другу прямо, безъ посторонняго посредничества. Когда въ 1243 году во Псковѣ явилось знаменіе отъ иконы Спасителя, въ монастырѣ Святаго Іоанна, натекло четыре вощаницы мура; то Поковское вѣче, въ знакъ своего тѣснаго союза съ Новгородцами, двѣ вощаницы этой святыни отправило въ Новгородъ, и двѣ вощаницы оставило во Псковѣ. Новгородцы тоже платили Псковичамъ тѣсною дружбой и усерднымъ участіемъ въ дѣлахъ Пскова; ибо когда въ 1253 году Нѣмцы, оправившись отъ пораженія на Ледовомъ побоищѣ,

снова напали на Псковъ, подошли къ самому городу и пожгли посады, то Новгородцы немедленно явились на выручку къ Псковичамъ и принудили Нѣмцевъ оставить осаду, а потомъ опустошили Нѣмецкія волости по Наровѣ, и тѣмъ самымъ дали Псковичамъ возможность также вступить въ Нѣмецкую землю и побить Нѣмцевъ. Это дружное нападеніе на Нѣмецкую землю, небывалое прежде, ближайшимъ своимъ слѣдствіемъ имѣло то, что Нѣмцы поспѣшили прислать своихъ пословъ во Псковъ и Новгородъ съ просьбою о мирѣ, и заключили миръ на всей воли Псковской и Новгородской. Настоящимъ своимъ дѣятельнымъ участіемъ въ борьбѣ съ Нѣмцами Новгородцы какъ бы хотѣли вознаградить Псковичей за то, что въ прежнее время своею невнимательностію къ Псковскимъ дѣламъ они допустили Нѣмцевъ придвинуться къ самымъ границамъ Псковскихъ владѣній.

Не прекращая своихъ дружественныхъ отношеній къ Новгороду, Псковичи въ 1253 году приняли себѣ въ князья Александрова брата, князя Ярослава Ярославича, бѣжавшаго изъ Твери; но уже не по указанію той или другой Новгородской партіи, какъ бывало прежде, а по собственному усмотрѣнію, имѣя въ виду воспользоваться услугами его и его дружины, на случай войны съ кѣмъ либо изъ сосѣдей, и это распоряженіе Псковичей нисколько не разсорило ихъ съ Новгородцами. Равнымъ образомъ, когда къ 1255 году Новгородцы перезвали къ себѣ Ярослава, то этимъ не обидѣлись Псковичи, и въ томъ же году опять приняли Ярослава, когда онъ былъ изгнанъ изъ Новгорода своимъ старшимъ братомъ Александромъ. Вообще, послѣ освобожденія Пскова отъ Нѣм-

цевъ, Псковичи поставили себя въ такое положеніе, что принять или не принять того или другаго князя рѣшительно зависѣло отъ самого Псковскаго вѣча, и это нисколько не ссорило ихъ съ Новгородцами и не измѣняло отношеній къ Новгороду, какъ чисто внутреннее дѣло, до котораго никто не имѣлъ права касаться со стороны. Между тѣмъ Миндовгъ, великій князь Литовскій, уже около пятнадцати лѣтъ, велъ опустошительную войну съ Нѣмецкими рыцарями на границахъ Курляндіи; война эта была то счастлива, то несчастлива для него. Наконецъ, въ 1262 году, чтобы за одинъ разъ покончить съ Нѣмцами и выгнать ихъ изъ Ливоніи, Миндовгъ вступилъ въ союзъ съ Новгородцами и Псковичами, чтобы въ одно время напасть на Нѣмцевъ и съ запада въ Курляндіи и Ливоніи, и съ востока въ Чудской землѣ или въ Эстоніи. Новгородцы и особенно Псковичи были очень рады таковому союзу, какъ потому что Нѣмцы не переставали безпокоить Псковскія границы мелкими набѣгами, такъ и потому что и Новгородцамъ и Псковичамъ очень хотѣлось воротить Русскій городъ Юрьевъ, все еще остававшійся во власти Нѣмцевъ. А посему Новгородцы и Псковичи, подъ предводительствомъ Псковскаго князя Ярослава Ярославича и присланнаго отъ Александра сына его Димитрія и Полотскаго князя Товтивила, пришедшаго по приказанію Миндовга съ 500 Литовцевъ, отправились большою ратью къ Юрьеву, взяли приступомъ три стѣны этого города, разграбили его, избили множество Нѣмцевъ, но самой крѣпости взять не могли. А между тѣмъ пришла вѣсть, что на выручку къ Юрьевцамъ идетъ самъ магистръ ордена съ боль-

шимъ войскомъ, только-что заставившій Миндовга отступить отъ Вендена и воротиться въ Литву. Получивши такую вѣсть, союзники поспѣшили снять осаду Юрьева и благополучно возвратились домой съ богатою добычей и множествомъ плѣнниковъ, страшно опустошивши Юрьевскую область. Такъ неудачно кончился дружно задуманный, но не дружно исполненный походъ на Ливонскихъ Нѣмцевъ, не принесшій существенной пользы ни Новгороду ни Пскову, и за который Псковичи должны были поплатиться прежде всѣхъ. Нѣмецкія лѣтописи даже говорятъ, что орденскій магистръ, преслѣдуя отступающаго непріятеля, переступилъ уже Псковскія границы и началъ обычныя опустошенія Псковской земли; но, застигнутый болѣзнію, принужденъ былъ воротиться домой.

На слѣдующій годъ послѣ похода подъ Юрьевъ князь Ярославъ, по случаю смерти Александра Невскаго, получилъ велико-княжескій престолъ во Владимірѣ, и на мѣсто себя оставилъ во Псковѣ своего сына Святослава. Между тѣмъ, въ 1263 году, въ Литвѣ былъ убитъ своими родственниками великій князь Литовскій Миндовгъ, и между его родственниками началась страшная рѣзня, которая заставила многихъ знатныхъ Литовцевъ бѣжать изъ отечества въ чужія страны, и въ числѣ таковыхъ бѣглецовъ въ 1266 году пришелъ во Псковъ князь Довмонтъ съ своею дружиною въ 300 человѣкъ и со всѣми ихъ семействами, ища себѣ пріюта и спасая свою голову отъ злобныхъ враговъ. Псковичи и тогдашній ихъ князь Святославъ радушно приняли Довмонта и его дружину, убѣдили ихъ оставить языческую вѣру

и принять святое крещеніе, на что они и согласились, и Довмонтъ въ св. крещеніи получилъ имя Тимоѳея. За тѣмъ Псковское вѣче, поразмысливши что съ безпріютнымъ Довмонтомъ будетъ легче ладить, чѣмъ съ велико-княжескимъ сыномъ Святославомъ, имѣвшимъ опору въ своемъ отцѣ, посадило Довмонта на Псковскій престолъ, а Святослава попросило оставить Псковъ. И не даромъ Псковичи предпочли Довмонта Святославу; Довмонтъ былъ именно такимъ княземъ, въ какомъ нуждался Псковъ. Съ одной стороны, беззавѣтная храбрость, не справлявшаяся о числѣ враговъ, и умѣнье вести военныя дѣла, ставили Довмонта незамѣнимымъ бойцемъ за землю святыя Троицы и за Псковскую свободу и независимость; а съ другой стороны, безпріютное положеніе Довмонта и самый его характеръ тихій и уступчивый прямо обезпечивали Псковское вѣче отъ притязаній княжеской власти. Изъ всего этого вышло то, что тридцатитрехлѣтнее безпрерывное княжествованіе Довмонта было самымъ блестящимъ временемъ во всей Псковской исторіи, положившее твердое основаніе тому значенію Пскова, которымъ онъ пользовался въ послѣдствіи. И не напрасно Псковичи изъ всѣхъ своихъ князей только двухъ, Всеволода и Довмонта, признавали святыми покровителями и защитниками своего города; именно Всеволодъ и особенно Довмонтъ были главными основателями Псковской независимости и самостоятельности,—одинъ какъ первый отдѣльный Псковскій князь, а другой какъ князь утвердившій Псковичей въ увѣренности, что они и безъ посторонней помощи могутъ справляться съ грозными врагами сосѣдами, и, что всего важнѣе для внутренняго Псков-

скаго устройства, своею непритязательностію укрѣпившій правильныя отношенія вѣча къ князю.

Свое тридцатитрехлѣтнее княжествованіе во Псковѣ Довмонтъ началъ счастливою войной съ врагами Пскова и Новгорода и съ собственными своими,— прежними родичами Литовцами. Лѣтопись описаніе Довмонтова княжествованія прямо начинаетъ словами: „Вложи Богъ въ сердце Довмонту благодать свою, побороти по святѣй Софіи и по св. Троицы, отмстити кровь христіанскую; и поиде съ Псковичи на поганую Литву.“ Въ этотъ первый набѣгъ Довмонтъ, хорошо знавшій врага, на котораго шелъ, отправился только съ 270 ратниками изъ своей дружины и Псковичей, и съ этою горстью незамѣченный пробрался далеко въ Литовскую землю, перешелъ Двину и проникъ прямо во владѣнія своего злѣйшаго врага князя Герденя, разграбилъ его домъ и взялъ въ плѣнъ жену и дѣтей; потомъ переправился назадъ черезъ Двину, и, отошедши верстъ пять, остановился станомъ на лѣсу, оставивъ двухъ стражей на Двинѣ. Между тѣмъ князь Герденъ, не бывшій дома во время Довмонтова набѣга, узнавши о несчастіи постигшемъ его домъ собралъ до 700 ратниковъ, и съ князьями Гогортомъ, Люмби, Югайломъ и другими пустился въ погоню. Довмонтовы стражи на Двинѣ лишь замѣтили погоню, немедленно подали вѣсть своему князю; а Довмонтъ, опустивши двѣ трети своего отряда съ плѣнниками во Псковъ, самъ съ однимъ девяносто оборотился назадъ къ Двинѣ и поспѣлъ туда какъ разъ во время переправы; пользуясь такимъ удобнымъ случаемъ, онъ нанесъ такое пораженіе непріятелю, что Герденъ только съ немногими спутниками успѣлъ

убѣжать, а Гогортъ и другіе князья и почти вся дружина, частію пали отъ меча Псковичей, частію потонули въ Двинѣ; изъ Довмонтова же отряда палъ только одинъ Псковитянъ, Антонъ сынъ Лочковъ, прочіе же всѣ благополучно возвратились домой съ богатою добычей. Потомъ, въ томъ же году, зимою Довмонтъ въ другой разъ водилъ Псковичей въ Литву, и далъ такую память Литовцамъ, что они во все его княжествованіе ни разу не показывались на Псковскихъ границахъ. Сими двумя походами Довмонтъ такую пріобрѣлъ довѣренность и любовь не только у Псковичей, но и у Новгородцовъ, что когда Новгородскій князь Ярославъ, недовольный тѣмъ что Псковичи промѣняли его сына Святослава на Довмонта, привелъ низовые полки, чтобы идти на Псковъ и выгнать оттуда Довмонта, то Новгородцы не согласились на это и заставили князя отослать низовые полки назадъ. Какъ бы въ благодарность за это, Довмонтъ, на слѣдующій годъ, вмѣстѣ съ Елеферіемъ Сбыславичемъ водилъ Новгородцевъ и Псковичей въ Литовскую землю и произвелъ тамъ большія опустошенія. Симъ послѣднимъ походомъ князь Довмонтъ кажется заставилъ Литву уважать и Новгородскія границы. По крайней мѣрѣ, послѣ настоящаго похода, лѣтописи упоминаютъ только объ одномъ набѣгѣ Литовцевъ на Новгородскія владѣнія въ 1285 году.

Сослуживъ службу Пскову противъ одного врага, Довмонтъ принялъ на себя новую службу противъ другаго, и несъ эту службу до послѣдняго дня жизни съ такою же горячностью и энергіей уже въ старости, съ какою принялъ ее еще въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ; служба эта, продолжавшаяся до конца жизни

Довмонта, была война съ Нѣмцами. Свою службу противъ Нѣмцевъ Довмонтъ началъ участіемъ въ походѣ Новгородцевъ подъ Раковоръ и Колывань. Новгородцы, желая поправить свои прежнія ошибки, вслѣдствіе которыхъ Нѣмцы завладѣли землею Чуди, и не имѣя надлежащаго успѣха въ походахъ къ Юрьеву, рѣшились попытать счастья на сѣверномъ краю Чудской земли противъ Датчанъ, укрѣпившихся въ Колывани (Ревелѣ) и Раковорѣ (Везембергѣ). Съ этою цѣлію Новгородцы съ своимъ княземъ Юріемъ, въ 1268 году, перебрались черезъ Нарову и, опустошая все по пути, дошли до Раковора, осадили этотъ городъ, потеряли нѣсколько своихъ воиновъ и не взявъ города воротились домой; но не за тѣмъ чтобы оставить это предпріятіе, а чтобы приготовиться къ нему съ большими силами. Первый походъ къ Раковору, кажется, нуженъ былъ Новгородцамъ только для того, чтобы поосмотрѣться на мѣстѣ, что приготовить для втораго рѣшительнаго похода; и осмотръ на мѣстѣ показалъ что именно нужно для втораго похода. А посему Новгородцы, воротясь изъ-подъ Раковора, немедленно занялись постройкою осадныхъ машинъ, а между тѣмъ послали гонцовъ къ князьямъ Владимирскому и Переяславскому просить помощи на Нѣмцевъ. Князья приняли просьбу Новгородцевъ и стали съѣжаться съ своими полками въ Новгородъ: именно первый пріѣхалъ князь Дмитрій Александровичъ Переяславскій, затѣмъ Владимірскій князь Ярославъ прислалъ своихъ сыновей Святослава и Михаила съ ихъ дружинами, въ это же время прибылъ и Довмонтъ съ Псковичами и нѣкоторые другіе князья. Нѣмцы, Рижане, Вельядцы и Юрьевцы и другихъ городовъ, услыхавши о приготовле-

віяхъ въ Новгородѣ, отправили къ Новгородцамъ своихъ пословъ, которые сказали на Новгородскомъ вѣчѣ: „у насъ съ вами миръ, воюйте какъ хотите съ Колыванцами и Раковорцами, они не наши, мы за нихъ не вступаемся и цѣлуемъ къ вамъ крестъ; и дѣйствительно на вѣчѣ же поцѣловали крестъ, а Новгородцы послали своего мужа Лазаря Моисѣевича приводить ко кресту епископовъ и рыцарей, чтобы они не помогали Колыванцамъ и Раковорцамъ; тѣ цѣловали на томъ крестъ и взяли себѣ въ заложники знаменитаго Новгородца Семіона. Приготовившись какъ слѣдуетъ и обезпечивъ себя со стороны Нѣмцевъ, Новгородцы и ихъ союзники 23 января 1269 года двинулись въ походъ тремя путями, перешли Нарову и, опустошая все по пути, уже миновали Раковоръ и подходили къ Колывани, какъ клятвопреступные Нѣмцы встрѣтили ихъ сильнымъ полкомъ, подъ предводительствомъ своего магистра; въ этомъ полку была собрана вся Нѣмецкая земля, и полкъ такъ былъ великъ, что казался дремучимъ лѣсомъ. Впрочемъ Новгородцы и ихъ союзники не испугались неожиданнаго появленія Нѣмцевъ, ни ихъ многочисленности; они неробѣя переправились черезъ рѣку Кеголь на ту сторону, гдѣ стояли Нѣмцы, построились въ три полка и начали битву, продолжавшуюся съ крайнимъ ожесточеніемъ цѣлый день до поздняго вечера и кончившуюся пораженіемъ Нѣмцевъ, которые ночью бѣжали, потерявъ, по свидѣтельству Нѣмецкихъ лѣтописей, только орденскихъ братьевъ тридцать человѣкъ и шесть сотъ человѣкъ воиновъ, по свидѣтельству же Новгородской лѣтописи; побитыхъ непріятелей было столько, что конница не могла идти по тру-

цамъ. Но и Новгородцамъ и ихъ союзникамъ побѣда досталась не дешево, они потеряли въ битвѣ посадника, тринадцать знаменитѣйшихъ бояръ и множество простыхъ воиновъ; а по сему, простоявъ три дни на костяхъ, они не рѣшились продолжать похода и воротились домой, везя съ собою избіенныхъ. Между тѣмъ Довмонтъ, какъ храбрый наѣздникъ, пользуясь пораженіемъ и бѣгствомъ Нѣмецкой рати, остался съ своими Псковичами опустошать Чудскую землю, перебрался черезъ горы и до моря опустошивъ Вируянъ (Ракоборскую область), воротился во Псковъ съ богатою добычей и такимъ множествомъ плѣнниковъ, что лѣтопись говоритъ: „исполни землю свою множествомъ полона."

Но походъ подъ Раковоръ только былъ началомъ подвиговъ Довмонта на защиту Псковской земли отъ Нѣмцевъ. Въ томъ же 1269 году, въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, Нѣмцы въ числѣ 800 человѣкъ, сдѣлали набѣгъ на Псковскія границы, сожгли нѣсколько селъ и пошли назадъ. Довмонтъ, получивши объ этомъ вѣсть, немедленно съ 60 человѣками удалой дружины бросился за отступающими, нагналъ ихъ и разбилъ на рѣкѣ Мироповнѣ. Разбитые Нѣмцы въ двухъ насадахъ бросились на острова, думая тамъ укрыться въ травѣ; но удалый Довмонтъ замѣтилъ это и зажегъ траву, и Нѣмцы, выбѣгая изъ травы съ зажженными волосами, иные потонули въ рѣкѣ, а другіе были побиты дружиною Довмонта. Ободренный постоянными успѣхами, князь Довмонтъ, по свидѣтельству Нѣмецкихъ лѣтописей, въ 1272 году нечаянно ворвался въ Нѣмецкую землю съ большимъ войскомъ и напалъ на самого магистра Отто-фонъ Роденштейна, былъ

разбитъ Нѣмцами и, потерявъ пять тысячъ человѣкъ, отступилъ. Но и Нѣмцамъ побѣда стоила дорого; они лишились Дерптскаго или Юрьевскаго епископа со множествомъ рыцарей, павшихъ въ бою. Судя по участію въ битвѣ епископа Дерптскаго, очевидно сраженіе происходило въ Дерптской или Юрьевской области, но гдѣ именно, Нѣмецкій лѣтописецъ не упоминаетъ; а въ Русскихъ лѣтописяхъ вовсе нѣтъ извѣстій объ этомъ походѣ Довмонта. Но кажется и Русскимъ лѣтописямъ былъ не безъизвѣстенъ онъ, ибо, при описаніи магистрова похода подъ Псковъ въ томъ же году, они говорятъ: „слышавъ же Мейстеръ Рижскій храбрость и мужество Довмонтово, совокупя множество вой своихъ и ополчився въ силѣ тяжце пріиде ко Пскову.“ О походѣ магистра Ливонскаго подъ Псковъ въ 1272 году и Русскія и Нѣмецкія лѣтописи говорятъ почти одинаково, что Магистръ съ многочисленнымъ войскомъ (у Нѣмцевъ въ 18 тысячъ) на корабляхъ и въ лодьяхъ и на коняхъ, съ стѣнобитными орудіями, пришелъ ко Пскову (у Нѣмцевъ сказано прежде взялъ Изборскъ и опустошилъ страну), похваляясь плѣнить домъ Святыя Троицы (Псковъ), Псковичей избить, а немогущихъ противиться женъ и дѣтей увести въ рабство. Довмонтъ, узнавъ о походѣ магистра, немедленно послалъ вѣсть въ Новгородъ съ просьбою о помощи, и, прождавъ девять дней полковъ Новгородскихъ, на десятый день, 8-го Іюня, помолясь Богу въ церкви св. Троицы и препоясавшись освященнымъ на олтарѣ мечемъ отъ игумена Исидора и принявъ благословеніе отъ всего іерейскаго чина, вышелъ съ Псковскою дружиной изъ города и напалъ на станъ непріятель-

скій, ранилъ въ лицо самого магистра, и такое произвелъ опустошеніе въ Нѣмецкихъ полкахъ, что Нѣмцы, поклавши трупы своихъ убитыхъ въ лодьи, сняли осаду Пскова и потянулись домой еще до прихода Новгородскихъ помощныхъ полковъ. Такъ что пришедшимъ Новгородцамъ пришлось только гнаться за бѣгущимъ непріятелемъ и заключить съ Ливонскимъ магистромъ миръ на всей воли Псковской и Новгородской. У Нѣмцевъ также сказано, что магистръ Отто-Роденштейнъ, не взявши Пскова, заключилъ миръ.

Но миръ съ Нѣмцами не могъ быть продолжителенъ; много было между Нѣмцами и Псковичами, чего нельзя было прикрыть никакимъ миромъ. У Псковичей еще оставались колоніи въ сосѣднихъ земляхъ Чуди и Летголы, и даже съ нѣкоторыхъ тамошнихъ мѣстностей они время отъ времени продолжали сбирать дань; Нѣмцы же, напротивъ, всѣ земли Чуди и Летголы считали своею исключительною собственностью и не хотѣли терпѣть совмѣстничества Псковичей, да и на землю св. Троицы, т. е. на Псковъ, смотрѣли какъ на свою добычу, еще не пришедшую къ рукамъ. А посему, несмотря ни на какіе мирные договоры, на границахъ Пскова съ Ливонскими Нѣмцами не прекращалась мелкая война; долго не было только большой войны послѣ мира 1272 года, ибо главныя силы Нѣмцевъ, почти въ продолженіе 30 лѣтъ, отвлекались къ юго-западнымъ границамъ Ливоніи, гдѣ продолжались жестокія битвы съ Жмудью и Литвою, и въ это же время много удерживали Нѣмцевъ ихъ собственныя междоусобія, ибо съ 1289 года у нихъ начались продолжительныя ссоры между орденскими магистрами и епископами. О мелкихъ же вой-

пахъ Псковская лѣтопись прямо говоритъ: „И паки поганая Латина (Ливонскіе Нѣмцы, какъ исповѣдующіе Латинскую вѣру), нача силу дѣяти на Псковичахъ нападеніемъ и работою:" И послѣ мира поганая Латына Нѣмцы продолжали дѣлать набѣги на Псковскія пограничныя селенія и охотиться за тамошними жителями для обращенія ихъ въ рабство. Но таковая Нѣмецкая охота при Довмонтѣ скоро должна была прекратиться; лѣтопись же говоритъ: „Боголюбивый же князь Довмонтъ, нетерпѣ обидимъ быти, и за набѣги платилъ жесточайшими набѣгами, жегъ и опустошалъ Нѣмецкія села и города, являясь всегда нечаянно и уходя домой невидимо; и такимъ образомъ, по словамъ лѣтописи, учинилъ Псковичей грозными для всѣхъ немирныхъ сосѣдей. И такое грозное положеніе продолжалось до 1299 года; въ этомъ же году Нѣмцы, уже давно не получавшіе надлежащихъ уроковъ отъ Довмонта, и думавшіе что онъ уже устарѣлъ, вздумали попытать своего счастья въ Псковской землѣ. Именно, Феллинскій или Вельядскій командоръ нечаянно пробрался къ самому Пскову, пожегъ посады, разграбилъ пригородные монастыри, избилъ иноковъ, женщинъ и дѣтей, и на другой день подступилъ къ самому городу, думая также легко управиться съ городомъ, какъ управился съ посадами. Но старикъ Довмонтъ еще не забылъ владѣть мечемъ и не разучился учить Нѣмцевъ; онъ, не дожидаясь пока сберется рать, съ небольшою своею дружиной и съ дружиною бывшаго въ городѣ боярина Ивана Дарогомиловича выступилъ противъ непрошенныхъ гостей, напалъ на нихъ у церкви Петра и Павла, на берегу Псковы, и въ страшной сѣчи, какой по словамъ

лѣтописи, еще не бывало подъ Псковомъ, ранилъ въ голову самого командора, и стремительностію и силою натиска такъ смѣшалъ толпы Нѣмцевъ, что они, побросавши оружіе, обратились въ бѣгство. Этотъ подвигъ Довмонта былъ послѣдній; черезъ два съ половиною мѣсяца престарѣлый князь скончался отъ какой-то заразительной болѣзни, опустошавшей тогда Псковъ.

Лѣтописецъ, восхваляя Довмонта и приравнивая его къ Александру Невскому и сыну его Димитрію, говоритъ: „сей же князь бѣ не однѣмъ храборствомъ показанъ бысть отъ Бога, но и боголюбецъ показася: въ мирѣ привѣтливъ, и церкви украшая, и попы и нищая любя, и вся праздники честно проводя, и попы и чернцы кормя, и милостыню дая сиротамъ и вдовицамъ. И прославися имя его, какъ князей Александра и Димитрія, во всѣхъ странахъ, и было имя его грозно на ратѣхъ, и бысть гласъ его грозенъ предъ полки, аки труба звѣняща, и былъ побѣждая, и не бѣ побѣдимъ.“ Но не одними воинскими подвигами, благочестіемъ и ласковостію сдѣлался незабвеннымъ для Псковичей князь Довмонтъ; его мирные доблести и труды, его умѣнье въ продолженіе 33 лѣтъ прожить въ согласіи съ Псковскимъ вѣчемъ, обыкновенно подозрительно смотрѣвшимъ на князей, его заботы о распространеніи и укрѣпленіи Пскова и другихъ городовъ замѣчательны не менѣе военныхъ подвиговъ. Одинъ Нѣмецкій лѣтописецъ, описывая Псковъ во время Довмонта, говоритъ: „этотъ городъ такъ обширенъ, что его окружность объемлетъ пространство многихъ городовъ, и въ Германіи нѣтъ города равнаго Пскову.“ Это свидѣтельство

иноземца лучше всего говорит о цвѣтущемъ состояніи Пскова при Довмонтѣ; изъ этого свидѣтельства можно заключать, что Псковъ въ то время обнималъ уже собою всѣ шесть городовъ, составлявшихъ Псковъ (Дѣтинецъ, Кромъ, Средній городъ Полонище, Запсковье и Завеличье), и окруженъ былъ стѣнами, даже частію каменными; одна изъ каменныхъ стѣнъ Пскова и въ послѣдствіи носила имя Довмонтовой стѣны.

Смерть Довмонта, по крайней мѣрѣ первоначально, не измѣнила положенія Пскова. Псковъ и по смерти Довмонта оставался тѣмъ же Псковомъ, какимъ былъ и при немъ, — городомъ пользующимся уваженіемъ у сосѣдей, хорошо устроеннымъ и неодолимымъ для враговъ. Тѣсный союзъ Пскова съ Новгородомъ, сложившійся при Довмонтѣ, оставался таковымъ же и послѣ Довмонта; Псковъ продолжалъ еще признавать себя пригородомъ Новгорода, и какъ пригородъ находился въ послушаніи у Новгородскаго вѣча, признавая Новгородскаго князя и своимъ княземъ, принималъ отъ него намѣстниковъ и посадниковъ отъ Новгорода, хотя въ то же время имѣлъ и своего князя, Довмонтова сына Давыда, и его намѣстниковъ и служилаго князя Евстафія Изборскаго. Таковое смѣшеніе властей, съ перваго взгляда представляющее страшную путаницу въ правленіи, въ сущности не было путаницею; ибо по Псковскому устройству всѣ власти, какъ свои выборныя, такъ и пришлыя со стороны, находились въ полной зависимости отъ Псковскаго вѣча и состояли у него на службѣ; и чѣмъ больше было властей, и чѣмъ разнороднѣе были власти, тѣмъ независимѣе дѣйствовало вѣче, тѣмъ силь-

нѣе развивало свою верховную власть, пользуясь тѣми или другими властями по своему усмотрѣнію. Самое подчиненіе Пскова Новгороду, какъ своей метрополіи вполнѣ зависѣло отъ Псковскаго вѣча; вѣче находило пока для себя выгоднымъ признавать Псковъ пригородомъ Новгорода, и потому держалось этого стараго порядка, но въ то же время нисколько не стѣснялось въ своихъ распоряженіяхъ и дѣйствовало самостоятельно, не спрашивая разрѣшеній у Новгородскаго вѣча. Псковъ терпѣлъ еще названіе Новгородскаго пригорода не болѣе какъ особую своеобразную форму союза съ Новгородомъ,—союза, который нуженъ былъ Псковичамъ какъ нравственная опора, чтобы внѣшніе враги знали, что Псковъ не одинъ, что за нимъ еще стоитъ Новгородъ, въ случаѣ нужды готовый явиться съ помощію.

Что касается до внѣшнихъ отношеній, то Псковъ по смерти Довмонта былъ въ постоянномъ мирѣ и даже союзѣ съ Литовскими князьями; даже Псковскій князь Довмонтовъ, сынъ Давыдъ, постоянно жилъ въ Литвѣ, и только въ случаѣ особенныхъ нуждъ пріѣзжалъ во Псковъ, и по просьбѣ вѣча даже приводилъ съ собою помощныя Литовскія войска; такъ что Псковичи, хотя не навѣрное, всегда могли разсчитывать на помощь или изъ Литвы, или изъ Новгорода, и таковыя отношенія продолжались почти всю первую половину XIV столетія. Но совсѣмъ не то было въ отношеніи къ Ливонскимъ Нѣмцамъ. Западная окраина Псковскихъ владѣній, примыкающая къ землямъ Чуди, теперь занятымъ Нѣмцами, всегда была больнымъ мѣстомъ для Пскова; у Псковичей почти не прекращались мелкія войны съ Нѣмцами, которые

оказались гораздо худшими сосѣдями чѣмъ Чудь, прежніе хозяева этой земли. Присмирѣвшіе немного подъ грозою Довмонта, Нѣмцы по смерти его опять принялись за набѣги на Псковскія границы и успѣли уже окончательно уничтожить Псковскія колоніи, еще кой-гдѣ остававшіяся въ земляхъ Чуди и Летголы, и наконецъ въ 1307 году сдѣлали нападеніе на самый Псковъ. По свидѣтельству Нѣмецкихъ лѣтописцевъ, Ливонскій магистръ Кондратъ Юке, помирившись съ архіепископомъ, собралъ большое войско и дома и въ Пруссіи, откуда ему было прислано 2000 человѣкъ, отправился прямо къ Пскову и осадилъ городъ. Во Псковѣ тогда былъ намѣстникомъ отъ Новгородскаго князя Михаила Ярославича его бояринъ Ѳедоръ Михайловичъ; онъ, услыхавши о приближеніи Нѣмцевъ, ушелъ изъ Пскова съ своею дружиной, несмотря на просьбы Псковичей. И Псковичи, оставленные безъ столь нужной помощи, естественно не могли побѣдить Ливонскаго магистра, предводительствующаго большимъ и опытнымъ войскомъ. Тѣмъ не менѣе они показали себя достойными учениками покойнаго Довмонта, и подъ предводительствомъ своего выборнаго посадника Бориса до тѣхъ поръ защищали свой городъ, пока Ливонскій магистръ вступилъ съ ними въ переговоры о мирѣ. Конечно миръ, заключенный въ такой крайности, не могъ быть выгоднымъ для Псковичей: они должны были согласиться на условія, предложенныя магистромъ; но тѣмъ не менѣе они отстояли Псковъ, и гордый Нѣмецъ долженъ былъ удалиться не взявши города.

Какъ соблюдался миръ, заключенный подъ стѣнами Пскова въ 1307 году со стороны Нѣмцевъ и Пско-

вичей за первое время, на это мы не имѣемъ извѣстій ни въ Русскихъ, ни въ Нѣмецкихъ лѣтописяхъ; только съ большею вѣроятностію можемъ предполагать, что этимъ миромъ не были довольны ни та ни другая сторона: Нѣмцы досадовали, что имъ не пришлось взять Пскова, который былъ уже почти въ ихъ рукахъ; а Псковичамъ были невыносимы тяжелыя условія мира, заключеннаго въ крайности. Но какъ бы то ни было до 1323 года мы не имѣемъ извѣстій о непріязненныхъ дѣйствіяхъ между Нѣмцами и Псковичами, подъ этимъ же годомъ мы читаемъ въ Псковской лѣтописи: „тоеже осени избили Нѣмцы Псковичей на миру, и гостей (купцовъ) на озерѣ, и ловцовъ на Неровѣ, и взяли Черемскій берегъ." Псковичи, узнавши объ этомъ, немедленно послали вѣсть въ Литву, къ своему князю Давыду Довмонтовичу, который съ своею дружиною прибылъ во Псковъ въ Февралѣ мѣсяцѣ слѣдующаго года 1324 и вмѣстѣ съ Псковичами отправился за Нарову платить Нѣмцамъ за набѣгъ, поплѣнилъ и опустошилъ тамошній край до Колывани (Ревеля), пожегъ и пограбилъ множество Латинскихъ церквей и монастырей и избилъ до пяти тысячъ Нѣмцевъ и Чуди. Въ отвѣтъ на походъ Псковичей за Нарову Нѣмцы въ Мартѣ мѣсяцѣ того же года подошли къ самому Пскову, но простоявъ три дня удалились; потомъ въ Маѣ мѣсяцѣ они опять явились подъ Псковомъ въ большихъ силахъ, и въ лодьяхъ и на коняхъ, съ стѣнобитными орудіями, городками и съ другими разными замышленіями, очевидно съ явнымъ намѣреніемъ взять Псковъ, и на первомъ же съ ступѣ убили Псковскаго посадника Семена Алексинича, и стояли подъ горо-

предъявленіи ему повѣстки объ исполненіи, а простой поручитель—только въ случаѣ недостатка имѣнія должника на удовлетвореніе присужденнаго съ него взысканія.

652. Прежде рѣшенія по существу иска, по коему принято поручительство, истецъ не имѣетъ права требовать обезпеченія своего иска имуществомъ поручителя; но когда уже состоялось рѣшеніе по существу дѣла, подлежащее исполненію, то истецъ имѣетъ право просить о наложеніи запрещенія или ареста на имущество поручителя, впредь до окончательнаго своего удовлетворенія изъ имѣнія самого отвѣтчика.

ОТДѢЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Привлеченіе третьяго лица къ дѣлу.

653. Отвѣтчикъ, считающій себя вправѣ просить о привлеченіи третьяго лица къ дѣлу, долженъ подать о томъ прошеніе не позже того срока, который назначенъ ему на явку въ судъ.

654. Истецъ, который вслѣдствіе возраженій отвѣтчика пожелаетъ привлечь третье лицо къ дѣлу, можетъ заявить свое о томъ требованіе въ первомъ засѣданіи суда, но долженъ подать прошеніе не позже слѣдующаго дня.

655. Въ прошеніи о привлеченіи третьяго лица къ дѣлу означается мѣсто его жительства и излагаются обстоятельства дѣла и тѣ основанія, по коимъ проситель считаетъ это лицо подлежащимъ привлеченію къ дѣлу. Безъ означенія его мѣста жительства судъ не приступаетъ къ самому вызову.

656. Копіи прошенія о привлеченіи третьяго лица къ дѣлу сообщаются какъ призываемому, такъ и противной сторонѣ.

657. По вступленіи прошенія о привлеченіи треть-

что они не прислали имъ помощи въ крайней нуждѣ, заключили съ Нѣмцами отдѣльный миръ на всей воли Псковской, и даже не увѣдомили о томъ Новгорода; такъ что по этому миру Нѣмцы смѣло могли нападать на владѣнія Новгородскія, не опасаясь помѣхи со стороны Псковичей, что̀ кажется дѣйствительно и было; ибо Новгородцы должны были заключить въ 1326 году отдѣльный миръ съ Нѣмцами при посредствѣ Литовскихъ князей.

Дѣйствуя самостоятельно и независимо въ отношеніи къ Нѣмцамъ и даже не получая отъ Новгородцевъ помощи, Псковичи тѣмъ не менѣе продолжали еще себя считать пригородомъ Новгорода и, какъ пригородъ, еще не отрекались отъ участія въ дѣлахъ Новгорода, когда требовало этого Новгородское вѣче. Такъ подъ 1316 годомъ есть извѣстіе, что Псковичи, по приглашенію Новгородскаго вѣча приходили помогать Новгороду въ войнѣ противъ Тверскаго князя Михаила Ярославича; или подъ 1318 годомъ читаемъ въ лѣтописи: „князь Юрій Даниловичъ позва Новгородцевъ съ собою, и идоша съ нимъ весь Новгородъ и Псковъ, и пришедше на Волгу докончаша съ Михаиломъ княземъ миръ.“ Но послѣднее нашествіе Нѣмцевъ въ 1324 году, въ которомъ Новгородцы оставили Псковъ безъ помощи, много охладило отношенія Псковичей къ Новгороду; съ этого времени Псковъ годъ отъ года начинаетъ выказывать свое охлажденіе къ Новгороду, хотя явно еще не разрываетъ своего стараго союза и продолжаетъ признавать себя Новгородскимъ пригородомъ.

Въ 1327 году явился во Псковѣ новый знаменитый бѣглецъ, преслѣдуемый сильными врагами, подобный

Довмонту, великій князь Тверскій Александръ Михайловичъ, внукъ того Ярослава, который когда-то искалъ убѣжища во Псковѣ. Навлекши на себя гнѣвъ Татарскаго хана Узбека избіеніемъ его пословъ, князь Александръ Михайловичъ сначала думалъ было искать убѣжища въ Новгородѣ, но тамъ его не приняли и даже ѣхать туда запретили; тогда онъ со всѣмъ своимъ семействомъ и вѣрнѣйшею дружиной, спасая свою голову и семейство, прибѣжалъ во Псковъ. Псковичи приняли его съ честію, посадили на Псковскій княжескій престолъ въ церкви св. Троицы и цѣловали къ нему крестъ защищать его до послѣдней крайности. Разумѣется, преслѣдуемый врагами, Александръ безпрекословно принялъ всѣ тѣ условія относительно княжеской власти, которыя ему предложило Псковское вѣче; и Псковичи такъ полюбили его, что дѣйствительно готовы были положить за него свои головы, что̀ въ скорости и доказали на самомъ дѣлѣ. Не прошло еще и трехъ лѣтъ по прибытіи Александра во Псковъ, какъ по приказанію хана Узбека и по собственной ненависти къ Александру, Московскій князь Иванъ Даниловичъ поднялъ почти всѣхъ Русскихъ князей, и съ большимъ Татарскимъ и Русскимъ войскомъ прибылъ въ Новгородъ, и оттуда отправилъ пословъ: отъ себя боярина Луку Протасьева съ дружиною и отъ Новгорода владыку Моисея къ князю Александру во Псковъ съ требованіемъ, чтобъ онъ ѣхалъ въ Орду къ Хану. Князь Александръ, не видя ни откуда помощи, уже готовъ былъ исполнить требованіе, объявленное послами; но Псковичи въ одинъ голосъ сказали: „не ѣзди, господине, въ Орду, а ежели что будетъ на тебя, то мы всѣ

умремъ съ тобою, господине, на одномъ мѣстѣ.“ И отпустили Московскихъ и Новгородскихъ пословъ съ отвѣтомъ, что не выдадутъ своего князя. Послѣ такого отвѣта Московскому князю оставалось одно, — идти на Псковъ войною; и онъ дѣйствительно двинулъ уже свои громадныя войска изъ Новгорода, дошелъ до Опоки и тамъ остановился, а напередъ себя послалъ во Псковъ митрополита всея Русіи Өеогноста предать князя Александра и Псковичей проклятію за неисполненіе ханскаго приказанія. Князь Александръ, нежелая подвергнуть проклятію себя и Псковичей, пришелъ на вѣче и сказалъ Псковичамъ: „братья мои и друзья мои! не хочу чтобы на васъ легло проклятіе и отлученіе ради меня, не буди вашего цѣлованія (присяги) на мнѣ, ни моего на васъ, ѣду вонъ изъ вашего города, только цѣлуйте крестъ на княгини моей, чтобы не выдавать ее врагамъ.“ Псковичи цѣловали крестъ не выдавать княгини и семейства Александрова и съ великою печалію и слезами отпустили самого Александра въ Литву. За тѣмъ Псковское вѣче отправило свое посольство къ Московскому князю въ Опоку, которое именемъ вѣча или всего Пскова объявило Московскому князю: „князь Алаксандръ изо Пскова уѣхалъ прочь, а тебѣ, господину своему князю великому, весь Псковъ кланяется, отъ мала и до велика, и попове и черницы, и сироты и вдовицы, и жены и малыя дѣти.“ Московскій князь, довольный тѣмъ, что выгналъ Александра, безпрекословно заключилъ съ Псковичами миръ по старинѣ, а митрополитъ Өеогностъ и владыка Новгородскій сняли съ Пскова проклятіе и благословили начальниковъ Псковскаго

посольства посадника Селогу и весь Псковъ.—Какъ въ принятіи къ себѣ Александра, такъ въ отпускѣ его въ Литву и въ заключеніи мира съ Московскимъ великимъ княземъ Псковичи дѣйствовали самостоятельно и независимо отъ Новгородскаго вѣча, не какъ Новгородскій пригородъ, а какъ государство совершенно отдѣльное и независимое отъ Новгорода.

Черезъ полтора года князь Александръ Михайловичъ возвратился изъ Литвы къ своей княгинѣ и семейству, и Псковичи снова приняли его въ свои князья, неспрашиваясь объ этомъ у Новгорода. Съ возвращеніемъ Александра во Псковъ возвратились къ Псковичамъ счастливые мирные годы княженія Довмонтова. Князь Александръ, благодарный Псковичамъ за ихъ привязанность къ нему, жилъ въ мирѣ и согласіи съ Псковскимъ вѣчемъ; а бывши въ Литвѣ полтора года, онъ пріобрѣлъ расположеніе великаго князя Литовскаго Гедимина и другихъ тамошнихъ князей, и вмѣстѣ съ собою перенесъ это расположеніе и на Псковъ; и тѣмъ самымъ обезпечилъ Псковичей не только со стороны Литвы, но и со стороны Нѣмцевъ; ибо Нѣмцы, занятые у себя дома и зная о тѣсномъ союзѣ страшнаго для нихъ Гедимина съ Псковскимъ княземъ, не осмѣливались безпокоить и Пскова. Относительно Новгорода Псковичи, опираясь на союзъ своего князя съ Литовскими князьями, поставили себя въ такое положеніе, что въ 1331 году, пользуясь случаемъ избранія новаго владыки въ Новгородѣ, замышляли отложиться отъ Новгорода и въ церковномъ отношеніи, и уже выбрали себѣ отдѣльнаго епископа, и не исполнили своего замысла только потому, что митрополитъ всея Русіи не согласился на это, и,

несмотря на просьбы Гедимина, не посвятилъ избраннаго Псковомъ въ епископы; въ мирскихъ же дѣлахъ они уже дѣйствовали рѣшительно безъ отношеній къ Новгороду. Пользуясь миромъ съ Нѣмцами, но ненадѣясь на его продолжительность, Псковское вѣче, по предложенію дѣятельнаго умнаго посадника Селоги, занялось укрѣпленіемъ своихъ границъ на юго-западѣ, съ которой стороны преимущественно Нѣмцы дѣлали свои набѣги. Древній городъ Изборскъ, теперь передовой постъ Псковскихъ владѣвій, много претерпѣвшій въ предшествовавшія войны съ Нѣмцами, былъ уже ненадеженъ, и самая мѣстность, гдѣ онъ стоялъ, оказывалась не совсѣмъ удобною для обороны; а посему въ 1330 году посадникъ Селога съ Псковичами и Изборянами, оставивъ прежнюю мѣстность, перенесъ Изборскъ на Жеравью гору, обвелъ его каменною и плитяною стѣной и окружилъ рвомъ. Затѣмъ въ 1337 году, по предложенію того же посадника Селоги, Псковичи поправили и распространили укрѣпленія Дѣтинца въ самомъ Псковѣ, и проложили болѣе просторный путь къ церкви святыя Троицы на городъ.

Десятилѣтнее мирное и спокойное княжествованіе Александра Михайловича значительно измѣнило положеніе Пскова въ отношеніи къ сосѣдямъ, такъ что Псковъ, прежде обидимый и только-что съ трудомъ отстаивавшій свою самостоятельность, теперь сталъ подумывать какъ бы поживиться на счетъ сосѣдей или возвратить потерянное въ прежнее время. Александръ Михайловичъ выѣхалъ изъ Пскова въ Тверь въ 1337 году, и на его мѣсто былъ принятъ Псковичами князь Александръ Всеволодовичъ, неизвѣстно откуда пріѣхавшій, но кажется человѣкъ горячій и неуступчи-

вый. Между тѣмъ у Ливонскихъ Нѣмцевъ произошла страшная разладица: Чудь, особенно сѣверная, ближайшая къ рѣкѣ Наровѣ и морю, выведенная изъ терпѣнія разными насиліями и совершеннымъ порабощеніемъ, вдругъ взбунтовалась и въ одну ночь перерѣзала тысячу восемьсотъ человѣкъ Нѣмецкихъ дворянъ–землевладѣльцевъ, а остальные, которымъ удалось спастись отъ рѣзни, должны были босикомъ по лѣсамъ и болотамъ бѣжать въ Колывань. Возставшая же Чудь, пограбивши всѣ Латинскіе монастыри, бывшіе въ ихъ землѣ, и побивши монаховъ, собравшись въ числѣ десяти тысячъ, осадила Колывань. За Наровскою Чудью возстало другое племя Чуди, жившее на югъ отъ Колывани, въ области Вике, и осадило тамошняго епископа каноникова и дворянъ въ замкѣ Гапсаль; затѣмъ также возстало племя Осиліевъ, жившее на островахъ Эзелѣ и Даго, и сожгло и порѣзало всѣхъ жившихъ тамъ Нѣмцевъ, такъ что ни одному не удалось спастись. Возставшая Чудь, чтобы вести свое дѣло надежнѣе и имѣть себѣ опору, вошла въ сношенія, по свидѣтельству Нѣмецкихъ лѣтописей, съ какимъ-то Русскимъ княземъ, и за помощь обязалась признать власть Русскихъ и платить дань. Этотъ Русскій князь, по свидѣтельству Русскихъ лѣтописей, очевидно былъ ни кто иной какъ Александръ Всеволодовичъ, княжившій тогда во Псковѣ: онъ, воспользовавшись случаемъ, что въ 1341 году Нѣмцы убили пять человѣкъ Псковскихъ пословъ, проѣзжавшихъ чрезъ землю Летголы, возбудилъ Псковичей начать войну съ Нѣмцами, и, собравши войско, по опредѣленію Псковскаго вѣча, въ Декабрѣ мѣсяцѣ того же года, ворвался въ землю Летголы и, повоевавши тамъ довольно, во-

ротился во Псковъ. Но вмѣсто того чтобы продолжать войну, начатую по его замысламъ, князь Александръ поссорился съ Псковскимъ вѣчемъ и уѣхалъ въ Новгородъ и тѣмъ, конечно, много повредилъ дѣлу, въ которое самъ же вовлекъ Псковичей. Псковичи, съ войною на плечахъ, оставленные безъ князя, долго упрашивали Александра, чтобъ онъ къ нимъ воротился; не успѣвъ у князя, они отправили посольство съ мольбою къ Новгородцамъ, чтобъ они прислали имъ своего намѣстника и нужную помощь для войны съ Нѣмцами, но и Новгородцы имъ отказали. Оставшись одни, безъ князя и безъ союзниковъ, Псковичи, нежелая, а вѣроятно и неимѣя уже возможности остановить начатую войну, признали за лучшее вести ее мелкими набѣгами, что точно такъ же волей-не-волей приходилось дѣлать и Нѣмцамъ, занятымъ усмиреніемъ страшнаго возстанія Чуди и неимѣвшимъ посему средствъ выставить большое войско противъ Псковичей. Эта́ мелкая война, съ большимъ ожесточеніемъ съ обѣихъ сторонъ, продолжалась почти три года.

Нѣмцы начали эту войну построеніемъ новаго городка на самой Псковской границѣ, даже на Псковской землѣ, на рѣкѣ Пивжѣ. Псковичи послали партію въ триста человѣкъ, чтобы помѣшать этой постройкѣ; этой партіи удалось было зажечь городъ, но Нѣмцы успѣли потушить пожаръ и прогнать зажигателей съ потерею 32 человѣкъ. Не успѣвши надъ новымъ городкомъ (Маріенбургъ), Псковичи снарядили двѣ партіи, одну къ Наровѣ, а другую на рѣку Амовжу, въ Юрьевскую область; первая партія переправилась черезъ Нарову и успѣла взять посадъ подъ Ругодивомъ (Нарвою); а вторая, подъ начальствомъ

посадника Ильи, пожгла и пограбила всѣ села по обоимъ берегамъ Амовжи до городка Могилева, т. е. почти по всему теченію Амовжи, и воротилась домой благополучно. Между тѣмъ Псковское вѣче, ища себѣ союзниковъ, отправило посольство въ Витебскъ, къ Литовскому князю Ольгерду Гедиминовичу, просить помощи на Нѣмцевъ. Въ концѣ Мая или началѣ Іюня два удальца Филиппъ Ледовичъ и Олферій Селковичъ (не сынъ ли покойнаго посадника Селоги?) сговорились съ Порѣчанами и Островичами, идти воевать Летголы, и назначили мѣсто съѣхаться на княжемъ селѣ Изгояхъ. Филиппъ и Олферій съ Порѣчанами пришли на назначенное мѣсто, но вмѣсто Островичей встрѣтили тамъ партію Нѣмцевъ и Летголы въ 200 человѣкъ, пришедшихъ воевать Псковскія волости. при Филиппѣ и Олферьѣ было только шестьдесятъ человѣкъ; но они, не откладывая дѣла, немедленно вступили въ бой, и Ледовичъ былъ убитъ на первомъ же съступѣ; Селковичъ продолжалъ еще биться до полденъ; наконецъ палъ и Селковичъ съ семью храбрецами, и, утомленные битвой, Псковичи принуждены были нѣсколько отступить; то же сдѣлали и Нѣмцы съ Летголою и начали перевозить своихъ убитыхъ за рѣку Великую. Въ это время подоспѣли Островичи съ своимъ посадникомъ Васильемъ Онисимовичмъ и ударили на Нѣмцевъ, оставшихся на этомъ берегу Великой, которыхъ побили, а которые потонули въ рѣкѣ, переправившіеся же на другой берегъ обратились въ бѣгство и побросали своихъ убитыхъ. Въ концѣ іюля, партія молодыхъ людей въ 50 человѣкъ, подъ начальствомъ Карпа Даниловича, пѣшіе, пошли воевать за Наровою, но, не переходя еще

рѣки, наткнулись на Нѣмцевъ, пришедшихъ грабить Псковскія волости, и у села Кушели вступили въ бой и на припорѣ убили 20 человѣкъ Нѣмцевъ; разбитые Нѣмцы пустились въ бѣгство и побросали собранную ими добычу и плѣнниковъ. Зимою того же года бояринъ Володша Строиловичъ, поднимя съ собою Псковичей-охотниковъ, отправился воевать Нѣмецкія села по озеру; по получивши вѣсть, что Нѣмцы воюютъ Псковское село Ремду, повернулъ туда, неожиданно напалъ на Нѣмцевъ, разбилъ ихъ,—иныхъ убилъ, иные бѣжали, другіе попались въ плѣнъ; плѣнниковъ Володша привелъ во Псковъ, и тамъ ихъ изрубили.

Наконецъ въ слѣдующемъ 1342 году, Литовскій князь Ольгердъ Гедиминовичъ, исполняя просьбу Псковичей, прислалъ во Псковъ своего воеводу князя Юрія Витовтовича съ дружиною, а затѣмъ 20 іюля прибылъ и самъ съ своимъ братомъ Кейстутомъ, сыномъ Андреемъ и другими князьями и съ ратною помощію Видблянъ и Литовцевъ. Ольгердъ послалъ напередъ воеводу князя Юрія Витовтовича къ новому Нѣмецкому городку, добывать языка. Князь Юрій, поднявши Псковичей и Изборянъ, отправился на рубежъ, и у рѣчки Мекужицы наткнулся на большую Нѣмецкую рать, шедшую осаждать Изборскъ, былъ разбитъ Нѣмцами, потерялъ изъ своего отряда шестьдесятъ человѣкъ и съ остальными заперся въ Изборскѣ. Это было 2-го Августа, а на другой день Нѣмцы явились уже подъ Изборскомъ съ стѣнобитными орудіями, подвижными городками и другими замыслами и осадили городъ. Ольгердъ съ Кейстутомъ, незная еще объ осадѣ Изборска, приказали Литовцамъ, Видблянамъ и Псковичамъ перебираться черезъ рѣку

Великую, и остановились станомъ на урочищѣ Камени. Отсюда князь Ольгердъ послалъ своихъ людей добывать языка, которые поймали языка за Холохольномъ и со словъ языка донесли, что подъ Изборскомъ стоитъ большая Нѣмецкая рать. Получивши такую вѣсть, Ольгердъ приказалъ перебираться назадъ за рѣку, на Псковскую сторону; самъ же съ небольшою дружиною Литовцевъ и Псковичей и съ братомъ своимъ Кейстутомъ поѣхалъ къ Грамскому болоту осматривать Нѣмецкую рать; и здѣсь былъ убитъ молодой князь Любко, сынъ Полотскаго князя Воина, заѣхавшій далеко впередъ и не разглядѣвши въѣхавшій въ сторожевый Нѣмецкій полкъ, чѣмъ крайне были опечалены Ольгердъ, Кейстутъ и другіе князья. Между тѣмъ Изборскъ находился въ крайности; правда, стѣны и ровъ, только десять лѣтъ тому назадъ выстроенные, были надежны и не подавались при всѣхъ усиліяхъ Нѣмцевъ, а такіе защитники, какъ князь Юрій Витовтовичъ, Илья Борисовичъ, Володша Строиловичъ и священникъ Борисъ, не подумали бы о сдачѣ и въ плохомъ укрѣпленіи; но въ городѣ скоро оказался недостатокъ въ водѣ. И князь Юрій, не имѣя возможности долго бороться съ этимъ новымъ врагомъ, нѣсколько разъ посылалъ во Псковъ, чтобы шли на выручку, а Ольгердъ не двигался, сколько ни просили его Псковичи. Тѣмъ не менѣе Нѣмцы, простоявъ пять дней, и видя съ одной стороны твердость городскихъ укрѣпленій и мужество осажденныхъ, а съ другой боясь движенія Ольгердовой рати, сняли осаду и такъ поспѣшно удалились домой, что даже сожгли свои подвижные городки, стѣнобитныя орудія и другіе запасы.

По удаленіи Нѣмцевъ, Псковичи долго упрашивали Ольгерда, чтобъ онъ остался у нихъ княжить; но Ольгердъ не согласился на это, и со всѣми своими полками и братомъ Кейстутомъ отправился домой, оставивъ во Псковѣ своего сына Андрея съ небольшою дружиной и позволивъ ему креститься. Псковичи, видя что надежда на Литовцевъ не прочна, и зная что съ Нѣмцами нужно еще продолжать войну, снова обратились къ Новгородцамъ и примирились съ ними, вѣроятно признали свою зависимость отъ Новгорода, вынужденные къ тому грозою Нѣмецкой войны и еще больше сильнымъ моромъ, который въ это время страшно опустошалъ Псковскія владѣнія. Лѣтописецъ говоритъ, что во Псковѣ и Изборскѣ тогда былъ сильный моръ и на скотъ и на людей; умирали старые и молодые, мужи и жены и дѣти, такъ что негдѣ было хоронить, всѣ могилы при церквахъ были уже вскопаны, и клали по шести, по семи и по осьми человѣкъ въ одной могилѣ.

Отпустивши Ольгерда съ его ратью и помирившись съ Новгородцами, Псковичи опять принялись за мелкую войну, и въ тотъ же годъ одна партія Псковскихъ охотниковъ пробралась къ Новгородку Нѣмецкому и побила тамъ триста человѣкъ Нѣмцевъ. Наконецъ, въ слѣдующемъ 1343 году, Псковичи собрались приняться за дѣло покрупнѣе какого-либо набѣга охотниковъ; они вмѣстѣ съ Изборянами собрали рать въ пять тысячъ человѣкъ и подъ предводительствомъ князя Ивана, можетъ быть присланнаго изъ Литвы, служилаго князя Евстафія, управлявшаго Изборскомъ, и своего новаго посадника Володши Строиловича, отправились опустошать Нѣмецкія селы,

прошли за Медвѣжью голову такъ далеко, какъ не проникали въ этомъ краю и ихъ предки, и пять дней и ночей, не слѣзая съ коней, производили опустошенія, и награбившись досыта и съ множествомъ плѣнниковъ и другою добычей уже поворотили домой во Псковъ, какъ Нѣмцы, подъ предводительствомъ Ливонскаго магистра Бурхарда и Феллинскаго командора Левенвольда, съ большою ратью нагнали ихъ на Маломъ Борку, не доѣзжая двухъ верстъ до Маріенбурга, или Нѣмецкаго Новгородка, и окружили со всѣхъ сторонъ въ тѣснинѣ. Псковичи, несмотря на утомленіе и незначительность своей рати противъ Нѣмецкой силы, и невидя возможности уклониться отъ битвы, какъ добрые витязи, рѣшились дорого продать свою жизнь. Они приготовились къ бою какъ къ смерти,—помолились Богу, попросили помощи у своихъ неземныхъ покровителей Всеволода и Тимоѳея (Довмонта), простились другъ съ другомъ, и сказавши: „братья мужи Псковичи! не посрамимъ отцевъ своихъ и дѣдовъ, кто старъ то отецъ, а кто младъ то братъ; а всѣмъ намъ братья предлежитъ животъ и смерть; потягнемъ за святую Троицу и за святыя церкви, и за свое отечество,“ и начали страшную сѣчу 1-го іюня на самый Троицынъ день. Сколько часовъ продолжалась эта сѣча, мы не знаемъ, но, по свидѣтельству лѣтописей, она дорого стоила и той и другой сторонѣ. Псковичи при самомъ началѣ боя на первомъ съступѣ потеряли лучшихъ и храбрѣйшихъ своихъ мужей, — Кюра Константиновича, Кормана Постника и Антона посадничья сына Ильина; но эта потеря не смутила остальныхъ, обрекшихъ себя смерти, при томъ при нихъ оставались еще храбрѣйшие

изъ храбрыхъ князь Евстафій Изборскій и посадникъ Володша Строиловичъ, уже не разъ водившіе Псковичей къ побѣдѣ; и битва самая жестокая продолжалась до тѣхъ поръ, пока Нѣмцы не отступили, потерявши храбрѣйшаго изъ своихъ рыцарей Левенвольда. Битва эта такъ утомила Псковичей, не спавшихъ уже пятеро сутокъ, что они не могли преслѣдовать отступающихъ Нѣмцевъ, и тутъ же на костяхъ остановились станомъ отдыхать, а иные отъ безсонницы и трудовъ такъ одурѣли, что не могли дойти до стана и погибли, блуждая по лѣсу; другіе же воротились домой уже долго спустя послѣ рати. Между тѣмъ Руда, попъ Борисоглѣбскій, участвовавшій въ походѣ, завидѣвъ великую силу Нѣмцевъ и и отчаявшись въ успѣхѣ битвы, въ самомъ началѣ боя, бросивши оружіе, бѣжалъ и принесъ лихую вѣсть сперва въ Изборскъ, а потомъ и во Псковъ, „что Нѣмцы всѣхъ Псковичей и Изборянъ побили". Эта вѣсть такъ всполошила Псковъ, что на первыхъ порахъ немедленно отрядили старосту поповскаго, попа Ѳому, посланцемъ въ Новгородъ,—сказать Новгородцамъ: „Псковичи всѣ побиты, а вы, Новгородцы, братья наши, поѣзжайте скорѣе и захватите Псковъ, пока не заняли его Нѣмцы." Но, послѣ первой горячки, вѣче скоро одумалось, и прежде нежели попъ Ѳома выѣхалъ изъ города, послали въ Изборскъ Якова Домашинича, Андрея Степановича и Жидила Шестьковича провѣдать о Псковичахъ и провѣрить Рудины рѣчи; тѣ, пріѣхавши въ Изборскъ, нашли уже тамъ Псковичей, почивающихъ въ станахъ, и въ тотъ же часъ послали во Псковъ эту добрую вѣсть, а въ слѣдъ за тѣмъ возвратились во Псковъ князь Иванъ

и посадникъ Володша съ Псковичами. Такъ кончилась настоящая война съ Нѣмцами, давшая Псковичамъ миръ и тишину почти на пять лѣтъ.

Эта война, не воротившая Пскову Чудской земли, какъ было думали въ началѣ ея Псковичи и князь Александръ Всеволодовичъ, не прибавившая къ Псковскимъ владѣніямъ ни клока земли и даже нѣсколько потѣснившая ихъ границы около Новгородка Нѣмецкаго, тѣмъ не менѣе была одною изъ славныхъ войнъ, когда либо веденныхъ Псковомъ. Псковичи вели ее отъ начала до конца почти одни, собственными средствами, безъ посторонней помощи; ихъ временный союзникъ Ольгердъ, правду сказать, много помогъ Пскову своимъ появленіемъ, отпугнувши Нѣмцевъ отъ Изборска; но его помощь тѣмъ только и кончилась,— его рать не была въ дѣлѣ и не била Нѣмцевъ. Настоящая война была для Пскова первымъ опытомъ вести войну безъ союзниковъ; и опытъ этотъ, хотя не блестящій, тѣмъ не менѣе показалъ Псковичамъ, что они и одни, безъ союзниковъ, могутъ отстаивать свою независимость; этимъ опытомъ Псковичи убѣдились, что имъ уже нѣтъ болѣе нужды дорожить тѣснымъ союзомъ съ Новгородомъ, хотя бы и въ ущербъ своей самостоятельности. Конечно, Псковичи, выдержали эту войну преимущественно потому, что Нѣмцы тогда были заняты усмиреніемъ возставшей Чуди, и не могли дѣйствовать противъ Пскова большими силами; но для Псковичей важно было то, что они безъ посторонней помощи и даже безъ князя, съ порядочною дружиною, выдержали трехлѣтнюю войну противъ Нѣмцевъ, съ которыми они прежде воевали только при помощи другихъ; а что Нѣмцамъ мѣшала

возмутившаяся Чудь, до этого Псковичамъ и дѣла не было; большинство и не подозрѣвало этого, большинство воодушевлялось только успѣхами своихъ удальцевъ, а воодушевленіе большинства и составляло главную силу Пскова, какъ республики демократической,—это воодушевленіе и поставило Псковъ въ то довольно высокое положеніе, которое онъ занялъ вскорѣ по окончаніи этой войны. Къ тому же эта война имѣетъ то историческое значеніе, что всѣ обстоятельства, ее сопровождавшія, какъ бы нарочно сложились такъ, чтобы видѣть ясно, что̀ Псковъ можетъ сдѣлать самъ по себѣ, и чего должно ждать отъ него впередъ; въ этой войнѣ выразился весь характеръ Пскова, какъ сторожеваго бойца Русской цивилизаціи.

РАЗСКАЗЪ СЕДЬМЫЙ.

Псковъ младшій братъ Новгорода Великаго.

Псковъ, какъ мы уже видѣли, до 1242 года былъ орудіемъ одной Новгородской партіи, и посему состоялъ въ полномъ подчиненіи у Новгорода; съ 1242 года, освободившись отъ Новгородской партіи, заправлявшей его дѣлами по своимъ видамъ, Псковъ продолжалъ быть въ тѣсныхъ связяхъ съ Новгородомъ, какъ съ своею метрополіей, и, по требованію Новгородскаго вѣча, присылалъ свои войска для Новгорода, который впрочемъ уже почти не помогалъ своими войсками Пскову съ самаго 1242 года, и тако-

вый порядокъ соблюдался восемдесять лѣтъ. Наконецъ, въ 1323 году, Псковъ находился въ крайне стѣснѣнномъ положеніи, и Новгородцы, не смотря на многія мольбы Псковичей, не пришли къ нему на выручку. Послѣ этого Псковъ, освободившись отъ бѣды своими средствами при помощи Литовцевъ, приведенныхъ княземъ Давыдомъ, окончательно измѣнилъ свои отношенія къ Новгороду, и хотя явно не разрывалъ прежнихъ связей, но уже не соединялъ своихъ дѣлъ съ Новгородскими; мирился и воевалъ съ сосѣдями, не сносясь съ Новгородомъ, и въ продолженіе двадцати пяти лѣтъ уже ни разу не посылалъ своихъ войскъ, по требованію Новгородскаго вѣча, да и самъ просилъ помощи у Новгорода только одинъ разъ въ 1342 году, но не получивъ ея и на этотъ разъ, заключилъ союзъ съ Литовскимъ княземъ Ольгердомъ и взялъ себѣ въ князья его сына Андрея. Такимъ образомъ, Псковъ съ 1323 года въ сущности пересталъ быть пригородомъ Новгорода, и успѣлъ сложиться такъ чтобы быть независимымъ и самостоятельнымъ, и уже былъ признанъ таковымъ отъ всѣхъ сосѣдей, выключая Новгорода. Наконецъ и до Новгорода дошла очередь признать полную независимость и самостоятельность Пскова, и отказаться торжественно отъ своихъ притязаній на него какъ на пригородъ. Въ 1348 году Шведскій король Магнусъ сдѣлалъ нашествіе на Новгородскую землю съ тѣмъ, чтобы обратить Новгородцевъ въ Латинскую вѣру и подчинить себѣ. Онъ привелъ многочисленное войско, собранное со всѣхъ Шведскихъ владѣній, и уже занялъ Ижору и Орѣховъ. Новгородцы были въ крайности,—у нихъ нигдѣ не было союзниковъ,—и въ этой

крайности они обратились за помощію къ Псковичамъ, уже не какъ къ своему пригороду, а какъ къ добрымъ сосѣдямъ и братьямъ по крови и по вѣрѣ; но, опасаясь что и Псковичи имъ откажутъ такъ же какъ они сами отказали Псковичамъ пять лѣтъ тому назадъ, они заключили формальный договоръ съ Псковичами на Болотовѣ, по которому признали Псковъ младшимъ братомъ Новгороду, и узаконили посадникамъ Новгородскимъ во Псковѣ не сидѣть и не судить, а отъ владыки Новгородскаго быть намѣстникомъ непремѣнно Псковитину и отнюдь не Новгородцу, и изъ Новгорода не звать Псковичей ни через дворянъ, ни через подвойскихъ, ни через Софьянъ, ни через извѣстниковъ и бирючей, т. е. не выдавать Псковичей на судъ въ Новгородъ ни по частнымъ, ни по общественнымъ, ни по церковнымъ дѣламъ. Получивши такое важное и полное признаніе своихъ правъ отъ самого Новгорода, Псковичи немедленно снарядили войско и, подъ предводительствомъ своего знаменитаго посадника Иліи, отправили его на помощь Новгородцамъ, осаждать Орѣшекъ, занятый Шведами, и тѣмъ самымъ закрѣпили самый договоръ. Такимъ образомъ съ 1348 года начинается новая жизнь Пскова,—онъ получаетъ формальное утвержденіе давно уже существовавшаго на дѣлѣ права дѣйствовать независимо и самостоятельно, безъ отношеній къ Новгороду,—своей прежней митрополіи. Конечно, Псковъ на дѣлѣ давно уже пользовался всѣмъ тѣмъ, что ему уступилъ Новгородъ по Болотовскому договору,—но все это до Болотовскаго договора только было совершившимся фактомъ; Болотовскій договоръ превратилъ этотъ фактъ въ право, въ законъ.

Послѣ этого договора Новгородцы уже не могли писать Псковичей безъ ихъ согласія въ свои договоры съ другими владѣтелями и налагать на нихъ какія-либо обязательства. Со времени Болотовскаго договора всякія притязанія Новгорода на верховенство надъ Псковомъ прекратились сами собою.

Новая жизнь Пскова, начавшаяся съ Болотовскаго договора, не освободила Псковичей отъ старыхъ и главныхъ ихъ враговъ Нѣмцевъ. Нѣмцы, въ пять лѣтъ, въ которыя они не дѣлали набѣговъ на Псковскія владѣнія, успѣли покончить съ возмутившеюся Чудью и сдѣлались полными хозяевами занятаго ими края, и даже купили у Датчанъ всѣ ихъ владѣнія въ земляхъ Чуди вплоть до рѣки Наровы. Усилившись и устроившись такимъ образомъ, Нѣмцы, вѣроятно по согласію со Шведами, въ то время какъ главная Псковская рать отправилась на помощь къ Новгородцамъ, осаждать Шведовъ въ Орѣшкѣ,—прислали объявленіе о прекращеніи мира со Псковомъ и въ слѣдъ за тѣмъ перешли Нарову и стали опустошать тамошнія Псковскія селенія; а другая Нѣмецкая рать пришла воевать около Острова и оттуда по рѣкѣ Великой перешла ко Пскову, и, пограбивши пригородныя села и зажегши посадъ Завеличье, отправилась воевать къ Изборску, вездѣ опустошая села и не останавливаясь для осады городовъ. Псковичи, отославши главную рать подъ Орѣшекъ и не имѣя въ сборѣ другаго войска, нигдѣ не могли дать отпора и отсиживались въ городахъ; и Нѣмецкіе грабители, награбившись досыта, спокойно воротились домой, можетъ быть, получивши вѣсть, что Псковская рать оставила осаду Орѣшка и спѣшитъ на защиту своей

земли. Совершивши два удачные набѣга въ 1348 году, Нѣмцы на слѣдующій годъ опять снарядили двѣ рати,—одну къ Изборску, а другую къ Наровѣ. Первая рать въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ напала на Изборскъ, и хотя дала Изборянамъ и Псковичамъ сильную битву, въ которой Псковичи потеряли храбраго Литовскаго намѣстника, князя Юрія Витовтовича, но должна была отступить не взявши Изборска. Другая же рать успѣла поставить новый городъ надъ рѣкою Наровою, противъ Псковскаго исада. Но Псковичи тогда были въ сборѣ и немедленно отправили свою рать съ посадникомъ Иваномъ, и въ лодьяхъ и на коняхъ явились подъ новымъ Нѣмецкимъ городкомъ, осадили его и сдѣлавши приметъ зажгли; Нѣмцы и Чудь, сидѣвшіе въ городкѣ, частію сгорѣли, частію были изсѣчены Псковичами. Такимъ образомъ Псковичи, въ первой же войнѣ съ Нѣмцами послѣ Болотовскаго договора, оказались состоятельными и безъ сторонней помощи отразили нашествіе Нѣмцевъ, и Нѣмецкая рать смолкла на 12 лѣтъ.

Въ годъ окончанія войны съ Нѣмцами у Псковичей началась война съ Литвою. Литовскій князь Ольгердъ Гедиминовичъ, прежній союзникъ Пскова противъ Нѣмцевъ, давшій Псковичамъ въ князья своего сына Андрея, давно уже былъ недоволенъ Псковичами, и сынъ его вовсе не жилъ во Псковѣ, а держалъ тамъ своего намѣстника. Пока Андреевымъ намѣстникомъ былъ князь Юрій Витовтовичъ, любимый Псковичами, вѣче не выражало своего неудовольствія на Андрея; но когда князь Юрій въ 1349 году былъ убитъ Нѣмцами подъ Изборскомъ, то вѣче почти въ слѣдъ за тѣмъ отправило къ Андрею свое посольство,

которое отъ имени всего Пскова прямо сказало ему: „тебѣ было, княже, на Псковѣ самому сидѣть, а намѣстниками Пскова не держать; а нынѣ отрекаемся тебя, и намѣстниковъ твоихъ не хотимъ.“ Въ отвѣтъ на этотъ отказъ Ольгердъ засадилъ въ порубъ бывшихъ въ Литвѣ Псковскихъ купцовъ, а товаръ ихъ и лошадей отнялъ, потомъ, взявши окупъ, самихъ купцовъ отпустилъ. А на весну слѣдующаго 1350 года князь Андрей Ольгердовичъ съ Полочанами напалъ на Вороначескую область нечаянно и повоевалъ нѣсколько селъ.

Въ это время во Псковѣ и въ волостяхъ былъ сильный моръ, болѣе или менѣе общій во всей Русской землѣ и большей части Европы, извѣстный подъ именемъ Черной смерти, какъ сказываютъ лѣтописи, занесенный изъ Индіи. Лѣтописецъ, описывая этотъ моръ во Псковѣ, говоритъ: за множествомъ умирающихъ священники не успѣвали ходить по домамъ на проводы, а приказывали привозить умирающихъ на церковный дворъ, и за ночь къ утру накоплялось у церкви по тридцати покойниковъ и болѣе, и всѣмъ имъ было одно отпѣванье, и по пяти покойниковъ клали въ одну могилу, и всѣ кладбища при церквахъ такъ были переполнены, что уже стали погребать вдали отъ церквей на новыхъ мѣстахъ; вымирали въ нѣсколько дней цѣлыя семейства, такъ что не только ходить за больными, но и хоронить умершихъ было некому. И такъ продолжалось цѣлое лѣто, съ конца марта мѣсяца до осени; Псковичи всѣ были въ отчаяніи и ждали общей смерти. Въ это страшное время явился во Псковъ владыка Новгородскій Василій, противъ котораго Псковичи долго враждовали; онъ прямо по пріѣздѣ учредилъ крестный

ходъ вокругъ всего Пскова, назначилъ въ разныхъ мѣстахъ молебствія, самъ шелъ въ крестномъ ходу, участвовалъ въ молебствіяхъ, и тѣмъ поднялъ упавшій духомъ народъ, а затѣмъ мало-по-малу начала ослабѣвать болѣзнь и къ зимѣ прекратилась.

Оправившись послѣ мора, Псковичи вспомнили о набѣгѣ князя Андрея съ Полочанами на Вороначскую область, и, чтобы не оставаться въ долгу, въ 1354 году сами съ своимъ служилымъ княземъ Евстафіемъ сдѣлали набѣгъ на Полотскую область и повоевали тамъ; потомъ такой же набѣгъ подъ Полоцкъ сдѣлали въ слѣдующемъ году, а въ 1360 году былъ второй моръ во Псковѣ, въ который умеръ храбрый князь Евстафій Изборскій съ двумя сыновьями.

Въ 1362 году опять началась война съ Нѣмцами. Нѣмцы въ этомъ году сдѣлали набѣгъ на Псковскія границы и избили нѣсколько человѣкъ; между тѣмъ во Псковѣ, пользуясь мирнымъ временемъ, было много Нѣмецкихъ купцовъ, и Псковское вѣче, мстя за набѣгъ, задержало Нѣмецкихъ купцовъ и отпустило только на другое мѣсто, взявши съ нихъ деньги за убитыхъ; но тѣмъ дѣло не кончилось, нарушенный миръ не возобновлялся. Хотя въ лѣтописяхъ не упоминается о военныхъ дѣйствіяхъ ни въ этомъ ни въ слѣдующихъ трехъ годахъ, тѣмъ не менѣе подъ 1368 годомъ есть извѣстіе, что отъ Московскаго князя Димитрія посолъ Никита ѣздилъ въ Юрьевъ къ Нѣмцамъ и жилъ довольно долго, но ничего не успѣлъ въ пользу Пскова. А когда посолъ Московскій пріѣхалъ изъ Юрьева во Псковъ, то почти въ слѣдъ за нимъ явилась подъ Псковомъ и Нѣмецкая рать, и пожгла у Пскова весь посадъ изъ-за Псковья, и,

простоявъ подъ городомъ одну ночь, къ утру ушла еще до свѣта; а Псковичей ни князя ни посадниковъ тогда не было въ городѣ, всѣ были въ разъѣздѣ по селамъ. И въ то же время другая Нѣмецкая рать грабила и жгла въ Вельи и по Залѣсью, и побила собравшуюся противъ нее погоню, причемъ пало много головъ добрыхъ людей, составлявшихъ погоню. Псковичи обратились къ Новгородцамъ за помощію, но Новгородъ имъ на этотъ разъ отказалъ, ссылаясь на то, что у Новгорода съ Нѣмцами миръ и крестное цѣлованіе, и что много Новгородскихъ купцовъ заѣхало въ Нѣмецкую землю. Тогда Псковичи одни съ княземъ Александромъ отправились къ новому городку Нѣмецкому (Нейгаузену), стали станомъ подъ городомъ, и распустили рать въ разгонъ для грабежа, причемъ одинъ изъ предводителей дружины охочихъ людей Селило Скертовскій зашелъ довольно далеко къ Кирьпигѣ и наткнулся на Нѣмецкую рать, былъ разбитъ на голову и самъ палъ въ битвѣ. Князь Александръ, стоявшій подъ новымъ городкомъ, получивши объ этомъ вѣсть, поспѣшилъ на побоище, но уже никого тамъ не засталъ, и, похоронивши убитыхъ и пособравши сколько удалось раненыхъ, поспѣшно воротился домой, растерявъ много добрыхъ людей. Въ отвѣтъ на этотъ набѣгъ Псковичей, Нѣмцы въ слѣдующемъ году пришли подъ Изборскъ съ великою силою и со многимъ запасомъ своихъ замышленій, съ стѣнобитными орудіями, съ подвижными городками и разными нововымышленными машинами, стояли подъ Изборскомъ осьмнадцать дней, разбивали стѣны, лѣзли на приступъ, но все было напрасно,—осажденные бились мужественно и

удачно отбивали нападающихъ. Наконецъ пришла вѣсть, что помощное Новгородское войско вступило уже во Псковъ; услыхавши объ этомъ, Нѣмцы поспѣшно удалились отъ Изборска и побросали всѣ свои запасы. Не успѣвши подъ Изборскомъ, Нѣмцы на другой годъ явились подъ Псковомъ, простояли подъ городомъ три дни и двѣ ночи, и, не успѣвши ничего сдѣлать городу, удалились домой. Потеря Псковичей въ этотъ Нѣмецкій набѣгъ состояла въ нѣсколькихъ убитыхъ, за Псковомъ нечаянно захваченныхъ Нѣмцами въ полѣ. Кромѣ того, одного Псковитянина Луку Писоломивица Нѣмцы поймали живаго, отвели его домой и тамъ затравили собаками. Псковичи, соединясь съ Новогородцами, на зиму того же года отправились въ Нѣмецкую землю къ Новгородку (Нейгаузену). Впрочемъ, простоявъ три дня подъ городкомъ, Новгородцы удалились и не пошли далѣе въ Нѣмецкую землю; Псковичи же пошли къ городу Кирьипигѣ, сожгли его, а сидѣвшіе тамъ Нѣмцы частію сгорѣли и задохлись въ погребахъ отъ зноя, а частію были избиты Псковичами. Сожегши Кирьипигу, Псковичи со множествомъ плѣнниковъ и другою добычей, никѣмъ не преслѣдуемые воротились домой и, какъ побѣдители, съ радостію были встрѣчены во Псковѣ. Сожженіемъ Кирьи пиги кончилась пятилѣтняя война Псковичей съ Нѣмцами. Война эта, какъ говоритъ лѣтописецъ, началась изъ-за спорнаго пограничнаго мѣста Жолчь, или по другой лѣтописи Жалачко. Кто искалъ этого спорнаго мѣста, Нѣмцы ли или Псковичи, лѣтопись не объясняетъ, и кому досталось это мѣсто по настоящему миру, заключенному въ слѣдъ за сожженіемъ Кирьпиги, также не-

извѣстно; но кажется настоящимъ миромъ это дѣло рѣшилось не удовлетворительно, ибо и въ послѣдствіи у Нѣмцевъ со Псковичами была еще война изъ-за Жалачко.

По окончаніи настоящей войны съ Нѣмцами, свободный и независимый Псковъ наслаждался миромъ отъ сосѣдей въ продолженіе двадцати пяти лѣтъ. Въ этотъ довольно не краткій промежутокъ времени, свободнаго отъ войнъ, Псковичи занялись приведеніемъ въ лучшее положеніе городскихъ укрѣпленій и возведеніемъ разныхъ зданій. Еще въ продолженіе послѣдней войны съ Нѣмцами провалился верхъ главной соборной церкви Святыя Троицы, и Псковичи рѣшились перестроить эту церковь вновь; по свидѣтельству лѣтописи разборка стѣнъ старой церкви съ очисткою мѣста стоила 200 рублей, которые городъ заплатилъ рабочимъ; затѣмъ на постройку новой церкви по старой основѣ въ 1365 году были наняты мастера за 400 рублей, на городскомъ содержаніи, и построили новую церковь въ три года. Потомъ въ 1367 году была построена каменная церковь Іоанна Богослова въ Снѣтогорскомъ монастырѣ на стѣнѣ. Въ продолженіе трехъ лѣтъ, съ 1370 по 1373 годъ, были построены каменныя церкви: Св. Георгія на болотѣ, Св. Николы у Вопоки, Св. Апостолъ Петра и Павла, Св. Власія и Св. Кирилла и наконецъ Св. Тимоѳея Довмонта князя. Затѣмъ въ 1375 году Псковское вѣче, при князѣ Матѳеѣ и при посадникѣ Григорьѣ Астафьевичѣ, заложило четвертую стѣну изъ плиты, отъ Псковы рѣки до рѣки Великой, подлѣ старой стѣнки, которая была съ дубомъ мало выше человѣка, около всего посада, а въ слѣдующемъ году

построили двѣ каменныя башни на торгу; въ 1383 году построили три каменныя церкви, въ слѣдующіе два года были выстроены еще три церкви каменныя; въ 1387 году Псковичи поставили три каменныя башни у новой стѣны на приступѣ; въ 1388 году выстроена была каменная церковь за стѣною и новый мостъ на рѣкѣ Псковѣ; въ 1392 году выстроено шесть какихъ-то укрѣпленій, названныхъ въ лѣтописи пороками, и наконецъ въ 1394 году была построена новая каменная стѣна у Крома и колокольня. Такимъ образомъ въ продолженіе 25 лѣтъ мира Псковичи построили семнадцать церквей и тринадцать городскихъ укрѣпленій, всѣ каменные, тогда какъ прежде не только церкви, но и городскія стѣнки строились или всѣ деревянныя, или дерево съ камнемъ пополамъ; значитъ въ это время Псковъ былъ гораздо богаче и болѣе въ цвѣтущемъ состояніи, чѣмъ не задолго прежде; значитъ вмѣстѣ съ свободою и самостоятельностію Пскова росло и благосостояніе граждан и ихъ промыслы, и войны за независимость и за честь родины, хотя не всегда удачныя, далеко не на столько разоряли народъ, какъ это кажется по первому взгляду; ибо Псковское вѣче только тогда рѣшалось на войну, когда невоевать былобы чистымъ убыткомъ для общества, или когда войною защищались и отстаивались такіе интересы, потеря которыхъ была бы подрывомъ для общаго благосостоянія народа.

Но среди мира со стороны сосѣдей и среди преуспѣянія въ развитіи благосостоянія, Псковичи въ это время не разъ подвергались значительнымъ бѣдствіямъ: такъ въ 1386 году, 8-го Мая былъ во Псковѣ страш-

ный пожаръ, истребившій весь посадъ, такъ что отъ Пскова, по словамъ лѣтописи, остался одинъ дѣтинецъ съ церковію Св. Троицы. Потомъ въ 1390 году во Псковѣ опять былъ моръ, о которомъ лѣтопись говоритъ, что таковый и не бывалъ прежде,—по десяти покойниковъ въ одну могилу клали. Послѣ этого мора Псковичи присылали въ Новгородъ къ владыкѣ Іоанну съ просьбою прислать священниковъ, потому что во Псковѣ по многимъ церквамъ служить некому. Кромѣ бѣдствій физическихъ Псковъ былъ возмущенъ ересью стригольниковъ появившеюся въ 1371 году; эта ересь волновала народъ до того, что въ 1375 году ересеначальники были отправлены въ Новгородъ на судъ владыки, и тамъ скинуты съ моста въ Волховъ. Это отправленіе на судъ въ Новгородъ, явно противорѣчащее Болотовскому договору, всегда защищаемому Псковичами, прямо показываетъ, что ересеначальники имѣли очень сильную партію, недопущавшую судить ихъ во Псковѣ. Да и послѣ казни ересеначальниковъ ересь продолжала смущать и волновать Псковичей въ продолженіе двадцати лѣтъ. По свидѣтельству одной Новгородской лѣтописи у Псковичей въ 1385 году было какое-то междоусобіе: „бысть сѣча, по словамъ лѣтописи. Псковичамъ промежъ себѣ, и много бысть мертвыхъ.“

Наконецъ съ 1390 года начались раздоры у Новгорода со Псковомъ; что было причиною сихъ раздоровъ, этого не объясняютъ ни Псковскія ни Новгородскія лѣтописи, только во всѣхъ лѣтописяхъ есть извѣстіе, что въ 1390 (а по другимъ въ 1391) Новгородцы пошли ратію на Псковъ, но были встрѣчены Псковскимъ посольствомъ на Сольци и,

заключивши тутъ миръ, съ Сольцы воротились домой. По свидѣтельству одной Новгородской лѣтописи, главныя условія мира состояли въ томъ, что Псковичи обязались не стоять за должниковъ и бѣглыхъ рабовъ, и кто ходилъ грабить на Волгу и выдавать ихъ по требованію Новгорода. Значитъ причина размирья между Новгородомъ и Псковомъ состояла въ томъ, что Псковичи по сосѣдству принимали къ себѣ и защищали всѣхъ бѣглецовъ Новгородскихъ. Но кажется были и другія причины, и миръ на Сольци не удовлетворилъ Новгородцевъ; ибо въ 1391 году на съѣздѣ съ Нѣмецкими послами съ Любека, Готланда, Риги, Юрьева и Колывани, бывшемъ въ Изборскѣ, Новгородцы не включили Псковичей въ свой мирный договоръ, такъ что Псковичи должны были заключить отдѣльный миръ съ Нѣмцами. Черезъ годъ послѣ мира съ Нѣмцами, Новгородцы съ большою силою явились подъ Псковомъ и стояли восемь дней; но не видя возможности взять хорошо укрѣпленнаго города удалились, и, потерявши въ одной битвѣ подъ Ольгиною горою князя Копорскаго Ивана и многихъ бояръ, поспѣшно ушли и даже побросали свои стѣнобитныя машины и пушки. Но съ удаленіемъ Новгородской рати размирье со Псковомъ еще не прекратилось; Псковичи въ слѣдъ за отступленіемъ Новгородской рати, отправили своего тогдашняго князя Андрея Ольгердовича съ своими послами въ Новгородъ; но Новгородцы отпустили ихъ, недавши мира Пскову, и размирье продолжалось до 1397 года, такъ что Псковичи, ожидая новаго нашествія Новгородской рати, принялись укрѣплять свой городъ. Посадникъ Ефремъ съ вѣчемъ поставилъ башню на Васильевѣ

горкѣ; князья Иванъ Андреевичъ, внукъ Ольгердовъ, и Григорій Евстафьевичъ, сынъ служилаго князя, знаменитаго Евстафія Изборскаго, и посадникъ Захарья Костроминичъ, также по опредѣленію вѣча поставили три башни на приступной стѣнѣ, — одну у Великой рѣки, другую на Лужищи и третью отъ Псковы на углѣ. Наконецъ, 18 Іюня 1397 года, Псковскіе послы князь Григорій Евстафьевичъ и посадники Сысой и Романъ, отправленные въ Новгородъ, по ходатайству владыки Іоанна, заключили тамъ вѣчный миръ съ Новгородцами по старинѣ, и тѣмъ кончилось размирье, продолжавшееся четыре года.

Заключивъ миръ съ Новгородомъ, Псковичи по прежнему принялись укрѣплять свой городъ, очевидно въ ожиданіи войны съ кѣмъ-либо изъ сосѣдей. Въ 1399 году Псковское вѣче съ княземъ Григорьемъ Евстафьевичемъ и съ посадникомъ Захаріемъ заложили новую стѣну къ старой стѣнѣ, на приступѣ отъ Великой рѣки до рѣки Псковы, и три башни, — одну на Незнановѣ горѣ, другую у Лужицкихъ воротъ и третью у Куминыхъ воротъ, и все это выстроили въ одно лѣто до зимы. Псковская поспѣшность въ возведеніи укрѣпленій ясно говоритъ, что Псковичи знали о скоромъ размирьѣ съ кѣмъ-либо изъ сосѣдей; и размирье дѣйствительно послѣдовало въ томъ же году со стороны Литовскаго князя Витовта Кейстутьевича, который приказалъ своему двоюродному племяннику Ивану Андреевичу, Ольгердову внуку, выѣхать изъ Пскова и затѣмъ объявилъ войну Московскому великому князю, Новгороду и Пскову. Подъ грозою войны съ Литовскимъ княземъ Витовтомъ, Псковичи отправили посольство къ Московскому князю Василью

Дмитріевичу съ просьбою, чтобы онъ прислалъ въ князья во Псковъ князя Ивана Всеволодовича, внука любимаго Псковичами князя Александра |Михайловича Тверскаго, и съ этого вре ени уже постоянно стали получать князей изъ рукъ великаго князя Московскаго, чтобы въ Москвѣ имѣть себѣ опору въ случаѣ войны съ сосѣдями. А между тѣмъ Псковское вѣче продолжало укрѣплять свой родной городъ, чтобы на всякій случай имѣть въ своихъ укрѣпленіяхъ надежную защиту, пока придетъ сильный, но далекій союзникъ. Такъ въ 1400 году на деньги, данныя Новгородскимъ владыкою Іоанномъ, Псковичи построили башню надъ Псковою, и въ томъ же году поставили на свои деньги другую башню около Крома на стрѣлкѣ, противъ рѣчной башни, и придѣлали къ старой стѣнѣ новую толще и выше по берегу рѣки Великой отъ башни у Бурковыхъ воротъ до Крому; и потомъ въ 1404 году заложили новую каменную стѣну, толще и выше прежней, возлѣ старой стѣны, по рѣкѣ Псковѣ отъ Крома и до Бродъ.

Между тѣмъ Витовтъ, занятый другими дѣлами и потерпѣвшій пораженіе отъ Татаръ на берегахъ Ворсклы, отложилъ войну съ Новгородомъ и Псковомъ, и въ 1401 году заключилъ съ Новгородцами и Псковичами вѣчный миръ. Но Псковичи кажется плохо вѣрили этому миру и продолжали укрѣплять свой городъ; тѣмъ не менѣе Витовтъ въ 1406 году все-таки сдѣлалъ нечаянное нападеніе на Псковскія владѣнія, только не на самый Псковъ, объ укрѣпленіяхъ котораго очевидно имѣлъ уже подробныя свѣдѣнія, и не желалъ тратить силъ подъ неприступными стѣнами и башнями. Среди мира, необъявляя войны, и даже

когда Псковскій посолъ былъ въ Литвѣ, Витовтъ вдругъ сдѣлалъ набѣгъ на сосѣднія Псковскія владѣнія, и въ февралѣ мѣсяцѣ взялъ Псковскій пригородъ Коложе, опустошилъ всю тамошнюю область, побилъ множество народу и однихъ плѣнниковъ отвелъ въ свою землю одиннадцать тысячъ, доходилъ до Воронача, но, простоявъ подъ городомъ только два дни и опустошивъ окресности, воротился домой съ богатою добычей. Витовтъ взялъ Коложе 5-го Февраля, а 28 того же Февраля глубоко оскорбленные его измѣнническимъ набѣгомъ Псковичи явились уже мстителями за свою обиду и на первый разъ мстили за нее по своему, по-псковски, какъ только можетъ мстить народъ воинственный и свободный, горячо принимающій обиду родному краю, не дожидаясь правительственныхъ распоряженій. По словамъ лѣтописи, 28 Февраля Псковскій посадникъ Юрій Филипповичъ Казачковичъ, поднявши съ собою мало дружины Псковичъ, охочихъ людей, Семенъ съ Изборцами, Островичи, Вороначе и Вельяне пошли воевать Ржеву и Великія Луки, принадлежавшія тогда Литовскому князю, и на Великихъ Лукахъ отняли Коложское знамя и, собравши великій полонъ, воротились домой. Но это была месть только частныхъ людей охотниковъ; месть же самаго Пскова, Псковскаго вѣча, была впереди. Въ Іюлѣ мѣсяцѣ Псковское вѣче подняло всю Псковскую область, и подъ предводительствомъ князя Даніила Александровича и посадника Ларіона Дойниковича отправило Псковскую рать къ Витовтову городу Полотску; но эта рать, простоявъ подъ Полотскомъ три дни и три ночи, воротилась домой не взявши города. Тѣмъ пока и кончилась война съ

Литовскимъ княземъ, а между тѣмъ въ томъ же году, послѣ тридцати-шести-лѣтняго мира началась война съ Нѣмцами.

Только-что Псковское войско воротилось изъ-подъ Полотска, какъ 22 Августа Ливонскій магистръ, со всею силою своею и Юрьевцы и Курцы изъ Задвинья (изъ Курляндіи) ворвались въ пограничныя Псковскія владѣнія, и двѣ недѣли воевали около Изборска подъ Котельномъ и Островомъ, и доходили до устья рѣки Сини, потомъ на возвратномъ пути поворотили къ Вельѣ. Вельяне же, собравшись въ числѣ полутораста человѣкъ желѣзной рати, вышли къ нимъ на встрѣчу къ рѣкѣ Великой у Званчи у Каменья, и быстрымъ натискомъ такъ смяли толпы грабителей, что многихъ изъ нихъ избили, а другихъ потопили въ рѣкѣ, или взяли въ плѣнъ и отняли Нѣмецкое знамя, остальныхъ заставили уйдти домой, и сами воротились въ Вельѣ безъ потери. Нѣмцамъ удалось было схватить одного Вельянина Клюса, но и тотъ у нихъ убѣжалъ. Вслѣдъ за тѣмъ Псковское вѣче снарядило Псковскую рать и подъ начальствомъ князя Даніила Александровича и посадника Юрья Филипповича Казачковича отправило на Нѣмецкую землю. Эта Псковская рать дѣйствовала почти также въ Нѣмецкой землѣ, какъ Нѣмецкая рать въ Псковскихъ владѣніхъ: князь съ посадникомъ и со всею своею ратію сперва остановились станомъ на рѣкѣ Серицѣ, откуда выслали впередъ сторожевой отрядъ, который, увидѣвши впереди Нѣмецкую рать, обошелъ ее, и успѣлъ убить двадцать Нѣмцевъ, а семерыхъ взялъ въ плѣнъ. За тѣмъ вся Псковская рать двинулась за новый городокъ (Нейгаузенъ) къ Кирьпигѣ, и за

пятнадцать верстъ отъ послѣдняго города встрѣтили Нѣмецкую рать, и, помолившись святой Троицѣ, и по молитвамъ князей Всеволода и Тимоѳея (Довмонта) вступили въ бой, въ которомъ Нѣмцевъ пало 315 человѣкъ и Псковичей 34 человѣка. За тѣмъ Псковская рать подступила къ Кирьипигѣ; но, простоявъ подъ городомъ только одну ночь, воротилась домой.

Между тѣмъ во Псковѣ начался опять сильный моръ, и Псковское вѣче, зная что нужно продолжать войну съ Нѣмцами, просило Новгородцевъ о помощи, но тѣ отказали; тогда вѣче обратилось съ просьбою къ своему покровителю, Московскому князю Василью Дмитріевичу, который уже разорвалъ миръ съ Витовтомъ за Псковскую обиду. Московскій князь, по просьбѣ вѣча, прислалъ во Псковъ своего младшаго брата Константина Дмитріевича. Константинъ, прибывши во Псковъ, началъ съ того, что приказалъ построить обыденную церковъ св. Аѳанасія, которая, согласно съ мыслію князя, и была построена и освящена въ одинъ день 24 марта. За тѣмъ князь отправилъ въ Новгородъ своего служилаго князя Константина Дубровскаго просить помощи на Нѣмцевъ; къ этому посольству Псковское вѣче присоединило и своего посла посадника Ивана Сидоровича; но отъ Новгородцевъ попрежнему не добились помощи. Тогда князь Константинъ съ своею дружиною и Псковскою ратью, для которой собраны были ратники изъ всѣхъ Псковскихъ волостей, отправился воевать съ Нѣмцами за Нарову къ Нѣмецкому городу Порху, повоевали тамъ много погостовъ и воротились домой съ большою добычей. Лѣтопись говоритъ объ этомъ походѣ, что Псковичи со временъ Довмонта и

Давыда Довмонтовича не воевали такъ счастливо въ здѣшнемъ краю. Тѣмъ не менѣе Псковское вѣче тогда же нашло нужнымъ провести новую каменную стѣну по берегу Псковы, отъ гребли до сторожевой избы. И не даромъ вѣче такъ заботилось объ укрѣпленіяхъ Пскова. Походъ за Нарову былъ въ концѣ іюня 1407 года, а въ томъ же году, въ половинѣ августа, Нѣмецкій магистръ Конрадъ Фитинговъ, со всею Нѣмецкою силой, пришелъ ко Пскову и остановился станомъ въ Туховитичахъ; но Псковичи, собравши свою волость опричь пригородовъ и, загородивши всѣ остальные броды по рѣкѣ Великой, встрѣтили Нѣмцевъ на бродѣ у Выбута, бились съ ними за переходъ черезъ рѣку четыре дни и заставили ихъ идти назадъ. Но, очевидно, Нѣмцы отступили за тѣмъ, чтобы вызвать Псковичей изъ неприступнаго мѣста, въ чемъ вполнѣ и успѣли. Псковичи перебрались черезъ рѣку, погнались за Нѣмцами и наткнулись на ихъ станъ на Лозоговицкомъ полѣ, ближе къ Псковскому озеру, гдѣ Нѣмцы уже приготовились и приняли бой, и на первомъ же съступѣ убили трехъ посадниковъ и много Псковскихъ бояръ. Псковичи бились храбро, но по невыгодности мѣста были разбиты и потеряли по Псковскому счету семьсотъ, а по Нѣмецкому 7000 воиновъ, и кажется Нѣмецкій счетъ вѣрнѣе; ибо сама же Псковская лѣтопись приравниваетъ Лозоговицкую битву къ побоищамъ Ледовому и Раковорскому. Въ это же время другая Псковская рать отправилась въ лодьяхъ за Нарову, и когда была на Псковскомъ озерѣ въ Осатнѣ, Нѣмцы въ шнекахъ нагнали ее и разбили наголову, такъ что Псковичи, побросавши свои суда, обратились въ бѣгство и пѣшіе прибѣжали домой.

Въ слѣдующемъ 1408 году магистръ Ливонскій въ февралѣ мѣсяцѣ снова явился въ Псковскихъ владѣніяхъ съ двумя ратями: съ одною самъ сталъ станомъ на Деманицѣ, а другую, вмѣстѣ съ союзными Литовцами, отправилъ къ Вельи. Нѣмцамъ кажется особенно хотѣлось взять Велью, магистръ же стоялъ подъ Псковомъ на Демьяницы только для того, чтобы не пустить Псковичей на выручку къ Вельи. Но Вельяне три дни защищались мужественно, и Нѣмцы на четвертый день принуждены были отступить, услыхавши что Вороначане разбили Литовцевъ подъ своимъ городомъ и боясь чтобы они не пришли на выручку къ Вельи. Рать самаго магистра была много счастливѣе рати стоявшей подъ Вельей; магистръ собственно не занимался осадою городовъ,—онъ спокойно стоялъ въ своемъ станѣ на Демьяницѣ, а войско его въ продолженіе двухъ недѣль грабило Залѣсскую сторону до рѣки Черехи, и даже переходило въ Новгородскую землю, жгло и грабило въ Леженицахъ, на Болотахъ, на Дубскѣ, на Гостени подъ Кошкинымъ городкомъ, и съ большою добычей и множествомъ плѣнныхъ Новгородцевъ и Псковичей, захваченныхъ по селамъ, возвратилось домой никѣмъ не преслѣдуемое. На весну, въ Маѣ мѣсяцѣ, Нѣмецкое войско снова явилось подъ Вельею и, успѣвъ захватить нѣсколько плѣнниковъ, пошло прочь. Вельяне, желая отбить плѣнниковъ, погнались за отступающими Нѣмцами и, попавшись въ засаду, потеряли 45 человѣкъ своихъ. Вороначане, услыхавши о пораженіи Вельянъ, погнались за Нѣмцами, нагнали ихъ къ вечеру уже на рубежѣ, убили у нихъ 33 человѣка и отняли плѣнниковъ и всю добычу, даже успѣли за-

хватить Нѣмецкихъ коней и Нѣмецкіе самострѣлы. Въ это же время Псковское войско ходило въ Нѣмецкую землю и, разбитое Нѣмцами, воротилось домой, потерявши въ походѣ одиннадцать человѣкъ своихъ; затѣмъ Псковичи, тою же осенью, заключили съ Нѣмцами перемирье до 2-го Февраля. По истеченіи срока перемирію, на третій день, магистръ снова явился съ войскомъ въ Псковскихъ владѣніяхъ, и цѣлую недѣлю грабилъ и опустошалъ Запсковье; заходилъ въ Новгородскую волость по рубежу и тамъ грабилъ и опустошалъ, и воротился домой съ большею добычей. Наконецъ, въ слѣдующемъ 1410 году 20 Іюля былъ большой съѣздъ Псковичамъ съ магистромъ и всею Нѣмецкою землею у Кирьепигѣ, и на этомъ съѣздѣ былъ заключенъ миръ по старинѣ. Нѣмецкіе лѣтописцы говорятъ, что магистръ заключилъ миръ съ Псковичами только потому, что въ это время у Нѣмцевъ началась большая война съ Польшею и Литвою. Въ этомъ же году, вскорѣ послѣ пасхи, еще до заключенія мира съ Нѣмцами, Псковичи отправили посольство къ великому князю Литовскому Витовту, который и заключилъ со Псковомъ миръ по старинѣ, по докончанью великаго князя Московскаго Василья Дмитріевича. Такимъ образомъ Псковичи помирились со всѣми своими сосѣдями. Только съ Новгородцами не было ни мира ни войны: Новгородцы постоянно оставались недовольны Псковичами, и наоборотъ Псковичи все жаловались на Новгородцевъ, такъ что миръ съ Нѣмцами и Литвою Псковичи заключили отдѣльно отъ Новгородцевъ. Наконецъ и между Новгородомъ и Псковомъ въ 1412 году былъ заключенъ миръ по старинѣ.

Но ни съ Нѣмцами, ни съ Литовскимъ княземъ Витовтомъ, ни съ Новгородцами миръ не могъ быть проченъ; по сосѣдству продолжали случаться обиды то съ той, то съ другой стороны. Такъ уже подъ 1414 годомъ есть извѣстіе, что Псковичи потоптали жито подъ Новымъ Нѣмецкимъ городкомъ и отогнали скотъ; а поэтому Юрьевскіе Нѣмцы прислали своего посла во Псковъ, а Псковичи послали двухъ человѣкъ въ Новый городокъ, гдѣ Нѣмцы одного убили, а другаго засадили въ погребъ, за что Псковичи удержали у себя Нѣмецкаго посла. А на другой годъ Нѣмцы задержали у себя Псковскихъ купцовъ, а Псковичи задержали Нѣмецкихъ купцовъ, и такъ прошло цѣлое лѣто. Наконецъ Юрьевскіе Нѣмцы прислали новыхъ пословъ и цѣловали къ Пскову крестъ по старинѣ, и Псковичи отпустили Нѣмецкихъ купцовъ и прежняго посла, и только убили одного Нѣмца на мѣсто своего убитаго въ Новомъ городкѣ, и Нѣмцы также отпустили Псковскихъ купцовъ. А въ 1424 году Псковъ съ Ливонскимъ магистромъ подтвердили миръ на три года и съ обѣихъ сторонъ цѣловали крестъ. Такимъ образомъ миръ съ Нѣмцами продолжался только потому, что Нѣмцамъ, занятымъ жестокою войной съ Литвою и Польшей, и внутренними смутами было вовсе не до Пскова. Съ Литовскимъ княземъ Витовтомъ хотя былъ заключенъ миръ въ одинъ годъ съ Нѣмцами, и Витовтъ до времени не тревожилъ Псковичей; но на него нельзя было положиться,—онъ смотрѣлъ на Псковъ, какъ на такое владѣніе, которое во всемъ должно исполнять волю великаго князя Литовскаго, и когда въ 1421 году на его требованіе разорвать миръ съ Нѣм-

цами Псковичи били ему челомъ, что они не могутъ преступить крестное цѣлованіе къ Нѣмцамъ; то онъ за это объявилъ свой гнѣвъ Пскову, и сколько Псковичи ни просили его чрезъ свои посольства и чрезъ посольства Московскаго князя и Новгорода, чтобы гнѣва не держалъ и вины имъ отдалъ, онъ остался непреклоненъ въ своемъ гнѣвѣ на Псковъ.

При такихъ ненадежныхъ обстоятельствахъ, почти со всѣхъ сторонъ, и при незначительности собственныхъ силъ, Псковичамъ оставалось одно,—заботиться въ продолженіе мирнаго времени о лучшемъ укрѣпленіи и огражденіи своихъ владѣній, что они дѣйствительно и дѣлали. Псковское вѣче, въ продолженіе пятнадцати мирныхъ лѣтъ постоянно старалось о возведеніи новыхъ укрѣпленій, какъ въ самомъ Псковѣ, такъ и по пригородамъ. Черезъ полтора года по заключеніи мира съ Нѣмцами Псковичи построили мостъ на Псковѣ, и другой мостъ нарядили надъ греблею на Кромъ; потомъ, въ 1414 году, поставили новый городъ на Опочкѣ, надъ рѣкою Великою, и сдѣлали его въ двѣ недѣли. Затѣмъ въ 1417 году Псковское вѣче наняло мастеровъ и сдѣлало стѣну отъ башни на Незнановѣ горкѣ до Сысоевыхъ воротъ, и потомъ въ томъ же году наняло другихъ мастеровъ поставить башню на Крому отъ Псковы. А въ слѣдующемъ году, по приказанію вѣча, была вымощена площадь около церкви св. Троицы, и сдѣланы мосты отъ стѣны на Великую улицу и въ Завеличьи отъ Поромяни улицы на Изборскую. Въ 1420 году поставили башню на Крому отъ Псковы рѣки, а въ слѣдующемъ году были заложены стѣны у Крома, строившіяся три года съ половиною, а работниковъ было 200 че-

ловѣкъ, которые получили отъ Пскова за свою работу 1,000 рублей, да еще дано было 200 рублей мастерамъ, которые плиту жгли (дѣлали кирпичь). И не даромъ Псковичи заботились о своихъ укрѣпленіяхъ: не прошло и двухъ лѣтъ по сдѣланіи новыхъ стѣнъ около Крома, какъ началась война съ Литовскимъ великимъ княземъ Витовтомъ.

Шесть лѣтъ грозившій войною Пскову, великій князь Литовскій, уже старикъ, Витовтъ наконецъ 29 Іюня 1426 года прислалъ во Псковъ объявленіе о войнѣ. Псковское вѣче немедленно отправило свое посольство въ Новгородъ съ просьбою о помощи; но на присылку помощнаго войска Новгородцы отказались, а только обѣщали отправить своего посла къ Витовту; посолъ же, отправленный Новгородомъ, по свидѣтельству Псковской лѣтописи, только больше вооружалъ Витовта на Псковъ. Впрочемъ этотъ упрекъ Новгородскому послу едвали вѣренъ: Витовтъ вовсе не нуждался въ подстреканьи, а дѣло въ томъ, что послѣ спѣшныхъ посольствъ отъ Московскаго князя, отъ Псковичей и отъ Новгородцевъ, послѣднее Новгородское посольство было уже завѣдомо безполезно; и Новгородцы это знали очень хорошо, и отправили его только потому, что на дѣлѣ не хотѣли помогать Псковичамъ. Ровно черезъ мѣсяцъ по объявленіи войны, Витовтъ съ великою силою Литовскою и Ляхами явился въ Псковскихъ владѣніяхъ и прежде всего осадилъ недавно вновь укрѣпленную Опочку; значитъ, Псковское вѣче, укрѣпляя ее, очень хорошо знало больное мѣсто въ этомъ краю. Витовтъ надѣялся одолѣть Опочанъ приступомъ, и опять Псковское вѣче, какъ будто бы зная мысль Витовта,

выслало на помощь Опочанамъ пятьдесятъ человѣкъ отлично вооруженныхъ воиновъ, и забота Псковскаго вѣча оправдалась полнымъ успѣхомъ. Опочане съ присланными Псковичами храбро отразили всѣ приступы Витовтовой рати, продолжавшіеся два дни, бились всякимъ оружіемъ, даже камнями и бревнами, и кончили тѣмъ, что Витовтъ, потерявши множество своего войска на приступахъ, черезъ два дни принужденъ былъ отступить, не сдѣлавши никакого вреда городу. Не успѣвши подъ Опочкою, Витовтъ двинулся къ Вороначу, осадилъ этотъ городъ и три недѣли билъ въ его стѣны изъ стѣнобитныхъ орудій, и при томъ бросалъ великіе камни въ самый городъ. Мужественно бились Вороначане, подъ предводительствомъ своихъ посадниковъ Тимоѳея и Ермилы, но день отъ дня защита города дѣлалась труднѣе, и посадники стали посылать гонцовъ къ Псковскому вѣчу съ такимъ челобитьемъ: „господа Псковичи! помогайте намъ и гадайте о насъ, намъ нынѣ притужно вельми.“ Получивъ такое челобитье, вѣче немедленно отправило посадника Ѳедора Шибалкинича въ станъ къ Витовту, просить о прекращеніи войны, но успѣха въ посольствѣ не было; и Псковичи, опасаясь за самый Псковъ, пожгли свои посады, чтобы подъ городомъ не было пристанища непріятелю, а между тѣмъ выслали къ городу Котельну засаду въ 400 человѣкъ подъ начальствомъ посадниковъ Селивестра Леонтьевича и Ѳедора Шибалкинича. Узнавши объ этой посылкѣ, Витовтъ отправилъ изъ-подъ Воронача семь тысячь Литвы и Татаръ, чтобы перерѣзать дорогу Псковской засадѣ; но посланные Витовтомъ успѣли нагнать Псковскую рать уже подъ самымъ Ко-

тельномъ, и хотя далп имъ сраженіе, но Псковичи успѣли войдти въ городъ, потерявши только 17 человѣкъ убитыми и 13 человѣкъ попавшимися въ плѣнъ. А въ то же время сосѣдніе пригороды не дремали и били Литовцевъ и Татаръ гдѣ могли; такъ Островичи побили Татаръ на Вельѣ, а Вревичи подъ Вревомъ.

Наконецъ, наскучивъ осадою Воронача, и видя безуспѣшность своихъ отдѣльныхъ отрядовъ по сторонамъ, Витовтъ вступилъ въ переговоры съ Вороночанами и заключилъ съ ними перемирье. Этимъ перемиріемъ немедленно воспользовалось Псковское вѣче и отправило новое посольство въ станъ подъ Вороначъ, которое 25 Августа и заключило съ Витовтомъ миръ на такомъ условіи, чтобы Псковичи заплатили ему 1,000 рублей въ Вильнѣ на срокъ къ празднику крещенія Господня, и Витовтъ отдалъ посламъ на поруки тѣхъ тринадцать плѣнниковъ, которые были взяты въ бою подъ Котельномъ, чтобы и ихъ представить на тотъ же срокъ въ Вильну. По заключеніи сего мира, Витовтъ со всею своею ратью поворотилъ домой, а Псковское вѣче отправило особое посольство въ Москву, чтобы тамошній великій князь Василій Васильевичъ ходатайствовалъ за Псковичей у своего дѣда Витовта. Зимою пріѣхали во Псковъ отъ великаго князя Московскіе бояре, чтобы вмѣстѣ съ Псковскимъ посольствомъ ѣхать въ Вильну къ Витовту для окончательнаго заключенія мира; Псковское вѣче съ этимъ посольствомъ отправило и деньги 1,000 рублей, слѣдующія въ уплату Витовту, и 13 человѣкъ плѣнниковъ, взятыхъ подъ Котельномъ. Витовтъ принялъ деньги, а плѣнниковъ оставилъ у себя и посадилъ за караулъ, сколько ни упрашивали

Московскіе бояре отпустить ихъ. Наконецъ вѣче, въ половинѣ Марта 1427 года, отправило новое посольство въ Вильну договориться о задержанныхъ плѣнникахъ, и этому посольству удалось освободить задержанныхъ плѣнниковъ за 450 руб. окупа, съ тѣмъ чтобы деньги сіи были доставлены въ Вильну къ 1-му Октября. Такимъ образомъ окончилась Литовская война, продолжавшаяся собственно двадцать пять дней.

Въ годъ заключенія мира съ Витовтомъ вышли непріятности между Псковичами и Нѣмцами по сосѣдству. Нѣмцы убили шесть человѣкъ Опочанъ бортниковъ, и, какъ замѣчаетъ лѣтопись, на Псковской землѣ, а другіе Нѣмцы ходили къ Опочкѣ вверхъ Ускѣ и много посѣкли и пожгли, и все на миру и на крестномъ цѣлованіи. Далѣе, въ томъ же году Нѣмцы на Псковской землѣ сѣно покосили; и Псковичи, поѣхавши въ двухъ насадахъ, скошенное сѣно пожгли, и, поймавши Чудь, семь человѣкъ повѣсили у Выдобска. Нѣтъ сомнѣнія, что подобныя сосѣдскія непріятности могли бы повести къ войнѣ; но какъ Нѣмцамъ и Псковичамъ было не до войны по другимъ обстоятельствамъ, то и кончилось это дѣло подтвержденіемъ стараго мира въ слѣдующемъ 1428 году. Въ лѣтописи сказано: „Псковичи миръ подтвердили съ мейстеромъ и съ Юрьевичи (Дерптцами) и со всею землею Нѣмецкою по старому крестному цѣлованію." Тѣмъ не менѣе въ 1436 году опять была непріятность между Псковичами и Нѣмцами: Нѣмцы на крестномъ цѣлованіи поймали Псковскихъ ловцовъ на озерѣ и нѣкоторыхъ убили. Псковичи за это задержали у себя Нѣмецкихъ купцовъ съ товара-

ми, и самихъ купцовъ 24 человѣка засадили въ погребъ. Но опять тѣмъ дѣло и кончилось: ни Нѣмцы, ни Псковичи не пошли дальше.

Въ 1428 году Псковичи, помирившись съ Нѣмцами, опять разошлись съ Новгородцами; они, мстя Новгороду за то что онъ не помогъ во время Витовтова нашествія, въ свою очередь отказали Новгородцамъ въ помощи противъ Витовта, когда тотъ началъ войну съ Новгородомъ. Послѣ сего у Новгорода со Псковомъ не было ни войны ни мира въ продолженіе шести лѣтъ. Псковское вѣче два раза отправляло посольство съ просьбою о мирѣ и оба раза Новгородъ не соглашался. Наконецъ, въ 1434 году, было отправлено третье посольство, которое стараніями владыки Новгородскаго Евфимія и заключило миръ по старинѣ. При заключеніи этого мира сперва цѣловали крестъ Псковскіе послы и Новгородскіе посадники въ Новгородѣ, а потомъ были отправлены отъ Новгорода послы во Псковъ, предъ которымъ цѣловали крестъ посадники Псковскіе и сотскіе и добрые люди. Этотъ такъ торжественно заключенный миръ черезъ шесть лѣтъ снова былъ разорванъ Псковичами; но уже не по воли самихъ Псковичей, а по воли Московскаго великаго князя Василья Васильевича, который въ 1441 году, отправляясь въ походъ на Новгородъ, прислалъ во Псковъ своего посла съ требованіемъ, чтобы Псковичи объявили съ своей стороны также войну Новгороду и шли съ своею ратью на Новгородскія владѣнія. Псковское вѣче, не рѣшаясь противиться требованію Московскаго князя, очевидно согласному съ желаніемъ самихъ Псковичей, постоянно остававшихся недовольными Новгородомъ, немед-

Глава III.

Общія правила исполненія судебныхъ рѣшеній.

924. Исполненію подлежатъ судебныя рѣшенія, вошедшія въ законную силу, или обращенныя къ предварительному исполненію.

925. Рѣшенія судебныхъ установленій обращаются къ исполненію не иначе, какъ по желанію взыскателя, и судебныя установленія не обязаны наблюдать за приведеніемъ ихъ въ исполненіе.

926. Желающій привести рѣшеніе въ исполненіе долженъ обратиться въ судъ, постановившій рѣшеніе, съ словесною или письменною просьбою о выдачѣ ему исполнительнаго листа.

927. Исполнительный листъ составляется по приложенной въ сей статьѣ формѣ, съ означеніемъ основанія, вслѣдствіе коего рѣшеніе подлежитъ исполненію.

Приложеніе къ статьѣ 927 устава гражданскаго судопроизводства.

Форма исполнительнаго листа.

ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ЛИСТЪ

По Указу Его Императорскаго Величества.

Въ такой-то день такого-то года, такой-то судъ, состоящій изъ *такихъ-то* членовъ (*здѣсь прописать имена, отчества и фамиліи Предсѣдателя и всѣхъ членовъ суда, участвовавшихъ въ постановленіи рѣшенія*)[1], выслушавъ дѣло по иску предъявленному (*означить званіе, имя, отчество, фамилію и мѣсто жительства истца*) къ (*означить званіе, имя, отчество, фамилію и мѣсто жительства отвѣтчика*) *о томъ-то* (*здѣсь прописывается предметъ иска, если дѣло идетъ о недвижимомъ имѣніи, то означается пространство имѣнія, губернія, уѣздъ и участокъ, гдѣ оно находится; при взысканіи денегъ означается взыскиваемая сумма и проценты, если та-*

стѣны съ другихъ сторонъ построили на свой счетъ. А въ слѣдующемъ году Псковское вѣче въ самомъ Псковѣ построило новое прясло стѣны отъ Великой рѣки у Сысоевыхъ воротъ, а старую стѣну по рѣкѣ Великой дозволило жителямъ разбирать. Въ 1434 году Псковское вѣче, считая вновь построенные города Выборъ и Гдовъ не совсѣмъ надежными, приказало укрѣпить ихъ вновь, сдѣлавши привалы къ стѣнамъ. Въ 1435 году вѣче наняло сорокъ человѣкъ рабочихъ для постройки новаго моста черезъ Пскову, и дало имъ 70 рублей за балки и за работу, а городни, рилини и дубья городъ покупалъ на свой счетъ. Въ 1441 году погорѣлъ Псковскій пригородъ Опочка, и вѣче, осенью того же года, отправило посадника Тимоѳея ставить новый городъ Опочку на счетъ тамошнихъ волостей.

То воюя, то мирясь со всѣми сосѣдями, Псковичи постоянно держались только одного союза съ великими князьями Московскими, и чтобы этотъ союзъ, какъ опора для Псковскаго вѣча въ сношеніяхъ съ другими владѣніями, былъ прочнѣе и виднѣе для другихъ, начиная съ 1400 года, Псковичи постоянно желали держаться такого порядка, чтобы Псковскіе князья были посаженниками Московскаго великаго князя и въ то же время выборными отъ Псковскаго вѣча, которое могло мѣнять этихъ князей по своему усмотрѣнію. Союзъ съ Москвою, которымъ такъ дорожили тогда Псковичи, дѣйствительно былъ очень полезенъ для Пскова: съ одной стороны князья, пріѣзжавшіе во Псковъ отъ Московскаго великаго князя, нисколько не стѣсняли самостоятельности Псковскаго вѣча, и притомъ, выбираемые самимъ Псковомъ, болѣе или

менѣе зависѣли отъ Пскова, и Московскій Государь за все это время вовсе не вмѣшивался въ отношенія отпущенныхъ имъ князей къ Псковскому вѣчу, а въ то же время князья сіи всегда приходили съ порядочною дружиной хорошо вооруженныхъ боевыхъ людей, въ которыхъ постоянно нуждались Псковичи. Съ другой стороны, для Псковичей весьма важно было то, что во всѣхъ столкновеніяхъ съ другими владѣльцами сильный Московскій великій князь всегда былъ на сторонѣ Псковичей, а не ихъ враговъ. Правду сказать, что во всѣ сорокъ лѣтъ, начиная съ 1400 года, Московскій князь ни разу не высылалъ своихъ войскъ на защиту Пскова, и Псковичи во все это время не видали у себя другихъ Московскихъ ратниковъ, кромѣ дружинъ, приходившихъ вмѣстѣ съ князьями во Псковъ. Но за то Московскій князь всегда съ полною готовностью принималъ на себя ходатайство за Псковичей, и никакъ не скупился на посольства къ другимъ Государямъ въ пользу Пскова. Особенно въ этомъ отношеніи для Псковичей много дѣлалъ великій князь Василій Дмитріевичъ, сильно не ладившій съ Новгородомъ и потому покровительствовавшій Пскову. При немъ Псковъ находился въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ къ Москвѣ,—Московскій князь рѣшительно не вмѣшивался во внутреннія дѣла Пскова и безпрекословно исполнялъ всѣ просьбы Псковскаго вѣча,—присылалъ во Псковъ князей какихъ только хотѣли Псковичи, даже два раза присылалъ во Псковъ, по просьбѣ вѣча, своего меньшаго брата Константина Дмитріевича; а въ 1407 году, ради Псковскія обиды, даже разорвалъ миръ съ своимъ тестемъ великимъ княземъ Литовскимъ Витовтомъ, и

потомъ, когда въ 1409 году помирился съ нимъ, то въ свою мирную докончальную грамоту включилъ и Псковъ. А когда въ 1421 году Витовтъ объявилъ свой гнѣвъ Пскову, то князь Василій Дмитріевичъ три раза отправлялъ своихъ пословъ къ Витовту ходатайствовать объ отложеніи гнѣва, и хотя ходатайство его не имѣло полнаго успѣха, тѣмъ не менѣе Витовтъ до самой кончины великаго князя Василья Дмитріевича не рѣшался сдѣлать нападеніе на Псковъ, какъ бы опасаясь встрѣтить тамъ Московскіе полки своего зятя, и только уже по смерти его, пользуясь малолѣтствомъ его преемника, объявилъ въ 1426 году войну Псковичамъ.

По смерти в. к. Василья Дмитріевича, при его малолѣтномъ еще преемникѣ в. к. Васильѣ Васильевичѣ, Московское правительство въ отношенія къ Пскову продолжало дѣйствовать по прежнему; такъ въ 1427 году отъ Московскаго князя пріѣхалъ во Псковъ посолъ, чтобы вмѣстѣ съ Псковскими послами ѣхать въ Вильну для переговоровъ съ Витовтомъ о заключеніи мира. Но такъ было только съ начала, а потомъ отношенія стали измѣняться и начало измѣненія кажется пошло отъ Пскова. Псковичи, видя страшныя междоусобія въ Московскомъ княжескомъ домѣ, и не зная которая сторона одолѣетъ, стали холоднѣе смотрѣть на Московскаго князя. Такъ когда среди разгара Московскихъ междоусобій въ 1434 году уѣхалъ изъ Пскова князь Александръ Ѳедоровичъ Ростовскій, то Псковичи, не сносясь съ великимъ княземъ Московскимъ, приняли къ себѣ въ князья зятя Александрова князя Владиміра Даниловича (кажется сына прежняго Псковскаго князя Даніила Алек-

сандровича), уже десять лѣтъ жившаго въ Литвѣ. Въ Москвѣ кажется замѣтили этотъ поступокъ, и лишь поунялись немного тамошнія междоусобія, то не замедлили сдѣлать пробу съ Псковичами,—попытать почему они, не спросясь Москвы, приняли себѣ князя, проживавшаго въ Литвѣ. Вдругъ зимою 1436 года пріѣхалъ во Псковъ, ни съ того ни съ сего, безъ всякаго повода, князь Борисъ Васильевичъ и объявилъ вѣчу, что онъ присланъ великимъ княземъ Московскимъ княжить во Псковѣ. Псковичи приняли его и посадили на Псковскомъ княжескомъ дворѣ, а своего избранника кн. Владиміра Даниловича попросили оставить княжій дворъ. Но, разумѣется, такой небывалый во Псковѣ случай долженъ былъ смутить Псковичей; они никакъ не могли понять съ чего взялъ Московскій князь прислать князя во Псковъ, не поговоря съ вѣчемъ, и при томъ когда во Псковѣ сидитъ князь избранный народомъ. Оставить такое важное дѣло безъ объясненія, свободные и независимые Псковичи не могли; и потому немедленно отправили къ великому князю въ Москву своего князя Владиміра и двухъ посадниковъ съ челобитьемъ, чтобы объяснить дѣло и по прежнему оставить во Псковѣ княземъ Владиміра Даниловича. Московское правительство, довольное своею пробой, и видя покорность Псковичей великокняжескимъ повелѣніямъ, объявило, что оно вовсе не посылало князя Бориса Васильевича, что онъ обманулъ Псковское вѣче, и что князь великій, согласно желанію вѣча, даетъ Псковское княженіе князю Владиміру Даниловичу, а князя Бориса приказываетъ вывесть изъ Пскова. Такимъ образомъ непонятное для Псковичей дѣло получило

ясность, какую было угодно дать Московскому правительству; а въ Москвѣ узнали, что во Псковъ, пока еще нельзя посылать князей, не спросясь Псковскаго вѣча, и что Псковичи ничего не замышляютъ противъ Московскаго государя. Псковичи съ своей стороны, видя, что Московскій князь нисколько не обидѣлся выборомъ въ Псковскіе князья Владиміра Даниловича безъ сношеній съ Москвою, и даже подтвердилъ этотъ выборъ, вздумали повторить этотъ опытъ; и когда въ 1439 году пріѣхалъ во Псковъ князь Александръ Ивановичъ, внукъ Андрея Ольгердовича и правнукъ Ольгерда, то посадили его у себя на княженіе, а князя Владиміра Даниловича выслали вонъ изъ Пскова, и то и другое сдѣлали безъ всякихъ отношеній къ Москвѣ. Этотъ вторичный опытъ, разумѣется, не понравился Москвѣ; но великій князь Василій Васильевичъ какъ бы не обратилъ на это своего вниманія, на дѣлѣ же имѣлъ уже въ виду сдѣлать новую пробу покорности Псковичей, и пробу посильнѣе той, которая была въ 1436 году. Объявивши войну Новгороду въ 1441 году, Великій князь прислалъ во Псковъ приказаніе, чтобы Псковское вѣче отослало назадъ мирную грамоту Новгороду и немедленно снарядило войско противъ Новгородцевъ. Псковское вѣче и тамошній выборный князь Александръ Ивановичъ, правнукъ Ольгердовъ, выдержали эту пробу съ достоинствомъ; они немедленно разорвали миръ съ Новгородцами и отправили большое войско опустошать Новгородскія владѣнія. Великій князь Московскій, конечно, былъ доволенъ и Псковскимъ вѣчемъ, и Псковскимъ княземъ правнукомъ Ольгердовымъ; но продолжать подобные опыты

для Московскаго правительства казалось дѣломъ рискованнымъ и не безопаснымъ; а посему великій князь рѣшилъ при первомъ удобномъ случаѣ покончить съ опытами за одинъ разъ и, не нарушая изконныхъ Псковскихъ порядковъ и видимо сохраняя независимость и самостоятельность Пскова, взять его подъ Московскую опеку. Удобный случай къ тому скоро представился: въ 1442 году во Псковѣ былъ сильный моръ, начавшійся еще въ 1441 году, наканунѣ зимняго Николы, и продолжавшійся все лѣто, много умирало людей и мущинъ, и женщинъ, и взрослыхъ, и дѣтей; а умирали скорою смертію: появится на тѣлѣ железа, полежитъ больной дня два три и умретъ; умеръ такою скорою смертію и князь Александръ Ивановичъ, успѣвши впрочемъ принять иноческій образъ. Псковичи еще не успѣли выбрать себѣ князя на мѣсто умершаго, какъ и всегда не спѣшили такими выборами,—какъ 3-го Марта слѣдующаго 1443 года пріѣхалъ во Псковъ другой потомокъ Ольгерда Литовскаго, князь Александръ Васильевичъ Черторижскій; но онъ пріѣхалъ не изъ Литвы, а изъ Москвы, отъ имени великаго князя. Псковичи приняли его съ честію, но обычнаго посаженія на княжескій престолъ въ церкви св. Троицы еще не было; почему-то этотъ обрядъ откладывался до другаго времени. Наконецъ 25 Августа, т. е. почти черезъ полгода, явился во Псковъ посолъ отъ великаго князя Московскаго, чтобы посадить Псковскаго князя на княжескій престолъ именемъ великаго князя Московскаго, и чтобы новопосаженый князь далъ присягу какъ Пскову, такъ и великому князю. Былъ ли какой споръ со стороны Псковскаго вѣча относительно

этой важной новости, памятники объ этомъ ничего не говорятъ; въ лѣтописяхъ только сказано: „и потомъ прiѣха посолъ отъ великаго князя Василья Васильевича и поручи ему (князю Черторижскому) княженiе по великаго князя слову, и посадили его Псковичи на княженiе въ святѣй Троицы, мѣсяца Августа 25, на память св. Апостола Варѳоломея, и цѣлова крестъ ко князю великому Василью Васильевичу и ко всему Пскову и на всей Псковской пошлинѣ.“ И такимъ образомъ Псковъ тихо безъ войны, по одному приказу Московскаго князя, промѣнялъ свою полную независимость и самостоятельность на Московскую опеку, и сдѣлался присяжнымъ Московскимъ союзникомъ, и Псковскiе князья съ сего времени стали называться Псковскими князьями намѣстниками великаго князя Московскаго.

РАЗСКАЗЪ ОСЬМЫЙ.

Псковъ подъ Московскою опекой.

Новость въ устройствѣ Пскова, введенная Московскимъ великимъ княземъ Васильемъ Васильевичемъ въ 1443 году, первоначально состояла только въ томъ, что Псковскiй князь сталъ называться намѣстникомъ великаго князя Московскаго и при вступленiи на престолъ долженъ былъ присягать какъ Пскову, такъ и Московскому князю. Всѣ прочiе старые порядки Пскова были оставлены неприкосновенными; вѣче по прежнему осталось главнымъ хозяиномъ Псковской

земли: всѣ выборныя власти, начиная отъ князя до послѣдняго выборнаго старосты избирались самимъ обществомъ и никто не могъ занять никакой общественной должности безъ согласія вѣча; всѣ отношенія выборныхъ властей другъ къ другу и также къ вѣчу нисколько не были измѣнены противъ прежняго времени; всѣ внутренніе распорядки во Псковѣ и даже отношенія Пскова къ сосѣдямъ вполнѣ зависѣли отъ Псковскаго вѣча, ни князь намѣстникъ ни великій князь Московскій ни во что это не вступались. Псковъ до времени оставался прежнимъ независимымъ и самостоятельнымъ Псковомъ; даже союзъ его съ Москвою не сдѣлался сколько-нибудь обязательнымъ чрезъ князей намѣстниковъ; но все это только до времени,—въ сущности же Псковскій намѣстникъ великаго князя Московскаго ставилъ Псковъ въ такія обязательныя отношенія къ Москвѣ, что Московскій великій князь, по своему усмотрѣнію уже могъ предъявлять свое право на сіи отношенія; въ сущности князь намѣстникъ представлялъ собою тотъ проломъ въ Псковской крѣпости, посредствомъ котораго власть Московскаго князя открыла свободную дорогу для своихъ вмѣшательствъ, какъ во внутреннія, такъ и во внѣшнія дѣла Пскова, въ чемъ не замедлятъ удостовѣрить насъ самыя событія.

Внутреннія и внѣшнія дѣла Пскова при первомъ князѣ-намѣстникѣ, князѣ Александрѣ Васильевичѣ Черторижскомъ, и при его преемникахъ, шли большею частію старымъ порядкомъ. Псковичи отбивались отъ непріятелей-сосѣдей, заключали съ ними мирные договоры и строили укрѣпленія; только врагами Пскова въ это время были почти одни Нѣмцы,—съ Литовцами

почти не было войнъ, съ Новгородцами же Псковичи скоро вступили въ тѣсный союзъ, и уже нерѣдко дѣйствовали общими силами.

Мы уже видѣли, что въ 1436 году Нѣмцы захватили Псковскихъ ловцовъ на озерѣ, а Псковичи въ отвѣтъ на это засадили въ погребъ бывшихъ во Псковѣ Нѣмецкихъ купцовъ. Но, конечно, этимъ дѣло не могло кончиться; по всему вѣроятію на границахъ взаимные набѣги и грабежи Нѣмцевъ и Псковичей не прекращались, ибо старый миръ былъ уже нарушенъ, а новый еще не заключенъ. Такъ продолжалось восемь лѣтъ. Наконецъ въ 1444 году Псковское вѣче отправило въ Ригу своихъ пословъ—посадника Ѳедора Патрикѣевича и Прокопія судью заключить миръ съ Ливонскимъ магистромъ, которые и заключили миръ на десять лѣтъ и обѣ стороны цѣловали крестъ. Но заключеніе мира на дѣлѣ не было еще прекращеніемъ войны; Нѣмцы не думали исполнять всѣхъ условій мира. Въ томъ же году осенью князь Александръ съ Псковичами ѣздилъ подъ Новый городокъ Нѣмецкій (Нейгаузенъ), и на обидномъ мѣстѣ, т. е. на спорной землѣ, которая по договору должна была отойдти ко Пскову, потопталъ въ полѣ весь хлѣбъ и повѣсилъ семь Чухновъ, пойманныхъ на этой землѣ. И той же осенью Шведскій князь Карлъ изъ Выборга, на миру пріѣхавъ съ Шведскою ратью на Нарову захватилъ тамъ посадничьяго сына Максима Ларіонова, и съ нимъ двадцать семь человѣкъ, а иныхъ изсѣкъ. По этому случаю въ слѣдующемъ году князь Александръ Васильевичъ и посадники Псковскіе послали своего посла Прокопія судью въ Выборгъ къ Карлу князю Шведскому, и взяли на

окупъ Максима и его товарищей, а иные тамъ уже померли, дали же окупу 120 рублей, всего же расхода было 150 рублей. Но очевидно Нѣмецкое дѣло этимъ не кончилось. Въ 1447 году Псковичи отправили свое посольство въ Новгородъ и заключили съ Новгородцами миръ по старинѣ; а вслѣдъ за тѣмъ князь Александръ Васильевичъ Черторижскій, несмотря на просьбы Псковичей уѣхалъ въ Новгородъ, какъ сказано въ лѣтописи, потому что онъ договорился съ Новгородцами, и изъ самыхъ событій видно, что у него былъ договоръ съ Новгородомъ, чтобы идти на Нѣмцевъ. И дѣйствительно въ слѣдующемъ 1448 году Новгородцы съ воинственнымъ княземъ Александромъ открыли походъ къ Наровѣ, противъ магистровъ Ливонскаго и Прускаго и противъ Шведскаго князя Карла, бывшихъ другъ съ другомъ въ союзѣ противъ Новгорода и Пскова и уже готовившихся перейдти Нарову, чтобы ворваться съ этой стороны въ Новгородскія и Псковскія владѣнія. Но Нѣмцы опоздали съ своимъ переходомъ; князь Александръ съ Новгородцами успѣлъ укрѣпиться на своемъ берегу рѣки, и сколько Нѣмцы ни старались о переправѣ, вездѣ были отражены съ урономъ и потеряли нѣсколько своихъ судовъ, старавшихся съ моря войдти въ Нарову. Въ это же время другая Нѣмецкая рать, посланная къ Новгородскому пригороду Ямѣ, была разбита другимъ Новгородскимъ служилымъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ Суздальскимъ. Потерпѣвъ неудачу съ двухъ сторонъ, Нѣмцы рѣшились вступить въ мирные переговоры, и для этого назначили въ слѣдующемъ году съѣздъ на Наровѣ. На этотъ съѣздъ вмѣстѣ съ Новгородскими послами прибыли и послы

отъ Пскова, и заключили общій миръ на 25 лѣтъ, по которому Псковъ обратно получилъ всѣ свои старины, отнятыя въ прежнее время Юрьевскими или Дерптскими Нѣмцами, и изъ-за которыхъ столько было войнъ и взаимныхъ набѣговъ и опустошеній.

Въ годъ заключенія мира съ Нѣмцами Псковичи приняли себѣ въ князья князя Василья Васильевича Суздальскаго, пріѣхавшаго къ нимъ изъ Новгорода. Это принятіе новаго князя было сдѣлано со стороны Псковичей по прежнимъ порядкамъ, не спрашиваясь великаго князя Московскаго, явно въ нарушеніе той новины, которую онъ ввелъ въ 1443 году. Но заступиться за эту непріятную Псковичамъ новину было некому, у великаго князя Московскаго въ это время была страшная междоусобная война съ своимъ двоюроднымъ братомъ Димитріемъ Шемякою,— онъ бился за свою голову и за свою власть въ Москвѣ, а о Псковѣ и подумать было некогда. А посему Псковичи, пользуясь такими благопріятными для нихъ обстоятельствами, не преминули возстановить свою старину и приняли князя Василья Васильевича Суздальскаго, какъ вольнаго князя, а не какъ намѣстника московскаго. При этомъ вольномъ князѣ Псковскомъ во Псковъ пріѣзжалъ два раза владыка Новгородскій Евфимій, много способствовашій примиренію Новгорода со Псковомъ, и въ оба раза былъ принятъ Псковичами съ любовію и большими почестями; вѣче не только свободно дозволило ему сбирать свой владыченъ подъѣздъ и другія пошлины; но даже въ послѣдній пріѣздъ уступило ему волость Ремду и Ремедскую воду во владычню вотчину. Князь Василій Васильевичъ, проживши во Псковѣ семь лѣтъ

съ половиною, уѣхалъ въ Новгородъ, сколько ни просили его Псковичи, чтобъ онъ остался у нихъ княземъ. Это показываетъ, что князья считали для себя выгоднѣе быть служилыми князьями въ Новгородѣ, чѣмъ вольными Псковскими князьями. Въ Княжествованіе князя Василья Васильевича въ 1452 году Псковичи построили новую стѣну на Крому, отъ великихъ воротъ возлѣ входа до малыхъ воротъ, и въ той стѣнѣ устроили пять погребовъ, вѣроятно тайниковъ; а въ слѣдующемъ году выстроили прясло стѣны у Лужскихъ воротъ.

По отъѣздѣ князя Василья Васильевича Суздальскаго Псковичи отправили посольство къ князю Александру Васильевичу Черторижскому, проживавшему тогда въ Русѣ. Но прежде нежели онъ пріѣхалъ, пришло во Псковъ посольство изъ Новгорода—просить помощи противъ Московскаго великаго князя, вступившаго уже въ Новгородскую землю и успѣвшаго разбить высланное противъ него Новгородское войско, подъ предводительствомъ Суздальскаго князя Василья Васильевича. Посольство именемъ Новгородцевъ говорило на вѣчѣ: „братья наша молодшая, мужи Псковичи! братъ великій Новгородъ вамъ кланяется, чтобы есте намъ помогли противъ великаго князя, а крестное бы есте цѣлованіе правили.“ Псковское вѣче, только девять лѣтъ тому назадъ заключившее союзъ съ Новгородомъ и получившее отъ этого союза значительныя выгоды въ отношеніи къ Нѣмцамъ, и притомъ, въ послѣднее время находясь въ неопредѣленныхъ отношеніяхъ къ Московскому князю, рѣшилось помогать Новгороду и снарядило войско, которое подъ начальствомъ двухъ посадни-

ковъ и отправилось на соединеніе съ Новгородскою ратью. Но войско это пришло уже тогда, когда Новгородцы вступили въ мирные переговоры съ великимъ княземъ Московскимъ, такъ что Псковскому посольству пришлось только участвовать въ переговорахъ о мирѣ, и войско, простоявъ въ Новгородѣ полторы недѣли, возвратилось домой. Потомъ, мѣсяца черезъ четыре, пріѣхалъ изъ Новгорода приглашаемый уже прежде князь Александръ Васильевичъ Черторижскій. На этотъ разъ князь Александръ явился во Псковъ не какъ намѣстникъ Московскій, а какъ вольный Псковскій князь, выбранный самимъ народомъ; и Псковичи, какъ говоритъ лѣтопись, приняли его съ честію великою, и дали ему всю княжескую пошлину, а онъ цѣловалъ крестъ ко Пскову на всей Псковской пошлинѣ. При этомъ князѣ Псковичи вспомнили о дѣлахъ съ Нѣмцами и, прежде всего, въ 1458 году вѣче распорядилось увеличеніемъ укрѣпленій самаго Пскова, и приказало наддѣлать на старую стѣну новую стѣну выше старыхъ стѣнъ на Крому отъ захабня до Кутней башни; потомъ, въ томъ же году, осенью отправило князя Александра и посадниковъ съ отрядомъ ратниковъ на старое спорное мѣсто, на землю святыя Троицы на Озолицу, уступленную уже Пскову десять лѣтъ тому назадъ по Наровскому договору съ Нѣмцами, чтобы закрѣпить эту землю за Псковомъ. Князь Александръ и посадники, пріѣхавши туда, приказали косить сѣно на Желачкѣ, а Псковскимъ ловцамъ ловить рыбу по старинѣ и, устроивши такъ Псковскую колонію, поставили въ ней церковь архистратига Михаила, а поселившуюся тамъ Нѣмецкую Чудь повѣсили въ

мѣстечкѣ Рожкинѣ, какъ это обыкновенно дѣлали и Русскіе и Нѣмцы въ наставленіе на будущее время охотникамъ селиться на чужихъ земляхъ. Но Нѣмцы, не желая уступить на дѣлѣ Озолицы, уступленной по договору, не признали распоряженій Псковскаго вѣча, въ Мартѣ мѣсяцѣ слѣдующаго года, преступивъ крестное цѣлованіе, напали изгономъ на Озолицу, сожгли построенную осенью церковь св. Михаила и въ ней девять человѣкъ Псковскихъ колонистовъ. Только-что они успѣли сдѣлать это, какъ князь Александръ съ посадниками съ Псковичами пріѣхалъ въ насадахъ и лодьяхъ на Озолицу, и, мстя за неповинную смерть сожженныхъ Нѣмцами колонистовъ, вошелъ въ Нѣмецкую землю, по окраинамъ ея также пожегъ много людей, мущинъ и женщинъ. Въ томъ же году, немного спустя Нѣмцы въ шнекахъ и лодьяхъ вошли въ Нарову, отняли тамъ у Псковскихъ ловцовъ насаду съ пушками и со всемъ ратнымъ запасомъ, и въ Березской волости сожгли 42 двора. Между тѣмъ во Псковъ пріѣхалъ посолъ изъ Новгорода съ объявленіемъ, что Нѣмцы назначили срокъ для съѣзда на спорномъ мѣстѣ, чтобы мирно прекратить недоумѣнія, и просятъ пріѣхать на Озолицу какъ Новгородскихъ, такъ и Псковскихъ пословъ. По этому объявленію отправились на Озолицу и на Желачко вмѣстѣ съ Новгородскимъ посольствомъ князь Александръ Васильевичь съ Псковскими посадниками и съ боярами отъ всѣхъ концовъ, осмотрѣли спорное мѣсто и нашли, что согласно съ мирнымъ договоромъ 1448 года это мѣсто принадлежитъ Пскову, что это земля и вода св. Троицы; но Нѣмцы на свой срокъ не явились на съѣздъ, и Псковское посольство,

прождавши ихъ довольно долго, уѣхало домой. Послѣ чего зимою въ Рождественскій постъ князь Александръ Васильевичъ съ посадниками и Псковичами сдѣлалъ набѣгъ на сосѣднія Нѣмецкія владѣнія и повоевали Нѣмецкую землю на семдесятъ верстъ, ночевали тамъ три ночи, и, мстя Нѣмцамъ за ихъ недавній набѣгъ на Нарову и за сожженіе дворовъ въ Березской волости, пограбили у Нѣмцевъ множество имущества, сожгли нѣсколько Нѣмецкихъ погостовъ, выжгли большую ихъ божницу, сняли съ нея крестъ и четыре колкола, захватили Нѣмецкаго попа и поймали много плѣнниковъ; и все это и плѣнниковъ, и скотъ, и награбленное имущество препроводили во Псковъ, не встрѣтивъ нигдѣ значительнаго сопротивленія и не потерявъ ни одного человѣка изъ своихъ.

Между тѣмъ великій князь Московскій Василій Васильевичъ, управившись съ своими запутанными дѣлами въ Московскихъ владѣніяхъ и отдѣлавшись отъ всѣхъ своихъ враговъ, 20 Января 1460 года прибылъ въ Новгородъ съ своими сыновьями Юрьемъ и Андреемъ, чтобы мирно покончить всѣ недоумѣнія и споры, нерѣшенные Яжелбицкимъ миромъ въ 1456 году. Псковичи, находившіеся въ неопредѣленныхъ отношеніяхъ къ великому князю, и даже вовсе не сносясь съ нимъ съ 1448 года, т. е. въ продолженіе 12 лѣтъ, услыхавши о пріѣздѣ его въ Новгородъ для управы съ Новгородцами, а можетъ быть и получивши отъ него вызовъ, отправили большимъ посольствомъ своихъ посадниковъ Юрья Тимоѳеевича и Максима Ларіоновича, и отъ концовъ по боярину съ дарами къ великому князю, и съ наказомъ, въ которомъ вѣче, вопервыхъ, приказало просить князя име-

немъ всего Пскова, чтобъ онъ жаловалъ и печаловался своею отчиною, мужами Псковичами, добровольными людьми, которые пріобижены отъ поганыхъ Нѣмцевъ и водою и землею и головами на миру и на крестномъ цѣлованіи и церкви Божіи пожжены, и затѣмъ бить челомъ великому князю, чтобъ онъ дозволилъ князю Александру Васильевичу Черторижскому быть намѣстникомъ отъ себя, а во Псковѣ княземъ. Великій князь на посольскую рѣчь далъ такой отвѣтъ: „я васъ, свою отчину, хочу жаловать и оборонять отъ поганыхъ, какъ это дѣлали наши отцы и дѣды великіе князья; а что вы говорите о князѣ Александрѣ Черторижскомъ, то я васъ, свою отчину, жалую и о томъ, ежели только князь Александръ поцѣлуетъ животворящій крестъ ко мнѣ великому князю и къ моимъ дѣтямъ великимъ князьямъ, что ему зла на насъ не хотѣть и не мыслить, то пусть будетъ вамъ князь, а отъ меня намѣстникъ," и съ тѣмъ отпустилъ пословъ. Отвѣтомъ своимъ великій князь прямо показалъ, что онъ не принимаетъ другихъ отношеній ко Пскову, кромѣ тѣхъ, которыя были уставлены въ 1443 году. Псковское вѣче не осмѣлилось противорѣчить требованіямъ великаго князя; но князь Черторижскій прямо на вѣчѣ отвѣчалъ, что не желаетъ цѣловать креста къ великому князю и его дѣтямъ: „я-де не слуга великому князю, и не буди цѣлованіе ваше на мнѣ, а мое на васъ, я вамъ больше не князь, а вы вспомните меня, Черторижскаго, когда Псковичи учнутъ соколомъ воронъ ловить." И сказавши это простился на вѣчѣ, и, не смотря на усильныя просьбы Псковичей, выѣхалъ 10 Февраля въ Литву, и за нимъ пошла его удалая

дружина, состоящая изъ 300 человѣкъ кованой рати боевыхъ людей, кромѣ обозныхъ.

Великій князь, услыхавши объ отъѣздѣ князя Черторижскаго, послалъ во Псковъ своего сына Юрія съ боярами; и посадники Псковскіе и бояре встрѣтили его за рубежемъ на Дубровнѣ съ великою честію. Князь Юрій пришелъ во Псковъ 24 Февраля, и игумены и священники и дьяконы встрѣтили его со крестами у стараго Вознесенья на поли. Вошедши во Псковъ, князь прямо отправился въ церковь св. Троицы, гдѣ все священство, пѣвши ему многолѣтіе, посадило его на столѣ отца его великаго князя Василья Васильевича и знаменовали честнымъ животворящимъ крестомъ; потомъ изъ церкви посадники и весь Псковъ съ честію провели его на княжій дворъ. Затѣмъ посадники и вѣче били челомъ князю Юрію Васильевичу, чтобы пожаловалъ далъ отъ великаго князя и отъ себя въ намѣстники и князья Пскову князя Ивана Васильевича Стригу; и князь Юрій Васильевичъ, по повелѣнію отца своего и своего брата Ивана Васильевича и по челобитью Псковскому, далъ во Псковъ княземъ князя Ивана Васильевича Стригу; и посадники Псковскіе и вѣче приняли его съ великою честію и посадили на княженіе въ церкви св. Троицы, и дали ему всю княжескую пошлину, онъ же цѣловалъ крестъ ко Пскову на всей Псковской пошлинѣ. Такимъ образомъ Псковичи снова признали законность порядковъ, введенныхъ великимъ княземъ въ 1443 году, и отказались и отъ своей старины, а потомъ по словамъ князя Черторижскаго стали соколомъ воронъ ловить, то есть волей-неволей принимать отъ Московскаго князя и другія новости, несогласныя съ

Псковскою стариною; ибо, какъ мы скоро увидимъ, великій князь Василій Васильевичъ не задумывался и не медлилъ введеніемъ своихъ новостей въ Псковское устройство.

Еще не уѣхалъ князь Юрій Васильевичъ изъ Пскова, какъ туда явились Нѣмецкіе послы отъ Ливонскаго магистра бить челомъ за Юрьевцевъ (Дерптскихъ Нѣмцевъ) о перемирьи; и князь Юрій Васильевичъ назначилъ срокъ съѣзду на Успеніе Пресвятой Богородицы; на чемъ Нѣмецкіе послы подали князю руку и цѣловали крестъ. И въ назначенный срокъ пріѣхали въ Новгородъ Нѣмецкіе послы отъ архіепископа Рижскаго и отъ епископа Юрьевскаго (Дерптскаго) и отъ всей Нѣмецкой земли судія, и били челомъ владыкѣ Новгородскому Іонѣ и посадникамъ Новгородскимъ и вѣчу, и велико-княжескому послу и Псковскому послу посаднику Зиновію Михайловичу, чтобы великій князь Василій Васильевичъ далъ Нѣмцамъ перемирье со Псковичами на пять лѣтъ. Челобитье Нѣмецкихъ пословъ отъ Новгорода и Пскова было послано въ Москву къ великому князю, какъ онъ объ этомъ разсудитъ. И великій князь дозволилъ Новгороду и Пскову заключить перемиріе съ Нѣмцами на пять лѣтъ, чтобы въ эти пять лѣтъ на спорномъ мѣстѣ ловить Псковичамъ къ своему берегу, а Юрьевцамъ и епископу къ своему берегу. И Нѣмецкіе послы и Псковскіе послы цѣловали на перемирьи крестъ въ Новгородѣ; а потомъ Нѣмецкіе послы на томъ же цѣловали крестъ во Псковѣ, а передъ ними на томъ же цѣловали крестъ судьи Псковскіе и сотскіе, и грамоты написали, и печати приложили, чтобы то перемирье держать крѣпко въ тѣ

пять лѣтъ. Затѣмъ Новгородское и Псковское посольство ѣздили въ Юрьевъ къ Юрьевскому епископу и ко всѣмъ Юрьевцамъ, и къ архіепископу Рижскому ударить по рукамъ; и епископъ на томъ далъ руку Новгородскому и Псковскому посламъ, а ратманы цѣловали крестъ по своей вѣрѣ, держать тѣ пять лѣтъ крѣпко; и Нѣмцы отдали Псковскія иконы, захваченныя на Желачкѣ, когда сожжена была тамъ церковь св. Михаила, возвратили Псковскій товаръ и всему учинили исправу. Послѣ чего пріѣзжали во Псковъ Нѣмецкіе послы за своими плѣнниками; и Псковичи отдали имъ плѣнниковъ и всему исправу учинили. Такимъ образомъ взаимные набѣги и опустошенія Псковичей и Нѣмцевъ изъ-за спорнаго мѣста на Озолицѣ, продолжавшіеся болѣе сорока лѣтъ, наконецъ были прекращены пятилѣтнимъ перемиріемъ заключеннымъ при посредствѣ великаго князя Московскаго, посредничества котораго просили сами Нѣмцы, не довѣрявшіе своимъ сосѣдямъ Псковичамъ и Новгородцамъ.

По заключеніи перемирія съ Нѣмцами, Псковскій князь Иванъ Васильевичъ Стрига уѣхалъ въ Москву, кажется по приказу великаго князя; ибо Псковское вѣче вмѣстѣ съ нимъ отправило къ великому князю пословъ съ дарами и съ просьбою, чтобы великій князь печаловался своею отчиною мужей Псковичъ, добровольныхъ людей. Послы возвратились во Псковъ и сказали вѣчу, что великій князь свою отчину жалуетъ добровольныхъ людей, и обѣщается оборонять и стоять за домъ св. Троицы и за мужей Псковичей. А вслѣдъ за послами прибылъ во Псковъ на княженіе и великаго князя намѣстникъ князь Влади-

міръ Андреевичъ, но не по Псковскому прошенію, не по старинѣ, а по усмотрѣнію Государя Московскаго. Эта небывалая новость, князь не по выбору вѣча, была крайне непріятна для Псковичей, такъ что лѣтописецъ безъ горечи не могъ этого не замѣтить; тѣмъ не менѣе вѣче приняло присланнаго князя намѣстника съ честію и посадило на княженіе во Псковѣ. Въ княжествованіе этого князя намѣстника, продолжавшееся всего полтора года, Псковское вѣче спѣшило воспользоваться заключеннымъ съ Нѣмцами перемиріемъ по своему, чтобы закрѣпить за собою уступленныя земли, и въ слѣдующемъ же за перемиріемъ 1462 году построило на спорномъ мѣстѣ новый городокъ Кобылу надъ великимъ озеромъ, и въ одно лѣто заложило и совершило городъ и поставило тамъ церковь во имя Архангела Михаила, въ память церкви сожженой Нѣмцами на Желачко. Строили этотъ городъ 60 человѣкъ Псковскихъ мастеровъ и имъ помогали волощаны или мѣстные жители, а заплачено Псковомъ за работу девяносто рублей. Затѣмъ, въ томъ же краю, вѣче построило еще городокъ на Володчинѣ горѣ, и дало ему имя Володимерецъ, и поставило тамъ церковь во имя святителя Николая. Устроивши городки, вѣче послало туда воинскихъ людей, и назначило воеводою своего служилаго князя Ивана Дябренскаго. И въ томъ же году Псковичи озаботились прибавкою или улучшеніемъ укрѣпленій въ самомъ Псковѣ,—задѣлали прясло стѣны на Крому отъ Великой рѣки и ворота на рѣку урядили, а сторонніе стѣны подлѣ рѣки Великой отъ Кутной башни и до смердьихъ воротъ наддѣлали въ вышину и сравняли ихъ со стѣною отъ рѣки Псковы. Между тѣмъ до-

шла до Пскова вѣсть, что въ Москвѣ скончался великій князь Василій Васильевичъ; и Псковичи, думавшіе, что со смертію его имъ можно будетъ воротить свою старину, въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, созвавши вѣче, выгнали отъ себя князя Владиміра Андреевича, какъ пріѣхавшаго во Псковъ не по Псковской старинѣ, безъ Псковскаго выбора, даже какъ говоритъ одна лѣтопись: „иные люди на вѣчѣ съ степени спихнули его, и онъ съ безчестіемъ уѣхалъ въ Москву жаловаться на Псковичей.“ Впрочемъ Псковичи, выгоняя отъ себя князя-намѣстника, присланнаго не по старинѣ, вовсе не думали разрывать союза съ Московскимъ Государемъ и, въ слѣдъ за изгнаніемъ князя намѣстника, вѣче отправило свое посольство въ Москву бить челомъ великому князю, чтобъ онъ держалъ Псковъ по старинѣ. Новый великій князь Московскій Иванъ Васильевичъ сперва показалъ гнѣвъ и удивленіе и три дня не принималъ посольства на глаза; но тѣмъ не менѣе не хотѣлъ на первый разъ оттолкнуть отъ себя Псковичей и, принявши посольство, далъ такой отвѣтъ посламъ: „явите Пскову, что я свою отчину жалую по старинѣ, котораго князя хочете, и я того дамъ, и вы написавъ грамоту, да и пришлите ко мнѣ съ бояриномъ своимъ.“ Псковичи, получивъ такой благопріятный для нихъ отвѣтъ, немедленно отправили въ Москву грамоту съ просьбою прислать княземъ во Псковъ князя Ивана Александровича Звенигородскаго. Такимъ образомъ на первый разъ Псковъ удачно воротилъ свою старину.

Между тѣмъ Нѣмцы, особенно Юрьевцы, какъ ближайшіе сосѣди, и не думали соблюдать пятилѣтняго перемирія, заключеннаго въ 1461 году,—имъ особен-

но не нравилось распоряженіе Псковскаго вѣча о постройкѣ городковъ Кобылья и Владимирца; они сперва засадили въ погребъ Псковскаго посла Кондрата сотскаго и бывшихъ у нихъ Псковскихъ купцовъ, на что Псковичи отвѣчали тѣмъ же, засадивши въ погребъ Нѣмецкихъ купцовъ бывшихъ во Псковѣ. Затѣмъ 21 Марта Нѣмцы въ значительныхъ силахъ и съ пушками подступили къ новому городку Кобылью, осадили его и стали бить изъ пушекъ, а въ то же время другая рать Нѣмецкая воевала бывшіе въ томъ краю Псковскіе исады, или рыбныя слободы. Бывшій тогда начальникомъ въ Кобыльемъ городкѣ, служилый князь Иванъ Ивановичъ Дябренскій, немедленно послалъ вѣсть во Псковъ, что Нѣмецкая рать подъ городкомъ; и Псковскіе посадники степенный Ѳедоръ Никифоровичъ и посадникъ Тимоѳей и нѣсколько бояръ собрали въ тотъ же день, какъ получили вѣсть, нѣсколько ратниковъ, а на другой день уже явились подъ городкомъ. Нѣмцы услыхавши объ ихъ приближеніи, бѣжали отъ городка, побросавши всѣ свои запасы. Но пришедшій съ посадниками отрядъ былъ слабъ, чтобы что нибудь предпринять противъ непріятеля, и потому засѣлъ въ городкѣ. Нѣмцы же, невидя за собой погони, черезъ недѣлю опять воротились и сожгли два большихъ исада, Островцы и Полѣшье, а крестьянъ иныхъ посѣкли, а иныхъ взяли въ плѣнъ. Тогда сидѣвшіе въ городкѣ посадники послали во Псковъ гонца съ грамотою, что Нѣмцы воюютъ наши исады; и посадникъ Зиновій по этой вѣсти собралъ вѣче, и на вѣчѣ дали воеводство посаднику Максиму Ларіоновичу и Алексѣю Васильевичу и Игнатью Логиновичу и, собравши Иско-

вичей и пригорожанъ, послали къ городку; но эта рать Нѣмцевъ тамъ не застала; они, пожегши исады, поспѣшно удалились въ свою землю. Посадники составили совѣтъ,—куда бы идти на Нѣмцевъ, и совѣтомъ рѣшили идти къ Воронью Камени, и вся сила Псковская уже выбралась на озеро, какъ пришелъ одинъ доброхотъ Чудинъ изъ-за рубежья и сказалъ Псковскимъ посадникамъ, что сила Нѣмецкая готова и хотятъ напасть въ нынѣшнюю ночь на Колпиное. Псковичи по этому извѣстію въ ту же ночь поворотили назадъ и пошли къ Колпину и, пришедши туда рано поутру, увидали что Нѣмцы жгутъ волость и Колпинскую церковь уже зажгли, жгутъ и другіе исады и захватили уже много плѣнниковъ; и Псковскіе посадники и Псковичи ударили на Нѣмцевъ на рѣкѣ Колпиной противъ церкви, и передовые люди бросились въ битву, не отдыхая ни часу, и сильнымъ натискомъ такъ смяли Нѣмцевъ, что они обратились въ бѣгство, и Псковичи пустились въ догонку рубить и колоть ихъ и преслѣдовали ихъ на 15 верстъ до рѣки Коховой и за Кохову, гоня ихъ въ два пути. Лѣтописецъ, заканчивая описаніе этой битвы, восклицаетъ: „дивно, братія, и памяти достойно, что въ столь великой и страшной брани ни одинъ человѣкъ Псковской рати не паде, а куда бѣгли Нѣмцы двумя путьми лежитъ мостъ Нѣмецкаго трупія.“ Значитъ Нѣмецкіе грабители не осмѣлились и строя поставить, пораженные натискомъ Псковской рати, и бѣжали не оглядываясь и не защищаясь. И Псковичи возвратились домой со множествомъ плѣнниковъ, хваля святую Троицу и Архангела Михаила, даровавшихъ такую побѣду. Въ это же время другая Псковская рать охотники подъ

предводительствомъ дьяка Ивашки ходили за Изборскъ въ слободу и, опустошивши порубежную Нѣмецкую волость, возвратились домой съ безчисленнымъ полономъ. Тою же весной, на страстной недѣлѣ, Изборяне ходили подъ Нѣмецкій городокъ (Нейгаузенъ) и, пожегши Нѣмецкія волости, также возвратились домой съ множествомъ плѣнниковъ.

Наконецъ, 10-го Апрѣля, на пасху пріѣхалъ изъ Москвы отъ великаго князя на княженіе во Псковъ князь Иванъ Александровичъ Звенигородскій, и пообычаю былъ встрѣченъ духовенствомъ со крестами, и Псковичи приняли его съ честію и посадили на княженіе, а онъ цѣловалъ крестъ ко Пскову на всей Псковской пошлинѣ, при степенномъ посадникѣ Зиновіѣ Михайловичѣ. А въ Іюлѣ мѣсяцѣ Московскій великій князь Иванъ Васильевичъ прислалъ по Псковскому челобитью своего воеводу князя Ѳеодора Юрьевича съ Московскою ратью въ помощь Пскову на Нѣмцевъ. Псковское вѣче отвело Московскому войску квартиры въ Спасскомъ монастырѣ на Мирожи и у Св. Николы на Завеличьи, гдѣ она и стояла цѣлую недѣлю, пока Псковскій князь и посадники собирали ратниковъ съ пригородовъ и волостей. Потомъ Московская и Псковская рать, подъ начальствомъ воеводы великаго князя, отправилась къ Нѣмецкому городку, и, осадивши городокъ, стала бить по немъ изъ пушекъ, и стояла рать подъ городкомъ четыре дни и четыре ночи, но города взять не могла, и пожегши и повоевавши волости, воротилась домой. Въ то время какъ Псковская и Московская рать стояла подъ городомъ, Псковское вѣче дало воеводство посаднику Дороѳею Алферьевичу и приказало ему съ охотни-

ками Псковичами и прихожими иноземцами идти воевать Нѣмецкую землю; и охочіе люди Псковичи и прихожіе иноземцы съ воеводою посадникомъ Дороѳеемъ въ насадахъ и лодьяхъ вступили въ Нѣмецкую землю, много повоевали и половину Кержны выжгли; но, услыхавши что Псковская сила отступила отъ городка, и сами возвратились домой съ богатою добычей и множествомъ плѣнниковъ, а ходило охочихъ людей съ посадникомъ Дороѳеемъ 20 ушкуевъ да 80 лодій. Но чрезъ недѣлю, по возвращеніи Псковской силы отъ Нѣмецкаго городка, Нѣмцы на другомъ краю Псковскаго рубежа въ шнекахъ и лодьяхъ напали на Наровлянъ на Скамью, и въ упорной битвѣ взяли 8 человѣкъ, а судью Оданью Сидора, крѣпко бившагося съ ними, изсѣкли мечами. За тѣмъ Гдовляне прислали гонца во Псковъ съ вѣстію, что Нѣмцы воюютъ въ нашей землѣ; и Псковичи уже готовы были идти туда, какъ пригналъ во Псковъ Нѣмецкій гонецъ съ тѣмъ словомъ, чтобы Нѣмецкому послу добровольно пріѣхать для переговоровъ и опять отъѣхать добровольно; и Псковичи дали гонцу на томъ руку, что добровольно имъ отъѣхать и пріѣхать.

По рукѣ, данной Псковичами Нѣмецкому гонцу, пріѣхали во Псковъ послы отъ Ливонскаго магистра, честные люди, и били челомъ воеводѣ великаго князя, Псковскому князю и всему Пскову за Юрьевцевъ о мирѣ, чтобы держать крѣпко остальныя девять лѣтъ Наровскаго мира, заключеннаго четырнадцать лѣтъ тому назадъ, чтобы головы не гибли съ обѣихъ сторонъ; послы говорили: „мы присланы къ вамъ отъ князя магистра и отъ архіепископа Рижскаго, чтобы учинить добро между вами и Юрьевцами и еписко-

помъ Юрьевскимъ.“ И воевода великаго князя и Псковскій князь, и посадники, и вѣче, поразсудивъ, заключили съ ними миръ на томъ условіи, чтобы Юрьевскій (Дерптскій) епископъ платилъ великому князю дань съ Юрьева по старинѣ, и чтобы Русскій конецъ и святыя церкви въ Юрьевѣ держать въ обереженьи и подобающей чести а не обидѣть, по старинѣ и по старымъ грамотамъ. Затѣмъ воевода великаго князя и князь Псковскій, и посадники и вѣче, вмѣстѣ съ послами отъ князя магистра и отъ архіепископа Рижскаго, по ихъ челобитью, за Юрьевцевъ и за епископа Юрьевскаго, на всемъ на томъ и крестъ цѣловали и печати свои привѣсили, магистрову и архіепископлю, передъ воеводою великаго князя и передъ всѣмъ Псковомъ на вѣче, съ тѣмъ чтобы и епископу Юрьевскому на томъ на всемъ дать руку и печать свою приложить, а также и посадникамъ Юрьевскимъ цѣловать крестъ и печать свою приложить. По отъѣздѣ Нѣмецкихъ пословъ, воевода великаго князя, посадникъ и вѣче отправили въ Юрьевъ своихъ пословъ, Іуду Суконника и Василя Луковицу; и епископъ Юрьевскій потому же далъ руку Псковскому послу и печать свою привѣсилъ, а посадники Юрьевскіе и ратманы цѣловали крестъ и печать свою привѣсили передъ Псковскимъ посольствомъ на томъ, что тѣ остальныя девять лѣтъ Наровскаго мира держать крѣпко съ обѣихъ сторонъ; а что Юрьевцы захватили Псковскаго посла судью Кондрата и Псковскихъ купцовъ, и что побрали Псковичей въ Колпинахъ и на Наровѣ, то все отпустить во Псковъ вмѣстѣ съ Псковскимъ посольствомъ, а спорнаго мѣста воды и земли на Желачкѣ Юрьевцамъ отсту-

питься. И когда Нѣмцы Юрьевцы всему сему управу учинили по Псковской волѣ, то Псковскіе послы уѣхали домой. Затѣмъ прибыло во Псковъ посольство отъ Юрьевскаго епископа и отъ всѣхъ Юрьевцевъ, предъ которымъ Псковскіе посадники и сотскіе цѣловали крестъ держать остальныя девять лѣтъ Наровскаго мира крѣпко съ обѣихъ сторонъ, отпустили Юрьевскихъ полонниковъ и купцовъ и всему управу учинили.

Не великъ вѣроятно былъ отрядъ, посланный Московскимъ государемъ на помощь Пскову, и небольшое дѣло сдѣлалъ онъ, простоявъ вмѣстѣ съ Псковскою ратью подъ Нейгаузеномъ четыре дни и невзявши города; но послѣдствія этого незначительнаго дѣла сравнительно были очень громадны по своему значенію какъ для Пскова, такъ и для Нѣмцевъ. Нѣмцы скоро увидали, что имъ приходится считаться за границы не съ однимъ уже Псковомъ,—что теперь за Псковомъ стоитъ могущественный Московскій государь, готовый защищать Псковское дѣло собственными силами, и потому поспѣшили поскорѣе отступиться отъ своихъ споровъ за границы, и даже согласились платить Московскому государю старинную дань съ Юрьева, которая давнымъ давно не платилась и которой уже никто не спрашивалъ. А съ другой стороны, небывалая прежде Московская помощь противъ Нѣмцевъ дѣйствительно помогла Пскову заключить выгодный миръ съ Нѣмцами и поддержать свои права; но съ тѣмъ вмѣстѣ эта помощь передала Нѣмецкое дѣло Московскому государю. Уже при заключеніи настоящаго мира Нѣмецкіе послы напередъ обращаются къ Московскому воеводѣ, а потомъ уже

къ Псковскому князю и вѣчу. Московскій воевода слѣдитъ за переговорами и является главнымъ дѣйствующимъ лицомъ при заключеніи мира, и вноситъ въ договоръ интересы своего государя, пишетъ условіе о платежѣ дани съ Юрьева великому князю Московскому. Начиная съ этого договора, Московскій государь въ отношеніи къ Нѣмцамъ получаетъ право защищать не одни Псковскіе, но и свои собственные интересы. Настоящимъ договоромъ судьба Пскова болѣе или менѣе уже связывается съ отношеніями Московскаго государя къ Ливонскимъ Нѣмцамъ.

Дождавшись окончательнаго заключенія мира съ Нѣмцами, Московскій воевода, князь Ѳедоръ Юрьевичъ, сказалъ Псковичамъ на вѣче: „мужи Псковичи, отчина великаго князя, добровольные люди! Богъ жаловалъ и св. Живоначальная Троица князя великаго здоровьемъ; съ Нѣмцы вы управу взяли по своей воли, а нынѣ на вашей чести вамъ челомъ бью.“ И за тѣмъ поѣхалъ изъ Пскова со всею силою своей на Москву къ великому князю. А Псковичи, чтивши его много, отправили посадниковъ и бояръ провожать его до Невадичъ, и тамъ въ Невадичахъ посадники и бояре подали ему даръ отъ Пскова 30 рублей, да его боярамъ, которые съ нимъ были, всѣмъ 50 рублей. Отпустивши воеводу Московскаго, Псковское вѣче отправило свое большое посольство въ Москву бить челомъ великому князю на его жалованьи, что присылалъ своего воеводу во Псковъ въ помощь Псковичамъ на Нѣмцевъ, и отпустило съ посольствомъ даръ великому князю 50 рублей. Но кромѣ дара и благодарности за помощь противъ Нѣмцевъ, вѣче съ тѣмъ же посольствомъ приносило великому князю

жалобу на обиды отъ Новгородцевъ и просило князя, чтобъ онъ пожаловалъ свою отчину Псковъ, велѣлъ бы своему отцу богомольцу митрополиту Θеодосію поставить владыку во Псковъ изъ Псковитянъ. Такимъ образомъ Псковское вѣче само напрашивалось на то, чтобы Московскій государь распоряжался дѣлами Пскова. Великій князь Иванъ Васильевичъ, отпустивши Псковское посольство, послалъ съ нимъ вмѣстѣ во Псковъ своего посла Давыда Бибикова, который именемъ своего государя сказалъ на вѣчѣ: „о жалобѣ Пскова на Новгородцевъ, что были у меня Новгородскіе послы и жаловались на васъ на мою отчину о многихъ дѣлахъ, да просили у меня на васъ воеводы, моего намѣстника, князя Θедора Юрьевича, а хотѣли пойдти на васъ; и я, князь великій, желая между вами мира и тишины, воеводы своего имъ не далъ, ходить на васъ имъ не велѣлъ; а что вашимъ посламъ пути не дали, и я о томъ на нихъ добрѣ помолвилъ; и они мнѣ о томъ били челомъ, а путь вамъ, моей отчинѣ, чистъ по старинѣ, чрезъ нашу отчину великій Новгородъ.“ Относительно же посвященія во Псковъ особаго епископа князь далъ такой отвѣтъ: „я князь великій хочу о томъ слати своихъ пословъ въ великій Новгородъ, также и къ вамъ во Псковъ, моей отчинѣ, изъ Новгорода будутъ мои послы и все за ними будетъ вамъ явлено; и я князь великій радъ печаловатися вами, своею отчиною, съ своимъ отцомъ Θеодосіемъ всея Русіи митрополитомъ.“

Послѣ таковыхъ отвѣтовъ великаго князя, Псковичамъ нечего уже было ожидать Московской помощи противъ Новгорода, оставалось одно — мириться съ Новгородцами. И Псковичи въ 1465 году, т. е.

слишкомъ черезъ годъ послѣ заключенія мира съ Нѣмцами, отправили своихъ пословъ въ Новгородъ для заключенія мира, который и былъ заключенъ на томъ условіи, что Псковъ отступился отъ земли и воды, которую во время вражды отписалъ въ своихъ владѣніяхъ отъ владыки Новгородскаго. Псковскіе послы сказали Новгородцамъ на вѣче: „братьи наши старѣйшіе! се вамъ воды и земля владычня и всѣ оброки по старинѣ; а что мы по два года съ той земли хлѣба имали и въ водѣ рыбу ловили, а тѣмъ кормили князя великаго силу, потому что вы намъ на своемъ перемирьи не помогали на Нѣмцевъ.“ И на этомъ условіи посадникъ и тысяцкій Новгородскіе цѣловали крестъ, а владыка благословилъ, также и Псковскіе послы цѣловали крестъ въ великомъ Новгородѣ на старой грамотѣ, на мирной, по старинѣ быть въ единомъ братствѣ. А потомъ пріѣхали во Псковъ послы Новгородскіе, а съ ними бояръ много на управу; и Псковскіе посадники на вѣчѣ цѣловали крестъ предъ Новгородскимъ посольствомъ, что Новгородцамъ со Псковичами по старинѣ миръ держать, также и владыкѣ Новгородскому ѣздить во Псковъ по старинѣ за своими пошлинами. Въ слѣдъ затѣмъ владыка Новгородскій архіепископъ Іона пріѣзжалъ во Псковъ, былъ встрѣченъ духовенствомъ и народомъ съ большою честію, благословилъ Псковичей, соборовалъ у св. Троицы, при чемъ читали синодикъ и пѣли благовѣрнымъ князьямъ и всѣмъ православнымъ христіанамъ великія многа лѣтъ, а злыхъ прокляли. Владыка прожилъ во Псковѣ четыре недѣли безъ двухъ дней, взялъ свой узаконенный подъѣздъ на священникахъ, на прощаньи снова благословилъ всѣхъ

Псковичей и его проводили съ честію до Псковской границы.

Но, мирясь и съ Нѣмцами и съ Новгородцами, Псковичи не забывали своей постоянной нужды—строить укрѣпленія и поддерживать и улучшать уже выстроенныя прежде. Псковъ никогда не забывалъ того что онъ передовой боецъ Русской земли противъ западныхъ сосѣдей. Въ то время, въ 1464 году, какъ Псковскіе послы ѣздили въ Москву благодарить великаго князя за помощь противъ Нѣмцевъ, Псковскій князь Иванъ Александровичъ и степенный посадникъ Алексѣй Васильевичъ заложили новый деревянный городъ на рѣкѣ Сини и назвали его Красный городецъ; потомъ, въ слѣдующемъ году, заложили деревянную стѣну около всего Запсковья и сдѣлали вновь развалившееся прясло стѣны у Крома отъ рѣки Псковы. И въ томъ же году были покончены перси, или пристѣнья, около Крома, которыя работались три года, а работниковъ было 80 человѣкъ, которые взяли за работу 175 рублей. Въ томъ же году, когда Псковское посольство было въ Новгородѣ для заключенія мира, Псковскій князь, степенные посадники и Псковичи съ посажанами, охраняя свои домы, заложили деревянную стѣну отъ Великой рѣки отъ монастыря Покрова св. Богородицы до Псковы рѣки, и отъ Псковы рѣки на Запсковьи отъ Гремячей горы до рѣки Великой до церкви св. Варлаама; а дѣлали сами посажане своимъ запасомъ и поставили всю стѣну въ одну недѣлю. Таковая поспѣшность въ построеніи сей стѣны показываетъ, что Псковичи плохо надѣялись на благопріятный исходъ мирныхъ переговоровъ и ждали войны съ Новгородомъ, и что ссора съ Новгород-

цами была довольно серьезна, и лѣтописецъ не даромъ жалуется, что Новгородцы добили челомъ Нѣмцамъ, чтобы за одно стать на Псковичъ и у Псковичей всѣ старины поотняли. А другой лѣтописецъ прямо говоритъ, что Псковичи поспѣшно построили эту стѣну, блюдучися ратной силы Великаго Новгорода.

Вскорѣ, по заключеніи мира съ Новгородцами, Псковскій князь намѣстникъ, князь Александръ Ивановичъ Звенигородскій, ударивъ челомъ Псковичамъ за все добро Псковское, поѣхалъ въ Москву; Псковичи упрашивали его чтобы остался, но онъ не послушалъ просьбъ, и отъ Пскова былъ отпущенъ съ честію. Кажется, нѣтъ сомнѣнія, что князь Звенигородскій оставилъ Псковъ по тайному приказу изъ Москвы. Въ Москвѣ очень вѣрно разочли, что съ присылкою новаго князя намѣстника всего удобнѣе ввести нужныя для Московскаго государя новости, несогласныя съ Псковскою стариной, или, по крайней мѣрѣ, сдѣлать пробу въ этомъ родѣ, и въ случаѣ неудачи свалить вину на новаго намѣстника, по новости дѣла непонявшаго своего положенія во Псковѣ. Псковское вѣче, по отъѣздѣ князя Звенигородскаго, по заведенному порядку, отправило посольство отъ Пскова къ великому князю бить челомъ, чтобы отпустилъ на Псковское княженіе или князя Ивана Стригу, или бывшаго воеводою съ Московскою ратью князя Ѳедора Юрьевича; и великій князь отпустилъ князя Ѳедора Юрьевича (Шуйскаго). Новый князь намѣстникъ привезъ съ собою во Псковъ крайне непріятную Псковичамъ новость, бившую прямо по карманамъ. По заведенному во Псковѣ порядку Псковскій князь имѣлъ пра-

во держать своихъ намѣстниковъ только на семи Псковскихъ пригородахъ; князь же Ѳедоръ Юрьевичъ, при самомъ вступленіи на престолъ, потребовалъ отъ вѣча, чтобы ему было разрѣшено держать своихъ намѣстниковъ на всѣхъ двѣнадцати пригородахъ Псковскихъ. Возражало ли противъ этого требованія Псковское вѣче, и какъ возражало,—мы не имѣемъ объ этомъ никакихъ извѣстій. Лѣтописецъ, описывая пріѣздъ князя Ѳедора Юрьевича, говоритъ: „и Псковичи и все священство вышли противу его съ крестами, и посадили его на княженіе, а онъ крестъ цѣловалъ на Псковской пошлинѣ; а посадники Псковскіе и Псковъ (вѣче) ему на всѣхъ 12 пригородахъ дали намѣстниковъ держать, и суды судить его намѣстникамъ на комъ ни буди“. И потомъ съ горестію прибавляетъ: „а изъ вѣковъ княжіи намѣстники не бывали, колико ни есть князей бывало во Псковѣ на столѣ, и намѣстники княжіи были только на семи пригородахъ Псковскихъ.“ Можетъ быть, въ нѣкоторое противодѣйствіе этому княжескому нововведенію, Псковское вѣче въ слѣдующемъ 1468 году также ввело новость съ своей стороны. Лѣтописецъ говоритъ: „той же веснѣ при посадникахъ степенныхъ, при Тимоѳеѣ Власьевичѣ и при Стефанѣ Гахоповичѣ, весь Псковъ подѣлилъ по два пригорода на всѣ концы, къ каждому концу къ старымъ пригородамъ новые жеребьемъ дѣлили, а бралъ жеребьи князь Василій Ѳедора Юрьевича сынъ съ престола. Въ слѣдующемъ 1469 году была введена еще новость, небывалая прежде и очень рѣзкая: по предложенію Псковскаго духовенства вѣче разрѣшило всѣмъ пяти соборамъ Псковскимъ всему духовенству составить

на основаніи Номоканона уставную грамоту, чтобы Псковской церкви управляться по этой грамотѣ независимо отъ Новгородскаго владыки; и составленная духовенствомъ уставная грамота была уже положена въ ларь св. Троицы, какъ дѣйствующій законъ, и по этой грамотѣ уже были выбраны два правителя изъ священниковъ и начали вести церковныя дѣла по новому уставу. Но эта новость, несогласная съ церковнымъ порядкомъ во всей Русской землѣ и черезъчуръ рѣзкая, на другой же годъ была отмѣнена великимъ княземъ и митрополитомъ всея Русіи, и управленіе Псковскою церковію по прежнему передано владыкѣ Новгородскому.

Въ то время какъ по внутреннему управленію во Псковѣ происходили важныя новости, отношенія Пскова къ сосѣдямъ также были не совсѣмъ спокойны и удовлетворительны. Нѣмцы, вообще нетерпѣвшіе постройки новыхъ городовъ и укрѣпленій, не оставили безъ набѣга и новый городъ, построенный Псковичами въ 1464 году на рѣкѣ Синей; они въ 1469 году сдѣлали набѣгъ на этотъ край на Синемъ озерѣ, убили 26 человѣкъ Псковичей и пожгли дворы, а были подведены двумя измѣнниками, Иваномъ Подкурскимъ и Иваномъ Торгошею, которые жили недалеко отъ Синяго озера и держали перевѣтъ къ Нѣмцамъ о порубежныхъ дѣлахъ. Но этимъ дѣло не кончилось. Въ 1471 году пріѣхалъ во Псковъ посолъ отъ магистра Ливонскаго изъ Риги и началъ свою рѣчь къ Псковскому вѣчу далекою угрозой, что магистръ хочетъ перебраться изъ Риги въ Вельядъ (Феллинъ) и утвердить въ Вельядѣ свой столъ, т. е. чтобы быть поближе къ Псковскимъ границамъ, и потомъ перешелъ

къ Желацкой водѣ и къ землѣ, что за новымъ Краснымъ городкомъ, и сказалъ: „чтобы намъ то держать до Наровскаго мира крѣпко на обѣ половины, то вы должны уступить князю магистру землю за Краснымъ городкомъ; а не уступите, ино вамъ недозволено будетъ ловить въ Желачкѣ Вельневицкой“. Посадники и вѣче на это отвѣчали: „воленъ князь магистръ, гдѣ хочетъ тамъ себѣ и живетъ и княженіе держитъ, городъ ему свой; а что намъ князь магистръ о землѣ и о водѣ говоритъ, а то земля и вода св. Троицы, Псковская вотчина, великихъ князей всея Русіи страданіе, тутъ у насъ нынѣ и городы стоятъ; а что до Наровскаго мира, то до срока мы хотимъ его держаться такъ же какъ говоритъ намъ вашъ государь, князь магистръ.“ Нѣмецкій посолъ прожилъ во Псковѣ двѣ недѣли и отпущенъ Псковичами съ честію. На этомъ пока и остановилось дѣло съ Нѣмцами. Между тѣмъ на Литовской границѣ также оставались спорныя дѣла по землѣ и водѣ, и для рѣшенія ихъ въ 1470 году Литовскимъ королемъ Казимиромъ былъ назначенъ съѣздъ на Березничи; и вѣче отправило на этотъ съѣздъ четырехъ посадниковъ и бояръ отъ всѣхъ концовъ, а вмѣстѣ съ ними отправился и самъ князь Ѳедоръ Юрьевичъ съ своимъ сыномъ Васильемъ, очевидно за тѣмъ, чтобы въ качествѣ велико-княжескаго намѣстника охранять интересы какъ Псковскіе, такъ и своего государя, т. е. вести дѣло такъ же, какъ онъ велъ дѣло при заключеніи мира съ Нѣмцами въ 1463 году, когда былъ Московскимъ воеводою. Этотъ съѣздъ, послѣ многихъ споровъ съ Литовскими панами, продолжавшихся четыре дни, кончился ничѣмъ. На слѣдующій годъ,

весною, вѣче отправило новыхъ пословъ къ королю Литовскому просить разрѣшенія спорныхъ дѣлъ о землѣ и о водахъ, и жаловаться что съѣздъ кончился ничѣмъ отъ присланныхъ имъ пановъ. Король принялъ пословъ въ Вильнѣ, чтилъ, кормилъ и дарилъ ихъ, и далъ такой отвѣтъ: „ежели мои паны а съ вами на границѣ никакой управы не учинили: ино я самъ хочу быть на тѣхъ границахъ и досмотрѣть то своими глазами." И съ тѣмъ отпустилъ пословъ, которые, возвратившись во Пковъ, доложили королевскій отвѣтъ вѣчу. Королевскій отвѣтъ не понравился Пскову и Псковичи говорили, „что такъ никогда не бывало ни отъ великихъ князей ни отъ королей: сколько ихъ ни было въ Литовской землѣ, всѣ они посылали на съѣздъ пановъ, а никогда не ѣздили правиться съ Псковичами о порубежныхъ мѣстахъ и границахъ." И дѣйствительно Псковскимъ посламъ мудрено было вести дѣло на съѣздѣ подъ предсѣдательствомъ самого короля.

Но прежде нежели рѣшено было отправить пословъ на съѣздъ къ королю Литовскому, въ Маѣ мѣсяцѣ великій князь Московскій прислалъ своего дьяка съ требованіемъ, чтобы Псковъ къ 16 Іюня положилъ въ великомъ Новгородѣ розмѣтныя грамоты. Еще прежде, въ Декабрѣ мѣсяцѣ 1470 года, Московскій государь присылалъ подымать Псковичей на Новгородъ, ежели Новгородцы не добьютъ ему челомъ; и тогда Псковичи предлагали Новгородцамъ свое ходатайство у великаго князя, но Псковскаго ходатайства не приняли Новгородцы; а посему Псковичи поспѣшили исполнить требованіе великаго князя и отослали съ подвойскимъ Савкою розмѣтныя грамоты въ Новго-

родъ, и потомъ, собравши десять тысячъ рубленаго (собраннаго по раскладкѣ) войска, подъ предводительствомъ своихъ посадниковъ,—княжескаго сына Василія Ѳедоровича и другаго посадника Тимоѳея Васильевича, отпустили воевать Новгородскую землю. Но въ тотъ день, какъ Псковская рать начала воевать Новгородское порубежье, Новгородцы изъ Вышгорода напали на Псковскія владѣнія и въ Наверeжской губѣ пожгли много хоромъ и церковь. Услышавши объ этомъ, Псковская рать пошла къ Вышгороду и, осадивши городъ, стала бить изъ пушекъ и стрѣлять стрѣлами и дѣлать приметъ къ городу. Вышгородцы оборонялись крѣпко, зажгли приметъ и побили много Псковскихъ ратниковъ, и въ числѣ ихъ стараго посадника Ивана Тихоновича. Такъ прошелъ первый день осады, а на другой день Вышгородцы, не имѣя запасовъ, стали просить мира и цѣловали крестъ не воевать Псковской волости; и Псковская рать, которой должно было спѣшить на соединеніе съ Московской ратью, дала миръ Вышгородцамъ и отступила отъ города. Между тѣмъ Новгородцы, чтобы скорѣе отдѣлаться отъ Псковскаго нашествія, выслали противъ Псковичей рать въ 40 тысячъ воиновъ, и успѣли уже отрѣзать дорогу къ соединенію Псковской рати съ Московскою; и Псковская должна бы была погибнуть, ежели бы предводитель Московскаго войска князь Даніилъ Холмскій не разбилъ Новгородцевъ на Шелони, и не открылъ тѣмъ дорогу Псковской рати на Новгородъ, куда она по приказу великаго князя и пошла и остановилась въ мѣстечкѣ Князичахъ. Псковичи, стараясь выслужиться передъ великимъ княземъ, а можетъ быть и по старой враждѣ съ Новгородомъ,

не удовольствовались снаряженіемъ рубленой рати и послали еще на Новгородское порубежье полторы тысячи охотниковъ, подъ начальствомъ воеводъ Манухны Сюйгина и дьяка Ивана; но эта рать, занимавшаяся только грабежомъ и опустошеніемъ, еще меньше имѣла успѣха чѣмъ рубленая рать, и была разбита Новгородцами между рѣками Лютой и Скиромъ. Впрочемъ Псковскія неудачи не спасли Новгородцевъ, разбитыхъ Московскими войсками; и они должны были заключить миръ, какого хотѣлось государю Московскому; въ этотъ миръ, разумѣется, были включены и Псковичи, и Псковская рать великимъ княземъ отпущена домой и воротилась во Псковъ съ большою добычей.

Между тѣмъ неудовольствія и ссоры Псковичей съ своимъ княземъ намѣстникомъ дошли до того, что сперва князь Ѳедоръ Юрьевичъ Шуйскій началъ жаловаться великому князю на Псковичей; а потомъ, въ началѣ 1472 года, Псковское вѣче отправило посольство въ Москву бить челомъ великому князю о своихъ старинахъ, и просить чтобъ онъ отпустилъ во Псковъ княземъ намѣстникомъ князя Ивана Стригу, а князя Ѳедора Юрьевича Псковъ не можетъ держать у себя за его насилія. Узнавши зачѣмъ поѣхало въ Москву Псковское посольство, князь Ѳедоръ Юрьевичъ на другой же день вшедъ на вѣчѣ сложилъ съ себя крестное цѣлованіе и уѣхалъ въ Москву въ слѣдъ за посольствомъ. Посольство воротилось во Псковъ въ самый праздникъ пасхи и донесло вѣчу такой отвѣтъ великаго князя: „я князь великій васъ свою отчину о всемъ жалую, коего отъ меня къ себѣ намѣстникомъ, а къ себѣ княземъ хотите, только ко мнѣ своего боярина съ листомъ при-

шлите; а что князь Иванъ Стрига, тотъ мнѣ здѣсь у себя нуженъ.“ По этому отвѣту вѣче снарядило новое посольство въ Москву, а въ то же время пришелъ во Псковъ посолъ отъ магистра Ливонскаго съ назначеніемъ срока на съѣздъ, по случаю истеченія мирныхъ лѣтъ; и Псковичи тому же Псковскому посольству въ Москву наказали просить великаго князя о присылкѣ намѣстникомъ во Псковъ или князя Ивана Бабича, или Стригина брата Ярослава, и съ тѣмъ вмѣстѣ извѣстить о Нѣмецкомъ съѣздѣ. Великій князь отвѣчалъ: „васъ, свою отчину Псковъ, жалую князь Ярославомъ, а Иванъ Бабичъ мнѣ самому нуженъ, на съѣздъ же съ Нѣмцами немедленно шлю своего боярина, на имя Андрея Тимоѳеевича,“ и съ тѣмъ отпустилъ пословъ. Такимъ образомъ Нѣмецкое дѣло совершенно перешло въ руки Московскаго Государя, которому Псковское вѣче обязано было докладывать о всѣхъ значительныхъ сношеніяхъ съ Нѣмцами, и представителемъ Московскаго князя въ дѣлахъ съ Нѣмцами былъ уже не князь намѣстникъ Псковскій, а особый бояринъ, присылаемый изъ Москвы съ блестящею свитой дѣтей боярскихъ. Но на срокъ послы магистра не явились, и онъ прислалъ во Псковъ гонца съ извѣстіемъ, что ему недосугъ быть на съѣздѣ, и людей своихъ также нельзя прислать. Но вмѣсто Нѣмецкаго посольства Псковичамъ въ началѣ Октября 1472 года пришлось встрѣчать невѣсту Московскаго Государя, Греческую царевну Софію Фоминишну, проѣзжавшую черезъ Псковъ изъ Рима въ Москву. По отъѣздѣ царевны Софіи пріѣхали во Псковъ посольствомъ отъ магистра Никула Клавша съ порубежья Иванъ бояринъ земскій; и

вѣче ихъ задержало по искамъ на нихъ обидныхъ людей, и потому что магистръ съѣзды откладываетъ, ни самъ не ѣдетъ на съѣздъ, ни людей своихъ не присылаетъ, а исправы не даетъ. Наконецъ въ Февралѣ мѣсяцѣ 1473 года пріѣхалъ князь Ярославъ Васильевичъ на княженіе, а отъ великаго князя намѣстникомъ; и Псковичи приняли его честно, какъ и прежнихъ князей, и посадили на княженіе въ церкви св. Троицы; потомъ на вѣчѣ новый князь цѣловалъ крестъ ко Пскову на суду и на пошлинныхъ грамотахъ, и на всѣхъ старинахъ Псковскихъ.

По пріѣздѣ новаго князя намѣстника, уже весною, прибыли наконецъ во Псковъ и послы магистра Ливонскаго съ объявленіемъ, что сроку на съѣздъ быть черезъ двѣ недѣли по Петровѣ дни, и тѣ же послы выкупили задержанныхъ прежде пословъ Никулу Клавши и Ивана земскаго, а заплатили за нихъ обиднымъ людямъ (истцамъ) 75 рублей. И на срокъ, назначенный магистромъ, Псковское вѣче отрядило трехъ посадниковъ и бояръ отъ концовъ къ Новгородскимъ посламъ на съѣздъ въ село Новое на Нарову, а магистръ на тотъ же срокъ прислалъ своихъ пословъ въ Ругодивъ (Нарву); и послы съѣзжались и разъѣзжались цѣлую недѣлю и никакой управы не учинили. Псковское вѣче, видя безуспѣшность съѣзда, отправило пословъ въ Москву бить челомъ великому князю, чтобы всѣлъ на конь за домъ св. Троицы, какъ и прежде сего стояли его прародители противъ Нѣмцевъ. Ливонскій магистръ снова послалъ своего посла въ Новгородъ, чтобы тамъ быть съѣзду о мирѣ, и Псковъ также отрядилъ своихъ пословъ въ Новгородъ, двухъ посадниковъ и одного боярина, и

бояринъ далъ наказъ, чтобы ни учинилось на этомъ съѣздѣ, прямо изъ Новгорода гнать въ Москву съ донесеніемъ къ великому князю. Псковскіе посадники прожили въ Новгородѣ три недѣли, и относительно мира ни въ чемъ не могли сговориться съ Нѣмецкимъ посломъ, и посолъ покончилъ переговоры тѣмъ, что магистръ не принимаетъ и перемирья со Псковомъ по истеченіи срочныхъ лѣтъ. Послѣ чего посадники возвратились во Псковъ, а бояринъ, согласно наказу отъ вѣча, погналъ въ Москву бить челомъ, чтобы князь великій или самъ всѣлъ на конь, или послалъ своего сына за домъ святыя Троицы. И 29 Августа воротился изъ Москвы бояринъ и донесъ вѣчу отвѣтъ Государя Московскаго: „я князь великій и съ своимъ сыномъ радъ стоять и боронить домъ св. Троицы и васъ, свою отчину Псковъ, и на конь всѣсть со всѣми силами русскими, когда почнутъ васъ Нѣмцы.“ Получивъ такой отвѣтъ, Псковское вѣче отправило въ Москву посломъ Игнатія Иголку, просить великаго князя, чтобы или самъ на конь всѣлъ, или сына своего послалъ, или брата; и князь отвѣчалъ Иголкѣ: „я за тобою шлю своего гонца во Псковъ.“ И дѣйствительно въ слѣдъ за Иголкою пригналъ во Псковъ гонецъ велико-княжескій, по имени Степанъ Острый, и сказалъ вѣчу именемъ князя: „въ кое время велите, отчина моя, силѣ моей войску у себя быть?“ Вѣче отвѣчало: „Псковъ положилъ упованіе на великомъ князѣ, на своемъ Государѣ, а приходитъ осеннее распутье.“ Затѣмъ 25 Ноября пріѣхалъ во Псковъ гонецъ отъ Московскаго воеводы князя Даніила Холмскаго съ извѣстіемъ, что онъ воевода со всѣмъ войскомъ и съ прочими князья-

ми уже сталъ на рубежѣ и ѣдетъ во Псковъ. Вѣче немедленно выслало посадниковъ, сотскихъ и бояръ отъ концовъ на встрѣчу воеводы и для отведенія квартиръ войску на Завеличьѣ; и Московское войско цѣлыхъ два дни проходило черезъ Псковъ и размѣщалось по Завеличью, однихъ князей было изъ 22 городовъ. Сначала Москвичи, и особенно Татары, сильно обижали граждань Пскова поборами на свое содержаніе; но потомъ князь Даніилъ Холмскій договорился съ вѣчемъ, чтобы каждый конецъ Пскова почередно самъ доставлялъ въ войска договорное количество запасовъ, и безпорядки и обиды прекратились. Между тѣмъ сдѣлалась сильная оттепель съ снѣгомъ, и бывшіе уже подъ льдомъ ручьи, рѣки и болота вскрылись и наполнились водою, такъ что отняли всѣ пути, и Московской рати съ обозами нельзя было двинуться съ мѣста. Да на дѣлѣ и не понадобилось этого,—одно прибытіе велико-княжеской рати во Псковъ, одинъ слухъ о ея появленіи, такъ перепугалъ Ливонскихъ Нѣмцевъ, что 24 Декабря на самый праздникъ Рождества Христова епископъ Юрьевскій (Дерпскій) и всѣ Юрьевцы прислали своихъ пословъ, которые сперва просили перемирія на пять лѣтъ, а потомъ начали переговоры о мирѣ.

Между тѣмъ 2-го Января 1474 года пріѣхалъ посолъ отъ магистра Ливонскаго къ воеводѣ великаго князя, ко князю Псковскому и ко всему Пскову, и сказалъ именемъ своего Государя: „я князь великій Лифляндскій и Рижскій воеводѣ великаго князя челомъ бью, также и князю Псковскому, и Пскову своимъ сосѣдямъ повѣствую, чтобы мнѣ дали миръ, а я князь магистръ съступаюся съ земли и воды дому св. Троицы, и

всего Пскова моихъ сосѣдей, да и беру на себя, чтобы мнѣ къ вамъ во Псковъ изъ своей волости корчмы пива и меду не пущать, да и путь мнѣ Псковскимъ посламъ и купцамъ держать чистъ, а колоду (заставу) отложить по всей моей державѣ; а на томъ пишу грамоту и крестъ цѣлую за всю мою державу и за всѣ города, кромѣ епископа Юрьевскаго и всѣхъ Юрьевцевъ.“ Воевода Московскій, князь намѣстникъ и весь Псковъ (вѣче) приняли челобитье магистровыхъ пословъ и дали имъ миръ на всемъ на томъ на 20 лѣтъ; и посолъ, написавъ грамоту 7-го Января, цѣловалъ на томъ крестъ и поѣхалъ въ Ригу къ своему Государю, а воевода Московскій и вѣче, послали за нимъ своихъ пословъ, передъ которыми магистръ на всемъ на томъ крестъ цѣловалъ и печати свои приложилъ къ мирodокончальнымъ грамотамъ, а Псковскіе послы также поцѣловали крестъ къ магистру за весь Псковъ и за всѣ пригороды. Между тѣмъ прибыло во Псковъ и Новгородское войско, на помощь противъ Нѣмцевъ, и Новгородскій посолъ на случай заключенія мира. Юрьевскіе послы, видя и слыша все это, поспѣшили также заключить миръ, и заключили его на тридцать лѣтъ, на тѣхъ же условіяхъ какъ и магистръ Ливонскій, т. е. чтобы Юрьевцамъ во Псковъ корчмы не возити, ни торговать корчмою, ни колоды у крѣпости не держать, и сверхъ того Юрьевцы и ихъ епископъ обязались русскія церкви въ Юрьевѣ и русскій конецъ держать по старинѣ честно и не обидѣть, а дани и старые залоги Русскихъ великихъ князей за восемь лѣтъ отдать тотчасъ, а впередъ Юрьевскому епископу платить дань ежегодно по старинѣ. А Псковичамъ

добровольно торговать по всей Юрьевской землѣ со всякимъ гостемъ по старинѣ и по крестному цѣлованію, и Юрьевцамъ также по всей Псковской землѣ; и на всемъ на томъ пописавъ грамоты, Юрьевскіе послы цѣловали Пскову на вѣчѣ крестъ, и на томъ же цѣловали крестъ Новгородскіе послы и Псковскій степенный посадникъ. А на другой день было отряжено Псковское посольство въ Юрьевъ, и тамъ передъ нимъ цѣловали крестъ епископъ Юрьевскій, посадники и ратманы и всѣ Юрьевцы и къ грамотамъ печати свои привѣсили. По окончательномъ заключеніи мира, наконецъ 30 Января и Московскій воевода князь Даніилъ Холмскій съ Московскимъ войскомъ двинулся изъ Пскова; и Псковское вѣче приказало посадникамъ и боярамъ проводить его до рубежа, и на прощаньи поднесло дара 200 рублей, а равнымъ образомъ и бывшимъ съ нимъ князьямъ и воеводамъ и всему войску подавало дары, за ихъ стояніе и оборону; а стояло Московское войско во Псковѣ 9-ть недѣль.

РАЗСКАЗЪ ДЕВЯТЫЙ.

Постепенное стѣсненіе самостоятельности Пскова и его паденіе.

Мы уже видѣли, что почти съ 1443 года Московскій великій князь, съ самаго начала присылки во Псковъ своихъ князей намѣстниковъ, взялъ въ свои руки дѣла Пскова съ Нѣмцами; такъ что Псковое вѣче

почти потеряло право вести эти дѣла безъ участія Московскаго Государя, и должно было о всѣхъ сношеніяхъ съ Нѣмцами посылать доношенія въ Москву и оттуда ждать разрѣшенія. Со времени же заключенія послѣдняго мира съ Нѣмцами (въ 1474 году) великій князь началъ заявлять свои притязанія и на вмѣшательство во внутреннія дѣла Пскова, и особенно въ отношеніи Псковскаго вѣча къ Псковскимъ князьямъ намѣстникамъ.

По заключеніи мира съ Нѣмцами и по отпускѣ Московскаго войска, вѣче великимъ постомъ отрядило Григорія Умылъ Бородина въ Москву съ грамотою къ великому князю бить челомъ на его жалованьи и на печалованіи, т. е. благодарить за присылку войска и вспомоществованіе при заключеніи мира съ Нѣмцами. Бородинъ 8-го Апрѣля, въ великій четвергъ, возвратился изъ Москвы и нежданно-негаданно привезъ отъ великаго князя не любовь, а гнѣвъ до своей отчины, до всего Пскова, за то, что опоздали посольствомъ и не прислали большихъ пословъ въ слѣдъ за отпускомъ Московскаго войска изъ Пскова. Потомъ 19 Апрѣля Псковскій князь намѣстникъ Ярославъ Васильевичъ поѣхалъ въ Москву къ великому князю, и вѣче отрядило съ нимъ свое посольство трехъ посадниковъ и бояръ отъ концовъ, и съ ними отправило сто рублей великому князю въ подарокъ; но Московскій Государь Псковскихъ пословъ приказалъ выпроводить съ подворья и на глаза не допустилъ и подарка не принялъ; и послы, простоявъ пять дней на полѣ въ шатрахъ, возвратились во Псковъ безъ отвѣта. За ними въ слѣдъ пріѣхалъ посолъ изъ Москвы съ требованіемъ, чтобы вѣче прислало новыхъ

пословъ къ великому князю. Съ новымъ посольствомъ Псковъ отправилъ даровъ полтораста рублей; и великій князь челобитье Псковское и дары принялъ и далъ такой отвѣтъ: „я радъ отчину свою устроенно держать, ежели вы мнѣ пришлете пошлинныя грамоты прежнихъ великихъ князей.“ И съ тѣмъ отпустилъ Псковъ. Такимъ образомъ, начавши объявленіемъ гнѣва за позднюю присылку посольства, великій князь перешелъ къ повѣркѣ законовъ, на основаніи которыхъ опредѣляются отношенія Пскова къ князьямъ, и потребовалъ пошлинныхъ грамотъ, какъ бы для того, чтобы по грамотамъ узнавши старины Псковскія правильнѣе можно было соблюдать ихъ. Между тѣмъ 13-го Ноября князь намѣстникъ Ярославъ Васильевичъ воротился изъ Москвы и сталъ просить у вѣча, чтобы держать судъ не по Псковской старинѣ, получать двойныя пошлины при вызовѣ въ судъ, а по пригородамъ его намѣстникамъ сбирать и княжую продажу и намѣстничьи деньги. Вѣче, разумѣется, отказало въ таковой просьбѣ и, отрядя въ Москву своихъ пословъ съ жалобою, отправило съ ними грамоты, которыя требовалъ великій князь. Великій князь, пересмотрѣвъ присланныя грамоты, опять отдалъ ихъ Псковскимъ посламъ и далъ такой отвѣтъ: „это грамоты не самихъ великихъ князей; и вы должны разрѣшить все то, чего князь у васъ проситъ.“ Или, иначе сказать, великій князь присланныя Псковскія грамоты, какъ состоявшія только изъ опредѣленій вѣча, а не изъ грамотъ княжескихъ, не призналъ обязательными ни для себя, ни для князя намѣстника, который долженъ повиноваться повелѣніямъ своего Государя; и такимъ образомъ за

одинъ разъ отвергъ даже тѣ основанія, на которыхъ Псковъ утверждалъ свои отношенія къ князьямъ.

Когда послы донесли вѣчу отвѣтъ великаго князя; то Псковъ отправилъ въ Москву новое посольство съ грамотою, въ которой писано: „чего нынѣ у насъ князь Ярославъ проситъ, а не по нашимъ старинамъ, ино намъ нельзя жить.“ Великій князь на эту грамоту отвѣчалъ, что онъ о томъ шлетъ своего посла въ свою отчину.“ Между тѣмъ въ Ноябрѣ мѣсяцѣ 1475 года великій князь пріѣхалъ въ Новгородъ; Псковское вѣче, узнавши объ этомъ, отправило въ Новгородъ большое посольство, состоящее изъ четырехъ посадниковъ, и изъ бояръ отъ концовъ, по два отъ каждаго, и сыновъ посадничьихъ, бить челомъ, чтобы великій князь держалъ Псковъ, свою отчину, по старинѣ, и съ посольствомъ въ даръ великому князю препроводило 50 рублей. Великій князь, выслушавъ посольство и принявъ дары, отвѣчалъ: „я васъ отпущу, какъ пріѣдетъ сюда князь Ярославъ.“ Князь же Ярославъ, пріѣхавши въ Новгородъ, началъ жаловаться на посадниковъ и на вѣче. И великій князь сказалъ посламъ: „нынѣ я васъ отпущаю, а своихъ пословъ шлю къ вамъ во Псковъ съ Княземъ Ярославомъ о всѣхъ своихъ дѣлахъ на срочные дни.“ И 1-го Января 1476 года князь Ярославъ возвратился во Псковъ и съ нимъ вмѣстѣ пріѣхали послы великаго князя Василій Китаинъ да Морозовъ и такую рѣчь держали на вѣчѣ: „чтобы въ чемъ вы преступили передъ княземъ Ярославомъ, и вы бы въ томъ добили ему челомъ, и также разрѣшили князю Ярославу деньгу намѣстничу и ѣзды вдвое, и по пригородамъ намѣстникамъ собирать княжія продажи, и

нивный судъ по старинѣ, судити всякая копная, и изгородное прясло, и коневая валица; а не исполните всего этого, ино вѣдаетъ Государь нашъ великій князь, а насъ прислалъ къ вамъ съ княземъ Ярославомъ въ пять дней съѣздить сюда и назадъ." На таковое рѣшительно и въ краткій срокъ поставленное требованіе оставался одинъ отвѣтъ,—исполнить требованіе вполнѣ и немедленно. Псковское вѣче такъ и поступило: оно вмѣстѣ съ посадниками на вѣчѣ же заплатило князю Ярославу 130 рублей за все, въ чемъ онъ показывалъ себя обиженнымъ отъ Пскова; а великому князю дало обѣщаніе исправить все князю и его намѣстникамъ, о чемъ онъ просилъ. За тѣмъ князь Ярославъ, вмѣстѣ съ Московскими послами, поѣхалъ къ великому князю, и вѣче отрядило съ ними своихъ пословъ, двухъ посадниковъ, бить челомъ великому князю, чтобы онъ жаловалъ свою отчину Псковъ. Великій князь на это отвѣчалъ: „въ чемъ вы обѣщались князю Ярославу и мнѣ, тѣмъ васъ жалую свою отчину, а васъ хочу держать въ старинѣ свою отчину; а кого къ вамъ о своихъ дѣлахъ не пришлю, и вы бы меня слушали, а ему бы вѣрили, какъ и мнѣ великому князю и моей грамотѣ." Въ настоящемъ отвѣтѣ великій князь съ одной стороны пожаловалъ Псковичей, т. е. оставилъ имъ ихъ старину и не велѣлъ князю намѣстнику сбирать нововведенныхъ пошлинъ, на которыя уже согласились Псковичи; а съ другой стороны лишилъ ихъ самаго существеннаго въ ихъ старинѣ,—лишилъ права ссылаться, какъ на законъ, на опредѣленія вѣча или на пошлины; ибо съ этого отвѣта старина и пошлина сдѣлались пожалованіемъ великаго князя, которое

онъ могъ и отнять по своему усмотрѣнію. И на это право отнять онъ прямо указалъ въ концѣ своего отвѣта: „и вы бы меня слушали, а кого къ вамъ о своихъ дѣлахъ не пришлю, а ему вѣрили какъ и мнѣ.“ Значитъ съ этого знаменитнаго отвѣта закономъ для Пскова должна была быть воля великаго князя, а не старые Псковскіе законы, которые по волѣ или по жалованію великаго князя на сей разъ хотя и были оставлены неприкосновенными. Послѣ этого отвѣта судьба Пскова была рѣшена: великій князь получилъ полное право вводить какія угодно новости, хотя великій князь Иванъ Васильевичъ пользовался симъ правомъ умѣренно и считалъ нужнымъ охранять самостоятельность Пскова.

Довольные великимъ княземъ за его пожалованіе стариною, Псковичи въ Іюнѣ мѣсяцѣ 1476 года отправили посольство въ Москву съ жалобною грамотой, а бити челомъ съ плачемъ великому князю на князя Ярослава Васильевича, чтобы онъ съ своея отчины его сослалъ, а намъ бы далъ своей отчинѣ князя Ивана Александровича Звѣнигородскаго, занеже онъ надъ всѣмъ Псковомъ чинитъ насиліе великое, а его намѣстники по пригородамъ и волостямъ“. На эту просьбу великій князь отвѣчалъ, что пришлетъ своего посла о томъ, да хочетъ съ своею отчиною со Псковомъ судъ творить своимъ посломъ по своимъ засыльнымъ грамотамъ, а не по старинамъ, какъ держали свою отчину Псковъ его прародители.“ Другаго отвѣта нельзя было и ждать, ибо старина уже сдѣлалась пожалованіемъ, а воля великаго князя закономъ. Между тѣмъ, 2-го Сентября, у князя Ярослава съ Псковичами учинилась ссора. Везъ одинъ Пско-

витинъ съ города капусту черезъ торгъ, мимо княжаго двора, и княжій слуга, по-псковски шестникъ, взялъ съ воза кочанъ капусты и далъ княжему барану; и изъ этого началась ссора и брань у Псковичей съ шестниками, и шестники напали на Псковичей съ ножами и начали стрѣлами стрѣлять, а Псковичи стали обороняться каменьями и бревнами, и самъ князь Ярославъ вышелъ въ панцырѣ и началъ стрѣлять; и вскорѣ сбѣжался весь городъ на торгъ и посадники, и бояре, и житейскіе люди и остановили рѣзню и къ вечеру сошлись къ князю на сѣни и уговорили его шестниковъ. А на ночь посадники и житейскіе люди всѣмъ Псковомъ держали въ оружіи сторожу на торгу, ибо прошла молва, что шестники въ гнѣвѣ хотѣли ночью зажечь Псковъ и во время пожара бить Псковичей. А на утро Псковичи составили вѣче и отказали князю Ярославу въ княженіи; но Ярославъ на отказъ не обращаетъ вниманія, продолжаетъ жить во Псковѣ и говоритъ, что ждетъ посла отъ великаго князя. Наконецъ, 20 Сентября, пріѣхали изъ Москвы два боярина, введеные судьи, да дьякъ великаго князя и объявили государевъ судъ на вѣчѣ: бояринъ Юрьи Ивановичъ Шестакъ сказалъ: „что Псковичи на Ярослава жаловалися и присылали пословъ своихъ на Москву о томъ насильи, что князь Ярославъ какъ самъ чинитъ надъ Псковомъ сильно, такъ и его намѣстники по пригородамъ и волостямъ; а прежде сего, какъ былъ князь Великій въ Новгородъ, ино о томъ на него не жаловалися, опасалися больше того гнѣва на себя, а князь Ярославъ и тогда на Псковъ жаловался, и прежде того, и нынѣ опять также.“ За тѣмъ вторый бояринъ Иванъ Ѳедоровичъ

Товарковъ говорилъ о виноватыхъ осужденныхъ по суду въ пригородахъ и отнятыхъ Псковичами, и именемъ великаго князя сказалъ: „а только того не исправите (не отдадите виноватыхъ), ино я князь великій, моля Бога и пречистую его Матерь, хотимъ сами направить; а что до князя Ярослава, то князь великій его оставляетъ на столѣ во Псковѣ“. За тѣмъ 24 Сентября прибыли изъ Москвы Псковскіе послы, и привезли одинъ отвѣтъ отъ великаго князя: „что весь мой наказъ о всѣхъ управахъ къ своей отчинѣ съ своими боярами я послалъ.“ Бояре, судьи и дьякъ прожили во Псковѣ двѣ недѣли и много спорили съ вѣчемъ о всемъ томъ, и требовали выдачи тѣхъ, которыхъ Ярославовы намѣстники на пригородахъ безсудно поковали, и которыхъ Псковъ расковалъ, или который князю Ярославу слово каково молвилъ (т. е. побранился съ Ярославомъ). Но Псковичи ни на что не согласились и дали судьямъ такой отвѣтъ: „кого вы у насъ головами требуете, тѣхъ не можемъ выдать по пошлинѣ и старинѣ съ нашими прежними господарями, то люди правые. А что вы князя Ярослава у насъ на столѣ сажаете; а то вѣдаетъ государь нашъ князь великій, а мы съ нимъ не можемъ жить, ежели онъ будетъ держать такое насилье надъ нами; а еще о всемъ о томъ шлемъ своихъ пословъ своимъ осподарямъ (Ивану Васильевичу и его сыну Ивану Ивановичу) о своихъ старинахъ.“ И съ тѣмъ отпустили бояръ судей, изъ которыхъ одинъ Юрій Ивановичъ Шестакъ въ досадѣ даже не принялъ отъ Пскова подарковъ. Въ слѣдъ за отпускомъ бояръ и судей вѣче отправило къ великому князю своихъ пословъ, двухъ посадниковъ и двухъ бояръ. Это по-

сольство возвратилось во Псковъ 2 Января 1477 года и привезло такой отвѣтъ отъ великаго князя: „коли только отчина наша Псковъ такъ учинили, что на дворъ нашего намѣстника а своего князя Ярослава Васильевича находили; ино она сама изъ старины выступила, а не я князь великій.“ Тѣмъ не менѣе 12 Февраля пришла грамота изъ Москвы,—ѣхать Ярославу къ великому князю на Москву со всемъ своимъ дворомъ, а во Псковѣ никого не оставить. И князь Ярославъ по этой грамотѣ на вѣчѣ сложилъ съ себя крестное цѣлованіе, уѣхалъ въ Москву, и на дорогѣ, на послѣднемъ стану съ Мелетова, взялъ и повязалъ провожавшихъ его наряженныхъ отъ вѣча сотскихъ, губскихъ старостъ и иныхъ добрыхъ людей, всего 18 человѣкъ, и свелъ съ собою въ Москву.

По отъѣздѣ Князя Ярослава, Псковское вѣче 9 Марта отправило въ Москву своихъ пословъ бить челомъ великому князю о своихъ старинахъ и просить себѣ князя вольнаго, князя Василья изъ Новгорода, или князя Ивана Владиміровича, и жаловаться на то, что Ярославъ силою увелъ съ собою провожавшихъ его людей, и послало съ послами дару сто рублей. Великій князь и съ сыномъ своимъ приняли посольство ласково, отпустили всѣхъ тѣхъ, которыхъ свелъ Ярославъ, и на отпускѣ посольства великій князь далъ такой отвѣтъ: „а что о вашихъ дѣлѣхъ моей отчины, а то я со всѣмъ своимъ наказомъ шлю къ вамъ своихъ пословъ.“ Но прежде присылки пословъ о Псковскихъ дѣлахъ 7-го Іюня пріѣхалъ отъ великаго князя посолъ поднимать Псковичей на Новгородъ, которому великій государь объявилъ войну, чтобы Псковъ, отославъ въ Новгородъ розметныя

грамоты, всѣлъ на конь. Вѣче отпустило Московскаго посла съ такимъ отвѣтомъ: „на всемъ на томъ мы еще шлемъ своихъ пословъ въ Москву къ своимъ государямъ, а сами отъ нихъ услышимъ, какъ намъ о всемъ томъ укажутъ своими усты.“ И 21 Іюля отправленъ былъ посломъ посадникъ Андрей Сосонокъ съ боярами, и получилъ отъ великаго князя отвѣтъ: „со всемъ моимъ наказомъ мой посолъ еще у васъ будетъ, и вы бы ему какъ и намъ вѣрили, что отъ насъ учнетъ говорить вамъ, нашей отчинѣ.“ Между тѣмъ вѣче посылало гонца и въ Новгородъ, предлагая ходатайствовать за Новгородцевъ у великаго князя; и отъ Новгородскаго вѣча полученъ отвѣтъ: „ежели вы къ намъ сими часы на всемъ пригожествѣ, опричь Коростынскаго прикончанья, нынѣчи крестъ поцѣлуете, тогда вамъ все явимъ по нынѣшнему крестному цѣлованью; а только такъ намъ не учините, и мы отъ васъ не хотимъ никакого пригожества до великихъ князей, ни челобитья вашего ни пословъ.“ Затѣмъ 15-го Сентября пріѣхалъ во Псковъ прежній посолъ отъ великаго князя, чтобы Псковичи немедленно отослали розметныя грамоты въ Новгородъ, что и было исполнено со стороны Псковскаго вѣча. Но когда Московскій посолъ сталъ требовать, чтобы Псковичи немедленно вооружились и сѣли на коней, и говорилъ: „я вамъ приставленъ воеводою на великій Новгородъ;“ то вѣче отвѣчало: „хотимъ еще къ великому князю гонца своего слать, какъ намъ самъ повелитъ, и князя (князя намѣстника Псковскаго) на имя просить; а онъ пріѣхавъ здѣсь и поцѣловавъ крестъ, и съ нами на конь всядетъ и мы съ нимъ, а дотолѣ не хотимъ.“ Наконецъ 16-го Ноября при-

былъ во Псковъ вновь назначенный князь намѣстникъ, князь Василій Васильевичъ, котораго просили сами Псковичи, и съ нимъ Московскій воевода Василій Дятелъ. Псковичи встрѣтили новаго князя намѣстника съ честію и посадили на княженіе передъ Московскимъ воеводою въ церкви св. Троицы, потомъ князь намѣстникъ на вѣчѣ цѣловалъ крестъ ко Пскову на всѣхъ Псковскихъ пошлинахъ и старинахъ, и проживши во Псковѣ недѣлю, вмѣстѣ съ Московскимъ воеводою повелъ Псковское войско на Новгородъ; и 2-го Декабря Псковское войско заняло, по распоряженію великаго князя, владычне село надъ озеромъ Ильменемъ и тамъ остановилось. Потомъ великій князь прислалъ во Псковъ своего боярина, чтобы Псковичи ему и тѣмъ послужили, прислали бы муки пшеничной и меду прѣснаго и рыбы, а также чтобы купцы Псковскіе со всякими товарами ѣхали торговать подъ великій Новгородъ; и Псковичи, по слову великаго князя, немедленно накрутивъ на воза хлѣбъ и медъ и муку пшеничную и калачи и рыбу, на своихъ извощикахъ отправили подъ Новгородъ, а съ ними поѣхали и Псковскіе купцы съ разнымъ товаромъ. Затѣмъ великій князь приказалъ еще прислать пушки и мастеровъ дѣлать мосты; и вѣче все это исполнило и отослало подъ Новгородъ. Псковская рать стояла подъ Новгородомъ семь недѣль, а всего съ проѣздомъ взадъ и впередъ была въ походѣ 8 недѣль и два дни. По взятіи Новгорода, Великій князь 17 января 1478 отпустилъ Псковскую рать и съ нею отправилъ своихъ пословъ во Псковъ, которые на вѣчѣ именемъ великаго князя сказали отъ него поклонъ Пскову на службѣ и золоченый кубокъ, и

повторили слѣдующія слова великаго князя: „я князь великій хочу васъ, свою отчину, держать въ старинѣ, а вы бы также, наша отчина, слово наше держали честно надъ собою, а наше жалованье къ себѣ, а то бы знаючи помнили“.

Война съ Новгородомъ породила войну Пскова съ Ливонскими Нѣмцами; во время осады Новгорода, Московскія войска, опустошая Новгородскую землю, добрались до рѣки Наровы, перешли за Нѣмецкій рубежъ и тамъ пограбили Нѣмецкія волости. Въ отвѣтъ на это Ливонскій магистръ задержалъ Псковскихъ купцовъ; Псковичи посылали къ нему нѣсколько пословъ для объясненій и успѣли освободить Псковскихъ купцовъ, но захваченныхъ товаровъ магистръ не отпустилъ. Псковичи за это сдѣлали набѣгъ на порубежныя Нѣмецкія волости, и возвратились съ большою добычей и плѣнниками. А въ то время были въ Юрьевѣ 45 человѣкъ Псковскихъ купцовъ, и Юрьевцы за набѣгъ засадили купцовъ въ погребъ. Псковичи, услыхавши объ этомъ, засадили у себя въ погребъ Нѣмецкихъ купцовъ, бывшихъ во Псковѣ, и отправили своего посла въ Юрьевъ для объясненій; и переговоры тянулись слишкомъ годъ, а въ это время Ливонскій магистръ, по свидѣтельству Нѣмецкихъ лѣтописей, дѣятельно готовился къ войнѣ и собралъ войска до ста тысячъ. Наконецъ, 2-го января 1480 года, не сдѣлавъ никакого объявленія о войнѣ, среди мира Нѣмцы магистровы и архіепископскіе люди напали изгономъ на Вышгородокъ, взяли городокъ, сожгли стѣну и церковь, а жителей мечами изсѣкли, какъ мущинъ, такъ женщинъ и дѣтей. Вѣсть объ этомъ набѣгѣ пришла во Псковъ ночью, и по-

садники ночью же звонили два раза вѣче, и ночью же, собравши рать съ четырехъ сохъ конь, на утро отправились къ городищу, но Нѣмцевъ уже тамъ не застали, и по приказу вѣча воротились домой. Потомъ, 20 Января, пришла новая вѣсть, что Нѣмцы пришли ратью подъ городъ Гдовъ ночью, и со многимъ замышленіемъ обступили городъ, и почали пушками бить, а иная рать Нѣмецкая воюетъ по волости и посадъ подъ городомъ пожгли. Вѣче немедленно отправило гонца въ Новгородъ къ великому князю, тамъ тогда бывшему, просить рати на Нѣмцевъ; и великій князь отправилъ въ помощь Псковичамъ на Нѣмцевъ своего воеводу съ своими ратными людьми. Между тѣмъ Нѣмцы награбившись отступили отъ Гдова и ушли въ свою землю. Когда Московскій воевода съ войскомъ прибылъ во Псковъ, то немедленно собрались и Псковичи съ пригорожанами и, вмѣстѣ съ присланною Московскою ратью отправились въ Юрьевскую область, и проходя по берегу Чудскаго озера взяли Нѣмецкую крѣпостцу со множествомъ пушекъ, пороха и другихъ припасовъ, пушки и припасы Псковичи взяли себѣ, а крѣпостцу сожгли, гарнизонъ же самъ сдался въ плѣнъ. Отъ крѣпостцы вся рать пошла къ Юрьеву и, простоявъ подъ городомъ день да ночь, воротилась во Псковъ съ большою добычей и множествомъ плѣнниковъ Чуди и Нѣмцевъ. И воевода Московскій съ своею ратью, по возвращеніи изъ Нѣмецкой земли, простоявъ во Псковѣ три дни, отправился въ Москву, разсорившись съ Псковичами, кажется изъ-за плѣнниковъ, которыхъ онъ большое множество увелъ съ собою.

Ливонскій магистръ Бернардъ фонъ-Борхъ, услыхавши что Московскій воевода съ своею ратью уѣхалъ изъ Пскова, подступилъ къ Изборску, но не останавливаясь у этого города двинулся къ озеру, пожигая по дорогѣ всѣ Псковскія селенія, такъ что изъ Пскова виденъ былъ дымъ горѣвшихъ селеній. Псковичи, наскоро собравшись съ пригорожанами, 1-го Марта встрѣтили Нѣмцевъ на Пецкой губѣ на озерѣ и сторожевой Псковскій полкъ вступилъ въ битву съ Нѣмецкимъ сторожевымъ полкомъ; но ни Псковская, ни Нѣмецкая главныя рати не тронулись съ мѣста, и послѣ первой схватки сторожевыхъ разошлись, Нѣмцы въ свою сторону, а Псковичи во Псковъ. Но когда Псковичи ушли, Нѣмцы воротились и пожгли исады и островцы, потомъ подступили къ городу Кобылѣ и, послѣ упорной битвы съ гражданами на стѣнахъ города, взяли и сожгли городъ, причемъ погибло въ пламени слишкомъ четыре тысячи человѣкъ, а иные попались въ плѣнъ. Взявши городъ Кобылу, черезъ тринадцать дней магистръ съ большими силами и разными машинами и пушками подступилъ къ Изборску; но простоявъ подъ городомъ только два дни, двинулся со всею своею силою ко Пскову, и сталъ станомъ на Завелицкомъ полѣ, ибо Завеличье уже было сожжено самими Псковичами, когда они узнали о движеніи Нѣмцевъ ко Пскову. Магистръ съ своею ратью сталъ станомъ на Завелицкомъ полѣ 20 Августа, а 21 прибыли Юрьевцы на тринадцати шнекахъ и стали станомъ за церковію св. Стефана на лугу, и начали бить изъ пушекъ на Запсковье и на Полонище, и особенно усердно подступали къ Запсковью, подплывали въ шнекахъ и били изъ пушекъ,

и наконецъ наклали два учана хворостомъ и соломою и поливши смолою зажгли и повели по рѣкѣ къ Запсковью, чтобы такимъ образомъ зажечь его; но Псковичи, вооружившись кто чѣмъ попало, вышли на берегъ и сдѣлали такой отпоръ, что не только не допустили причалить огненные учаны къ берегу, но и захватили нѣсколько шнекъ, и одну шнеку потопили и съ людьми бывшими на ней; послѣ чего Нѣмцы, простоявъ подъ Псковомъ всего пять дней, сняли осаду и удалились. Псковичи послали къ великому князю бить челомъ, чтобы прислалъ войска во Псковъ, идти вмѣстѣ съ Псковичами на Нѣмцевъ и мстить за Псковскую обиду. Великій князь по этому челобитью прислалъ во Псковъ 20 тысячъ Новгородскаго и Московскаго войска, подъ начальствомъ своихъ воеводъ князя Ярослава Васильевича и князя Ивана Булгака, которые прибыли во Псковъ 11 Февраля 1491 года и, простоявъ тамъ недѣлю, отправились вмѣстѣ съ Псковичами воевать на Нѣмцевъ тремя дорогами, и взяли Нѣмецкіе города Тарвастъ и Вельядъ, и поплѣнили и пожгли Нѣмецкую землю отъ Юрьева и до Риги, а Латышей и Чуховъ, мущинъ, женщинъ и дѣтей иныхъ изсѣкли, иныхъ пожгли, а иные, укрывавшіеся въ лѣсахъ, погибли или отъ сильныхъ морозовъ, или отъ голода. Лѣтописецъ говоритъ, что Нѣмецкая земля тогда не чаяла войны и жила безъ страха и безъ осторожности. И войска Московскія, Новгородскія и Псковскія, пробывши въ Нѣмецкой землѣ четыре недѣли, воротились во Псковъ со многою корыстію и привели съ собою Нѣмцевъ и Нѣмокъ, Чуди и Чудокъ и дѣтей безчисленное множество, отмстивши Нѣмцамъ въ двадесятеро и больше, какъ сказано въ

одной Псковской лѣтописи, чему не противорѣчитъ и Нѣмецкій лѣтописецъ, который говоритъ, что Русскіе тысячами гнали изъ Ливоніи людей какъ скотину. Послѣ такого урока Нѣмцы прислали пословъ въ Новгородъ просить мира у намѣстниковъ великаго князя. Услыхавши о пріѣздѣ Нѣмецкихъ пословъ въ Новгородъ и Псковичи отрядили туда двухъ посадниковъ. Переговоры о мирѣ тянулись одиннадцать недѣль и наконецъ миръ заключенъ 1-го Сентября 1481 года на десятъ лѣтъ, на основаніи Наровскаго мира, заключеннаго княземъ Даніиломъ Холмскимъ въ 1474 году, и написаны грамоты: 1-я грамота великому Новгороду, вторая Псковичамъ, третья Магистру и четвертая Юрьевцамъ. По заключеніи мира пришли во Псковъ послы отъ магистра, просить дороги въ Москву къ великому князю, и Псковичи дали имъ дорогу, да за ними послали и своихъ пословъ въ Москву; затѣмъ въ 1482 году проѣжали черезъ Псковъ послы великаго князя къ магистру въ Кесь (Венденъ). Такимъ образомъ кончилась послѣдняя война независимаго Пскова съ Нѣмцами, но и она въ сущности была не старая война Псковичей, а скорѣе война великаго князя Московскаго. Она и началась не по винѣ Пскова, ибо Нѣмцы ее начали потому, что Московская рать во время Новгородскаго похода повоевала Нѣмецкую волость за Наровой; да и конецъ этой войны уже зависѣлъ не отъ Пскова, а отъ великаго князя Московскаго, и послы Нѣмецкіе пришли просить мира не во Псковъ и не къ Псковскому вѣчу, а въ Ногородъ къ намѣстникамъ великокняжескимъ, и по заключеніи мира Нѣмецкіе послы были отправлены магистромъ не къ Псковскому вѣ-

ся въ исполненіе въ Имперіи тогда только, когда сіе разрѣшено будетъ опредѣленіями судовъ Имперіи, постановленными по правиламъ, изложеннымъ въ слѣдующихъ за симъ статьяхъ настоящей главы.

1268. Просьбы о приведеніи въ исполненіе въ Имперіи рѣшеній судебныхъ мѣстъ Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго подаются въ тотъ окружный судъ, въ вѣдомствѣ котораго должно производиться исполненіе.

1269. При просьбѣ должны быть приложены:

1) копія рѣшенія, засвидѣтельствованная тѣмъ судомъ, которымъ оно постановлено, снабженная исполнительною надписью или удостовѣреніемъ суда, что рѣшеніе подлежитъ исполненію, и завѣренная статсъ-секретаріатомъ Великаго Княжества или правительственною коммиссіею юстиціи Царства;

2) переводъ рѣшенія;

3) копіи сихъ документовъ.

1270. Вызовъ отвѣтчика къ суду производится на общемъ основаніи.

1271. Прошеніе объ исполненіи рѣшеній судебныхъ мѣстъ Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго разрѣшаются сокращеннымъ порядкомъ (ст. 348—365).

1272. Судебныя мѣста, при разсмотрѣніи сихъ дѣлъ, не входятъ въ обсужденіе существа спора, разрѣшеннаго судами Царства Польскаго или Великаго Княжества Финляндскаго, но лишь опредѣляютъ: не заключаетъ ли въ себѣ разсматриваемое рѣшеніе такихъ распоряженій, которыя противны общественному порядку, или не допускаются законами Имперіи.

віямъ лѣтописей, она была составлена съ цѣлію дать нѣкоторыя политическія права смердамъ и кажется допустить ихъ къ участію на вѣчѣ, дабы такимъ образомъ дать перевѣсъ боярамъ, отъ которыхъ зависѣли смерды, и съ которыми кажется на сей разъ сошелся князь Ярославъ, неладившій съ сильною и упорною Псковскою демократіей. Въ одной Псковской лѣтописи есть извѣстіе о старой уставной грамотѣ о смердахъ, которую смерды успѣли скрыть во время споровъ о новой грамотѣ; а по свидѣтельству лѣтописи старая грамота предписывала: „смердомъ изъ вѣковъ вѣчныхъ князю дань давати и Пскову, и всякія работы урочныя по той грамотѣ имъ знати.“ Такимъ образомъ, по старой грамотѣ, смерды состояли въ служебномъ отношеніи ко Пскову и не считались членами Псковскаго общества; и смерды, считавшіе полезнымъ скрыть ее, значитъ по новой грамотѣ получали важныя права, и именно такія, которыя не нравились Псковской демократіи, ибо противъ новой грамоты возставали только черные люди. Какъ бы то ни было, только черные люди, узнавши о новой грамотѣ, возстали на посадниковъ 6-го Мая 1483 года и посѣкли дворы у посадниковъ у Якова, у Стефана Максимовича, у Зиновія, у Никиты, у у Ивана, у Кира и у иныхъ; и трое изъ посадниковъ, Стефанъ Максимовичъ, Леонтій Тимоѳеевичъ и Василій Коростовой, бѣжали въ Москву къ великому князю. Потомъ, въ 1484 году вѣче, гдѣ владычествовало большинство черныхъ людей, засадило въ погребъ на крѣпость смердовъ, явившихся во Псковъ можетъ для участія на вѣчѣ; а посадниковъ, которые составили новую грамоту о смердахъ вмѣстѣ съ кня-

земъ Ярославомъ и въ ларь положили, по приговору вѣча закликали у заповѣди, т. е. объявили приговоренными къ смертной казни, а имѣнье ихъ опечатали, и одного изъ посадниковъ Гаврилу, явившагося на вѣче, на вѣчѣ же и убили всѣмъ Псковомъ. Но очевидно, что грамота была написана по приказу изъ Москвы; ибо въ томъ же 1484 году вѣче нашло нужнымъ отправить посольство къ великому князю бить челомъ, чтобы отдалъ свой гнѣвъ за то что казнили смердовъ и держалъ бы Псковъ въ старинѣ; и великій князь принялъ посольство разгнѣванный и приказалъ отпустить смердовъ, посадниковъ откликать, т. е. снять съ нихъ смертный приговоръ, и имущество ихъ отпечатать, а у князя Ярослава просить прощенія. Конечно, не за чѣмъ было бы посылать посольства о смердахъ и великому князю не за что было бы гнѣваться въ этомъ дѣлѣ, ибо законы во Псковѣ писались и отмѣнялись неспрашиваясь у великаго князя, и онъ въ это дѣло не вступался; а посему гнѣвъ великаго князя и его покровительство посадникамъ, провинившимся передъ вѣчемъ, и требованіе чтобы вѣче просило прощенія у князя Ярослава, ясно говорятъ, что новая грамота о смердахъ была написана по приказу изъ Москвы, и великій князь, защищая посадниковъ и князя Ярослава, защищалъ ихъ какъ исполнителей своей воли.

Когда послы воротились изъ Москвы и доложили вѣчу отвѣтъ великаго князя, то Псковичи черные люди тому не повѣрили, и за недѣлю передъ Рождествомъ Христовымъ снарядили новое посольство изъ четырехъ посадниковъ и десяти бояръ отъ концовъ, добрыхъ людей, смердовъ же не освободили, посад-

никовъ не откликали и прощенья у князя Ярослава не попросили. Великій князь разгнѣвался на это посольство и на третій день повелѣлъ своимъ боярамъ дать такой же отвѣтъ, какъ и первому посольству. Когда второе посольство возвратилось во Псковъ и донесло вѣчу отвѣтъ великаго князя; то черные люди и этому посольству не повѣрили, и сказали, что послы сіи сговорились съ посадниками, бѣжавшими въ Москву, и наровятъ имъ. И съ этого начались брань и мятежъ между посадниками, боярами и лучшими людьми и между черными людьми. Первые говорили, что надобно вполнѣ исполнить приказаніе великаго князя, — отпустить смердовъ, откликать посадниковъ, мертвую грамоту на нихъ написанную выкинуть изъ ларя, князю Ярославу добить челомъ о пожалованіи, и, опасаясь казни отъ великаго князя за наказаніе смердовъ и забійство посадника Гаврилы, бить челомъ великому князю вмѣстѣ съ княземъ Ярославомъ. Черные же люди, не соглашаясь съ лучшими людьми, говорили: „мы о всемъ томъ правы, и за это насъ не погубитъ великій князь, а вамъ не вѣримъ, а князю Ярославу намъ не за что бить челомъ.“ И потомъ, уговорившись между собою, черные люди въ Мартѣ мѣсяцѣ 1485 года послали къ великому князю изъ черныхъ людей Порха съ Полоница и Лакомцева сына съ Запасовья бить челомъ и съ ними отправили грамоту, въ которой написали: „какъ намъ Государь укажешь, и мы всю твою волю сотворимъ о смердахъ и о посадникахъ; а по семъ наши большіе послы будутъ посадники и бояре бить челомъ тебѣ осподарю своему.“ Но посланцамъ симъ не удалось

доѣхать до Москвы, ихъ убили въ Тверской землѣ разбойники. И Псковичи, узнавши объ несчастной участи своихъ посланцевъ, снарядили въ Москву новое посольство изъ четырехъ посадниковъ и бояръ отъ концовъ, которые, отправившись изъ Пскова на четвертой недѣлѣ послѣ велика дни, воротились изъ Москвы уже послѣ Петрова дни, и донесли вѣчу слѣдующій отвѣтъ великаго князя: „что вы пріѣхали къ намъ бездѣльно? ежели вынете изъ ларя грамоту мертвую, что на посадниковъ записали, и смердовъ отпустите, и животы ихъ отпечатаете, и ту грамоту пришлете ко мнѣ, что мертвую написали на посадниковъ Степана Максимовича, Леонтія Тимоѳеевича и Василья Коростоваго, которые теперь у насъ въ Москвѣ; то я хочу васъ жаловать, какъ пригоже, ежели вы намъ добьете челомъ.“ Послѣ таковаго отвѣта наконецъ вѣче согласилось исполнить волю великаго князя, и въ недѣлю передъ Воздвиженіемъ князь Ярославъ Васильевичъ и съ нимъ посадники Псковскіе Иванъ Агаѳоновичъ, Яковъ Аѳанасьевичъ, Василій Логиновичъ, Зиновій Сидоровичъ и Кузьма Андроновичъ и съ ними бояръ честныхъ много поѣхали въ Москву бить челомъ князю великому Ивану Васильевичу о своемъ проступкѣ, что били смердовъ, и въ противность велико-княжескаго повелѣнія казнили; и великій князь, довольный раскаяніемъ Псковичей, отдалъ свой гнѣвъ и нелюбовь Пскову, и пожаловалъ повелѣлъ жить Псковичамъ по всей старинѣ. И тѣмъ кончилась брань о смердахъ, смущавшая Псковъ слишкомъ два года.

Но какъ и должно было ожидать, смятенія, продолжавшіяся слишкомъ два года, не могли за одинъ разъ

кончиться совсѣмъ, когда при томъ вѣроятно еще оставалось довольно поводовъ къ неудовольствіямъ по крайней мѣрѣ съ одной стороны, которая по рѣшенію великаго князя должна была уступить. И вотъ въ томъ же 1485 году, въ которомъ прекращена брань о смердахъ, открылся случай къ новымъ смятеніямъ. Одинъ священникъ, перечитывая грамоты у Наровскихъ смердовъ, нашелъ ту старую грамоту о смердахъ, изъ-за которой было смятеніе всей земли; смердъ, слушавшій чтеніе, вырвалъ грамоту изъ рукъ священника и спряталъ. Это послужило поводомъ къ возстанію: Псковичи засадили смерда подъ караулъ, а за тѣмъ всѣ обиженные изъ пригородовъ и волостей стали стекаться во Псковъ и бить челомъ посадникамъ и вѣчу на Ярославовыхъ намѣстниковъ, а обиженные во Псковѣ стали приносить жалобы на самого князя Ярослава. Посадники и вѣче, собравши всѣ жалобы и написавши грамоты объ обидахъ, отправили посольство въ Москву, въ которое снарядили посадниковъ Никиту Ларіоновича и Андрея Ивановича и боярина Андрея Семеновича Рублева и иныхъ бояръ, и изъ пригородовъ по два человѣка обиженныхъ людей. Посольство, пріѣхавши въ Москву, било челомъ великому князю: какъ онъ прикажетъ поступить со смердомъ, который грамоту спряталъ и теперь содержится подъ карауломъ. Великій князь, взглянувши ярымъ окомъ, отвѣчалъ: „давно ли я вамъ о смердахъ вины отдалъ! а вы опять принимаетесь за то же,“ и послѣ того не принялъ ни одной жалобы на князя Ярослава, и далъ такой отвѣтъ посламъ: „я за вами посылаю своихъ бояръ и прикажу имъ о всѣхъ вашихъ дѣлахъ.“ Какой при-

казъ передали Псковскому вѣчу бояре, присланные великимъ княземъ, мы не знаемъ; ибо лѣтопись, подробно описавшая брань о смердахъ, тутъ прекращается; но изъ другой лѣтописи извѣстно, что князь Ярославъ Васильевичъ остался княземъ намѣстникомъ во Псковѣ, и скончался тамъ осенью 1487 года и погребенъ въ церкви Святыя Троицы. Слѣдовательно можно предполагать, что великій князь оставилъ во Псковѣ все по старому, какъ было послѣ перваго его рѣшенія о смердахъ.

Но не то было время, чтобы старому оставаться по старому,—власть великаго князя находилась въ такомъ положеніи, что не могла остановиться въ своемъ развитіи, въ отношеніи къ Пскову, да и самый Псковъ уже много утратилъ стараго, и много принялъ новаго, чтобы могъ крѣпко держать еще оставшуюся старину. И вотъ на другой годъ, по смерти князя Ярослава Васильевича, является во Псковъ новость, уже знакомая Псковичамъ еще при великомъ князѣ Васильѣ Васильевичѣ. Московскій государь присылаетъ во Псковъ 13 Февраля 1489 года князя намѣстника Семена Романовича, не спрашивая желаетъ ли его Псковское вѣче; потомъ черезъ два года князя Семена Романовича смѣняетъ княземъ Васильемъ Ѳедоровичемъ, также не справляясь съ желаніемъ Псковскаго вѣча. Въ лѣтописи сказано: „лѣта 1491 года пріѣхалъ князь Василій Ѳедоровичъ отъ великаго князя Ивана Васильевича во Псковъ княземъ, мѣсяца Февраля въ 17, на сборной недѣлѣ; князь Семенъ Романовичъ выѣхалъ тоя же недѣли въ среду.“ За тѣмъ, 26 Февраля 1495 года, великій князь прислалъ гонца своего во Псковъ съ приказомъ: „что-

бы отчина моя Псковичи послужили бы на Шведовъ на Нѣмцевъ; а я отпустилъ своихъ воеводъ Якова Захарьина съ Новгородскою силою, да князя Данила Щеня съ Московскимъ войскомъ.“ И Псковское вѣче стало готовить рать: по раскладкѣ назначили съ десяти сохъ конный человѣкъ, и даже положили въ раскладку священниковъ и діаконовъ; и священники нашли въ правилахъ святыхъ отецъ въ номоканонѣ, что съ церковной земли не слѣдуетъ зачислять въ раскладку; и тогдашніе степенные посадники, Яковъ Аѳанасьевичъ Брюхатой, да Василій Опимаховичъ и вѣче хотѣли силою принудить священниковъ къ принятію участія въ раскладкѣ, нѣсколько разъ ходили съ вѣча на сѣни (т. е. притворъ церкви св. Троицы, гдѣ хранились законы) и съ сѣней опять на вѣчѣ и хотѣли священниковъ, Ивана священника Рождественскаго и Андрея бить кнутомъ, и несчастные стояли на вѣчѣ раздѣтые въ однихъ рубахъ, да и всѣхъ иныхъ священниковъ и діаконовъ срамили; впрочемъ кончили тѣмъ, что не рѣшились идти противъ правилъ номоканона и освободили духовенство отъ участія въ раскладкѣ на военную службу. Это нелѣпое и оскорбительное отношеніе къ духовенству, доселѣ пользовавшемуся большимъ уваженіемъ во Псковѣ, служитъ лучшимъ доказательствомъ, въ какомъ жалкомъ положеніи тогда находилось Псковское общество, и могло ли оно сдѣлать какой-либо серьезный протестъ противъ новостей, вводимыхъ великимъ княземъ, когда само топтало ногами свою старину. И не даромъ вѣче молчало, когда великій князь назначалъ и смѣнялъ Псковскихъ князей намѣстниковъ по своему усмотрѣнію, не справляясь о

желанiи Псковичей; при нравственномъ паденiи общества и вѣче потеряло свое прежнее значенiе и обратилось въ старое негодное орудiе верховной власти великаго князя. Верховная власть во Псковѣ въ это время принадлежала великому князю Московскому, а не Псковскому вѣчу, которое уже состояло на службѣ у государя Московскаго, и только до времени держалось по его волѣ, какъ неопасное старье, которое безъ труда всегда можно бросить.

Походъ Псковичей на Шведовъ продолжался 15 недѣль. Псковичи вмѣстѣ съ Новгородскимъ и Московскимъ войскомъ стояли подъ Шведскимъ городомъ Выборгомъ, и воротились домой не взявши этого города. Псковскiй князь намѣстникъ князь Василiй Ѳедоровичъ на возвратномъ пути съ Шведскаго похода скончался въ Новгородѣ, и на его мѣсто великiй князь прислалъ намѣстникомъ во Псковъ князя Александра Владимiровича Ростовскаго, не справляясь съ желанiемъ Псковичей; тѣмъ не менѣе Псковское вѣче съ посадниками и духовенствомъ вышли со крестами встрѣчать новаго князя и по обычаю посадили его на княженiе. Князь Александръ Владимiровичъ прiѣхалъ во Псковъ въ Мартѣ мѣсяцѣ 1496 года, а въ Августѣ мѣсяцѣ пригналъ гонецъ изъ Иванъ города, звать Псковскаго князя и Псковичей на службу великаго князя подъ Ругодивъ противъ Шведовъ; и были Псковичи всѣмъ своимъ войскомъ на службѣ великаго князя подъ Ругодивомъ двѣнадцать недѣль, и воротились домой 6-го Декабря. А черезъ мѣсяцъ прибылъ посолъ великаго князя и подалъ на вѣчѣ грамоту, въ которой великiй князь писалъ: „чтобы отчина моя мнѣ послужили, ѣхали бы

на съѣздъ со всею ратною приправой къ Иванъ-городу на срокъ ко 2 Февраля 1498 года; и Псковичи собравши войско и съ пригородовъ отправились на срокъ къ Иванъ-городу на Нарову, и по приказанію великаго князя стояли станомъ двѣ недѣли на рѣкѣ Плюсѣ. Такимъ образомъ Псковъ чѣмъ дальше тѣмъ больше терялъ свою самостоятельность и затягивался въ службу государя Московскаго; и недалеко уже было то время, когда этотъ древній вольный городъ безъ шума безъ сопротивленія утратитъ и послѣдніе остатки своей независимости и поступитъ въ разрядъ Московскихъ городовъ.

Но Псковичи, гордые своею дѣйствительно почтенною и достойною всякаго уваженія стариной, еще не совсѣмъ понимали свое настоящее положеніе: они все еще считали себя вольнымъ городомъ, мужами добровольными, вѣрными и усердными союзниками Московскаго государя, а не его слугами и подданными. Таковое неясное и невѣрное пониманіе своего настоящаго положенія Псковское вѣче осязательно высказало въ 1499 году, когда пріѣхалъ во Псковъ посолъ Московскій, и словами своего государя сказалъ вѣчу: „я де князь великій Иванъ сына своего пожаловалъ великаго князя Василія, далъ ему Новгородъ и Псковъ;“ то вѣче вдругъ встрепенулось и, посовѣтовавшись и потолковавши, снарядило посольство изъ трехъ посадниковъ и по три боярина отъ конца, бить челомъ великимъ князьямъ Ивану Васильевичу и внуку его Дмитрію Ивановичу, чтобъ держали отчину свою въ старинѣ, а который бы былъ князь великій на Москвѣ, тотъ бы и намъ былъ государь.“ Такое неудачное и нескладное посоль-

ство страшно разгнѣвало государя Московскаго, и онъ прямо сказалъ посламъ: „или я не воленъ въ своемъ внукѣ и въ своихъ дѣтяхъ! кому хочу, тому и дамъ княжество, и далъ княжество сыну своему Василью Новгородъ и Псковъ;“ и за тѣмъ двухъ посадниковъ засадилъ въ башню въ Москвѣ, а третьяго съ боярами отпустилъ. А въ то время, какъ послы были въ Москвѣ и получили такой пріемъ, во Псковъ пріѣхалъ на свой подъѣздъ Новгородскій владыка Геннадій и хотѣлъ служить соборомъ; то посадники и вѣчѣ не дали ему соборовать и сказали: „ты де хочешь молить Бога за великаго князя Василья; но наши посадники о томъ поѣхали къ великому князю Ивану Васильевичу, ибо мы тому не вѣримъ, чтобы князю Василію быть великимъ княземъ Новгорода и Пскова; и какъ воротятся наши посадники съ боярами, и ты служи.“ Наконецъ пріѣхалъ отпущенный изъ Москвы посадникъ съ боярами и доложили вѣчу; „великій князь сказалъ намъ: или я не воленъ въ своихъ дѣтяхъ, и въ своемъ княженіи? кому хочу, тому дамъ княженіе, а инаго ничего ни поклона своей отчинѣ не послалъ.“ И задумалося вѣче съ посадниками надъ откровенною рѣчью великаго князя, въ которой прямо сказалъ, что кому хочетъ, тому и отдастъ Новгородъ и Псковъ, и надъ молчаніемъ при отпускѣ пословъ, изъ котораго должно было заключить, что великій князь неудостоиваетъ Псковичей даже своимъ государскимъ гнѣвомъ и предоставляетъ имъ самимъ надуматься—дѣльно или бездѣльно было отправлено посольство. И надумались Псковичи и послали новое посольство въ Москву бить челомъ великому князю Ивану Васильевичу

Новгородскому и Псковскому: „чтобъ государи наши держали отчину свою въ старинѣ, а посадниковъ государи отпустили бы, а отчина ваша челомъ бьетъ.“

Такимъ образомъ Псковское вѣче на вопросъ, признать ли своимъ великимъ княземъ Василія Ивановича, отвѣтило наконецъ само, что слѣдуетъ признать и что не слѣдовало бы и спрашивать объ этомъ. Это признаніе въ неумѣстности вопроса прямо доказываетъ, что Псковичи наконецъ поняли свое положеніе и сознались, что прошло для нихъ время вопросовъ и наступила пора безпрекословнаго повиновенія. И великій князь, довольный кажется не столько покорностію, сколько собственнымъ сознаніемъ Псковичей, благосклонно отвѣчалъ второму посольству: „за моимъ бояриномъ все будетъ указано.“ Наконецъ пріѣхалъ во Псковъ бояринъ, за которымъ все будетъ указано, Иванъ Чоботовъ, и объявилъ на вѣчѣ именемъ великаго князя челобитье князю намѣстнику Александру Владиміровичу и поклонъ своей отчинѣ Пскову, и сказалъ: „князь великій свою отчину держитъ въ старинѣ.“ Затѣмъ съ новымъ посольствомъ отъ Пскова отпущены были съ Москвы задержанные тамъ посадники перваго посольства, и великіе князья Иванъ Васильевичъ и Василій Ивановичъ сказали, что они посадникамъ и Псковичамъ вины отдали. Такъ кончилось дѣло признанія князя Василья Ивановича великимъ княземъ Новгородскимъ и Посковскимъ, надѣлавшее столько тревоги и могшее обрушиться большою бѣдой на Псковъ ежели бы Псковичи скоро не поняли своего тогдашняго положенія. Въ этомъ дѣлѣ особенно важно то что великій князь не дѣлаетъ своихъ обычныхъ пробъ

и дѣйствуетъ не черезъ князя намѣстника, какъ бывало прежде, а выступаетъ самъ, и откровенно и прямо говоритъ: „я развѣ не воленъ отдать свою отчину Псковъ кому хочу.“ Значитъ ясно указываетъ Псковичамъ, чтобы они и не думали о какихъ-то союзническихъ отношеніяхъ, а считали бы себя прямо подданными государя; что на Псковъ государь смотритъ такъ же какъ и на Новгородъ, который недавно окончательно покорилъ, что Псковъ уже не прежній Псковъ, а городъ Московскій, какъ и всѣ другіе Московскіе города, и князь намѣстникъ, только намѣстникъ и не больше, самое вѣче,—это прежде знаменитое вѣче, воля народа,—теперь не больше какъ пожалованіе великаго государя, которое завтра же можно отнять.

Покончивши дѣло по признанію сына великимъ княземъ Новгорода и Пскова, Великій князь Иванъ Васильевичъ прислалъ во Псковъ своего посла Никиту Ангелова: „чтобы вотчина моя мнѣ послужила на зятя моего, на великаго князя Александра, короля Литовскаго.“ И Псковичи не ослушались, сказано въ лѣтописи, великихъ князей Ивана Васильевича и Василья Ивановича: князь Псковскій Александръ Владиміровичъ и посадники Псковскіе, и бояре, и весь Псковъ, сдѣлавши раскладку съ десяти сохъ конь, а съ сорока рублей конь и человѣкъ въ доспѣхѣ, а бобыли пѣшкомъ, отправились конная рать на Литву въ пособіе великимъ князьямъ и пробыли на Литвѣ одиннадцать недѣль и Торопецъ городокъ взяли. Воротившись во Псковъ, князь Александръ Владиміровичъ 24 Марта 1501 года отправился въ Москву, и въ слѣдъ за нимъ Псковичи отправили къ великимъ князь-

ямъ боярина Лавра Трубичина сына за княземъ Иваномъ Ивановичемъ Горбатымъ, который и прибылъ во Псковъ 14-го Апрѣля, и былъ встрѣченъ по обычаю съ крестами и посаженъ на княженіи.

Между тѣмъ Нѣмцы задержали у себя двадцать пять учановъ съ Псковскими товарами и 150 человѣкъ купцовъ, среди мира, не объявляя войны. Вѣче послало отъ себя въ Юрьевъ посла своего Алексѣя судью съ просьбою, чтобы отпустили задержанныхъ купцовъ и товары; но Нѣмцы и посла задержали, и купцовъ не отпустили. Псковичи отправили другаго посла и Нѣмцы Алексѣя отпустили съ наказомъ вѣчу, чтобы Псковъ возвратилъ мощи и церковныя вещи, взятыя въ Нѣмецкой церкви Петра и Павла, а втораго посла задержали. Псковичи послали третьяго посла, и Нѣмцы втораго отпустили съ прежнимъ отвѣтомъ, а третьяго задержали. Тогда Новгородскіе намѣстники отправили своего посла; но и того задержали, товаръ же Псковскихъ купцовъ, до сего времени остававшійся въ учанахъ, перевезли въ Юрьевъ, а самихъ купцовъ посажали въ погребъ. Впрочемъ Псковскими и Новгородскими посольствами здѣсь ничего нельзя было сдѣлать; Нѣмцы уже рѣшили начать войну съ великимъ княземъ Московскимъ; они уже собрали войска и ихъ магистръ Вальтеръ фонъ-Плеттенбергъ заключилъ оборонительный и наступательный союзъ съ Александромъ Великимъ княземъ Литовскимъ, чтобы общими силами напасть на Русскія владѣнія. По всему вѣроятію самое задержаніе Псковскихъ купцовъ Нѣмцами сдѣлано было для того, чтобы скрыть отъ Русскихъ обширныя приготовленія къ войнѣ. И наконецъ Псковичи, увидѣвши что переговорами ни-

чего не возмешь, а можетъ быть кѣмъ нибудь увѣдомленные о Нѣмецкихъ приготовленіяхъ, начали слать скорыхъ гонцовъ, одного за другимъ, въ Москву просить великихъ князей Ивана Васильевича и Василья Ивановича, чтобы оборонили свою отчину отъ Нѣмцевъ. По просьбѣ Псковичей Московскіе князья сдѣлали распоряженіе, чтобы разныя рати шли ко Пскову, и по этому распоряженію первый явился во Псковъ намѣстникъ Новгородскій князь Василій Васильевичь Шуйскій съ Новгородскими помѣщиками и съ своими людьми, и со всею ратною приправой, а черезъ недѣлю пришелъ князь Данило Пенка съ Тверичами и со всею силою своею; и стояли во Псковѣ три недѣли, ожидая приказа государева открыть походъ въ Нѣмецкую землю и своимъ стояньемъ сильно отягощали Псковичей. Лѣтописецъ говоритъ, что на содержаніе пришлой рати каждый день шло отъ Пскова сто зобницъ овса, сто стоговъ сѣна, да на калачи и хлѣбъ по 25 рублей. Псковичи слали гонца за гонцомъ въ Москву, извѣщая что Нѣмцы уже начали войну, жгутъ и грабятъ, головы сѣкутъ и живыхъ уводятъ въ свою землю. Наконецъ пришелъ приказъ отъ великихъ государей пришлымъ воеводамъ съ ихъ ратьми, съ Псковскимъ княземъ и Псковичами, воевать Нѣмецкую землю, какъ вамъ Богъ положитъ на сердце.

Получивъ приказъ, Псковская и пришлыя рати 22 Августа двинулись въ походъ, а за ними пустились Псковскіе охотники въ ушкуяхъ и лодьяхъ; и 27 Августа наѣхали Нѣмецкую силу на Серицы въ 10 верстахъ за Изборскомъ, и Псковичи первые вступили въ бой и, потерявши десять посадниковъ, пришли въ

смятеніе. Москвичи или пришлые рати двинулись на поддержку Псковичей, но были сбиты Нѣмецкими пушками и пищалями, обратились вмѣстѣ съ Псковичами въ бѣгство и побросали свои запасы; но Нѣмцы, вѣроятно утомленные боемъ, не преслѣдовали ихъ, а Изборяне, вышедши изъ города, подобрали побросанные Москвичами и Псковичами запасы. На другой день Нѣмцы подступили къ Изборску, Изборяне же, чтобы не дать пристанища врагамъ подъ городомъ, сами зажгли свои посады. Нѣмцы стали бить изъ пушекъ по городу, но простоявъ только день и ночь, двинулись къ рѣкѣ Великой, по направленію къ Пскову. Псковскій князь съ посадниками и вѣчемъ, вооруживши молодшихъ людей, по раскладкѣ отъ двухъ третьяго, и со всею конною ратью стали на бродахъ противъ Нѣмецкой рати и начали биться съ Нѣмцами, не пропуская ихъ черезъ рѣку. Нѣмцы, видя неудачу своихъ попытокъ перейдти рѣку подъ Псковомъ, пошли вверхъ по рѣкѣ Великой къ городу Острову и своими пушками и каменными ядрами на другой день осады сожгли городъ, причемъ погибло 4000 гражданъ, иные сгорѣли, а другіе потонули въ рѣкѣ. Псковская рать, стоявшая только за три версты отъ города, видѣла гибель Островлянъ, но не рѣшилась подать помощи; а Нѣмцы сожгли городъ, удалились подъ Изборскъ и ночевавши подъ Иборскомъ отошли, оставивши подъ городомъ свой лагерь и скрытую засаду. Изборяне, неподозрѣвая засады, пришли въ Нѣмецкій лагерь и наткнулись на засаду, которая неожиданнымъ нападеніемъ смяла ихъ и гнала до самыхъ стѣнъ города, иныхъ изсѣкла, а другихъ взяла въ плѣнъ, такъ что никто не возвратился въ го-

родъ. Въ то время какъ Нѣмцы жгли Островъ, Литовцы, подъ начальствомъ пана Черняка, осаждали Опочку, но невзявши города отступили, поспѣшая на соединеніе съ Нѣмцами, чтобы вмѣстѣ осадить Псковъ; но получили вѣсть, что Нѣмцы вмѣсто Пскова пошли домой, и Литовцы, чтобы не остаться одним, также поспѣшили удалиться изъ Псковской земли.

Какъ скоро Нѣмцы и Литовцы удалились изъ Псковскихъ владѣній, прибыли туда Московскія и Татарскія войска, подъ начальствомъ воеводъ великаго князя, и вмѣстѣ съ Псковичами отправились воевать Нѣмецкую землю, и, опустошивши всѣ мѣста около Юрьева, Нейгаузена (новагородка Нѣмец.) и Маріенбурга, пробрались далѣе къ Гельмету, гдѣ собралась вся Юрьевская Нѣмецкая сила. Русскіе, хорошо развѣдавши о Нѣмецкой рати, вступили съ нею въ бой, и на первомъ съступѣ потеряли храбраго великокняжескаго воеводу князя Александра Оболенскаго. Но первымъ ступомъ битва не кончилась, Русскіе смяли Нѣмцевъ и вмѣстѣ съ Татарами гнали ихъ на пространствѣ десяти верстъ и всѣхъ до одного перебили, такъ что, по выраженію лѣтописи, не оставили ни вѣстоноши ,(т. е. кто бы подалъ вѣсть своимъ о пораженіи). За тѣмъ Московская и Татарская рати поворотили мимо Юрьева на Ругодивъ къ Ивангороду. Псковичи, во время битвы подъ Гельметомъ, опустошавшіе Нѣмецкую землю налѣво отъ Гельмета, даже не знали о пораженіи Нѣмцевъ, пришли на мѣсто битвы уже на третій день, и нашли только поле усѣянное трупами, и, продолжая свой путь по слѣдамъ Московской рати, вышли также на Ивангородъ и возвратились домой. Магистръ же Плеттен-

бергъ не поспѣлъ съ своею ратью на помощь къ Юрьевцамъ, онъ пришелъ въ этотъ край уже тогда, когда Русскіе возвратились домой.

Конечно, Нѣмцы не могли оставить безъ мести опустошеніе своей земли; и 17 Марта 1702 года Нѣмецкая сила явилась у Краснаго города, повоевала волость въ Коровьи-бору и много головъ посѣкла, а иныхъ побрала въ плѣнъ, но города взять не могла, и услыхавъ о приближеніи Псковской рати поспѣшно удалилась. Въ это же время другая Нѣмецкая сила воевала около Ивангорода. Наконецъ въ Сентябрѣ мѣсяцѣ самъ магистръ Плеттенбергъ подошелъ съ своими силами къ Изборску, хотѣлъ было взять городъ приступомъ, но былъ отбитъ, и, ночевавъ подъ Изборскомъ одну ночь, двинулся ко Пскову, и на четвертый день сталъ станомъ въ Заваличьѣ, гдѣ Псковичи уже успѣли сжечь посадъ. Нѣмцы съ Заваличья стали бить изъ пушекъ по городу и много повредили стѣны Крома, но Дѣтинцу не сдѣлали ничего. Псковичи выступили съ жолнерами и стали бить на Заваличье изъ пищалей; тогда Нѣмцы, простоявъ одинъ день на Заваличьѣ, пошли на бродъ къ Выбуту. Псковичи усердно защищали бродъ; впрочемъ не могли остановить Нѣмецкой переправы, и Нѣмцы, перешедши рѣку, подошли къ Полонищу и успѣли разбить стѣну; но Псковичи стараніемъ своего князя Ивана Васильевича Горбатаго поставили новую стѣну деревянную; и Нѣмцы, простоявъ у Полонища два дня и слышавъ о приближеніи Московской рати, сняли осаду и пошли назадъ старою дорогой. Черезъ два дня по удаленіи Нѣмцевъ явились и Московскіе воеводы, намѣстники Новгородскіе, князь Даніилъ Василь-

евичъ Щеня и князь Василій Васильевичъ Шуйскій. Не заставъ Нѣмцевъ подъ Псковомъ, они пустились нагонять ихъ и нагнали въ 30 верстахъ отъ Пскова, на озерѣ Смолинѣ на Могильнѣ въ Озеровахъ. Плеттенбергъ, чтобы обмануть Русскихъ отступилъ, оставивъ свой обозъ; а когда Русскіе напали на обозъ и занялись грабежемъ, сдѣлалъ быстрое нападеніе, и произошелъ сильный бой, кончившійся тѣмъ, что и Русскіе и Нѣмцы должны были отступить. Этотъ бой спасъ рать Плеттенберга отъ совершеннаго истребленія; и онъ, ненадѣявшись вынести своей головы изъ Псковской земли, успѣлъ благополучно довести свое войско до Нѣмецкихъ владѣній. Русскіе, пустившись во вторичную погоню, успѣли только нагнать полторы тысячи Плеттенберговой пѣхоты, шедшей назади, разбили ее на голову и большую часть истребили. А въ слѣдующемъ 1503 году, по приказу великаго князя, намѣстники Новгородскіе заключили съ Нѣмцами миръ; и Псковскіе посадники Григорій Кротовъ и Григорій Крусталовъ ѣздили съ мирными грамотами къ магистру Ливонскому и архіепископу Рижскому, которые утвердили грамоты своими печатьми, и съ посадниками отпустили Псковскихъ купцовъ и ихъ товары, задержанные въ началѣ войны; затѣмъ магистръ отправилъ своихъ пословъ въ Москву къ великому князю. По договору, заключенному Ливонскими послами, епископъ Юрьевскій, или Дерптскій, по прежнему обязался платить Государю Московскому дань со всей Юрьевской области. Такъ кончилась послѣдняя война съ Нѣмцами, но это уже была война Московскаго великаго князя, а не Псковичей. На Псковскую землю только сдѣлали нападеніе Нѣмцы

и Псковичамъ приходилось лишь защищаться и терпѣть опустошеніе своей земли, собственно же войну вела Московская рать и Московскіе воеводы великаго князя, и миръ былъ заключенъ по приказу изъ Москвы, а не по приговору Псковскаго вѣча. Самые переговоры съ Нѣмцами вели Новгородскіе великокняжескіе намѣстники; Псковскіе же посадники по ихъ распоряженію только ѣздили въ Ливонію для утвержденія договорныхъ грамотъ, и послы Ливонскіе для того же пріѣзжали не во Псковъ къ тамошнему вѣчу, какъ было прежде, а въ Москву къ великому князю. Такъ что настоящая война принадлежитъ Пскову только топографически, а не исторически. Исторія Пскова въ отношеніи къ Нѣмецкому дѣлу, кончилась, какъ мы уже видѣли, Наровскимъ, или, по выраженію лѣтописи, Данильевскимъ миромъ.

Остальные шесть лѣтъ развалинъ Псковской самостоятельности, послѣ послѣдней Ливонско-Нѣмецкой войны, прошли едва замѣтными для исторіи. Псковская демократія тихо, едва замѣтно, безъ вспышекъ клонилась къ своему паденію: по старому продолжались мелкіе споры съ князьями намѣстниками; по старому эти князья намѣстники присылались изъ Москвы, не справляясь съ желаніемъ Псковскаго вѣча; по старому значеніе вѣча годъ отъ году съуживалось и ограничивалось почти одними внутренними дѣлами Псковскаго общества. Псковское вѣче болѣе и болѣе принимало характеръ сельской или волостной сходки, еще подчасъ грозной и шумной, и даже по замѣчанію лѣтописи болѣе шумной нежели прежде, но только дома въ отношеніи къ своимъ гражданамъ, и никакъ не далѣе. Вотъ перечень лѣтописныхъ извѣстій

о Псковскихъ дѣлахъ за послѣдніе семь лѣтъ. Весною 1503 года князь Иванъ Васильевичъ Горбатый смѣненъ присланнымъ изъ Москвы княземъ Дмитріемъ Владиміровичемъ Ростовскимъ; въ 1504 году вѣче отправило въ Москву къ великимъ князьямъ трехъ посадниковъ по какому-то Ржевскому дѣлу, вѣроятно относительно опредѣленія границъ съ Литовцами, которымъ тогда принадлежала Ржевская область; въ 1506 году былъ во Псковѣ большой моръ—умирали мущины, женщины и дѣти и по пригородамъ и волостямъ, этотъ моръ въ лѣтописи названъ безъименнымъ; въ 1507 году былъ пожаръ во Псковѣ, погорѣло двѣ церкви и много домовъ; въ этомъ же году великій князь Василій Ивановичъ отозвалъ изъ Пскова князя намѣстника Дмитрія Владиміровича Ростовскаго и прислалъ князя Петра Васильевича Великаго, котораго по обычаю священники и діаконы встрѣтили со крестами и посадили на княженіе въ церкви св. Троицы; въ 1508 году Псковичи заложили каменную стѣну около Гремячей горы. Въ 1509 году великій князь позвалъ къ себѣ Псковскаго князя намѣстника Петра Васильевича Великаго, а во Псковъ прислалъ князя Ивана Михайловича Рѣпню Оболенскаго, котораго Псковичи прозвали Найденомъ, апрозвали такъ потому, сказано въ лѣтописи, что онъ не пошлиною (не по старому порядку) пріѣхалъ; нашли его Псковичи на загородскомъ дворѣ, а священники противъ него со кресты не выходили, а пѣли молебенъ на торгу, да шли къ св. Троицѣ. Въ томъ же году, на масленой недѣлѣ, поймали пономаря Троицкаго Ивана, который изъ ларевъ деньги воровалъ, и успѣлъ накрасть 400 рублей; и Псковичи на вѣчѣ пытали его

кнутьемъ и онъ сознался; и вѣче посадило его подъ караулъ, и въ первую недѣлю послѣ Троицына дня, въ самое заговѣніе, приказало сжечь его огнемъ на рѣкѣ Великой.

Вотъ и всѣ извѣстія о Псковѣ за послѣдніе годы; они не нуждаются въ комментаріяхъ и сами ясно говорятъ, въ какомъ положеніи находилась въ это время самостоятельность Пскова, когда въ шесть семь лѣтъ было перемѣнено четыре князя намѣстника, по распоряженію Московскаго государя, безъ всякаго участія со стороны вѣча, которое даже не находили нужнымъ спрашивать. Все значеніе вѣча относительно князей намѣстниковъ ограничивалось уже только однимъ обычнымъ церемоніаломъ,—встрѣчею и посаженіемъ на престолъ, и даже отъ этого церемоніала отвернулся послѣдній князь намѣстникъ,—князь, Рѣпня Оболенскій, прозванный за то Найденомъ. На безсиліе вѣча даже во внутреннихъ дѣлахъ указываетъ посланіе Панфила, игумена Елизаровой пустыни. Игуменъ Панфилъ, заботясь объ уничтоженіи неприличныхъ языческихъ повѣрій и игрищь въ народѣ, на праздникъ рождества Іоанна Предтечи и въ день самаго праздника, обращается съ своимъ моленіемъ не къ Псковскому вѣчу и посадникамъ, а къ князю намѣстнику, къ князю Дмитрію Владиміровичу Ростовскому. А по старому еще недавнему порядку съ подобнымъ прошеніемъ должно было бы обратиться къ вѣчу; ибо вѣче только утверждало законы и отвергало неугодныя распоряженія другихъ властей. Слѣдовательно въ послѣднее время вѣче потеряло и законодательную власть; иначе игуменъ Панфилъ, хорошо знавшій Псковское устройство, обратился бы съ своимъ моленіемъ не къ князю намѣстнику, а къ народному вѣчу.

Положеніе Псковскаго общества, за послѣднее время, также представляетъ неутѣшительное явленіе, прямо указывающее на близость окончательнаго паденія. Мы уже видѣли извѣстіе о пономарѣ Троицкаго собора, кравшемъ общественныя деньги изъ ларей, чему подобнаго во всей прежней исторіи Пскова не встрѣчалось ни разу. А вотъ еще краткое, но мѣткое описаніе Псковскаго общества за послѣднее время, записанное современникомъ лѣтописцемъ. Онъ говоритъ о своихъ современникахъ, не отдѣляя и себя отъ другихъ: „мы на большой грѣхъ превратилися, на злые поклепы и лихія дѣла и кричаніе на вѣчѣ; у насъ глава не вѣдаетъ, что говоритъ языкъ, не умѣемъ своего дома строить, а хотимъ управлять городомъ; и это-то самоволіе и непокореніе другъ другу было виною всѣхъ золъ насъ постигшихъ.“ Таковое ясное и опредѣленное показаніе современника и при томъ Псковича, описывавшаго то самое общество, въ средѣ котораго самъ жилъ, не нуждается ни въ какихъ подтвержденіяхъ и доказательствахъ. И игуменъ Панфилъ не даромъ обратился къ князю намѣстнику, а не къ вѣчу: ибо за чѣмъ же обращаться къ вѣчу, когда оно потеряло всякую власть и его никто не слушаетъ, когда вѣчемъ завладѣли крикуны, которые и сами не понимаютъ о чемъ говорятъ; когда на вѣче, вслѣдствіе закона 1483 года, пробрались смерды, никогда прежде не участвовавшіе въ правленіи, и жившіе на чужой землѣ, даже не умѣвшіе править своимъ домомъ, какъ говоритъ лѣтописецъ, И не даромъ Псковская демократія почти два года ратовала противъ этого закона, она чувствовала и видѣла какія должны быть по-

слѣдствія закона о смердахъ; и великій князь Иванъ Васильевичъ не даромъ съ особеннымъ упорствомъ отстаивалъ этотъ законъ, очевидно введенный по его распоряженію,—онъ зналъ, что сѣялъ, и хорошо видѣлъ, какіе плоды принесетъ его сѣяніе. И дѣйствительно, посѣвъ его, въ какія-нибудь двадцать пять лѣтъ, принесъ именно тѣ плоды, которые нужны были для сѣятеля,—чинное и разумное Псковское вѣче обратилось въ шумное сборище безсмысленныхъ крикуновъ; мужи совѣта, опыта и порядка смолкли,—имъ зажала уста толпа задорныхъ коноводовъ, не понимавшихъ даже того, что сами говорятъ. Съ введеніемъ этой шумной толпы духъ вѣча, столько вѣковъ дававшій ему силу и жизнь, мало по-малу отлетѣлъ, и въ послѣдніе годы оставалась одна только форма вѣча, одинъ его трупъ, который, по общему закону природы, естественно скоро долженъ былъ разложиться, и наконецъ въ 1510 году дошла очередь и до этого трупа.

Псковичи беззаботно доживали 1509 годъ, ссорились другъ съ другомъ, затѣвали тяжбы, клеветали другъ на друга въ судахъ, шумѣли на вѣчѣ; пустые крикуны судили и рядили, не понимая въ чемъ дѣло, каждый думалъ перестроить общество по своему плану, всѣ были недовольны настоящимъ положеніемъ дѣлъ. И особенно всѣмъ не нравился князь намѣстникъ Иванъ Михайловичъ Рѣпня-Оболенскій, прозванный Найденомъ; а князь и не думалъ заискивать расположеніе народа, отъ котораго ничего не могъ ожидать, и дѣйствовалъ по приказамъ изъ Москвы, гдѣ уже порѣшили покончить съ Псковскимъ трупомъ — вѣчемъ. Все было въ страшной разладицѣ,

и каждый съ своей стороны старался увеличить эту разладицу какимъ нибудь неумѣстнымъ вмѣшательствомъ въ дѣла до него некасающіяся, какъ это всегда бываетъ въ обществахъ готовыхъ рухнуть. Какъ вдругъ въ концѣ Октября 1509 года дошла до Пскова вѣсть, что великій князь Василій Ивановичъ пріѣхалъ въ Великій Новгородъ съ своимъ братомъ Андреемъ и съ боярами. Псковское вѣче, получивши эту вѣсть, обрадовалось, что великій князь теперь близко отъ Пскова, и что этимъ случаемъ можно воспользоваться для начатія тяжбы съ ненавистнымъ княземъ намѣстникомъ Рѣпнею Найденомъ, и въ слѣдъ за полученіемъ вѣсти снарядило послами двухъ посадниковъ, Юрія Алексѣевича и Михаила Помазова и бояръ отъ всѣхъ концовъ, вручило имъ въ даръ великому князю полтораста рублей, и дало посламъ наказъ бить челомъ великому государю о жалованіи и о печалованіи своей отчины, мужей Псковичъ, добровольныхъ людей, что мы-де пріобижены отъ твоего намѣстника, а отъ нашего князя Ивана Михайловича Рѣпни, и отъ его людей (слугъ), и отъ намѣстниковъ пригородскихъ и отъ ихъ людей. Великій князь отвѣчалъ посадникамъ: „я васъ, свою отчину, хочу жаловать и оборонять, такъ же какъ отецъ нашъ и дѣды наши, великіе князи. А что вы мнѣ говорите о намѣстникѣ моемъ, а о своемъ князѣ Иванѣ Михайловичѣ Рѣпнѣ; то ежели на него соберется много жалобъ, я его обвиню передъ вами.“ И съ тѣмъ отпустилъ пословъ. Посланники, возвратившись во Псковъ, представили вѣчу короткій, но весьма многозначительный отчетъ о своемъ посольствѣ, состоящій въ слѣдующихъ словахъ: „князь великій

Псковскій даръ принялъ честно, а сердечныя мысли никто же вѣсть, что князь великій сдумалъ на свою отчину, и на мужей Псковичъ, и на городъ Псковъ.“ Значитъ Псковскіе послы уже изъ Московскаго пріема замѣтили, что нибудь недоброе замышляется на Псковъ, или можетъ и при Московскомъ дворѣ нашлись люди, предупредившіе Псковскихъ пословъ о замыслахъ своего государя. Но Псковское вѣче, прежде столько предусмотрительное и осторожное, теперь, какъ бы потерявши голову, вовсе не обратило вниманія на столь важное предостереженіе и продолжало ссориться съ княземъ намѣстникомъ. Князь Иванъ Михайловичъ Рѣпня, немного спустя по возвращеніи посольства во Псковъ, самъ отправился къ великому князю въ Новгородъ съ жалобою на Псковичей, что они его обезчестили. Между тѣмъ дѣти посадничьи и боярскія, въ разное время обиженныя княземъ намѣстникомъ, основываясь на донесеніи пословъ, что великій князь обвинитъ Рѣпню, какъ скоро на него соберется много жалобъ, многолюдствомъ поѣхали въ Новгородъ съ своими жалобами на князя намѣстника. Затѣмъ, Псковскіе посадники и вѣче, основываясь на томъ же донесеніи пословъ, общимъ совѣтомъ придумали новую неосторожность: стали разсылать по всѣмъ пригородамъ и волостямъ грамоты, въ которыхъ писали: „ежели который человѣкъ, какой нибуди, а жаловался на князя намѣстника, и вы бы ѣхали къ государю великому князю въ Новгородъ бить на него челомъ.“ Къ тому же посадники Леонтій и Юрій Копыло, поссорившись другъ съ другомъ, поѣхали также въ Новгородъ судиться, или тягаться предъ великимъ княземъ. Въ чемъ со-

стояла эта тяжба, мы не знаемъ; но одинъ выборъ времени для тяжбы показываетъ, что ослѣпленные Псковичи вовсе не обратили вниманія на важное предостереженіе своего посольства и нисколько не вникали въ положеніе, въ которомъ находился Псковъ. Мало этого, посадникъ Юрій прислалъ оттуда грамоту къ Псковскому вѣчу, въ которой писалъ: „ежели не поѣдутъ посадники изъ Пскова говорить противъ князя Ивана Рѣпни, то вся земля будетъ виновата.“

Страшно отозвалось это посланіе посадника во Псковѣ,—„и въ ту пору, говоритъ лѣтописецъ, „Псковичемъ сердце уныло.“ Грамота посадника явилась почти какимъ-то повелѣніемъ, котораго не смѣли ослушаться, и девять посадниковъ и купецкіе старосты всѣхъ рядовъ поѣхали въ Новгородъ; но тамъ никакой управы не даютъ пріѣхавшимъ, явно по приглашенію, не спрашиваютъ ни о чемъ и не вызываютъ къ суду. Наконецъ великій князь приказалъ объявить: „чтобы всѣ сбирались къ празднику крещенія Господня (6 Января 1510 года), и въ этотъ срокъ будетъ дана всѣмъ надлежащая управа, а до этого срока пріѣхавшимъ Псковичамъ управы нѣтъ.“ И возвратились всѣ Псковичи домой, и предъ наступленіемъ назначеннаго срока всѣ опять потянулись въ Новгородъ. На самый праздникъ крещенія Господня вышло повелѣніе отъ великаго князя, чтобы всѣ посадники, бояре и купецкіе старосты и купцы шли на водокрестіе на рѣку. Въ самый же праздникъ, когда духовенство вышло со крестами на водоосвященіе, явился на Волховъ и самъ великій князь со всѣми своими боярами; туда собрались по приказанію и всѣ Псковичи жалобные люди. Въ это вре-

мя Новгородскаго владыки не было въ городѣ и водоосвященіе совершалъ владыка Смоленскій. По совершеніи водоосвященія, всѣ пошли въ Софійскую церковь, а великій князь сказалъ своимъ боярамъ распорядитесь, какъ рѣшено въ думѣ. По этому государеву слову бояре стали говорить посадникамъ и всѣмъ Псковичамъ, пріѣхавшимъ съ жалобами, собирайтесь всѣ къ владычню двору и тамъ государь дастъ всѣмъ управу, а кто не пойдетъ, то боялся бы казни отъ великаго князя. Когда же всѣ сошлись ко владычню двору, то государевы бояре, удостовѣрившись, что всѣ жалобщики сполна на лицо, ввели Псковскихъ посадниковъ, бояръ и купцовъ въ палату, а молодшихъ людей оставили на дворѣ. И вошедши въ палату государеву, бояре сказали посадникамъ, боярамъ и купцамъ Псковскимъ, вы теперь пойманы Богомъ и великимъ княземъ Васильемъ Ивановичемъ всея-Русіи; и тутъ же въ палатѣ и засадили ихъ подъ караулъ, пока будутъ привезены ихъ жены и семейства; молодшихъ же людей, стоявшихъ на дворѣ, переписавъ, отдали на поруки Новгородцамъ по разнымъ улицамъ, съ обязанностію стеречь ихъ и кормить, пока не будетъ сказана управа. Во Псковъ печальную вѣсть о задержаніи обидныхъ людей принесъ одинъ купчина поповичъ Филиппъ, который ѣхалъ въ Новгородъ съ товаромъ, и узналъ объ этомъ несчастіи Псковичей на постоялломъ дворѣ на Веряжи; пораженный такою вѣстію, онъ бросилъ свой возъ и верхомъ на лошади поскакалъ назадъ во Псковъ, и сказалъ Псковичамъ: „князь великій посадниковъ нашихъ и бояръ и жалобныхъ людей переималъ.“

Страшная вѣсть какъ громомъ поразала несчастныхъ Псковичей: на первый разъ они рѣшительно потеряли голову, отъ слезъ и рыданій даже не могли ничего говорить. Лѣтописецъ современникъ говоритъ: „много несчастій выдержалъ Псковъ отъ Нѣмецкихъ нашествій; но такой скорби и печали, какъ нынѣ, никогда не бывало во Псковѣ.“ По обычаю составили вѣче, но вѣче было не обычное, у крикуновъ прильпнулъ языкъ; вопросъ, который нужно было рѣшить, былъ очень громаденъ,—уже болѣе двухъ сотъ лѣтъ Псковъ привыкъ видѣть въ Московскихъ князьяхъ своихъ покровителей и защитниковъ; съ Москвой войны никогда не было, а теперь вышла такая бѣда, что нужно или воевать съ Москвою, или отказаться отъ своей независимости, самимъ признать себя подданными Московскаго государя. И начали думать Псковичи на своемъ вѣчѣ: ставить ли щитъ противъ горударя и запереться въ городѣ? Но мысль о сопротивленіи не нашла поддержки; вспомнили, что Псковъ давно уже цѣлуетъ крестъ Московскимъ Государямъ и называетъ себя отчиною великихъ князей, да и какъ начать войну противъ государя, когда посадники, бояре и всѣ лучшіе люди задержаны у него. И рѣшило вѣче послать къ великому князю своего гонца Евстафія сотскаго, именемъ всего города бить челомъ со слезами отъ мала до велика: „чтобы ты, государь нашъ князь великій Василій Ивановичъ, жаловалъ свою отчину старинную; а мы сироты твои прежде сего и нынѣ не отступны были отъ тебя государя, и не противны были тебѣ государю; Богъ воленъ, да и ты съ своею отчиною и съ нами людишками своими.“ Евстафій

сотскій, ставъ передъ государемъ въ Новѣгородѣ, сказалъ всю рѣчь по наказу, и великій князь отвѣчалъ: „я пришлю во Псковъ своего посла съ наказомъ,“ и съ тѣмъ отпустилъ гонца.

Пріѣхалъ во Псковъ посолъ велико-княжескій, дьякъ Третьякъ Далматовъ; и Псковичи съ радостію приняли, надѣясь, что все пойдетъ по прежнему, что государь прислалъ своего дьяка съ пожалованіемъ и стариною. И явился дьякъ на вѣчѣ, сталъ передъ народомъ и сказалъ первую новую пошлину небывалую старину,—такой поклонъ отъ великаго князя: „ежели отчина моя посадники Псковскіе и Псковичи хотите еще въ старинѣ прожить, и вы бы двѣ воли мои изволили, чтобы у васъ вѣча не было, да и колоколъ бы вѣчевый сняли, а здѣсь быть двумъ намѣстникамъ, а по пригородамъ намѣстникамъ же быть, и вы еще въ старинѣ проживете; а только тѣхъ двухъ воль не сотворите; ино какъ государю Богъ по сердцу положитъ, а у него много силы готовой, и то кровопролитіе на тѣхъ будетъ, кто не исполнитъ воли государевой; да государь нашъ, князь великій хочетъ побывать на поклонъ ко святѣй Троицѣ во Псковъ.“ И, покончивъ рѣчь, дьякъ сѣлъ на ступени ожидать отвѣта. И Псковъ присутствовавшій на вѣчѣ, не могъ дать отвѣта, всѣ зарыдали и ударили челомъ въ землю, и сказали дьяку: „посолъ государевъ! дастъ Богъ завтра, и мы себѣ подумаемъ, да тебѣ о всемъ скажемъ.“ Что думали и какъ думали Псковичи, выпросивши сроку на отвѣтъ до утра, мы не знаемъ; только на другой день въ воскресенье съ разсвѣтомъ ударили въ вѣчевый колоколъ, собралось вѣче, пришелъ и дьякъ

всѣ священно-иноки, священники и діаконы на торгу; а самъ князь великій слѣзъ съ коня у церкви всемилостиваго Спаса и, получивъ благословеніе, пошелъ къ святѣй живоначальной Троицѣ. Въ церкви св. Троицы пѣли благодарственный молебенъ и многолѣтіе кликали государю; и владыка, благословляя его, сказалъ: „Богъ тебя государя благословляетъ, Псковъ веземши.“ Псковичи бывшіе въ церкви, слышавши то, заплакали горько и сказали: „Богъ воленъ да государь, отчина мы его были изстари отцовъ его и дѣдовъ и прадѣдовъ его.“ На четвертый день по пріѣздѣ великій князь велѣлъ посадникамъ Псковскимъ, и дѣтямъ посадничьимъ, и боярамъ, и купцамъ, и житьимъ людямъ быть у себя на дворѣ и сказалъ: „я васъ хочу жаловать своимъ жалованьемъ.“

Въ назначенный день пошли всѣ Псковичи отъ мала до велика на дворъ къ великому князю, и посадники и бояре вошли въ гридню, а иныхъ посадниковъ и бояръ и купцовъ князь Петръ Васильевичъ великій, бывшій прежде княземъ намѣстникомъ во Псковѣ, стоя на крыльцѣ перекликалъ по списку, и которые вошли въ гридню, тѣхъ всѣхъ подавали за приставы. А Псковичамъ, молодшимъ людямъ, которые на дворѣ стояли, князь Петръ сказалъ: „до васъ государю дѣла нѣтъ, а до которыхъ государю дѣло есть, и онъ тѣхъ себѣ беретъ; а васъ государь пожалуетъ своею грамотою жалованною, какъ вамъ впередъ жить.“ Тѣ же, которые были задержаны въ гридницѣ и отданы приставамъ, въ ту же ночь получили приказаніе собраться съ женами и дѣтьми и отправляться въ Москву съ своимъ имуществомъ,

какое могли взять, а все прочее оставить; и много было плача и рыданія и отъѣзжающимъ и остающимся. А равнымъ образомъ были взяты и отправлены жены и семейства тѣхъ Псковичей, которыхъ великій князь задержалъ въ Новгородѣ. Всего въ одну ночь было вывезено изъ Пскова триста богатѣйшихъ семействъ, которыя были извѣстны своимъ неспокойнымъ характеромъ, и о которыхъ великій князь легко могъ узнать отъ князей намѣстниковъ. Потомъ великій князь началъ раздавать деревни сведенныхъ Псковскихъ бояръ своимъ боярамъ; затѣмъ посадилъ во Псковѣ двухъ намѣстниковъ Григорья Өедоровича Морозова, да Ивана Андреевича Челяднина, при нихъ двухъ дьяковъ Мисюра Мунехина и Андрея Волосатаго, двѣнадцать городничихъ, двѣнадцать старостъ Московскихъ и двѣнадцать старостъ Псковскихъ; а велѣлъ имъ въ судѣ сидѣть съ намѣстниками и тіунами, правды стеречь. Устроивши совершенно новый порядокъ въ самомъ Псковѣ, великій князь, для поддержанія этого порядка, написалъ новый законъ для всей Псковской земли, и далъ его Псковичамъ подъ именемъ уставной грамоты, на основаніи бы которой творились судъ и управа по всей Псковской земли, и которая бы служила законною защитой Псковичамъ отъ притѣсненій намѣстниковъ и другихъ властей; и въ слѣдъ затѣмъ послалъ своихъ намѣстниковъ по пригородамъ и велѣлъ имъ приводить пригорожанъ къ крестному цѣлованію. Съ горькими слезами встрѣчали Псковичи всѣ сіи нововведенія; и современникъ лѣтописецъ, такъ выражается о тогдашнихъ Московскихъ порядкахъ во Псковѣ: „и у намѣстниковъ и у ихъ тіу-

новъ, и у дьяковъ великаго князя правда ихъ, крестное цѣлованіе взлетѣли на небо, и кривда въ нихъ начала ходить, и много зла было отъ нихъ, были немилостивы до Псковичей; а Псковичи бѣдные не вѣдали правды Московскія.“ Нѣтъ сомнѣнія, что много горькой правды въ приведенныхъ словахъ лѣтописца. Москвичи, посаженные великимъ княземъ для суда и управленія во Псковѣ, по всему вѣроятію не опускали случая пользоваться невѣдѣніемъ Псковичей относительно новыхъ порядковъ, вовсе не похожихъ на ихъ прежніе порядки; но нельзя отрицать и того, что для Псковичей и самая правда Московская казалась неправдою, и тѣмъ больше, что она была навязана имъ насильственно: одно уничтоженіе вольнаго вѣча было для Псковичей такимъ уже зломъ, которое способно было отравить всякое добро, шедшее отъ Москвы.

Устроивши Псковскія дѣла по своему, великій князь отправилъ Петра Яковлевича Захарьина въ Москву, поздравить ее со взятіемъ Пскова, и приказалъ прислать изъ Москвы богатыхъ людей гостей для введенія Московскихъ порядковъ въ торговлѣ и устройства таможенныхъ пошлинъ, неизвѣстныхъ еще Псковичамъ, и назначилъ новое мѣсто для торга за среднимъ городомъ, противъ Лужскихъ воротъ за рвомъ, потомъ велѣлъ поставить церковь святой Ксеніи, память которой празднуется въ тотъ день, когда пріѣхалъ великій князь во Псковъ. Проживши четыре недѣли во Псковѣ, великій князь въ четвертокъ, на третьей недѣлѣ поста, отправился въ Москву, взялъ съ собою и другой колоколъ, иногда замѣнявшій мѣсто вѣчеваго, а во Псковѣ оставилъ

1000 человѣкъ дѣтей боярскихъ своихъ, да 500 человѣкъ пищальниковъ Новгородскихъ. Отъѣздъ великаго князя въ Москву отозвался Псковичамъ новыми тягостями; по словамъ лѣтописца, намѣстники начали надъ Псковичами силу великую чинить, а приставы намѣстничьи отъ поруки стали брать по десяти рублей, и по семи, и по пяти; а кто Псковичъ укажетъ на великаго князя уставную грамоту, по скольку тамъ велѣно отъ поруки брать, и они того убьютъ. И отъ ихъ налоговъ и насильства многіе разбѣжались по чужимъ городамъ, оставивши женъ и дѣтей; а которые иноземцы жили во Псковѣ, и тѣ разошлись по своимъ землямъ. Въ началѣ Мая, по распоряженію великаго князя, пріѣхали во Псковъ гости, сведеные Москвичи изъ десяти городовъ всего триста семей, на мѣсто трехъ сотъ семей Псковскихъ, выселенныхъ въ Московскіе города; и новопріѣзжихъ стали одѣлять дворами въ середнемъ городѣ, а всѣхъ жившихъ тамъ Псковичей выпроводили изъ своихъ дворовъ въ окольный городъ, и на посадъ; а было въ середнемъ городѣ 6500 дворовъ, которые всѣ по великокняжескому распоряженію сведены были за городъ, чтобы тамъ не оставалось ни одного Псковскаго двора; точно также велѣно было очистить и Кромъ, гдѣ у Псковичей построены были клѣти для храненія общественнаго хлѣба. Такимъ образомъ всѣ главныя части города, Дѣтинецъ, Кромъ и середній городъ, были переданы Московскому гарнизону, и людямъ переселеннымъ во Псковъ изъ другихъ городовъ; Псковичи же были перемѣщены на посадъ, и въ тѣ части города, которыя находились за главными городскими стѣнами.

Все это легло тяжелымъ гнетомъ на несчастныхъ Псковичей, и ихъ лѣтописецъ говоритъ: „тогда немощно было жить во Псковѣ, и только одни Псковичи остались, которымъ дѣться было некуда, земля не разступалась, а вверхъ не взлетѣть.“ Но великій князь Василій Ивановичъ, наученный опытомъ своего родителя въ великомъ Новгородѣ, который приходилось покорять нѣсколько разъ, что стоило страшно дорого и для Москвы, и для Новгородцевъ, и хорошо зная, что Псковичи даже превзойдутъ Новгородцевъ въ любви къ свободѣ и самоуправленію, а сосѣди Литва и Нѣмцы не упустятъ случая посолить Московскому государю, призналъ за лучшее за одинъ разъ покончить съ Псковомъ и принять мѣры самыя строгія и рѣшительныя, такъ чтобы нельзя было и думать о возстаніи. И планъ государя Московскаго увѣнчался полнымъ успѣхомъ: разъ покоренный Псковъ не дѣлалъ уже возстаній противъ власти Московскаго государя, и Псковичи волей-неволей сдержали свое обѣщаніе,—прежняго крестнаго цѣлованія своего не измѣнить, на себя кровопролитія не принять, и на государя своего руки не поднять. Впрочемъ и великій князь не оставилъ покорныхъ Псковичей безъ защиты; мы не знаемъ, какую онъ имъ далъ уставную грамоту, но лѣтописецъ ни гдѣ не жалуется на эту грамоту, значитъ, она была составлена въ пользу Псковичей, ограждала ихъ интересы; жалобы раздаются только на намѣстниковъ и ихъ тіуновъ и дьяковъ присланныхъ изъ Москвы. Но намѣстникамъ, тіунамъ и дьякамъ великій князь не спускалъ: первые намѣстники и дьяки, на которыхъ особенно жалуется лѣтописецъ, были смѣнены

на другой же годъ, и изъ Москвы присланы новые намѣстники, князь Петръ Васильевичъ Великой, уже прежде бывшій княземъ намѣстникомъ еще въ вольномъ Псковѣ, хорошо знавшій Псковичей и любимый ими, и князь Семенъ Курбскій, о которыхъ самъ лѣтописецъ говоритъ: „и тѣ намѣстники добры были до Псковичей, и Псковичи, которые было разошлись по разнымъ странамъ, опять стали сходиться изъ разныхъ мѣстъ во Псковъ.“ И сдѣлался Псковъ городомъ Московскимъ, и граждане, хотя по словамъ лѣтописца, долго еще вспоминали свое былое, свою старую пошлину, тѣмъ не менѣе начали привыкать къ новымъ порядкамъ, и не столько тяготиться ими, какъ тяготились въ первый годъ покоренія.

Такъ кончилось самобытное существованіе Ольгиной родины,—древняго вольнаго города Пскова; такъ Псковъ отслужилъ свою службу въ Русской исторіи, которую она ему отмѣрила, и смиренно вошелъ въ разрядъ Московскихъ городовъ, признающихъ власть великаго князя, а потомъ царя всей Русской земли. Псковскій лѣтописецъ, самовидѣцъ паденія Пскова, горько оплакалъ послѣдніе дни самостоятельности своей родины, да съ его стороны это и не могло быть иначе, его сердце разрывалось при одномъ только спускѣ вѣчеваго колокола, у него въ глазахъ потемнѣло отъ слезъ, когда епископъ Коломенскій Вассіанъ въ Троицкомъ храмѣ поздравилъ великаго князя „*Псковъ вземши.*“ Но чрезъ три съ половиною столѣтія паденіе Пскова въ нашихъ глазахъ должно представляться нѣсколько иначе. Что Псковичи немогли продолжать своего отдѣльнаго и самостоятельнаго существованія, это не зависѣло ни отъ нихъ,

ни отъ великаго князя Московскаго,—въ этомъ выражался только непреложный законъ судебъ историческихъ, по которому городъ ли народъ ли, отслужившi свою службу, отмѣренную исторіей, долженъ сойдти со сцены историческаго міра. Но дѣло не въ томъ, чего уже миновать нельзя: всѣ люди и народы живутъ и умираютъ, но какъ кто живетъ и какъ умираетъ,—вотъ что важно для исторіи. И въ этомъ отношеніи древній свободный Псковъ представляетъ свѣтлый образъ, и такой свѣтлый, какой не многіе города представляютъ въ исторіи.

Первоначально незначительная колонія Новгородская, построенная едва ли не на спорной землѣ между Чудью и Славянами Ильменскими, Псковъ вѣрною многотрудною боевою службою Славянской или вѣрнѣе Русской цивилазиціи въ тамошнемъ краю честно достигъ сперва значенія важнаго пригорода въ Новгородской землѣ, а потомъ также честно трудомъ и потомъ сдѣлался младшимъ братомъ Новгорода великаго вполнѣ самостоятельнымъ и независимымъ. И что всего замѣчательнѣе, Псковъ прежде нежели отдѣлился отъ Новгорода, успѣлъ пріобрѣсти себѣ самостоятельность своимъ своеобразнымъ и превосходнымъ внутреннимъ устройствомъ, вышедшимъ первоначально изъ Новгородскаго общественнаго устройства, но потомъ мало-по-малу измѣненнымъ и доведеннымъ до того, что Псковичи далеко опередили Новгородцевъ въ развитіи своего общественнаго строя, и съумѣли такой ввести порядокъ въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ, что въ продолженіе пятисотълѣтняго историческаго существованія Пскова исторія не отыщетъ и пяти общественныхъ смутъ между Псковичами, тогда

какъ въ Новгородѣ почти вся общественная жизнь проходила въ смутахъ и борьбѣ партій. Враги Пскова время отъ времени смѣнялись, одни падали, а другіе усиливались, а Псковъ оставался все одинъ и тотъ же, какъ неприступная крѣпость, поочередно осаждаемая разными войсками, смѣнявшими другъ друга. И такъ продолжалось до самаго окончанія исторической службы Пскова, когда его смѣнилъ другой сильнѣйшій боецъ за русское дѣло,—властительная Москва. Свѣтелъ образъ Пскова въ продолженіе всей его исторической дѣятельности; но онъ является еще свѣтлѣе въ послѣніе годы, когда Псковъ дослуживалъ свою историческую службу, когда обыкновенно самые свѣтлые образы городовъ и народовъ темнѣютъ и тускнутъ. Псковъ сошелъ съ исторической сцены не какъ дряхлый искалеченный старецъ, а какъ бодрый еще воинъ, отслужившій свою срочную службу. Внутреннія смятенія и безпорядки, и другіе болѣзненные признаки, обыкновенно сопровождающіе паденіе государствъ, не показывались въ послѣдніе годы самостоятельной жизни Пскова. Правда, лѣтописецъ жалуется, что въ послѣдніе годы и на Псковскомъ вѣчѣ, обыкновенно тихомъ и чинномъ, появились крикуны, у которыхъ голова не знала что языкъ кричалъ. Конечно такіе крикуны были не отраднымъ явленіемъ на вѣчѣ; но, судя по ходу дѣлъ во Псковѣ за послѣдніе годы, они не могли извратить вѣчеваго порядка, укрѣпленнаго вѣками. И Псковъ, не смотря на крикуновъ, остался вѣренъ своимъ изконнымъ правиламъ, и также свѣтелъ въ послѣдніе дни, какъ и въ самое цвѣтущее время: онъ скоро съумѣлъ понять свое положеніе, и скорѣе рѣшился

честно сойдти съ историческаго поприща, чѣмъ измѣнить Русскому дѣлу, и искать помощи у Нѣмцевъ или Литвы, или очертя голову броситься въ безумную борьбу, которой конецъ напередъ уже можно было видѣть. Псковичи, вмѣсто всѣхъ подобныхъ уловокъ, такъ обыкновенныхъ въ такихъ случаяхъ, прямо и благородно отвѣчали на послѣднемъ вѣчѣ: „а нынѣ Богъ воленъ да государь въ своей отчинѣ, во градѣ Псковѣ, и въ насъ, и въ колоколѣ нашемъ; а мы прежняго цѣлованія своего не хотимъ измѣнить и на себя кровопролитіе принять.“ И съ тѣмъ вмѣстѣ мирно удалились съ историческаго поприща, не проливъ безполезно ни капли крови, и не помрачивъ своего свѣтлаго образа. Подлинно рѣдкая кончина свободнаго народа!

РАЗСКАЗЪ ДЕСЯТЫЙ.

(Онъ же пятый Новгородскій).

Промышленность въ Новгородѣ и Псковѣ.

Новгородъ и Псковъ, самая близкая родня между собою какъ по происхожденію и устройству своему, такъ и по сосѣдству поселеній, съ перваго взгляда казалось бы должны были совершенно походить другъ на друга; но мы уже видѣли что и по общественному устройству, и по характеру жителей, и по судьбѣ своей Новгородъ и Псковъ во многомъ разнились между собою; такую же разность мы необходимо найдемъ и въ способахъ жизни или промышленности

Новгородскаго и Псковскаго общества. Конечно, средства къ жизни, условливаемыя климатомъ и мѣстностію, были одни и тѣ же; но мѣра этихъ средствъ и ихъ развитіе были далеко не одинаковы у Новгородца и Псковича; а посему при видимомъ сходствѣ Новгородской и Псковской промышленности въ сущности между ними была значительная разница, имѣвшая конечно вліяніе и на самый бытъ того и другаго общества.

Начиная съ самой первой и необходимой промышленности—земледѣлія, или съ простаго сбора готовыхъ произведеній природы, Новгородъ и Псковъ уже не походили другъ на друга. У Новгородца земли и разныхъ угодій было безъ счета, бери сколько силъ хватаетъ; у Псковича, напротивъ, и земли и угодій было очень немного. Новгородскія владѣнія простирались съ запада на востокъ отъ Финскаго залива до Уральскихъ горъ и даже далѣе, а съ сѣвера на югъ въ древнее время отъ Бѣлаго моря до Оки; Псковскія же владѣнія лежали только по рѣкѣ Великой и ея притокамъ и еще около Псковскаго и частію Чудскаго озеръ и по одному берегу Наровы. Новгородцы измѣряли свои владѣнія и колоніи вдоль и поперекъ тысячами верстъ; Псковичи едва насчитывали какихъ нибудь ста три верстъ вдоль своихъ владѣній. А посему при громадности пространства въ большей части владѣній, и особенно въ колоніяхъ, Новгородскія селенія были раскиданы какъ острова въ морѣ, или какъ оазисы въ пустынѣ; Псковскія же селы представляли довольно скученную картину поселеній. Въ Новгородѣ воздѣлываніе земли было весьма незначительно, громаднѣйшія пространства

лежали невоздѣланными подъ болотами и лѣсами; даже не каждый зналъ хорошо границы своихъ владѣній или вотчинъ, особенно въ Заволочьѣ, гдѣ Новгородскіе поселенцы захватывали земли сколько хотѣли и сколько имѣли средствъ хотя какъ нибудь обработать и даже просто захватить. Новгородцы обыкновенно писали въ своихъ купчихъ: „продалъ такую-то землю по старой купчей или по старому владѣнію и съ притеребы, т. е. что успѣлъ притеребить или захватить изъ дикаго поля или лѣса къ старому владѣнью. Во Псковѣ, напротивъ, земля была большею частію обработана, и даже лѣса и болота измѣрены и размежеваны по владѣльцамъ, такъ что земли никому не принадлежащей, дикой, вовсе не было. Въ Новгородской землѣ было раздолье для звѣроловства, рыболовства, пчеловодства, солоноваренія и другихъ подобныхъ промысловъ, состоящихъ въ собираніи сырыхъ произведеній природы; такъ что сіи промыслы отстраняли на задній планъ полеводство или собственно земледѣліе. Во Псковѣ, напротивъ, кромѣ земледѣлія не было мѣста другимъ промысламъ; земля была такъ мала, что ее едва хватало на полеводство и луговодство; у Псковичей даже не было порядочныхъ озеръ и рѣкъ для рыболовства. Псковское и Чудское озера, богатыя рыбой, только однимъ берегомъ принадлежали Пскову, да и то находились въ безпрерывномъ спорѣ то съ Чудью, то съ Нѣмцами, слѣдовательно рыболовство хотя и находилось въ большомъ уваженіи у Псковичей и доставляло имъ значительныя выгоды, но симъ промысломъ постоянно могли быть заняты только немногія руки. Звѣроловство и пчеловодство также не могли занимать

2) въ случаѣ обиды дѣйствіемъ, аресту не свыше трехъ мѣсяцевъ.

Тѣмъ же взысканіямъ подвергаются виновные въ оскорбленіи должностныхъ лицъ волостнаго и сельскаго управленій, во время отправленія ими служебныхъ обязанностей, за исключеніемъ однако волостныхъ старшинъ и лицъ, занимающихъ соотвѣтственныя должности, за оскорбленіе которыхъ наказаніе опредѣляется виновнымъ общими судебными мѣстами, по уложенію о наказаніяхъ.

32. За истребленіе или порчу поставленныхъ по распоряженію правительства предостерегательныхъ и межевыхъ знаковъ, или другихъ служащихъ для означенія границъ, когда при томъ не было корыстной или иной преступной цѣли (ст. 28), виновные подвергаются:

аресту не свыше трехъ мѣсяцевъ, или денежному взысканію не свыше трехсотъ рублей.

33. За порчу или истребленіе выставленныхъ, по распоряженію законныхъ властей, гербовъ, надписей, или объявленій, а равно за искаженіе публичныхъ памятниковъ, виновные, если они не имѣли намѣренія оказать неуваженіе властямъ (ст. 28), подвергаются:

аресту не свыше одного мѣсяца, или денежному взысканію не свыше ста рублей.

34. За объявленіе чего либо во всеобщее извѣстіе, безъ подлежащаго разрѣшенія когда таковое требуется закономъ, виновные, неимѣвшіе при томъ другой противозаконной цѣли (ст. 28), подвергаются:

аресту не свыше одного мѣсяца или денежному взысканію не свыше ста рублей.

ло,—умирали люди по улицамъ и некому было погребать ихъ и ѣли ихъ собаки, какъ и всякую падаль, даже въ великій постъ люди ѣли конину.“ Кромѣ этого одного года въ лѣтописяхъ нѣтъ и помину о голодѣ во Псковѣ; и только неболѣе семи разъ упоминается о дороговизнѣ того или другаго хлѣба. Между тѣмъ какъ Новгородскія лѣтописи за тотъ же пятисотлѣтній періодъ насчитываютъ до 23 страшныхъ голодныхъ годовъ, описаніе которыхъ далеко оставляетъ за собою обращикъ представленный Псковскою лѣтописью. Такъ подъ 1128 годомъ у Новгородскаго лѣтописца сказано, „люто было: осмину ржи продавали по гривнѣ (1/5 фунта серебра), ѣли люди листъ липовый, кору березовую, а иные толкли сосновую кору съ полынью и соломой, другіе ѣли мохъ и конину; трупы умершихъ отъ голода валялись по улицамъ, торгамъ и дорогамъ; отъ смрада гніющихъ тѣлъ нельзя было выйдти изъ дому, такъ что принуждены были нанять рабочихъ, чтобы вывозить трупы изъ города. Великая туга и бѣда была на всѣхъ, отцы и матери сажали дѣтей въ лодью и отдавали гостямъ даромъ, много народу померло, а другіе разошлись по чужимъ землямъ.“ Или подъ 1215 годомъ отъ неподвоза хлѣба изъ Суздальской земли, по случаю войны съ княземъ Ярославомъ Всеволодовичемъ, лѣтописецъ говоритъ: „зло бысть вельми въ Новѣгородѣ покупали кадь ржи по 10-ти гривенъ (по два фунта серебра); люди питались сосновою корой, липовымъ листомъ и мохомъ. О горе, было тогда братья,—родители отдавали дѣтей въ рабство, поставили скудельницу и полну наклали трупами; по торгу трупы, по улицамъ трупы, по полю

трупы, собаки не успѣвали пожирать человѣческихъ труповъ; Вожане почти всѣ перемерли, а остатокъ разбѣжался.“ Или подъ 1230 годомъ хлѣбъ побило раннимъ морозомъ и стали покупать одинъ хлѣбецъ по 8 кунъ, а ржи кадь по 20 гривенъ (4 фунта серебра) и разошелся городъ нашъ и волость наша, а остальные стали помирать. И только подвозъ хлѣба Нѣмцами спасъ городъ отъ запустѣнія. Или подъ 1445 годомъ лѣтописецъ говоритъ: „была въ продолженіи десяти лѣтъ страшная дороговизна хлѣба, а иногда и купить было негдѣ, и была скорбь и печаль христіаномъ великая, только и слышны были плачи и рыданія; въ городѣ по торгу и по улицамъ падали отъ голода и умирали дѣти передъ родителями; и многіе разошлись, иные въ Литву, иные въ Латынство и Бусурманство, и даже продавались жидамъ изъ хлѣба“.

Въ Новгородѣ рѣдкая война съ Суздальскими князьями обходилась Новгороду безъ дороговизны хлѣба и даже голода; такъ что князья большею частію тѣмъ и побѣждали Новгородцевъ, что морили ихъ голодомъ, не пропуская обозы съ хлѣбомъ. Во Псковѣ, напротивъ, ни одна война не имѣла вліянія на дороговизну хлѣба; во Псковѣ всегда находились огромные запасы хлѣба, которымъ, въ случаѣ нужды, прокармливались даже сосѣдніе страны. Такъ подъ 1422 годомъ въ лѣтописи сказано: „бысть гладъ въ Новѣгородѣ и по всѣмъ ихъ волостямъ, и въ Тверской землѣ и въ Московской, и многіе умирали отъ голода. А во Псковѣ тогда были насыпаны клѣти всякимъ хлѣбомъ старыхъ лѣтъ на Крому; и пошли ко Пскову Новгородцы, Корѣла, Чудь, Вожане и Тве-

ричи и Москвичи и другіе, и набѣжало народу очень много; и начали по волостямъ и по пригородамъ скупать рожь и во Псковѣ, и возить за рубежъ; и во Псковѣ рожъ дошла до 70 ногатъ зобница, а на полтину двѣ зобницы съ половиною; и Псковичи (вѣче) заповѣдали не продавать рожь и всякій хлѣбъ за рубежъ.“ И дѣйствительно, отъ неумѣреннаго вывоза за границу и наплыва голодныхъ пришельцевъ со всѣхъ странъ цѣна на хлѣбъ страшно поднялась; ибо во Псковѣ считалось уже дорогою цѣною шесть зобницъ на полтину (какъ было въ 1407 году), дешевая цѣна ржи была по 10 денегъ зобница; а по разсчету двѣ съ половиною зобницы на полтину зобница приходится по 52 деньги. Настоящее извѣстіе показываетъ намъ, съ одной стороны, что во Псковѣ всегда имѣлось довольно хлѣбныхъ запасовъ, какъ въ общественныхъ клѣтяхъ на Крому, такъ по волостямъ и пригородамъ у частныхъ лицъ и тамошнихъ обществъ; а съ другой стороны, что правительство, вѣче, не стѣсняя свободы гражданъ, въ то же время смотрѣло, чтобы эта свобода не злоупотреблялась, такъ когда хлѣбъ отъ неумѣреннаго вывоза слишкомъ поднялся въ цѣнѣ, то вѣче немедленно запретило вывозъ. Ничего подобнаго, кажется, не было въ Новгородѣ, по крайней мѣрѣ мы не имѣемъ никакихъ извѣстій ни о запасныхъ общественныхъ магазинахъ, ни о какихъ либо распоряженіяхъ относительно хлѣбной торговли. Все это даетъ право заключать, что земледѣльческая промышленность въ Новгородѣ стояла на заднемъ планѣ и была далеко не въ цвѣтущемъ положеніи, особенно сравнительно съ Псковомъ.

Законодательство Пскова и Новгорода свидѣтельствуютъ о томъ же, стоитъ только сравнить статьи о землевладѣніи въ Псковской судной грамотѣ съ таковыми же въ Новгородской судной грамотѣ. Первая же статья о землевладѣніи по Псковской грамотѣ говоритъ о четырехъ или пятилѣтней Псковской давности на обработанную землю. Въ статьѣ сказано: „Ежели будетъ съ кѣмъ судъ о полевой землѣ или водѣ, а на той землѣ будетъ дворъ и распаханныя нивы; а держитъ и обрабатываетъ кто ту землю четыре или пять лѣтъ; и ему слаться на сосѣдей на четырехъ или на пять человѣкъ. А сосѣди скажутъ, какъ правъ передъ Богомъ, что тотъ человѣкъ, который на нихъ сослался, чистъ и обработываетъ и держитъ ту землю или воду года четыре или пять; а супротивникъ въ тѣ лѣта на немъ не искалъ и на землю или воду не наступался; и въ такомъ случаѣ земля та или вода чиста и даже не нужно крестнаго цѣлованія; а супротивникъ, въ продолженіе четырехъ или пяти лѣтъ не искавшій, теряетъ уже право на искъ. Ежели же земля будетъ не обработана, то для таковой земли давности нѣтъ, а должно искать и защищаться судомъ.“ Эта статья закона прямо и ясно говоритъ, что во Псковѣ воздѣлываніе земли такъ уважалось закономъ, а слѣдовательно и жизнію, что четырехъ или пятилѣтняя давность утверждала хотя-бы несправедливое владѣніе землею, тогда какъ на необработанную землю не полагалось никакой давности. Таковый законъ могъ явиться только въ обществѣ строго земледѣльческомъ, гдѣ обработанною землей дорожили; ничего подобнаго мы не встрѣчаемъ ни въ Новгородскихъ, ни въ дру-

гихъ русскихъ законодательныхъ памятникахъ того времени.

Во 2-хъ, по Псковской судной грамотѣ судъ по дѣламъ поземельнаго владѣнія наравнѣ съ судомъ по уголовнымъ дѣламъ принадлежалъ и князю, и посадникамъ, и сотскимъ; такъ что дѣла по поземельному владѣнію рѣшались не иначе какъ всѣми высшими представителями судебной власти во Псковѣ; слѣдовательно Псковичи дорожили поземельнымъ владѣніемъ и заботились о возможно большемъ его обезпеченіи. Въ Новгородѣ, напротивъ того, дѣла о поземельномъ владѣніи, по Новгородской судной грамотѣ, рѣшались у всякаго судьи,—и у посадника, и у тысяцкаго, и у владычня намѣстника, у ихъ тіуновъ и у иныхъ судей, даже по поземельнымъ дѣламъ не было положено и судебныхъ пошлинъ. Новгородское правительство даже не обращало надлежащаго вниманія на сіи дѣла, и, судя по дошедшимъ до насъ извѣстіямъ, дѣла сіи были крайне запутаны и тянулись по нѣскольку лѣтъ, не смотря на прямое требованіе закона, чтобы судъ по поземельнымъ дѣламъ кончать въ два мѣсяца. Кромѣ того, наѣзды и грабежи въ поземельныхъ дѣлахъ были обыкновеннымъ явленіемъ у Новгородцевъ. Вообще и по закону и въ жизни у Новгородцевъ мало обращалось вниманія на землю; земля въ Новгородскихъ владѣніяхъ какъ бы не представляла полной собственности, и по сему даже по занятіи ея и усвоеніи кѣмъ нибудь изъ Новгородцевъ, на нее продолжали еще смотрѣть почти какъ на вещь никому не принадлежащую, которую всякій можетъ захватить по своему усмотрѣнію, не спрашиваясь хозяина.

Третья статья судной Псковской грамоты говоритъ: „А кто у кого начнетъ землю отнимать выкупомъ, а старыя грамоты у того человѣка, у кого землю отнимаютъ; ино воля того человѣка, у кого старыя грамоты, хочетъ на поле лѣзетъ (на поединокъ), или своего истца къ правдѣ ведетъ (къ присягѣ) на его выкупѣ, покуду отнимаетъ.“ Здѣсь хотя не отрицается право выкупа, но тѣмъ не менѣе правильное владѣніе, утвержденное грамотами, тщательно ограждается правомъ владѣльца рѣшить дѣло поединкомъ или приведеніемъ истца къ присягѣ. Въ Новгородской судной грамотѣ нѣтъ и помину ни о правѣ выкупа, ни объ огражденіи владѣльца земли отъ предъявляющаго право на выкупъ; такъ что мы не можемъ сказать допускался ли выкупъ въ Новгородѣ, и ежели допускался, то какія имѣлъ формы.

Въ 4-хъ, судная Псковская грамота, первая изъ всѣхъ законодательныхъ Русскихъ памятниковъ, опредѣляетъ съ достаточными подробностями отношенія крестьянъ или арендаторовъ къ землевладѣльцамъ. Она во 1-хъ опредѣляетъ срокъ въ году, въ который крестьянинъ имѣетъ право оставить землю владѣльца и владѣлецъ отказать крестьянину безъ платежа убытковъ; во 2-хъ раздѣляетъ крестьянъ, живущихъ на владѣльческихъ земляхъ на три разряда,— на изорниковъ, т. е. пахарей, на огородниковъ и рыболововъ. Въ 3-хъ ограждаетъ право землевладѣльцевъ и крестьянъ; такъ ежели крестьянинъ, не перешедшій съ земли въ законный срокъ, будетъ говорить, что со стороны владѣльца не было отказа въ законное время, и онъ не зналъ, что владѣлецъ не хочетъ его держать; то ему давался съ владѣль-

цемъ судъ и по суду крестьянинъ оправдывался, когда судомъ показанія его будутъ найдены справедливыми, а владѣлецъ лишался права на тотъ доходъ съ участка земли, который ему слѣдовалъ по первоначальному условію. Ежели же крестьянинъ, пропустившій законный срокъ, удержалъ за собою землю владѣльца до весны и потомъ самовольно оставилъ ее, то въ огражденіе землевладѣльца отъ убытковъ законъ обязывалъ крестьянина заплатить владѣльцу съ оставленнаго имъ участка земли такой же доходъ, какой получится въ томъ году съ участа подобнаго оставленному. Въ 4-хъ землевладѣлецъ по закону отпуская отъ себя крестьянина, по своему ли приказу, или по желанію самого крестьянина, имѣлъ право взыскать съ него все, что давалъ ему въ пособіе хлѣба или денегъ при поселеніи, но не имѣлъ права взыскивать съ него ни торговыхъ доходовъ, ни поруки, ни ссуды, ни отданнаго на сохраненіе, ни наслѣдства безъимянно. Въ Новгородскихъ законодательныхъ памятникахъ мы не находимъ никакихъ опредѣленій отношенія крестьянъ къ землевладѣльцамъ, значитъ Новгородцы, какъ не интересовавшіеся земледѣліемъ, мало обращали вниманія и на отношенія крестьянъ къ землевладѣльцамъ, и предоставляли это свободной волѣ договаривающихся сторонъ. Новгородскій землевладѣлецъ смотрѣлъ на крестьянина, живущаго на его землѣ, не столько какъ на земледѣльца, пахаря или огородника, сколько какъ на своего добровольнаго слугу, готоваго и землю пахать, и вмѣстѣ съ хозяиномъ земли сдѣлать набѣгъ на сосѣдняго землевладѣльца и захватить у него ту или другую землицу, какъ это дѣйствитель-

но нерѣдко и случалось, особенно въ Заволочьѣ, этомъ гнѣздѣ землевладѣльческаго своеволія.

Въ 5-хъ, наконецъ судная Псковская грамота упоминаетъ о сябренномъ владѣніи землею, когда владѣютъ однимъ имѣніемъ нѣсколько участниковъ или сябровъ, каждый своею долею въ собственность по особымъ грамотамъ или купчимъ. Въ случаѣ суда по сябренному владѣнію въ судной грамотѣ сказано: „А кто съ кѣмъ разтяжется о земли или оборти, да положатъ грамоты старыя и свою купленую (купчую) грамоту; и его грамоты зайдутъ многихъ сябровъ земли и борти; и всѣ сябры должны стать на судѣ вмѣстѣ, отвѣчаючи каждый за свою землю или борть, и передъ судьями должны положить грамоты и взять межниковъ, которые отведутъ межи предъ старцами, каждый свою часть по своей купчей грамотѣ; а въ чьей доли споръ, тотъ одинъ долженъ поцѣловать крестъ на своей доли; и когда поцѣлуетъ крестъ за всѣхъ сябровъ, то за тѣмъ выдать ему судную грамоту на ту землю, на которой цѣловалъ крестъ.“ До насъ даже дошла одна правая грамота о судѣ въ сябренномъ владѣніи, изъ которой видно, что этотъ судъ производился по всѣмъ формамъ, установленнымъ судною Псковскою грамотой. Правая грамота прямо свидѣтельствуетъ, что этотъ судъ производился передъ Псковскимъ княземъ, двумя степенными посадниками и передъ сотскими, у князя на сѣняхъ и на судѣ стояли все сябры и положили предъ судьями свои грамоты, и судьи прочетши грамоты отдали ихъ одному изъ сотскихъ и послали его вмѣстѣ съ княжимъ бояриномъ досмотрѣть спорной земли на мѣстѣ, и посланные досмо-

трѣли землю и нанесли ее на чертежъ, и, отведши по чертежу межи, представили судьямъ, которые спросили тяжущихся, — признаютъ ли они чертежъ правильнымъ, или снимаютъ съ межниковъ межничество; и когда тяжущіеся отвѣчали — снимаемъ, то спросили у истцовъ, кто у нихъ старики, которымъ бы вѣдомо было, что спорная земля принадлежитъ истцамъ. И когда одинъ таковый старикъ былъ указанъ, то судьи спросили противную сторону, шлются ли они на указаннаго старика и, получивъ утвердительный отвѣтъ отъ всѣхъ сябровъ противной стороны, утвердили спорную землю за тою стороной, на которую указалъ старикъ, и отправили на мѣсто какъ самаго старика, такъ и княжескаго боярина съ сотскимъ, чтобы выдѣлить утвержденную судомъ землю оправданной сторонѣ. Сябренное владѣніе землею было въ обычаѣ и у Новгородцевъ, особенно въ Заволочьѣ; но по Новгородскимъ законамъ оно ничѣмъ не отличалось отъ обыкновеннаго единичнаго владѣнія землею; и въ случаѣ тяжбы судъ по сябренному владѣнію производился такъ же какъ и по простому, и всѣ сябры не вызывались на судъ, а только тотъ сябръ, у котораго была какая либо крѣпость или управа объясняющая дѣло. Вообще Новгородскій законъ смотрѣлъ на сябра не какъ на участника въ дѣлѣ, а какъ на свидѣтеля, и сябра по Новгородскому закону можно было вызвать къ суду только тогда, когда на это соглашалась противная сторона, въ противномъ случаѣ судья рѣшалъ дѣло не дожидаясь сябра.

Такимъ образомъ и по лѣтописнымъ извѣстіямъ и по законодательнымъ памятникамъ и землевладѣніе и

земледѣліе въ Новгородѣ и Псковѣ были далеко не одинаковы. Новгородъ отличался громадностію частныхъ поземельныхъ владѣній, заключавшихъ въ себѣ иногда чуть не цѣлые уѣзды съ городами, особенно въ Заволочьѣ. Псковскіе владѣльцы поземельной собственности, напротивъ, не могли похвалиться обширностію своихъ владѣній; но за то Псковскія поземельныя имущества отличались тщательною обработкой, и частныя лица и общество и самъ законъ во Псковѣ строго смотрѣли за тѣмъ, чтобы земля не оставалась впустѣ, необработанною. А по сему Псковское земледѣліе далеко оставляло за собою Новгородское земледѣліе, и Псковскія земли при значительно меньшемъ пространствѣ приносили болѣе дохода чѣмъ Новгородскія земли; даже самыя произведенія земледѣлія во Псковѣ пользовались большею извѣстностію чѣмъ Новгородскія произведенія; таковы напримѣръ ленъ, хмѣль, солодъ, составлявшіе даже значительную отпускную статью въ торговлѣ.

Но ежели Псковъ и Новгородъ значительно разнились между собою относительно земледѣлія, и Новгородъ стоялъ въ этомъ отношеніи позади Пскова; то въ отношеніи къ промышленности обработывающей, т. е. къ ремесламъ и мастерствамъ, и Новгородъ и Псковъ были равны между собою, или даже можетъ быть Новгородъ стоялъ нѣсколько выше Пскова. Ибо ежели съ одной стороны во Псковскомъ законодательствѣ довольно опредѣлены отношенія учениковъ и мастеровъ, и слѣдовательно тѣ ремесла или мастерства, которыя были знакомы Псковичамъ, находились въ благоустроенномъ положеніи и были не случайными, а напротивъ пользовались опредѣ-

ленными правами гражданства; то съ другой стороны въ Новгородѣ, ежели мы и не можемъ указать, какъ были устроены ремесла и какъ смотрѣлъ на нихъ Новгородскій законъ, за то Новгородскія лѣтописи представляютъ намъ несравненно болѣе извѣстій о разныхъ мастерствахъ въ Новгородѣ, чѣмъ Псковскія лѣтописи о Псковскихъ ремеслахъ. А посему съ большимъ вѣроятіемъ можно допустить, что Новгородъ въ отношеніи къ ремесламъ стоялъ выше Пскова, какъ городъ болѣе богатый и сильный, и что по крайней мѣрѣ Новгородскія ремесла были разнообразнѣе чѣмъ Псковскія.

Первымъ и старѣйшимъ мастерствомъ въ Новгородѣ и Псковѣ было мастерство строительное. Новгородцевъ еще при Ярославѣ Великомъ называли плотниками, и во Псковѣ также прежде всѣхъ мастеровъ упоминаются строители, плотники и каменщики и вмѣстѣ съ ними гончары, или мастера приготовлять, обжигать плиту и кирпичъ; въ Новгородѣ мы находимъ два конца, или двѣ пятыхъ части самаго города, носившіе названіе одинъ плотницкаго, а другой гончарнаго. Первая каменная церковь въ Новгородѣ была построена епископомъ Іоакимомъ въ 989 году, во имя Богоотецъ Іоакима и Анны, и въ томъ же году выстроена церковь св. Софіи, дубовая о 13 верхахъ; кто были строители сихъ древнѣйшихъ церквей лѣтописецъ не упоминаетъ. Въ 1045 году была заложена повелѣніемъ князя Владиміра Ярославича церковь св. Софіи каменная: „а дѣлали ее семь лѣтъ, и устроили вельми прекрасну и превелику; и, устроивъ церковь, привели иконныхъ писцевъ изъ Царяграда, и начаша подписывати во главѣ.“ Зна-

чить изъ Царьграда были приглашены только иконописцы, строители же церкви были свои Новгородцы. Первымъ строителемъ въ Новгородѣ, котораго имя сохранилось въ лѣтописи, былъ мастеръ Петръ, который, по повелѣнію Новгородскаго князя Мстислава великаго, въ 1119 году, заложилъ церковь св. Георгія въ Юрьевѣ монастырѣ, и строилъ ее болѣе 15 лѣтъ. Этотъ мастеръ Петръ былъ очевидно изъ Новгородцевъ; ибо ежели бы онъ былъ иноземецъ, то лѣтопись не преминула бы сказать изъ какой онъ земли, Нѣмецъ или Гречинъ и подобн. Во Псковѣ о замѣчательныхъ строеніяхъ упоминается въ первый разъ въ XII столѣтіи, когда говорится, что епископъ Нифонтъ построилъ во Псковѣ каменную церковь Спасителя; потомъ съ XIV столѣтія постоянно слѣдуютъ упоминанія о постройкѣ каменныхъ и плитяныхъ городскихъ стѣнъ и церквей. Такъ подъ 1309 годомъ читаемъ: „Борисъ посадникъ съ Псковичи заложили стѣну плитяну отъ св. Петра и Павла къ Великой рѣкѣ; подъ 1310 годомъ заложена церковь пресв. Богородицы каменная на горѣ и совершена въ слѣдующемъ 1311 году. Или подъ 1330 годомъ Селога посадникъ съ Псковичи (т. е. по опредѣленію вѣча) и съ Изборяны поставилъ городъ Изборскъ на Жеравей горѣ, того же лѣта, и стѣну каменную съ плитою учинили, и рвы копали подъ городомъ. Въ 1362 году палъ верхъ церкви св. Троицы; и Псковичи наняли рабочихъ разобрать стѣны сей церкви, и разчистить мѣсто, и заплатили 200 рублей. А при построеніи новой церкви св. Троицы дали мастерамъ за работу 400 рублей, и кромѣ того подчивали ихъ добрѣ, а строили ту церковь три года.

Подъ 1373 годомъ есть извѣстіе, что въ этомъ году была построена мастеромъ Кирилломъ каменная церковь св. Власія, а на другой годъ тотъ же мастеръ Кириллъ на свой счетъ и въ свое имя построилъ другую каменную церковь св. Кирилла у Смердья моста надъ греблею. Это извѣстіе свидѣтельствуетъ, что строительные мастера во Псковѣ были люди богатые, когда мастеръ Кириллъ построилъ каменную церковь на свой счетъ и въ свое имя. Подъ 1420 годомъ лѣтопись, упоминая о построеніи городскихъ стѣнъ, говоритъ: а дѣлали 300 мужей три года съ половиною, а взяли у Пскова за дѣло свое 1,000 рублей, а плиту которые жгли, тѣмъ дали 300 рублей. Подъ 1415 годомъ въ лѣтописи написано: „того же лѣта Псковичи купцы розбили старую церковь св. Софіи, и начали строить новую, а строилъ мастеръ Еремѣй, и въ томъ же году покончилъ строеніемъ, и церковь освящена. Но кажется ни въ Новгородѣ ни во Псковѣ строительные мастера не отличались знаніемъ своего дѣла, или по крайней мѣрѣ наниматели мастеровъ не всегда обращались къ искуснѣйшимъ. Такъ по свидѣтельству лѣтописи городскія стѣны во Псковѣ, построенныя въ 1420 году, распались въ 1424 году. Или въ Новгородѣ въ 1345 году только-что мастера успѣли сойдти съ оконченной ими церкви Іоанна Златоуста, какъ церковь сія распалась. А посему Новгородцы за строительными мастерами иногда обращались къ Нѣмцамъ, особенно когда задумывали какое-либо строеніе похитрѣе, и при томъ не церковь; такъ знаменитую каменную палату о тридцати дверяхъ, на дворѣ владыки Евфимія, въ 1433

году строили мастера Нѣмецкіе изъ-за моря вмѣстѣ съ Новгородскими мастерами. Впрочемъ судя по множеству церквей и другихъ зданій въ Новгородѣ и Псковѣ, иностранцы, какъ строители, приглашались очень рѣдко; такъ что приглашеніе Нѣмецкихъ мастеровъ изъ-за моря, для построенія палаты на дворѣ владыки Евфимія, составляетъ едвали не единственный примѣръ, по крайнѣй мѣрѣ единственный по указанію лѣтописей. А между тѣмъ нельзя не замѣтить, что лѣтописцы не опускали случая упомянуть, ежели для какого дѣла были приглашены иноземные мастера, и даже какъ бы хвалились тѣмъ, что такое-то дѣло иностранныхъ мастеровъ.

Вмѣстѣ съ мастерами строителями упоминаются мастера иконописцы, или росписчики церквей и палатъ, которые были частію свои, Новгородцы и Псковичи, частію иноземцы пришельцы, преимущественно Греки. Такъ о Греческихъ мастерахъ, расписывавшихъ церкви въ Новгородѣ, лѣтопись упоминаетъ подъ 1045 годомъ, говоря о построеніи церкви св. Софіи при князѣ Владимірѣ Ярославичѣ: и привели иконописцевъ изъ Царя-града, и начали подписывать верхъ. Или подъ 1196 годомъ: „владыка Мартирій, исписа церковь на воротѣхъ, а писецъ былъ Гречинъ Петровичъ; или въ 1378 году Ѳеофанъ Гречинъ расписывалъ церковь на Ильинской улицѣ; въ 1338 году Исай Гречинъ росписывалъ церковь входа въ Іерусалимъ. О Русскихъ, или Новгородскихъ и Псковскихъ иконописцахъ и росписчикахъ лѣтописи упоминаютъ не поименовывая самихъ мастеровъ; такъ подъ 1340 годомъ, церковь 40 мучениковъ украшена иконами и письменемъ, т. е. расписана; или подъ 1434 го-

домъ подписали палату владычно; или подъ 1441 годомъ подписана владычная палата большая; или подъ 1450 годомъ владыка повелѣлъ подписать притворъ св. Софіи у Корсунскихъ вратъ; или подъ 1385 годомъ, при описаніи пожара въ Новгородѣ, сказано: „Иванъ церковный роспищикъ сгорѣлъ.“ Новгородскіе иконописцы и росписчики пользовались извѣстностію въ Русской землѣ, ихъ иногда приглашали въ Москву и другіе города; даже Нѣмцы нанимали ихъ для написанія иконъ и расписанія стѣнъ въ своихъ церквахъ въ Новгородѣ; они расписывали не только церкви, но и палаты владыкъ и богатыхъ людей въ Новгородѣ и Псковѣ.

Рядомъ съ строителями и иконописцами были мастера лить колокола, обивать свинцомъ верхи церквей, золотить кресты и главы, а также дѣлать серебряныя и золотыя ризы на иконы, церковные сосуды, паникадилы, лампады, подсвѣшники и другія церковныя принадлежности, и всѣ таковые мастера были и въ Новгородѣ и Псковѣ, какъ это можно видѣть изъ лѣтописныхъ извѣстій. Такъ напримѣръ подъ 1420 годомъ Псковская лѣтопись говоритъ: „Псковичи наняли мастеровъ Ѳедора и дружину его обить церковь св. Троицы свинцомъ новыми досками, и не нашлось таковаго мастера во Псковѣ, ни въ Новгородѣ, который бы умѣлъ лить свинчатыя доски, посылали къ Нѣмцамъ въ Юрьевъ (Дерптъ), и тѣ не прислали. И пріѣхалъ мастеръ изъ Москвы отъ митрополита Фотія, и научилъ Ѳедора мастера св. Троицы, а самъ отъѣхалъ въ Москву, и такимъ образомъ до году была обита церковь св. Троицы, а дали мастерамъ сорокъ четыре рубли.“ Это извѣ-

стіе свидѣтельствуетъ, что хотя въ Новгородѣ и Псковѣ были свои мастера обивать верхи церквей свинцомъ; но сіи домашніе мастера не знали какъ лить свинчатыя доски. Или подъ 1426 годомъ въ лѣтописи сказано: „Псковичи построили новую колокольню у св. Троицы и колокола повѣсили. Или въ Новгородской лѣтописи подъ 1261 годомъ; „поби владыка верхъ св. Софіи свинцомъ.“ Или подъ 1336 годомъ: „владыка Василій святую Софію тыномъ новымъ отынилъ, и у св. Софіи двери мѣдяны золоченыя устроилъ въ притворѣ.“ Конечно Новгородскими мастерами, въ противномъ случаѣ лѣтописецъ не преминулъ бы сказать, — изъ какой земли приходили мастера. Или подъ 1342 годомъ: „владыка Василій повелѣлъ колоколъ сліяти великъ къ св. Софіи, и привезе мастера изъ Москвы, человѣка добраго именемъ Бориса.“ Но конечно приглашеніе колокольнаго мастера изъ Москвы не значило, чтобы въ Новгородѣ и Псковѣ не было своихъ колокольныхъ мастеровъ, ибо въ лѣтописяхъ упоминается же о литіи колоколовъ и въ Новгородѣ и въ Псковѣ безъ приглашенія мастеровъ со стороны. Настоящее же извѣстіе показываетъ, что въ данное время особенно славился Московскій колокольный мастеръ Борисъ, по Московскимъ лѣтописямъ называемый Римляниномъ, и можетъ быть дѣйствительно пришедшій въ Москву изъ Рима; и владыка Новгородскій, желая слить колоколъ на славу великій, пригласилъ знаменитаго Московскаго мастера. Или подъ 1340 годомъ лѣтопись, упоминая о церкви сорока мучениковъ, говоритъ: „была же та церковь устроена и украшена и письменемъ, и кованіемъ, и крутою,“ т. е.

церковь та была и расписана, и многія иконы окованы ризами золотыми и серебряными, и много тамъ было другихъ украшеній, паникадилъ, подсвѣчниковъ, книгъ въ дорогихъ окладахъ и подоб. Или подъ 1439 годомъ въ той же лѣтописи сказано: „владыка Евфимій позлати гробъ князя Владиміра, также и матери его гробъ подписалъ и покровъ положилъ.“ Или въ Псковской лѣтописи подъ 1433 годомъ упоминается объ иконахъ позлащенныхъ въ церкви св. Іоанна въ монастырѣ. И въ той же лѣтописи подъ 1402 годомъ сказано: „Романъ посадникъ староста св. Троицы, и другой староста Аристъ Павловичъ поставили новый крестъ на свят. Троицѣ, въ самый Троицынъ день передъ обѣднею.“ А Новгородская лѣтопись подъ 1408 годомъ говоритъ: „владыка Иванъ позолотилъ главу у св. Софіи и покрылъ свинцомъ. Или въ Псковской лѣтописи подъ 1465 годомъ сказано: „покрыша церковь св. Софіи желѣзомъ. Того же лѣта перси совершиша у Крому, а дѣлали 80 человѣкъ наймитовъ три лѣта, а взяли за дѣло 175 рублей, того же лѣта начали крыть храмъ св. Троицы досками, и покрыли церковь Воскресенія въ Домантовѣ стѣнѣ желѣзомъ.“ Всѣ сіи извѣстія лѣтописей объ устройствѣ и украшеніи церквей, безъ приглашенія иноземныхъ мастеровъ, свидѣтельствуютъ, что Новгородъ и Псковъ, для таковыхъ дѣлъ имѣли своихъ домашнихъ мастеровъ; и только въ немногихъ случаяхъ обращались къ иноземцамъ, о чемъ всегда заявляютъ лѣтописцы. Есть даже извѣстіе, что въ Новгородѣ были уже свои мастера для устройства самозвонныхъ часовъ; такъ подъ 1436 годомъ лѣтопись говоритъ: „владыка Евфимій устроилъ у себя

надъ полатою часы звонящіе.“ А какъ лѣтопись не упоминаетъ о приглашеніи часовыхъ мастеровъ изъ иныхъ земель, то значитъ, что въ Новгородѣ уже были свои часовые мастера. И даже Новгородцы таковыми мастерами могли снабжать другіе города; такъ подъ 1473 годомъ читаемъ въ Псковской лѣтописи: „пріѣхалъ владыка Ѳеофилъ въ домъ св. Троицы, и своимъ мастерамъ велѣлъ поставить самозвонные часы на Снѣтогорскомъ дворѣ; а тѣ часы самъ же владыка прислалъ съ своимъ бояриномъ въ домъ живоначальныя Троицы, и они такъ и стояли просто до него.“ Слѣдовательно во Псковѣ въ то время не было мастеровъ, которые могли бы уставить часы присланные изъ Новгорода.

Кромѣ мастеровъ для построенія и украшенія церквей и разныхъ зданій въ Новгородѣ и Псковѣ упоминаются мастера и другихъ ремеслъ. Такъ въ Новгородской лѣтописи подъ 1216 годомъ имѣемъ извѣстіе о котельномъ мастерѣ Антонѣ котельникѣ, который палъ въ Липецкомъ бою вмѣстѣ съ другими знатными Новгородцами и Псковичами; подъ 1234 годомъ упоминается о Гаврилѣ щитникѣ и Нежилѣ серебряникѣ, которые вмѣстѣ съ другими воинами пали въ битвѣ съ Литвою на Дубровнѣ; подъ 1240 годомъ, при описаніи Невской битвы со Шведами, между знаменитыми Новгородцами, павшими на бою, упоминается Дрочило Нездыловъ, сынъ кожевника; а въ Псковской лѣтописи подъ 1450 годомъ встрѣчается Хитрей кожевникъ, который имѣлъ свой дворъ у Бурковой лавицы; подъ 1463 годомъ упоминается Іуда суконникъ, который былъ посланникомъ отъ Псковскаго вѣча къ Дерптскому епископу; а подъ

1466 годомъ упоминается о Кузнецкой улицѣ во Псковѣ. Но, безъ сомнѣнія, лѣтописными свидѣтельствами далеко не изчерпываются извѣстія о ремеслахъ въ Новгородѣ и Псковѣ. Лѣтописцы нигдѣ не исчисляютъ мастеровъ разныхъ ремеслъ, а упоминаютъ о томъ или другомъ мастерствѣ, или мастерѣ случайно, и не упоминаютъ о самыхъ необходимыхъ мастерствахъ, напримѣръ о портняжномъ, сапожномъ, башмашномъ, шапошномъ, шерстобитномъ, стригольномъ, войлочномъ, коробейномъ, горшечномъ и многихъ другихъ; тогда какъ на дѣлѣ всѣ сіи мастерства были извѣстны въ Новгородѣ и Псковѣ, и нѣкоторыя находились въ цвѣтущемъ состояніи. Кромѣ того въ лѣтописяхъ мы не встрѣчаемъ ни одного извѣстія о мастерствахъ женскихъ,—о тканьѣ, шитье золотомъ, серебромъ и разноцвѣтными шелками и нитями, о крашеніи разныхъ тканей, о вязаньи, о низаньи въ узоръ жемчугомъ и бисеромъ, о плетеньи кружевъ, и многихъ другихъ; тогда какъ женскія одѣянія и особенно головные уборы отличались богатствомъ, красотою и своеобразнымъ вкусомъ, и по своей своеобразности непремѣнно должны были вырабатываться на мѣстѣ и не могли быть привозимы со стороны. Конечно камки, парчи, бархаты и другія шелковыя и златотканныя ткани первоначально были привозимы изъ Греціи или изъ Азіи, сукна же полотна, а въ послѣдствіи и шелковыя ткани доставлялись западною Европой; но въ то же время ткались и свои сукна, ткани изъ льна, и нитяныя ткани, разумѣется лучшія, тониной и чистотой отдѣлки, а разноцвѣтныя ткани отличались яркостію цвѣтовъ, любимѣйшими цвѣтами у

Псковичей и Новгородцевъ были синій, густо-розовый, черный и бѣлый. Въ нѣкоторыхъ древнихъ церковныхъ одеждахъ сохранились нитяныя ткани съ набивными узорами чисто мѣстнаго происхожденія; слѣдовательно и набивка тканей была уже извѣстна Новгородцамъ и Псковичамъ, и имѣла своихъ мастеровъ, хотя судя по дошедшимъ образцамъ, далеко не искусныхъ.

Такимъ образомъ, судя по дошедшимъ до насъ разнымъ извѣстіямъ разныя мастерства и рукодѣлья въ Новгородѣ и Псковѣ были довольно разнообразны, и довольно распространены, и нѣкоторыя мастерства, напримѣръ кожевенное и скорняжное были въ цвѣтущемъ состояніи и своими издѣліями участвовали даже въ отпускной торговлѣ. Но очевидно ни въ Новгородѣ, ни въ Псковѣ ремесла не составляли главной цѣли общества, и находились на заднемъ планѣ только для домашняго обихода, капиталы и трудъ употреблялись на другія занятія болѣе любимыя и считавшіяся полезнѣе или выгоднѣе ремеслъ. Что ремесла въ Новгородѣ и Псковѣ были не въ цвѣтущемъ состояніи, этому лучшимъ свидѣтельствомъ служатъ извѣстія о торговлѣ Новгорода и Пскова съ Ганзейскими и другими Нѣмецкими городами. Изъ извѣстій о торговлѣ Новгорода съ Нѣмецкими городами видно, что изъ промышленныхъ городовъ западной Европы Нѣмецкими купцами привозились въ Новгородъ и Псковъ разнообразнѣйшія издѣлія ремесленной и фабричной промышленности, начиная съ дорогихъ тканей, даже до дерюги. Слѣдовательно произведенія домашней промышленности далеко не удовлетворяли нуждамъ потребителей; и

Новгородцы и Псковичи постоянно нуждались въ привозѣ иностранныхъ промышленныхъ издѣлій. Даже лучшее оружіе и доспѣхи постоянно привозились сперва изъ промышленной Азіи чрезъ Болгарію и потомъ изъ западной Европы; а церковныя драгоцѣнныя украшенія преимущественно доставлялись изъ Греціи и обыковенно слыли подъ именемъ Корсунскихъ.

Но ежели ремесла и вообще обрабатывающая промышленность въ Новгородѣ и Псковѣ находилась не въ цвѣтущемъ состояніи; за то торговая дѣятельность Новгородцевъ и Псковичей производилась въ огромныхъ размѣрахъ и составляла прямой жизненный интересъ Новгорода и Пскова. Новгородъ съ старѣйшими своими пригородами, еще въ глубокой древности, какъ только запомнитъ исторія, былъ сѣвернымъ центромъ торговли Азіи съ Европою, прилегающею къ Балтійскому и Нѣмецкому морямъ. Новгородскую торговлю можно раздѣлить на восточную съ Азіею и юговосточную съ Греціею и землями прилегающими къ Черному морю, на Западную или Варяжскую и Нѣмецкую съ Западною Европой, и Русскую съ разными Русскими княжествами.

О восточной торговлѣ Новгорода и Юго-восточной мы имѣемъ хотя не многія, но преемственныя указанія въ продолженіе почти всей Новгородской исторіи. Древнія Скандинавскія саги свидѣтельствуютъ, что драгоцѣннѣйшіе греческіе товары, златошвейныя ткани, столовое серебро и проч., получались Скандинавами чрезъ Новгородъ или по Скандинавски Голмгардъ. Константинъ Порфирородный, Византійскій императоръ, писатель X столѣтія, прямо говоритъ:

суда Руссовъ, каждогодно приходившія въ Константинополь, были изъ Новгорода, столицы Ильменскихъ Славянъ. Нашъ древнѣйшій лѣтописецъ Несторъ также прямо свидѣтельствуетъ о дѣятельной торговлѣ Новгорода съ Греками, — онъ во первыхъ подробно описываетъ торговый путь изъ Новгорода въ Царьградъ, во вторыхъ разсказываетъ, что когда Олегъ, утвердившись въ Кіевѣ, могъ отнять у Новгородцевъ путь по Днѣпру, то они поспѣшили заключить съ Олегомъ договоръ, и обязались ежегодно платить ему по 300 гривенъ мира дѣля, т. е. чтобы онъ пропускалъ ихъ лодьи въ Черное море и въ Грецію.

О торговлѣ Новгорода съ Мусульманскою Азіей есть указанія у древнихъ Арабскихъ писателей, которые упоминаютъ о торговлѣ Русскихъ и даже прямо Ильменскихъ Славянъ въ Камской Болгаріи и Хазаріи, куда Арабы привозили Азіатскіе товары для промѣна на драгоцѣнные пушные товары глубокаго Сѣвера, которые привозились туда Новгородцами, бывшими въ торговыхъ сношеніяхъ съ полудикими жителями береговъ Сѣверной Двины, Ваги, Печеры, Камы даже до Уральскихъ горъ и за Уральскія горы до Оби въ Сибири. Эта же торговля Новгорода и Пскова съ Мусульманскою Азіей подтверждается находками значительныхъ кладовъ съ Куфическими или Арабскими монетами VIII, IX и X столѣтій, встрѣчающимися по пространству Новгородской и Псковской земли. На слѣды же этой древней торговли указываетъ и нашъ старѣйшій лѣтописецъ Несторъ, онъ, описывая теченіе рѣки Волги, говоритъ: „изъ того же Оковскаго лѣса потекла Волга на востокъ и впала семидесятью устьями въ море

Хвалынское (Каспійское); и симъ путемъ можно идти изъ Руси въ Болгары (въ Камскую Болгарію) и въ Хвалисы (въ Прикаспійскія владѣнія Персіи) и такъ идя на востокъ вступить въ предѣлъ Симовъ, т. е. во владѣнія Семитовъ Арабовъ. Подробное описаніе устьевъ Волги и указаніе, и что Волгою можно придти въ Камскую Булгарію и въ Хвалисы, ясно свидѣтельствуютъ, что эта торговая дорога въ Азію уже хорошо была знакома Русскимъ въ Несторово время и раньше. А въ древнѣйшія времена по этой дорогѣ никто другой изъ Русскихъ конечно не ходилъ кромѣ Новгородцевъ, у которыхъ по этому пути были разсыпаны колоніи отъ верховьевъ Волги и ея верхнихъ притоковъ до Мурома, и до границъ Мордовскаго племени. Да и древнѣйшія Новгородскія преданія, сохранившіяся въ народныхъ былинахъ, постоянно выставляютъ Волгу отъ верховьевъ до устья, какъ главный путь самой прибыльной и богатой торговли Новгородскихъ купцовъ.

Относительно торговли Новгорода съ племенами глубокаго сѣверовостока передъ Уральскими горами и за Уральскими горами даже въ Сибири, у Нестора есть два свидѣтельства. Первое тамъ, гдѣ онъ, исчисляя не Славянскія племена платящія дань Руси, между прочими упоминаетъ о племенахъ Печеры и Перми, которыя вмѣстѣ съ Югрою и по оффиціальнымъ Новгородскимъ памятникамъ составляли особый отдѣлъ Новгородскихъ волостей. Другое свидѣтельство о той же торговлѣ находится у Нестора въ описаніи одного разсказа Новгородца Гюряты Роговича, который разсказывалъ Нестору слѣдующее: „послалъ я своего отрока (прикащика) въ Печору, которые

даютъ дань Новгороду; и отрокъ мой, пришедши къ нимъ (къ Печорѣ), пошелъ отъ нихъ въ Югру. Югра же народъ, языкъ котораго мы плохо понимаемъ, живутъ же они въ сосѣдствѣ съ Самоѣдами на полунощныхъ странахъ. И сказала Югра моему отроку: дивное мы нашли чудо, о которомъ не слыхали до сего времени, а вотъ уже третіе лѣто какъ стали знать. Перешедши луку (заливъ) моря есть горы, которыхъ высота достигаетъ до небесъ, и въ горахъ тѣхъ кличь всякій и говоръ, сѣкутъ гору и хотятъ ее просѣчь, и уже просѣчено въ горѣ малое оконце; и оттуда говорятъ, а языка ихъ не поймешь, но кажутъ на желѣзо и помаваютъ рукою, прося желѣза; и ежели кто дастъ имъ сѣкиру или ножь, и даютъ противъ того шкуру (мѣхъ звѣря). Дорога же до горъ непроходима пропастьми, снѣгомъ и лѣсомъ, и потому не всегда доходимъ до нихъ; а есть жители и дальше на полунощіи.“ Этотъ простой и наивный разсказъ служитъ лучшимъ и прямымъ свидѣтельствомъ о постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ Новгородцевъ съ глубокимъ и дикимъ Сѣверо-востокомъ Европы и Азіи, откуда они вывозили драгоцѣннѣйшіе мѣха бобровъ, соболей, куницъ, песцовъ, черныхъ и чернобурыхъ лисицъ, а также мамонтовую кость и клыки моржей, извѣстные въ древней Новгородской торговлѣ подъ именемъ рыбьяго зуба, и цѣнившіеся высоко и въ Европѣ и въ Азіи. Съ сими товарами глубокаго сѣвера Новгородцы отправлялись частію въ Камскую Болгарію и Хазарію и мѣняли ихъ тамъ на жемчугъ, бисеръ, серебрянныя Арабскія монеты, разныя металлическія издѣлія и шелковыя ткани промышленной Азіи; а частію продавали въ самомъ Новго-

родѣ пріѣзжавшимъ туда западнымъ Европейцамъ, или сами отвозили ихъ въ Европу. Эта торговля и постоянныя сношенія съ глубокимъ Сѣверо-востокомъ Европы и Азіи не прекращались во все время самостоятельности Новгорода, до самаго его паденія. Новгородцы здѣсь торговали безъ соперниковъ и были полными хозяевами этой торговли, и конечно получали отъ ней громадныя выгоды, отсюда даже шло въ Новгородъ серебро, извѣстное подъ именемъ Закаянскаго.

Торговля Новгородцевъ съ Греціею, или Византійскою имперіей, и съ Мусульманскою Азіей значительно измѣнилась съ тѣхъ поръ, какъ Монголы подчинили своему игу Русскую землю вплоть до Чернаго моря, и большую часть Азіи; но въ сущности эта торговля съ владычествомъ Монголовъ только измѣнилась, а не прекратилась и даже не сократилась, а напротивъ значительно развилась. Новгородцы съумѣли до нѣкоторой степени поладить и съ Монгольскими или Татарскими ханами и стали отъ нихъ получать грамоты или ярлыки, дозволявшіе имъ свободную торговлю не только по всей Русской землѣ, но и по всѣмъ Татарскимъ кочевьямъ, какъ на востокѣ, такъ и въ южныхъ степяхъ. Казань, Сарай, Астрахань, Крымъ и другіе города и стоянки разныхъ Татарскихъ хановъ сдѣлались для Новгородцевъ такими же торговыми рынками, какъ и прежнія Болгарія и Казарія. Мало этого при помощи и покровительствѣ Татарскихъ хановъ Новгородцы глубже прежняго познакомились съ Азіей, проникли въ Монгольскія степи, въ Бухару, Хиву и Самаркандъ. Никогда незавоеванные Татарами, но изъ видовъ торговли

щедро платившіе Татарскимъ ханамъ, Новгородцы во всѣхъ Татарскихъ владѣніяхъ пользовались свободой торговли и даже иногда отправляли вмѣстѣ съ Русскими князьями посольства отъ Новгородскаго вѣча къ Татарскимъ ханамъ. Такъ въ 1328 году вмѣстѣ съ Московскимъ и Тверскими князьями Новгородцы отправили къ хану своего посла Ѳеодора Колесницу; а въ 1353 году, по смерти великаго князя Семена Ивановича, Новгородскій посолъ Семенъ Судаковъ отъ имени вѣча ходатайствовалъ у хана за князя Суздальскаго Константина. О торговлѣ Новгородцевъ по Каспійскому морю въ XIV столѣтіи есть свидѣтельство въ посланіи Новгородскаго владыки Василія, который говоритъ: „много дѣтей моихъ Новгородцевъ видоки тому, мѣсто св. рая находилъ Моиславъ Новгородцевъ и сынъ его Яковъ, а всѣхъ было ихъ три юмы, и одна изъ нихъ погибла, а двѣ ихъ потомъ море долго носило вѣтромъ."

Татарское владычество не уничтожило и торговли Новгорода съ Константинополемъ, только развѣ измѣнило путь къ Черному морю; т. е. вмѣсто Днѣпра Новгородскіе купцы стали ходить Волгою, Татарскими кочевьями и потомъ Дономъ въ Азовское море и далѣе въ Черное море и наконецъ въ Константинополь. Новгородецъ Стефанъ, около 1350 года путешествовавшій ко святымъ мѣстамъ, въ дошедшихъ до насъ его запискахъ, разказывая о пребываніи своемъ въ Константинополѣ, говоритъ, что онъ видѣлся тамъ съ своими земляками, пріѣзжавшими туда по своимъ дѣламъ. На непрерывавшіяся сношенія Новгорода съ Константинополемъ указываетъ и то, что время отъ времени продолжали приходить въ Новго-

родъ разные греческіе художники, и что Новгородскіе владыки не прекращали своихъ прямыхъ сношеній съ Константинопольскимъ патріархомъ; такъ напримѣръ въ 1353 году Новгородскій архіепископъ Моисей отправлялъ своихъ пословъ къ Цареградскимъ царю и патріарху съ жалобою на обиды отъ митрополита Московскаго и всея Руси; и владычни послы, на другой годъ возвратившіеся въ Новгородъ, привезли владыкѣ Моисею отъ царя и патріарха ризы крестчатыя и грамоту за золотою печатью. Или въ 1394 году приходилъ въ Новгородъ отъ Цареградскаго патріарха Антонія Виѳлеемскій владыка Михаилъ и привезъ двѣ грамоты о поученіи Христіанамъ. Или въ 1407 году приходилъ въ Новгородъ изъ Царяграда владыка Трапезунтскій Ѳеодулъ милостыни ради. Таковыхъ сношеній Новгорода съ Константинополемъ конечно нельзя было бы ожидать, ежели бы Новгородцы не продолжали поддерживать своихъ торговыхъ связей съ отдаленною Византійскою имперіей.

Но по мѣрѣ того какъ усиливалась Москва, торговля Новгорода съ востокомъ падала, и Греки и Сурожане, или Генуезцы жившіе въ Крыму, и Татары Нагайскіе, и Бухарцы, и Кизильбаши и другіе Азіатскіе торговцы потянули съ своими караванами къ Москвѣ; и Москвичи, поддерживаемые своимъ сильнымъ правительствомъ, умѣвшимъ ладить съ Татарскими ханами, всюду на востокѣ стали являться соперниками Новгородцевъ, и тѣмъ болѣе, что для всѣхъ восточныхъ гостей, или торговцевъ, Москва была болѣе нежели на половину пути ближе Новгорода. Въ Новгородъ едвали когда являлись восточные гости, по крайней мѣрѣ мы объ этомъ не имѣемъ никакихъ

извѣстій, Новгородцы сами ѣздили на востокъ и привозили туда свои товары и устанавливали цѣну тамошнимъ товарамъ. Напротивъ того, въ Москву съѣзжались сами восточные торговцы съ своими товарами и всегда находили хорошій сбытъ. Мы имѣемъ прямыя свидѣтельства лѣтописей о громадныхъ восточныхъ караванахъ приходившихъ въ Москву; такъ напримѣръ подъ 1474 годомъ лѣтопись говоритъ: „пришелъ изъ Орды Никифоръ Басенокъ, съ посломъ царевымъ Ахматовымъ большія орды, съ Каракучукомъ, а съ нимъ множество Татаръ шесть сотъ человѣкъ, коихъ кормили, а гостей съ ними съ товаромъ и съ коньми 3,200 человѣкъ, а коней съ ними было продажныхъ больше сорока тысячъ. И вообще ни одно Татарское посольство не обходилось безъ каравановъ съ восточными гостями. Да и сами Москвичи быстро пріобрѣтали навыкъ къ пріемамъ Азіатской торговли, и имѣя за собою близость пути сравнительно съ Новгородомъ, мало-по-малу вытѣснили Новгородцевъ со всѣхъ Азіатскихъ рынковъ, и Москва сдѣлалась центромъ восточной торговли на Руси. Хотя Новгородскія ушкуи долго еще продолжали сновать по Волгѣ и Камѣ и даже до Каспійскаго моря, но уже годъ отъ года теряли свое значеніе, на нихъ уже разъѣзжали не столько гости купцы, сколько разбойники ушкуйники. Повольничество, такъ много помогавшее прежде торговлѣ Новгородской, съ усиленіемъ Москвы и съ принятіемъ Москвичами дѣятельнаго участія въ восточной торговлѣ, скорѣе стало мѣшать торговымъ операціямъ Новгородцевъ, чѣмъ помогать имъ; ибо Московскіе государи, желая поддержать торговлю Москвичей, строго преслѣдовали

ушкуйниковъ, и даже иногда вели изъ-за нихъ войну съ Новгородомъ. Въ слѣдствіе всего этого, еще за нѣсколько десятковъ лѣтъ до паденія Новгорода, Новгородцы были уже отстранены отъ непосредственной торговли съ востокомъ,—ихъ мѣсто заступили Москвичи, и уже черезъ Москву восточные товары шли въ Новгородъ.

Западная торговля Новгорода не уступала въ своей древности восточной торговлѣ. Исландскія саги еще за долго до прибытія Варяго-Русскихъ князей въ Новгородъ говорятъ о постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ Новгородцевъ съ Скандинавами и жителями южныхъ береговъ Балтійскаго моря. Волоты, Пруссы и разныя племена Варяговъ издревле пріѣзжали въ Новгородъ и даже имѣли тамъ свои поселенія, какъ указываютъ названія разныхъ мѣстностей въ Новгородской землѣ и въ самомъ Новгородѣ, таковы Старая Русь, Волотовскій погостъ и Прусская улица. Въ сагѣ Олава святаго говорится о какомъ-то Гудлейкѣ, который отправлялся въ царство Гардовъ (такъ называется въ сагахъ Новгородская земля) по порученію короля для закупки шелковыхъ тканей на царскія украшенія, дорогихъ мѣховъ и столовой утвари. Или Гаральдъ Гарфагеръ Норвежскій король посылалъ въ царство Гардовъ Гаука—Габрока покупать товары, который и накупилъ тамъ златошвейныхъ тканей для одеждъ, какихъ въ Норвегіи и не видывали. На сколько вѣрны сіи и подобныя имъ сказанія сагъ, до этого теперь намъ нѣтъ дѣла; но во всякомъ случаѣ они ясно свидѣтельствуютъ о древнѣйшихъ торговыхъ сношеніяхъ Новгорода съ Скандинавіею. Чрезъ Новгородъ Скандинавія получа-

ла произведенія востока, драгоцѣнные камни, золотыя и серебрянныя издѣлія, Арабскіе и Персидскіе ковры и Греческія златошвейныя ткани. О торговлѣ Новгорода съ Славянскими городами на южномъ берегу Балтійскаго моря упоминаетъ писатель XI столѣтія Адамъ Бременскій, который говоритъ, что на островахъ Борнгольмѣ и Готландѣ въ то время были пристани, куда сходились корабли, отправлявшіеся для торговли съ Русью. Тотъ же Адамъ Бременскій пишетъ, что въ его время Датчане пріѣзжали въ Новгородъ иногда въ четыре недѣли, а отъ устья Одера совершали туда путь обыкновенно въ сорокъ три дня. Въ XII столѣтіи, при взятіи Шлезвига Датскимъ королемъ Свеномъ Грато, были захвачены и Русскіе корабли, стоявшіе въ Слеи, и товары и ихъ корабли Свенъ роздалъ своимъ воинамъ вмѣсто жалованья. Въ 1187 году императоръ Германскій Фридрихъ далъ Русскимъ, или Новгородскимъ купцамъ, право торговать въ Любекѣ безъ платежа пошлинъ. По Русскимъ лѣтописнымъ извѣстіямъ мы знаемъ, что въ 1134 году семь лодій Новгородскихъ гостей, шедшихъ изъ-за морія съ Готъ (Готланда), потерпѣли крушеніе отъ бури, потеряли весь товаръ и только немногіе почти нагишомъ успѣли спастись и пробраться въ Новгородъ. Въ 1136 году Новгородскіе гости были засажены въ тюрму въ Даніи. Въ 1142 году одинъ Шведскій князь съ епископомъ въ 60 шнекахъ напалъ на Новгородскихъ гостей шедшихъ, изъ-за моря въ трехъ лодьяхъ; но былъ отбитъ и потерялъ полтораста человѣкъ. Въ 1152 году въ Новгородѣ сгорѣла Варяжская церковь и черезъ четыре года заморскіе купцы вмѣсто сгорѣвшей поставили

новую церковь св. Пятницы на торговищѣ. Всѣ сіи извѣстія, какъ Русскія такъ и иностранныя, прямо и ясно говорятъ о давнихъ и постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ Новгорода съ Скандинавіею и южнымъ побережьемъ Балтики.

Первоначально на памяти исторіи главнымъ торговымъ мѣстомъ для Новгорода и западной Европы былъ островъ Готландъ, или какъ говорится въ Русскихъ памятникахъ Готскій берегъ; на этомъ островѣ въ главномъ тамошнемъ городѣ Визби у Новгородцевъ даже была своя церковь, точно такъ же какъ у Варяговъ или Готландцевъ своя церковь въ Новгородѣ; у Новгородцевъ въ Визби такой же былъ особый дворъ, какъ Готскій дворъ у Готландцевъ въ Новгородѣ. Но, какъ мы уже видѣли, торговля Новгородцевъ съ западною Европой не ограничивалась Готландомъ; они торговали и по южному Балтійскому поморью и въ Даніи и въ Швеціи, и въ Норвегіи. Со временемъ, когда съ Готландцами по торговымъ дѣламъ соединились Нѣмцы; то они также учредили въ Новгородѣ свой особый дворъ Нѣмецкій рядомъ съ Варяжскимъ, и имѣли въ Новгородѣ и въ Ладогѣ свои Нѣмецкія церкви и кладбища: именно въ Новгородѣ у Нѣмцевъ была своя церковь св. Петра, а у Готландцевъ въ Новгородѣ церковь св. Олава и въ Ладогѣ церковь св. Николая. Съ утвержденіемъ Нѣмцевъ въ устьѣ Двины въ Курляндіи и въ Ливоніи, и оттуда Нѣмцы начали вести торговлю съ Новгородомъ; и въ этой торговлѣ приняли дѣятельное участіе и Псковичи, какъ ближайшіе сосѣди съ Ливоніею, и Рига сдѣлалась однимъ изъ важнѣйшихъ городовъ въ западной торговлѣ Нов-

города и Пскова. Въ XIII столѣтіи Готландскій союзъ Нѣмецкихъ и Варяжскихъ купцовъ сталъ мало-по-малу уступать первенство Ганзейскому союзу, и главнымъ городомъ по западной торговлѣ сдѣлался Любекъ, а Визби сталъ упадать. Впрочемъ это сдѣлалось не вдругъ, и все XIII столѣтіе прошло въ постепенномъ паденіи одного союза и возвышеніи другаго; и Новгородцы, заключая торговые договоры съ Нѣмцами, во все это время и даже еще въ XIV-мъ столѣтіи писали грамоты къ Готскому берегу, Ригѣ и Ганзейскому союзу вмѣстѣ. Такъ въ грамотѣ Новгородскаго князя Андрея Александровича, писанной въ 1301 году, еще сказано: „се пріѣхали Иванъ Бѣлый изъ Любека, Адамъ съ Готскаго берега, Инча-Олчьть изъ Риги, отъ своей братьи отъ всѣхъ купцовъ своихъ Латинскаго языка, и дали мы имъ три пути горніи по своей волости, а четвертый въ рѣчкахъ". Или въ проэктѣ договора 1370 года, не принятаго Новгородцами, писаны еще особые послы отъ Любека и отъ Готланда; слѣдовательно въ продолженіе всего XIII и большей половины XIV вѣка въ глазахъ Новгородцевъ ни Рижане, ни Готландцы, ни Любчане не имѣли первенства одни передъ другими, составляли одинъ союзъ и договаривались съ Новгородомъ всѣ сообща. А по уставамъ Новгородскаго Нѣмецкаго двора и въ XIV столѣтіи за Готландомъ было еще замѣтно нѣкоторое первенство; ибо по одному изъ ихъ уставовъ Русскій, почему либо лишившійся права ходить на Нѣмецкій дворъ, не иначе могъ быть вновь допущенъ, какъ чрезъ разрѣшеніе купеческаго общества на Готландѣ.

Готландскій и Нѣмецкій дворы въ Новгородѣ составляли главную контору по торговымъ дѣламъ Варяговъ и Нѣмцевъ съ Новгородцами, имѣли своихъ выборныхъ начальниковъ и судей, которымъ на основаніи уставовъ, писанныхъ на Готландѣ и въ Любекѣ, должны были повиноваться всѣ причисленные къ дворамъ Варяжскіе и Нѣмецкіе купцы, а въ противномъ случаѣ подвергались разнымъ штрафамъ, и даже изгонялись изъ двора и лишались его покровительства. Нѣмецкая торговля производилась по строго опредѣленнымъ правиламъ въ видахъ монополіи. Готландскіе и Нѣмецкіе купцы, пріѣзжавшіе торговать въ Новгородъ, составляли одно строго замкнутое общество. Готландскій и Нѣмецкій дворы дѣйствовали заодно; и хотя каждый хозяинъ велъ торговлю на свой капиталъ и по своимъ соображеніямъ, но онъ въ то же время долженъ былъ строго наблюдать законы своего двора и не вести своихъ дѣлъ такъ, чтобы они могли клониться къ невыгодѣ общей торговли двора. Уставы, или такъ называемыя Новгородскія скры Готландскаго и Нѣмецкаго дворовъ, какъ можно судить по сохранившимся редакціямъ, явно были составлены съ тою цѣлію, чтобы подобрать въ руки двухъ дворовъ Новгородскую торговлю съ западною Европой и подавить соперниковъ. По симъ уставамъ только члены Готландскаго и Нѣмецкаго дворовъ пользовались покровительствомъ сихъ дворовъ. Ежели кто осмѣлится пустить во дворъ гостя не принадлежащаго двору безъ согласія ольдермана и его ратмановъ, подвергается пени въ 10 марокъ серебра, никто не долженъ торговать въ церкви св. Петра ни съ какимъ Русскимъ,

ни съ Новгородцемъ, ни съ гостемъ; и уличенный въ таковой торговлѣ платитъ пени десять марокъ серебра. Никто не долженъ ни давать въ займы Валлійскимъ, Фландрскимъ, Англійскимъ, или Русскимъ купцамъ, ни брать у нихъ въ займы; а кого въ томъ уличатъ, тотъ долженъ лишиться всего занятаго или отданнаго въ займы. Подъ страхомъ пени 50 марокъ серебра Нѣмецкому или Готландскому купцу воспрещается имѣть съ Русскимъ какое-либо имущество въ компаніи, или возить имущество Русскаго, какъ фрахтъ. Ольдерманъ и ратманы обязаны осматривать всѣ товары, привозимые на дворъ, прежде нежели отпустятъ ихъ въ продажу; подъ штрафомъ десяти марокъ серебра, не должно продавать никакого товара безъ предварительнаго осмотра. Никто не имѣетъ права привозить во дворъ товаровъ болѣе какъ на 1000 марокъ серебра; ежели же кто привезетъ или пришлетъ во дворъ товаровъ болѣе чѣмъ на 1000 марокъ серебра, то долженъ лишиться въ пользу св. Петра всего, что превышаетъ тысячу марокъ.

Уставы, или скры Новгородскіе, писанные въ Любекѣ и на Готландѣ, судя по приведеннымъ правиламъ, прямо свидѣтельствуютъ, что Новгородская торговля съ западною Европой принадлежала не однимъ членамъ Готландскаго и Ганзейнскаго союзовъ; но что въ ней также участвовали купцы Валлійскіе, Фландрскіе и Англійскіе, только сіи послѣдніе не состояли подъ покровительствомъ Готландскаго и Нѣмецкаго дворовъ; въ противномъ случаѣ конечно уставы или скры сихъ дворовъ не имѣли бы надобности запрещать своимъ членамъ Готландскимъ

и Нѣмецкимъ купцамъ вступать съ ними въ компаніи, такъ же какъ и съ Новгородцами. Да и Нѣмецкіе торговцы не всѣ допускались во дворъ, а только тѣ, которые имѣли разрѣшеніе ольдермана и ратмановъ двора. Слѣдовательно Готландскій и Нѣмецкій дворы составляли только богатѣйшую и сильнѣйшую корпорацію, старавшуюся присвоить себѣ монополію торговли. Новгородцы же хорошо понимали это, и нисколько не думали давать этой корпораціи исключительнаго права, и во всѣхъ своихъ договорахъ съ Готландцами, Ганзейцами и Рижанами, всегда прямо прописывали, что они даютъ одинаковыя права какъ Нѣмцамъ и Готландцамъ, такъ и всѣмъ Латинскимъ языкамъ, и до насъ не дошло ни одного договора съ Нѣмцами, въ которомъ бы Новгородцы не включили всѣхъ Латинскихъ языковъ. Явно, что Новгородъ постоянно держался одного правила, чтобы не давать ни одной западной Европейской національности привиллегій и преимуществъ передъ другими. Да и на дѣлѣ мы въ Новгородѣ встрѣчаемъ по Волхову рядомъ пристани Готскаго двора, Нѣмецкаго двора, и какихъ-то вѣроятно сильныхъ торговцевъ Еваня, Геральда и Бутяты; такъ въ уставѣ князя Ярослава Ярославича о мостовыхъ сказано: „князю мостить до Нѣмецкаго вымола, Нѣмцамъ до Еваня вымола, отъ Еваня вымола Готамъ до Геральдова вымола до задняго, отъ Геральдова вымола до Бутятина вымола.“ Здѣсь Геральдовъ и Еваневъ вымолы очевидно принадлежали богатымъ иностраннымъ торговымъ домамъ, торговавшимъ отдѣльно и самостоятельно отъ Готландскаго и Нѣмецкаго дворовъ, можетъ быть Валлійцамъ, Фландрцамъ или Англичанамъ;

а Бутятинъ вымолъ вѣроятно принадлежалъ богатому торговому дому изъ померанскихъ Славянъ. Такимъ образомъ въ Новгородѣ и по закону или договорамъ, и на практикѣ не было исключительной монополіи ни для Готландскаго, ни для Нѣмецкаго дворовъ, ни для другихъ какихъ западно-европейскихъ торговцевъ. Новгородъ ко всѣмъ относился ровно.

Лучшимъ опредѣленіемъ отношеній Новгорода къ западно-европейскимъ торговцамъ служатъ договоры въ разное время заключенные Новгородомъ съ Нѣмцами. Въ старѣйшей изъ дошедшихъ до насъ договорныхъ грамотъ Новгорода съ Нѣмцами, писанной въ послѣдней четверти XII столѣтія постановлено: „во 1-хъ, взаимныя права безпрепятственной торговли Новгородцевъ на Готландѣ и въ Нѣмецкой землѣ, и Нѣмцевъ и Готландцевъ въ Новгородской землѣ; во 2-хъ, при взысканіи долговъ Варягу или Нѣмцу на Новгородцѣ, или Новгородцу на Варягѣ или Нѣмцѣ, въ случаѣ запирательства, истецъ долженъ представить 12 человѣкъ свидѣтелей и дать клятву, и возметъ свое; въ 3-хъ, ежели будетъ судъ у Новгородца въ Нѣмецкой землѣ, или у Нѣмчина въ Новгородѣ; то рубежа не чинить (т. е. не переносить суда изъ Нѣмецкой земли въ Новгородъ, или изъ Новгорода въ Нѣмецкую землю), а жаловаться на другое лѣто, а ежели не исправятъ, то, объявя князю и людямъ, взять свое у гостя, ежели судъ будетъ въ Новгородѣ; ежели же тяжба будетъ въ иной землѣ въ Русскихъ городахъ, то у тѣхъ и просять суда, а Новгородцамъ до тѣхъ тяжбъ дѣла нѣтъ, въ такихъ тяжбахъ Нѣмцы и Новгородцы не отвѣчаютъ; въ 4-хъ, Новгородца не сажать въ тюрь-

му въ Нѣмецкой землѣ, ни Нѣмца не сажать въ тюрьму въ Новгородской землѣ, а брать на виноватомъ свое; а ежели убьютъ заложника или попа, то за голову 20 гривенъ серебра. Но собственно торговыя отношенія Новгорода къ Нѣмцамъ яснѣе выражены въ договорной грамотѣ, заключенной Новгородомъ въ 1257—1259 году. Въ ней: во 1-хъ сказано: „Новгородцамъ гостить на Готьскомъ берегѣ безъ пакости, а Нѣмцамъ и Готамъ гостить въ Новгородѣ безъ пакости, и всему Латинскому языку, согласно съ прежнимъ миромъ. 2-е, Пудъ мы отложили, а поставили скалвы по своей воли и по любви; а Нѣмцамъ и Готамъ и всему Латинскому языку платить по двѣ куны отъ капи, и отъ всякаго товара, что кладутъ на скальвы, продавши и купивши. 3-е, Ежели зимній гость не возметъ нашего посла, или Новгородскихъ купцовъ изъ Новгорода или съ Готскаго берега; а что съ нимъ случится отъ Котлина до Новгорода или отъ Новгорода до Котлина, за то Новгородъ не отвѣчаетъ, потому что онъ поѣхалъ безъ посла по старому миру. Также ежели Нѣмцы или Готы пойдутъ торговать въ Корѣлу, и что съ ними тамъ случится, то Новгородъ не отвѣчаетъ. 4-е, А гдѣ начнется тяжба тамъ ее и кончать, т. е. не переносить тяжбы, начатой въ Новгородѣ, въ Нѣмецкую землю, и на оборотъ тяжбы начатой въ Нѣмецкой землѣ въ Новгородъ.

Еще подробнѣе объясняетъ порядокъ торговли Новгородцевъ съ Нѣмцами договоръ, заключенный Новгородомъ съ Нѣмецкими городами (Ганзейскими), и Готландомъ въ 1270 году. Договоръ этотъ, по общезаведенному порядку, писанъ какъ для Нѣмецкихъ сы-

новъ (слова грамоты) и Готландцевъ, такъ и всѣхъ Латинскихъ языковъ. Въ немъ: во 1-хъ, по прежнему договору (вѣроятно 1257—1259 г.), о пути между Котлиномъ отъ Готланда, и опять отъ Новгорода до Котлина, ежели что гостю приключится на этомъ пути; то за это отвѣчаютъ князь и Новгородцы лѣтнему гостю. А зимніе гости должны пріѣзжать съ порукою князя посадника и всѣхъ Новгородцевъ безъ всякихъ препятствій, и должны брать, согласно съ прежнимъ миромъ, Новгородскаго пристава и Новгородскихъ купцовъ; въ противномъ случаѣ ежели что случится съ гостьми, Новгородцамъ до того дѣла нѣтъ. Ежели же Новгородцы пристава не вышлютъ и ихъ купцы не выѣдутъ, и Нѣмцы отправятся безъ пристава; то должны ѣхать безпрепятственно къ Котлину, согласно съ прежнимъ миромъ. Ежели Новгородцы добровольно не захотятъ ѣхать съ кораблями обратно; то должно за каждый поѣздъ платить половину марки серебра. 2-е, Гости когда прибудутъ въ Неву, и имъ понадобится дерево или мачта, то вольно имъ рубить таковыя по обоимъ берегамъ. 3-е, Ежеля поймаютъ вора между Котлиномъ и Ладогою, то вести его на судъ въ Ладогу; а ежели между Ладогою и Новгородомъ, то его судить въ Новгородѣ. Когда гости придутъ въ Волховъ къ порогу, то должны требовать пороговыхъ лоцмановъ. И когда такимъ образомъ гость пріѣдетъ вверхъ къ гостинной пристани, то долженъ платить издавна установленную пошлину, но не больше. 4-е, Лоцманъ, нанятый на проѣздъ по Невѣ внизъ и опять вверхъ, получаетъ на харчь пять марокъ кунъ и окорокъ; а ежели онъ нанятъ отъ Новгорода до Ла-

доги и обратно, то на харчь три марки кунъ или полокорока. Ежели разобьется барка, отправившаяся за товарами, или нагруженная товаромъ, то за барку не платятъ, а за наемъ барки должно платить. Въ случаѣ ежели лоцманы поссорятся съ гостями въ дорогѣ, и пріѣдутъ въ Новгородъ не помирившись, то должны разобраться судомъ во дворѣ св. Іоанна передъ тысяцкимъ и Новгородцами. 5-е, Извощики въ Новгородѣ съ каждой барки, приводимой отъ берега къ Нѣмецкому двору, получаютъ 15 кунъ, къ Готландскому двору десять кунъ; а съ отходящихъ по полумаркѣ кунъ съ каждой барки. 6-е, Новгородца нельзя посадить за долгъ въ погребъ на Готландѣ, ни Нѣмца или Готландца въ Новгородѣ; также нельзя къ нимъ присылать бирича, ни брать за одежду, но съ каждой стороны должно требовать пристава отъ тысяцкаго. 7-е, Ежели возникнетъ ссора между Нѣмцами и Новгородцами, то она должна быть окончена во дворѣ св. Іоанна при посадникѣ, тысяцкомъ и купцахъ. 8-е, Ежели кто придетъ на Нѣмецкій или Готландскій дворъ съ обнаженнымъ оружіемъ и кого тамъ ранитъ, чтобы похитить товаръ; то его схваченнаго предать суду и судить по пошлинѣ (по исконному порядку). Кто сломаетъ ворота или ограду, того судить также по пошлинѣ. 9-е, Луга, которыми владѣютъ Нѣмцы или Готландцы, должны имъ принадлежать въ собственность тамъ, гдѣ они ихъ объявятъ. 10-е, Ежели возникнетъ ссора у лѣтняго поѣзда, то зимнему поѣзду до нея дѣла нѣтъ; и наоборотъ лѣтнему поѣзду нѣтъ дѣла до ссоры зимняго поѣзда. Въ случаѣ ежели бы зимніе или лѣтніе гости имѣли въ чемъ лябо раздѣлать-

ся судомъ; то они должны это кончить передъ тысяцкимъ, старостами и Новгородцами, и потомъ вольны ѣхать своею дорогой. Гдѣ по тому возникнетъ ссора, тамъ ее и должно покончить. 11-е, Ежели возникнетъ споръ изъ-за ареста имущества, то въ первый годъ должно объявить объ этомъ, но товаровъ не арестовать, также и на вторый годъ. Но ежели споръ не рѣшится и на третій годъ, то должно взять товаръ и подвергнуть аресту 12-е. Въ случаѣ войны между Новгородомъ и окрестными странами, гость воленъ ѣздить безпрепятственно водою и сухимъ путемъ такъ далеко, какъ простираются владѣнія Новгородскія. 13-е, Въ случаѣ надобности, когда Нѣмцу и Новгородцу должно представить свидѣтелей, и они оба представятъ одного и того же, то такому свидѣтелю вѣрить. А ежели представятъ разныхъ свидѣтелей, то бросить жеребій, и чей жеребій выпадетъ, свидѣтелю того и вѣрить. 14-е, Кто, вступивъ съ Нѣмцемъ или Готландцемъ въ торговыя дѣла, испортитъ или затратитъ его товаръ, обязанъ прежде всего удовлетворить гостей, а потомъ другихъ, кому долженъ. Ежели жена поручится за мужа, то должна вмѣстѣ съ нимъ отвѣчать за долгъ своимъ лицомъ, если заплатить не въ состояніи. Ежели же жена не поручалась за мужа, то и не отвѣчаетъ за его долгъ. 15-е, Ежели Новгородскій посолъ будетъ убитъ за моремъ, или Нѣмецкій посолъ, или священникъ, или ольдерманъ, то пени 20 марокъ серебра, а за купца 10 марокъ серебра. Кто кого ранитъ острымъ оружіемъ или копьемъ, платитъ обиженному полторы марки серебра; кто кого ударитъ въ ухо или по шеѣ, платитъ ему

три фердинга. 16-е, Вѣсы и гири для серебра и другаго вѣскаго товара должно держать ровно и правильно; капь должна заключать въ себѣ восемь Ливонскихъ фунтовъ.

Такимъ образомъ всѣ договоры Новгорода съ Нѣмцами и Готландцами заключались на основаніи взаимныхъ выгодъ, и ни въ одномъ договорѣ нѣтъ ни одного условія, гдѣ бы Новгородъ давалъ Нѣмецкимъ гостямъ какое-либо преимущество передъ Новгородцами. Мало этого, въ послѣднемъ договорѣ Новгородъ присвоиваетъ себѣ право судить Нѣмецкихъ гостей, ежели возникнетъ какое дѣло между гостями зимняго и лѣтняго поѣзда, т. е. не подчиненными одному ольдерману. Конечно никакіе уставы, ни торговые договоры еще не обезпечивали западной Новгородской торговли отъ монополіи Готландскаго, и потомъ Нѣмецкаго двора, какъ сильныхъ и строго организованныхъ корпорацій; но корпоративное или общинное устройство торговли едвали не было болѣе общимъ между Новгородцами, чѣмъ между Нѣмцами; въ Визби на Готландѣ былъ такой же Новгородскій торговый дворъ съ церковію, какъ у Готландцевъ и Нѣмцевъ въ Новгородѣ. Правду сказать, до насъ, къ сожалѣнію, не дошло уставовъ Новгородскаго торговаго дворавъ Визби; тѣмъ не менѣе мы хотя нѣсколько можемъ судить о сихъ уставахъ по уставной грамотѣ князя Всеволода Мстиславича, данной въ 1127 году Иванской купеческой общинѣ въ Новгородѣ. А изъ этой уставной грамоты видно, что Иванская купеческая община въ Новгородѣ имѣла свое управленіе и свой торговый судъ, которые ввѣрялись выборнымъ старостамъ и тысяцкому, и въ

этотъ судъ и управленіе не имѣли права вступаться ни посадники, ни бояре Новгородскіе. Кто хотѣлъ вступить въ Иванскую общину, тотъ долженъ по уставу вложить въ общинный капиталъ 50 гривенъ серебра, и поднести тысяцкому Ипьское сукно; а не вложится кто въ купечество, не дастъ пятидесяти гривенъ серебра, тотъ не пошлый (не настоящій) купецъ; а пошлымъ купцамъ быть по наслѣдству отъ родителей и по вкладу." Это правило уставной грамоты прямо говоритъ, что таковый общинный корпоративный порядокъ принадлежалъ не одной Иванской общинѣ, но и всѣмъ купеческимъ общинамъ въ Новгородѣ (*не вложится кто въ купечество*, сказано, а не въ одну Иванскую общину). И въ грамотѣ даже упоминается о сосѣдней такой же купеческой общинѣ Побережанской. А что въ Новгородѣ были не двѣ только купеческія общины, Иванская и Побережанская, на это мы имѣемъ прямое свидѣтельство Новгородской лѣтописи, гдѣ подъ 1342 годомъ сказано: „когда въ Новгородѣ получена была вѣсть, что Нѣмцы идутъ на Псковъ; то Новгородцы ни мало немедля пустились въ походъ, иные въ великую пятницу, а иные въ великую субботу, а общины всѣ попечатавъ." Такимъ образомъ устройство торговли въ Новгородѣ было такое же какъ и у Нѣмцевъ, и даже нельзя навѣрное сказать, кто у кого перенималъ—Нѣмцы ли у Новгородцевъ, или Новгородцы у Нѣмцевъ, и едвали не вѣрнѣе первое, ибо у Новгородцевъ, равно какъ и у Псковичей, всюду дѣйствовало общинное устройство: и улицы были общинами, и концы общины, и цѣлый городъ община улицъ и концовъ, и вся земля Новгородская и Псковская об-

щина, союзъ городовъ, своя Псковская или Новгородская Ганза, сложившаяся не въ XII или XIII столѣтіяхъ, а несравненно прежде. Итакъ, кто же у кого заимствовалъ общинное устройство—Нѣмцы ли у Новгородцевъ или Новгородцы у Нѣмцевъ? Сама торговля не представлялась въ народномъ воображеніи Новгородца или Псковича иначе какъ общинною, стóитъ только вспомнить былины о Садкѣ богатомъ и Соловьѣ Будимировичѣ съ ихъ ратниками и дружиною; кто они, какъ не ольдерманы— старосты Новгородскихъ гостей, ѣздившихъ общинами по разнымъ сторонамъ. Послѣ всего этого напрасно говорятъ нѣкоторые изъ нашихъ изслѣдователей, что Нѣмцы держали Новгородцевъ въ черномъ тѣлѣ, что западная торговля была выгодна только для Нѣмцевъ, что Новгородцы не могли тягаться съ Нѣмцами, торговавшими корпоративно общинами; факты говорятъ напротивъ, что торговля Новгорода съ западною Европой производилась Новгородцами на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ какъ и Нѣмцами, или Готландцами; у Новгородцевъ и у Нѣмцевъ были одни пріемы, и тѣ и другіе пользовались отъ торговли взаимными выгодами, и тѣ и другіе нуждались другъ въ другѣ. Нѣмцамъ нужны были азіатскіе товары и дорогіе мѣха, которые главнымъ образомъ получались только черезъ Новгородъ и Псковъ; а Новгородцамъ и Псковичамъ для ихъ рынковъ нужны были европейскіе товары, получаемые только черезъ Нѣмцевъ и ихъ сосѣдей Валлійцевъ, Фландрцевъ и Англичанъ. И эта взаимная нужда поддерживала западно-европейскую торговлю Новгорода на памяти исторіи въ продолженіе восьми столѣтій къ ряду.

Но конечно и западно-европейская торговля, какъ и всякая другая, въ такое продолжительное время не обходилась безъ столкновеній и встрѣчь, особенно когда къ соперничеству торговыхъ выгодъ присоединились еще сосѣдскія отношенія Ливонскихъ Нѣмцевъ къ Новгороду и Пскову, спорившимъ съ Ливонскими Нѣмцами изъ-за обладанія Эстоніею или Чудью. Ливонскій орденъ, находившійся въ постоянномъ союзѣ съ Ганзейскими городами, разрывая почему либо сосѣдскій миръ съ Новгородомъ и Псковомъ, не рѣдко тѣмъ самымъ останавливалъ Нѣмецкую торговлю. Особенно часто затруднялась торговля Нѣмцевъ съ Псковичами; ибо Ливонскій орденъ почти постоянно былъ въ войнѣ со Псковомъ, и каждую почти войну обыковенно начиналъ задержаніемъ или избіеніемъ и ограбленіемъ Псковскихъ гостей въ Эстоніи или Ливоніи. Такъ подъ 1323 годомъ лѣтопись говоритъ: „той же осенью избили Нѣмцы Псковичей на миру, гостей на озерѣ (Чудскомъ) и ловцовъ на Наровѣ; и поѣхалъ князь Давидъ со Псковичами за Нарову, и плѣнилъ ихъ землю до Колывани (Ревеля), и тянулась война почти цѣлый годъ; наконецъ Нѣмцы отправили во Псковъ большое посольство, которое и заключило миръ по Псковской воли. Или въ 1362 году Нѣмцы избили нѣсколько головъ Псковичей на Людви (въ одномъ Ливонскомъ городѣ) на миру; въ отвѣтъ на это Псковичи задержали всѣхъ Нѣмецкихъ гостей, бывшихъ тогда во Псковѣ. Переговоры объ этомъ дѣлѣ тянулись цѣлый годъ—Псковичи не отпускали задержанныхъ гостей. Наконецъ Нѣмцы отправили большихъ пословъ въ Новгородъ, чтобы тотъ принялъ на себя

посредничество; но Псковичи, приглашенные въ Новгородъ, и тамъ не хотѣли уступать и послѣ долгихъ споровъ съ Нѣмецкими послами разъѣхались не помирившись. Тогда Нѣмцы прибѣгли къ послѣднему средству, они задержали Новгородскихъ гостей въ Юрьевѣ (Дерптѣ); послѣ чего Новгородцы отправили своихъ пословъ въ Юрьевъ, которые наконецъ и помирили Псковичей съ Нѣмцами на томъ, чтобы Псковичи выпустили задержанныхъ гостей, а Нѣмцы заплатили Псковичамъ, по ихъ требованію, за убитыя головы и отпустили Новгородскихъ гостей. Но этотъ миръ черезъ два года опять былъ нарушенъ и возобновилась война между Псковомъ и Нѣмцами, въ которую войну втянулись и Новгородцы. Война эта продолжалась пять лѣтъ, и на все это время была прекращена торговля не только съ Ливонскими Нѣмцами, но и со всѣми Ганзейскими городами, такъ что Ганзейская контора въ Новгородѣ опустѣла и была перенесена въ Юрьевъ. Наконецъ въ 1370 году былъ заключенъ миръ, не знаемъ на какихъ условіяхъ.

Но вѣроятно условія мира были не удовлетворительны для Нѣмцевъ; ибо въ слѣдующемъ же 1371 году послы Ганзы въ Дерптѣ писали въ Ревель и другіе Нѣмецкіе города, чтобы не пускать никакихъ русскихъ товаровъ; Новгородцы отвѣчали тѣмъ же относительно нѣмецкихъ товаровъ. И Ганза волей-неволей подалась и въ томъ же году отправила своего посла въ Новгородъ съ проэктомъ мира; но Новгородцы не согласились на предлагаемый миръ и заключили перемиріе только до слѣдующаго года, и такъ было до 1391 года. Во все это время хотя

и продолжалась взаимная торговля Нѣмцевъ и Новгородцевъ, но съ безпрестанными перерывами, — то Новгородцы задерживали Нѣмецкихъ гостей по какимъ-либо обидамъ, то Нѣмцы задерживали Новгородскихъ гостей, такъ что въ послѣднія семь лѣтъ передъ заключенiемъ мира Ганза уже подумывала перевести свою контору изъ Новгорода въ Ливонiю. Но очевидно такой переводъ конторы былъ крайнѣ невыгоденъ для членовъ Ганзейскаго союза; ибо имъ пришлось бы зависѣть отъ Ливонскихъ Нѣмцевъ, имѣвшихъ далеко не одни интересы съ Ганзейцами. Наконецъ въ 1391 году Новгородцы согласились на съѣздъ съ Нѣмцами въ Изборскѣ и отправили туда своихъ пословъ, туда же явились и Нѣмецкiе послы изъ Любека, Готланда, Риги, Дерпта, Ревеля и многихъ другихъ Нѣмецкихъ городовъ (видно всему союзу приходилось туго) и заключили миръ. И той же зимою всѣ Нѣмецкiе послы прибыли въ Новгородъ, получили обратно всѣ арестованные товары и начали снова ставить Нѣмецкiй дворъ. А въ слѣдъ за тѣмъ и Псковичи заключили отдѣльный миръ съ Нѣмцами.

Впрочемъ ни съ Новгородцами ни съ Псковичами миръ не былъ продолжителенъ: уже въ 1400 году опять возникли неудовольствiя, немирное сосѣдство Ливонскаго ордена съ Псковичами постоянно мѣшало мирной торговлѣ. Ливонскiе города въ этомъ году издали запрещенiе торговать съ Русскими и возить къ нимъ товары и пропускать въ свою землю Русскiе товары, подъ страхомъ потери имущества и самой жизни. Потомъ въ 1401 году Новгородцы жаловались Ганзѣ, что Нѣмцы привозятъ къ нимъ очень

короткія сукна и другіе товары худаго качества, а въ пріемѣ Русскихъ товаровъ дѣлаютъ притѣсненія; или въ 1402 году Ревельскій магистратъ издалъ запрещеніе торговать съ Русскими на кредитъ въ продолженіе трехъ лѣтъ. Наконецъ въ 1403 году Нѣмцы потопили на озерѣ Нещедрѣ девять человѣкъ Псковскихъ гостей и товаръ отняли. Съ этого дѣла опять началась война; Псковичи въ томъ же году опустошили окресности Нейгаузена, а на другой годъ ходили къ Кирьиппгѣ, и только въ 1410 году былъ заключенъ миръ. Но въ этой войнѣ Новгородцы не принимали участія, отъ чего она вѣроятно и продолжалась только шесть лѣтъ. Новгородцы не только въ продолженіе всего этого времени продолжали уклоняться отъ пособія Псковичамъ противъ Нѣмцевъ; но даже по требованію грознаго Литовскаго князя Витовта въ 1414 году не рѣшились разорвать миръ съ Нѣмцами и въ 1417 году снова подтвердили его. Въ 1415 году у Псковичей съ Ливонскими Нѣмцами опять было началось розмирье, — Нѣмцы задержали Псковскихъ гостей, а Псковичи на это отвѣчали задержаніемъ Нѣмецкихъ гостей; но въ томъ же году присланъ былъ посолъ изъ Дерпта, который и заключилъ съ Псковичами миръ по старинѣ на томъ, чтобы Нѣмцамъ отпустить Псковскихъ гостей, а Псковичамъ Нѣмецкихъ. Этотъ миръ Псковичи держали такъ крѣпко, что даже не разорвали его по требованію Витовта въ 1421 году. А Новгородцы еще въ 1420 году подтвердили старый миръ съ Нѣмцами и для этого Новгородскимъ и Нѣмецкимъ посламъ былъ съѣздъ на Наровѣ.

Впрочемъ сосѣдство Ливонскихъ Нѣмцевъ никакъ не допускало продолжительнаго мира. Въ 1436 году Ливонцы захватили и избили Псковскихъ ловцовъ, за что Псковичи задержали двадцать четыре человѣка Нѣмецкихъ гостей, засадили ихъ въ погребъ и товаръ заарестовали; и немирье продолжалось до 1444 года, въ этомъ году Псковскіе послы заключили въ Ригѣ миръ на десять лѣтъ. Но въ томъ же году миръ этотъ снова былъ нарушенъ; неисполненіе договора со стороны Ливонскихъ Нѣмцевъ вызвало набѣгъ Псковичей на Нѣмецкую украйну, а на слѣдующій годъ еще присоединилась ссора Нѣмцевъ съ Новгородцами, продолжавшаяся до 1449 года. Наконецъ въ этомъ году Псковскіе и Новгородскіе послы съѣхались съ Нѣмецкими послами на Наровѣ и заключили миръ на 25 лѣтъ, по которому миру Юрьевцы (жители Дерпта) обязались возвратить Псковичамъ всѣ старины, т. е. всѣ пограничныя мѣста, изъ-за которыхъ была вражда. Но едва прошло десять лѣтъ мирнаго срока, какъ Ливонскіе Нѣмцы опять начали войну съ Псковичами, въ которой войнѣ приняли участіе не только Новгородъ, но и великій князь Московскій. Эта война продолжалась пятнадцать лѣтъ и кончилась въ 1474 году миромъ, заключеннымъ на двадцать лѣтъ при посредствѣ Московскаго великокняжескаго воеводы князя Даніила Холмскаго. Вообще безпокойное сосѣдство Ливонскихъ Нѣмцевъ много препятствовало Нѣмецкой торговлѣ въ Новгородѣ и Псковѣ, и Ганза не рѣдко должна была подчиняться чисто политическимъ, а не торговымъ видамъ Ливонскаго ордена; и таковая ложная солидарность торговыхъ видовъ Ганзы съ политическими видами Ли-

вонскаго ордена, несмотря на свою ложь, росла годъ отъ года болѣе, особенно послѣ покоренія Новгорода великимъ княземъ Московскимъ. И слѣдствіемъ таковаго ложнаго направленія было то, что когда въ 1494 году истекъ срокъ двадцатилѣтнему миру, заключенному съ Ливонскими Нѣмцами, то великій князь Московскій Иванъ Васильевичъ, передъ началомъ войны съ ними, приказалъ отвезти въ Москву 49 купцовъ членовъ Нѣмецкаго двора, а всѣ ихъ товары и самый Нѣмецкій дворъ велѣлъ отобрать на себя. Такъ кончилась торговля Ганзы съ Новгородомъ и Псковомъ, да она и не могла уже продолжаться, тѣсный союзъ Ганзы съ Ливонскими Нѣмцами давно уже запуталъ ее въ Ливонскую политику и велъ прямымъ путемъ къ насильственному прекращенію.

Торговля Новгородцевъ и Псковичей съ разными Русскими княжествами была не менѣе, ежели не болѣе, важна для Новгорода и Пскова, чѣмъ торговля восточная и западно-Европейская. Русскія княжества для Новгорода и Пскова были самымъ важнымъ рынкомъ какъ для сбыта товаровъ, пріобрѣтаемыхъ восточною и особенно западно-европейскою торговлей, такъ и для пріобрѣтенія товаровъ. И прежде всего у Новгородцевъ шла особенно дѣятельная торговля въ Заонежьи, въ Перми, на Двинѣ и въ другихъ Новгородскихъ колоніяхъ; за тѣмъ не менѣе важнымъ рынкомъ для Новгородской и Псковской торговли были земли Ростовская, Суздальская, Муромская и вообще низовые города, откуда главнымъ образомъ получался хлѣбъ и другіе съѣстные припасы, въ которыхъ, какъ извѣстно, постоянно нуждались Новгородцы. Эта торговля такъ была нужна для Новго-

родцевъ, что въ Новгородѣ, какъ мы уже видѣли, образовалась сильная партія Суздальщинцевъ, которая изъ-за торговли съ Ростовскимъ, Суздальскимъ и вообще Низовымъ краемъ усердно поддерживала Суздальскихъ князей къ явному ущербу Новгородской самостоятельности; и Суздальскіе князья ни чѣмъ такъ удачно не смиряли строптивости Новгородцевъ, какъ задержаніемъ Новгородскихъ купцовъ и ихъ товаровъ въ Суздальской землѣ. Да и дѣйствительно это задержаніе должно было имѣть громадное вліяніе на Новгородское вѣче; ибо въ Суздальской землѣ Новгородскіе гости задерживались не десятками, но цѣлыми тысячами. Такъ въ 1196 году Всеволодъ Юрьевичъ князь Владимірскій задержалъ всѣхъ Новгородцевъ за Волокомъ и по всей землѣ своей; или подъ 1210 годомъ тотъ же Всеволодъ говоритъ Мстиславу Новгородскому: отпусти моихъ мужей, а я отпущаю Новгородскихъ гостей и съ товарами. Или въ 1215 году князь Ярославъ Всеволодовичъ заковалъ въ Торжкѣ болѣе 2000 человѣкъ Новгородскихъ гостей и разослалъ ихъ по своимъ городамъ.

Завоеваніе Низовой земли Монголами не только не сократило торговли Новгордцевъ съ Низовымъ краемъ, но даже способствовало къ ея обезпеченію. Новгородцы скоро смекнули значеніе Монгольскаго владычества и съумѣли выходить для своей торговли ярлыки у Татарскихъ хановъ или царей, и на сіи ярлыки прямо ссылались въ своихъ договорахъ съ князьями Низовой земли: „а гостю гостити по Суздальской земли Новгородскому безъ пакости, безъ рубежа по царевѣ грамотѣ. А Суздальскому гостю гостити въ Новѣгородѣ безъ рубежа, безъ пакости.“

Мало этого, во время Монгольскаго владычества Новгородцы успѣли обезпечить постоянство одинаковой проѣзжей пошлины во всѣхъ владѣніяхъ Низовыхъ или Суздальскихъ князей, которая во всѣхъ договорныхъ грамотахъ Новгорода съ Низовыми князьями постоянно опредѣлялась такъ: „а что, княже, мытъ по Суздальской землѣ и въ твоей волости съ Новгородца и съ Новоторжца по двѣ вѣкши отъ воза и отъ лодьи и отъ хмельна короба и отъ льняна, а дворянамъ твоимъ съ купцовъ повоза не брать, развѣ ратной вѣсти.“ Этотъ порядокъ былъ одинаковъ во всѣхъ договорныхъ грамотахъ какъ съ Тверскими, такъ съ Московскими и другими Низовыми князьями, и какъ въ XIII, такъ въ XIV и XV столѣтіяхъ. Конечно и въ XIV столѣтіи еще не обходилось безъ того, чтобы Новгородскимъ гостямъ не потерпѣть какихъ либо убытовъ отъ того или другаго Низоваго князя, который былъ въ ссорѣ съ Новгородомъ въ то или другое время; но тѣмъ не менѣе торговля Новгородцевъ съ Низовыми городами во время Татарскаго владычества была гораздо обезпеченнѣе противъ прежняго времени.

Но за то торговля съ югомъ Россіи, съ Приднѣпровьемъ, была гораздо важнѣе для Новгорода въ XI, XII и частію XIII вѣкѣ, чѣмъ въ послѣдующее время. До Татаръ Новгородцы имѣли свой торговый дворъ и церковь Архангела Михаила въ Кіевѣ, также свои дворы въ Черниговскихъ владѣніяхъ, даже на Волыни и въ Галиціи, а равнымъ образомъ въ Смоленскѣ. Но съ раззореніемъ Кіева и Чернигова Батыемъ Новгородская, какъ и всякая, торговля, не жалующая пустырей и пожарищъ безъ жителей, отодвинулась отъ опустошеннаго края и сосредоточилась

преимущественно въ Смоленскихъ и Литовскихъ владѣніяхъ, по которымъ Новгородскіе и особенно Псковскіе гости ходили изъ края въ край, и имѣли свои торговые дворы и даже цѣлыя слободы въ Смоленскѣ, Вильнѣ и другихъ тамошнихъ городахъ. Такъ подъ 1348 годомъ читаемъ въ лѣтописи: „великій князь Ольгердъ и сынъ его Андрей во гнѣвѣ на Псковъ велѣли задержать Псковскихъ гостей и въ Полотскѣ и въ Литвѣ, и товаръ у нихъ отняли и коней, а самихъ приказали отпустить на окупъ. Или подъ 1403 годомъ въ Псковской лѣтописи сказано: князь Юрій Смоленскій задержалъ Псковскихъ гостей и товаръ у нихъ отнялъ, а самихъ держалъ половину лѣта, пока Новгородскіе и Псковскіе послы ихъ выручили. Псковичи по сосѣдству особенно тянулись съ своею торговлей въ Литовскія владѣнія; здѣсь ихъ гости съ товарами постоянно ходили не только въ ближайшіе города Полотскъ, Витебскъ, Вильну и другіе, но даже пробирались на Волынь и Приднѣпровьѣ, когда сіи страны поступили во владѣніе Литовскихъ князей. Но кажется Новгородская и Псковская торговля въ этомъ краю подвергалась большимъ неудобствамъ и обидамъ, какъ по своеволію и междоусобнымъ войнамъ тамошнихъ князей, такъ еще болѣе по соперничеству съ Нѣмцами и Евреями, которые особенно усилились вслѣдствіе несчастнаго соединенія Литовско-Русскаго великаго княжества съ обильною мятежами и своеволіемъ Польшею. Это несчатное соединеніе произвело то, что связи тамошнихъ жителей съ Русскими людьми, а слѣдовательно и съ Новгородцами и Псковичами, мало-по-малу начали ослабѣвать, и ихъ мѣсто стали заступать связи

съ Евреями, Нѣмцами и Поляками, и Русская промышленность смѣшалась съ промышленностію Нѣмецкою и Жидовскою; а съ тѣмъ вмѣстѣ разумѣется должны были ослабѣть и торговыя сношенія здѣшняго края съ Новгородомъ и Псковомъ, какъ главными представителями Русской торговли на западныхъ окраинахъ Русской земли. Впрочемъ Псковская и Новгородская торговля, хотя и ослабѣвшая отъ новыхъ порядковъ здѣшняго края, въ сущности никогда не прекращалась и по близкому сосѣдству не могла прекратиться во все время самостоятельности Новгорода и Пскова, а въ послѣдствіи при Московскомъ владычествѣ даже усилилась, только приняла иной характеръ; но это теперь до насъ не касается, это принадлежитъ уже Московской исторіи.

Торговая промышленность, судя по громадности ея развитія сравнительно съ другими видами промышленности, очевидно составляла главный нервъ жизни Новгорода и Пскова, собственно только торговлею Новгородцы и Псковичи пріобрѣтали богатство и силу, торговля доставляла имъ могущество, торговля заставляла ихъ распространять свои владѣнія устройствомъ колоній даже въ отдаленныхъ земляхъ, въ видахъ торговли Новгородцы и воевали и мирились, по интересамъ торговли они принимали и изгоняли князей. Въ Новгородѣ и Псковѣ хотя было особое сословіе купцовъ съ своимъ чисто коммерческимъ устройствомъ; но въ то же время и всѣ классы жителей такъ или иначе принимали участіе въ торговлѣ и большіе и меньшіе люди, даже монастыри, какъ нерѣдко богатые землевладѣльцы. Это всеобщее стрѣмленіе къ торговлѣ особенно въ Новгородѣ было

одною изъ главныхъ причинъ неудовлетворительнаго положенія прочихъ видовъ промышленности; для торговли Новгородцы жертвовали всѣмъ, и торговля дѣйствительно вознаграждала ихъ за все съ избыткомъ, такъ что была явная выгода всѣмъ жертвовать для торговли. Но торговля же въ томъ видѣ, какъ она производилась въ Новгородѣ, была одною изъ главныхъ причинъ паденія Новгорода; она постоянно дѣлила Новгородцевъ на враждебныя партіи собственно по видамъ торговли. Такъ торговцы съ востокомъ постоянно тянули къ Суздальскимъ князьямъ даже въ ущербъ Новгородской самостоятельности; а торговцы съ южными странами по Днѣпру поддерживали вліяніе Приднѣпровскихъ князей. А когда Приднѣпровскіе князья перевелись и Днѣпръ закрылся для Новгородской торговли, то прежніе Днѣпровскіе торговцы потянули къ Литвѣ и Польшѣ, что наконецъ и заставило великаго князя Московскаго Ивана Васильевича покончить съ Новгородомъ. Судьба Пскова сложилась нѣсколько иначе, и кажется между прочимъ потому, что Псковичи по обстоятельствамъ не пренебрегали земледѣліемъ, и вслѣдствіе этого относительно пропитанія находились въ меньшей зависимости отъ сосѣдей; но Псковъ, какъ ближайшая колонія Новгорода, поселенная на окраинѣ съ иноплеменниками, неминуемо долженъ былъ пасть послѣ паденія Новгорода; онъ такъ былъ поставленъ всею своею исторіей, что безъ Новгорода не могъ существовать независимо.

Торговля въ Новгородѣ и Псковѣ имѣла свой особенный характеръ, вредно дѣйствовавшій на развитіе общества и дававшій ему одностороннее напра-

вленіе. Новгородская и Псковская торговля довольствовалась только продажею сырыхъ иногда и драгоцѣнныхъ произведеній природы и перепродажею западно-Европейскимъ народамъ издѣлій Азіатской промышленности, и Азіатскимъ народамъ издѣлій Европейской промышленности. При таковомъ положеніи, вмѣстѣ съ открытіемъ новыхъ путей сообщенія съ Азіею, естественно должна была сокращаться и торговля Новгорода и Пскова только сбытомъ сырыхъ произведеній природы. Уже Итальянскія торговыя колоніи въ Крыму много нанесли ущерба Новгородской торговлѣ съ востокомъ, а открытіе морскаго пути въ Индію еще болѣе должно было стѣснить Новгородскую торговлю съ Азіею, и это стѣсненіе росло по мѣрѣ того какъ Европейцы болѣе знакомились съ новыми путями на востокъ. Вообще съ половины XV столѣтія торговля Новгорода и Пскова стала мало-по-малу измѣняться не въ свою пользу. Ганзейцы годъ отъ года стали усиливаться и вытѣснять своихъ соперниковъ, такъ что не далеко уже было то время, когда бы они одни остались хозяевами Новгородско-Европейской торговли, а Новгородцевъ и Псковичей обратили въ своихъ прикащиковъ. Паденіе Новгорода и Пскова какъ разъ подошло къ тому времени, когда сіи два города и по положенію своей торговли, и по другимъ отношеніямъ уже не могли оставаться самостоятельными и независимыми, и волей-неволей должны были подчиниться или Нѣмцамъ или Полякамъ черезъ Литву. И Московскіе государи Иванъ Васильевичъ и Василій Ивановичъ присоединеніемъ сихъ городовъ къ Москвѣ только спасли ихъ отъ онѣмеченія или ополяченія.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

РАЗСКАЗЪ ПЕРВЫЙ.

Страна.

РАЗСКАЗЪ ВТОРЫЙ.

Люди въ Псковской землѣ.

РАЗСКАЗЪ ТРЕТІЙ.

Церковь во Псковѣ.

РАЗСКАЗЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Власти.

РАЗСКАЗЪ ПЯТЫЙ.

Псковъ пригородъ Новгорода Великаго.

РАЗСКАЗЪ ШЕСТЫЙ.

Псковъ пріобрѣтаетъ значительную самостоятельность, хотя и продолжаетъ быть Новгородскимъ пригородомъ.

РАЗСКАЗЪ СЕДЬМЫЙ.

Псковъ младшій братъ Новгорода.

РАЗСКАЗЪ ОСЬМЫЙ.

Псковъ подъ опекою Москвы.

РАЗСКАЗЪ ДЕВЯТЫЙ.

Постоянное стѣсненіе самостоятельности Пскова и его паденіе.

РАЗСКАЗЪ ДЕСЯТЫЙ.

(Онъ же пятый Новгородскій).

Промышленность въ Новгородѣ и Псковѣ.

Псковъ въ отношеніи къ промышленности не совсѣмъ походитъ на Новгородъ 384. Земледѣльческая промышленность во Псковѣ болѣе въ цвѣтущемъ состояніи нежели въ Новгородѣ 385. Мастерства и ремесла почти на одинаковой степени развитія и въ Новгородѣ, и во Псковѣ 397. Торговая промышленность 407, Юго-восточная торговля 408. Торговля съ Мусульманскою Азіей 409. Торговля съ племенами глубокаго сѣвера 410. Торговля съ Византіею и Мусульманскою Азіей во время Татарскаго владычества 412. Западная торговля 416. Готландскій и Нѣмецкій дворы въ Новгородѣ, и ихъ уставы или скры 420. Договоры Новгорода съ Нѣмцами и Готландцами 423. Столкновенія Новгорода и Пскова съ Нѣмцами по торговлѣ 431. Торговля Новгородцевъ и Псковичей съ разными Русскими княжествами 437. Значеніе торговли въ Новгородѣ и Псковѣ 441. Особый характеръ Новгородской и Псковской торговли.

